

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук**

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»**

ООО «Омега-Пресс»

ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ

Научно-образовательный журнал

**Том 14. № 5 (75)
2025**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

Southern Federal University

Omega-Press

HUMANITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA

Scientific-educational journal

**Vol. 14. No. 5 (75)
2025**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Атанесян – д. полит. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. С. Бондарь** – д. ю. н., проф. (Санкт-Петербург); **М. А. Боровская** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ш. А. Гапуров** – д. ист. н., проф. (Грозный); **М. К. Горшков** – академик РАН (Москва); **Р. С. Гринберг** – член-корреспондент РАН (Москва); **И. А. Гуськов** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. Т. Гыязов** – к. э. н., проф. (Бишкек, Киргизия); **В. И. Колесников** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **С. А. Кравченко** – д. социол. н., проф. (Москва); **Н. Г. Кузнецов** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ван Лэй** – д. ист. н., доц. (Чанчунь, Китай); **А. Л. Маршак** – д. филос. н., проф. (Москва); **Г. Г. Матишов** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **А. В. Миронов** – д. социол. н., проф. (Москва); **А. Е. Мкртчян** – д. филос. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. Г. Скворцов** – д. социол. н., проф. (Санкт-Петербург); **Г. Сросляк** – д. э. н., проф. (Краков, Польша); **Л. Г. Титаренко** – д. социол. н., проф. (Минск, Беларусь); **В. А. Тишков** – академик РАН (Москва); **Ж. Т. Тощенко** – член-корреспондент РАН (Москва); **Лю Цзайци** – д. полит. н., проф. (Ухань, Китай); **Е. М. Харитонов** – академик РАН (Краснодар); **Р. Д. Хунагов** – д. социол. н., проф. (Майкоп)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Х. Акаев – д. филос. н., проф. (Грозный); **В. Н. Бадмаев** – д. филос. н., проф. (Элиста); **Т. И. Барсукова** – д. социол. н., проф. (Ставрополь); **А. В. Бедрик** – к. социол. н. (Ростов-на-Дону); **М. И. Билалов** – д. филос. н., проф. (Махачкала); **А. В. Верещагина** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **К. В. Воденко** – д. филос. н., проф., зам гл. редактора (Новочеркасск); **В. В. Касьянов** – д. социол. н., д. ист. н., проф. (Краснодар); **И. В. Ковтуненко** – д. филолог. н., доц. (Ростов-на-Дону); **А. М. Кумыков** – д. филос. н., проф. (Нальчик); **Е. Г. Попкова** – д. э. н., проф. (Волгоград); **И. М. Сампиев** – д. полит. н., проф. (Магас)

РЕДАКЦИЯ

А. А. Беспалова – к. социол. н., редактор-переводчик; **В. П. Войтенко** – к. филос. н., перв. зам гл. редактора; **А. Н. Дьяченко** – к. филос. н., ответственный секретарь

Адрес редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Volkov Yury Grigor'evich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored worker of Science of Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

A. V. Atanesyan – Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. S. Bondar'** – Dr. Sci. (Jur.), Prof. (Saint Petersburg); **M. A. Borovskaya** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Sh. A. Gapurov** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Grozny); **M. K. Gorshkov** – Academician, Russian Academy of Science (Moscow); **R. S. Grinberg** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **I. A. Gus'kov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Rostov-on-Don); **A. T. Giyasov** – Cand. Sci. (Econ.), Prof. (Bishkek, Kyrgyzstan); **V. I. Kolesnikov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **S. A. Kravchenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **N. G. Kuznetsov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Wang Lei** – Dr. Sci. (Hist.), Associate Prof. (Changchun, China); **A. L. Marshak** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **G. G. Matishov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **A. V. Mironov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **A. E. Mkrtchyan** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. G. Scvorcov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Saint Petersburg); **G. Sroslak** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Cracow, Poland); **L. G. Titarenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Minsk, Republic of Belarus); **V. A. Tishkov** – Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **J. T. Toshchenko** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **Liu Tszaytsi** – D. Sci. (Polit.), Prof. (Wuhan, China); **E. M. Kharitonov** – Academician, Russian Academy of Science (Krasnodar); **R. D. Hunagov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Maikop)

EDITORIAL BOARD

V. H. Akaev – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **V. N. Badmaev** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **T. I. Barsukova** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **A. V. Bedrik** – Cand. Sci. (Soc.) (Rostov-on-Don); **M. I. Bilalov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **A. V. Vereshchagina** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **K. V. Vodenko** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy of Editor-in-Chief; **V. V. Kas'janov** – Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Hist.), Prof.; **I. V. Kovtunencko** – Dr. Sci. (Philolog.), Ass. Prof. (Rostov-on-Don); **A. M. Kumykov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **E. G. Popkova** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **I. M. Sampiev** – Dr. Sc. (Polit.), Prof.

EDITORIAL STAFF

A. A. Bespalova – Cand. Sci. (Soc.), Editor and Interpreter; **V. P. Voytenko** – Cand. Sci. (Philos.), First Deputy of Editor-in-Chief; **A. N. D'jachenko** – Cand. Sci. (Philos.)

The address of edition: Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006.
Ph. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

ISSN 2227-8656 (print)
ISSN 2500-2155 (online)
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5

Журнал издается с 2012 г.
С 2016 г. выходит 6 раз в год

**Свидетельство
о регистрации СМИ**

ПИ № ФС 77-44772
(от 25 апреля 2011 г.)
Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

РИНЦ

Зарегистрирован в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)

Перечень ВАК РФ

Включен в сформированный ВАК РФ
Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук (философские науки,
социологические науки)

elibrary.ru

YLG DOR

Материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons Attribution International 4.0 CC-BY

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	9
--------------------------	----------

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вдовиченко Л. Н. Общественное мнение россиян о восточном направлении внешней политики России	17
Войтенко В. П., Пантелеев В. Г. Исторический элемент массового сознания как обуславливающий представления о факторах консолидации и интеграции граждан России (на примере Юга России)	28
Дубровин В. Л. Религия и социальная интеграция. Концепция гражданской религии, проблема ее формирования в современном российском обществе	45

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Гречко М. В., Плешивцева А. А. Роль культурного фактора при ноопереходе к нооэкономике	61
Деметрадзе М. Р. Кибернетические свойства информационных законов Вселенной.....	77
Кривуля Р. Е. Роль идентификации в трансформации эволюционных траекторий человечества	94
Лясковская Е. М. Инструменты конструирования политической реальности в цифровом обществе	104
Якутина М. В. Искусственный интеллект в обучении студентов: преимущества, вызовы и этические аспекты	115

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Гомозова Е. В. Трансформация демографических установок молодежи в медиапространстве: теоретико-концептуальный анализ	127
Сакович Д. Ю. Теоретическое осмысление секуляризации на Западе и в России: сравнительный анализ	140
Царенко Л. С. Информационно-психологическая безопасность молодежи в условиях когнитивной войны: методологические подходы	154

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Адиев А. З., Мусаева А. М. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Дагестан: по данным опросов 2021–2025 гг.	168
Милованова М. Ю. Победили вместе: советские женщины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	182
Мосиенко О. С., Боталова К. Е. Механизмы адаптации российских студентов в университетах КНР	202
Равчик М. И. Социальный статус пожилых в условиях цифровой трансформации: дискурсивные конструкции в российских онлайн-СМИ (2018–2024)	222

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ

Акаев В. Х., Дьяченко А. Н. Историко-политические исследования народов Кавказа Валерия Дзидзоева (к 75-летию со дня рождения).....	237
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Резвушкина С. А. «Сокровенный человек» и его идентичность в пространстве войны: заметки на полях книги Владимира Варавы «“Русский солдат для меня святыня”. Философия войны Андрея Платонова» (М.: Издательство «АСТ»; Редакция «КПД», 2025. 384 с.).....	245
Широкалова Г. С. Общественный договор: к интеграции через дифференциацию. Рецензия-размышление о книге Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.).....	254
Правила для авторов	265

TABLE OF CONTENTS

To the readers	9
-----------------------------	----------

MODERN RUSSIAN SOCIETY

Vdovichenko L. N. Eastern direction of Russia's foreign policy in Russians' public opinion	17
Voytenko V. P., Panteleev V. G. Historical element of mass consciousness as a determining aspect in the understanding of factors of consolidation and integration of Russian citizens (the case of the South of Russia)	28
Dubrovin V. L. Religion and social integration. Concept of civil religion and the problem of its formation in nowadays Russian society.....	45

PHILOSOPHY, CULTURE AND SOCIETY

Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. The role of culture factor in the transition to noonomics.....	61
Demetradze M. R. Cybernetic properties of the information laws of the Universe.....	77
Krivulya R. E. The role of identification in the transformation of humanity's evolutionary trajectories	94
Lyaskovskaya E. M. Tools for constructing political reality in a digital society	104
Yakutina M. V. Artificial intelligence in student education: advantages, challenges and ethical aspects.....	115

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Gomozova E. V. Transformation of youth demographic attitudes in the media environment: a theoretical and conceptual analysis.....	127
Sakovich D. Yu. Theoretical understanding of secularization in the west and Russia: a comparative analysis	140
Tsarenko L. S. Information and psychological security of youth in the context of cognitive warfare: methodological approaches.....	154

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL INSTITUTIONS IN MODERN SOCIETY

Adiev A. Z., Musaeva A. M. Interethnic and interfaith relations in the Republic of Dagestan: based on the results of surveys in 2021-2025	168
Milovanova M. Yu. We won together: Soviet women in the Great Patriotic War of 1941-1945	182
Mosienko O. S., Botalova K. E. Mechanisms for adaptation of Russian students in Chinese universities	202
Ravchik M. I. Social status of the elderly in the context of digital transformation: discursive constructions in Russian online media (2018-2024)	222

WORD ABOUT THE SCIENTIST

Akayev V. Kh., Dyachenko A. N. Historical and political studies of the peoples of the Caucasus by Valeriy Dzidzoyev (the 75th anniversary)	237
---	-----

REVIEWS

Rezvushkina S. A. The “hidden man” and his identity in the space of war: <i>notes on the margins of Vladimir Varava’s book «“The Russian Soldier is sacred to Me” Andrey Platonov’s Philosophy of War»</i> (Moscow: AST Publishing House; KPD Editorial Office, 2025. 384 p.)	245
Shirokalova G. S. Social contract: towards integration through differentiation. <i>Review-reflection on the book by J. T. Toschenko “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and the lessons of implementation”</i> (Moscow: FNISC RAS, 2025. 844 p.)	254
Rules for authors	265

Уважаемые читатели, коллеги!

Представляем Вашему вниманию пятый выпуск журнала «Гуманитарий Юга России» в 2025 году. Осенью по традиции проходит череда знаковых академических и научно-практических событий, в том числе в социально-гуманитарной сфере. Так, 10 октября 2025 года состоялась международная научно-практическая конференция «Новые смыслы идентичности в современных социально-политических реалиях», посвященная 85-летию Адыгейского государственного университета, а 5–11 октября – XIX Всероссийская школа молодого социолога «Локальные идентичности российской молодежи». Оба мероприятия были организованы на базе Адыгейского государственного университета, при поддержке и непосредственном участии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Совета ректоров вузов Юга России, Института социологии и регионоведения Южного федерального университета и Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН.

12–14 ноября 2025 года в Москве состоится VII Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти» и XI Съезд РОС. Организатором этих мероприятий традиционно выступит Российское общество социологов. Вместе с РОС организатором Конгресса являются Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН и Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского».

Всероссийские социологические конгрессы проводятся с нестрогой периодичностью, в среднем раз в 3–5 лет. Наибольший перерыв (8 лет) был между III (2008) и IV (2012) конгрессами. После 2012 года график стабилизировался (раз в 4 года).

Первый Всероссийский социологический конгресс «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» прошел 27–30 сентября 2000 года в Санкт-Петербурге на базе факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. В центре внимания находились проблемы современного российского общества, его состояние и перспективы развития. I Конгресс показал рекордное число участников (773 человека) и разнообразную программу (24 секции, 18 круглых столов). Это был прорывной формат после возрождения социологии в России.

II Всероссийский социологический конгресс проходил в Москве с 30 сентября по 2 октября 2003 года. Тема конгресса: «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». По итогам конгресса было принято ключевое решение о создании Российской социологической ассоциации

и назначена для этого инициативная группа. С этого момента РОС становится постоянным организатором, что институционализировало мероприятие.

III Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» прошел в Москве с 21 по 24 октября 2008 года. Конгресс совпал с юбилеем отечественной социологической науки: отмечалось 50-летие с момента ее официального возрождения в СССР и 40-летие с момента создания Института социологии РАН. В честь этих событий 2008 год был объявлен «Годом социологии в России».

IV Всероссийский социологический конгресс состоялся в Москве 2–4 февраля 2012 года. В тематике конгресса наметился прагматичный поворот от общих тем о роли социологии в обществе и ее взаимодействии с государством к управленческой функции: «Социология в системе научного управления обществом».

V Всероссийский социологический конгресс («Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость») прошел с 19 по 21 октября 2016 года в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета, что стало свидетельством о стремлении вовлечь региональное научное сообщество в организацию мероприятия. Характерной чертой конгресса стало массовое участие молодежи в обсуждении социальных проблем. Обозначились новые направления социологии, такие как социология эмоций, социология языков в контексте глобализации, социология медицины.

VI Конгресс «Социология и общество: традиции и новации в социальном развитии регионов» был вынужден адаптироваться к пандемии COVID-19, приняв гибридный или распределенный формат (проводился в Москве и ряде других городов с 21 октября по 27 декабря 2021 года).

Тема предстоящего VII Всероссийского социологического конгресса акцентирует внимание на формировании общественной памяти, что отражает реакцию социологического сообщества на вызовы времени. В эпоху глобальной информационной войны и пересмотра исторических событий как на Западе, так и внутри страны, понимание того, как формируется, сохраняется и искажается коллективная память, становится вопросом национальной безопасности и суверенитета. Конгресс в данном контексте поднимает насущный вопрос о практической, созидательной роли социологии, в рамках которой происходит переход от диагностики («Что происходит с памятью?») к участию («Как мы можем формировать ее адекватно?»).

Таким образом, VII Конгресс в 2025 году претендует на роль интеллектуального штаба и продолжает традицию масштабной консолидации и научной рефлексии профессионального социологического сообщества по поводу фундаментальных, глубинных социальных проблем.

Открывает текущий номер журнала рубрика «Современное российское общество» и материал Л. Н. Вдовиченко «Общественное мнение россиян о

восточном направлении внешней политики России». Автором были выявлены факторы, способствующие расширению восточного направления внешней политики России, ее союзники, с точки зрения представлений россиян. В заключении представлены задачи, которые необходимо решать не только в научном плане, но и в практической плоскости, в связи с расширением восточного направления внешней политики России: выявление причин межнациональных конфликтов в странах Востока, их развития и способов урегулирования; исследование национальных движений, их лидеров и идеологии; влияние средств массовой информации на состояние межнациональных отношений и другие.

Далее следует статья, подготовленная В. П. Войтенко и В. Г. Пантелевым – «Исторический элемент массового сознания как обуславливающий представления о факторах консолидации и интеграции граждан России (на примере Юга России)». Исторический компонент сознания действительно влияет на восприятие факторов персональной консолидации и общественной интеграции граждан России. При оценке факторов персональной консолидации и общественной интеграции у группы с историческим компонентом доминируют факторы культуры и языка, необходимости восстанавливать историческую справедливость. В то время как группа с невыраженным историческим компонентом склонна отдавать предпочтение факторам общей государственной юрисдикции, вытекающим из нее общности территории и государственного языка. В целом, хотя и установлено, что у рассматриваемых групп разная картина мира, они обе выполняют свою функцию в обществе.

Исследователь В. Л. Дубровин предлагает рассмотреть связанную с наследием Э. Дюркгейма концепцию гражданской религии, а также проблему ее формирования в современном российском обществе и некоторые современные проявления религиозной активности как таковой. Концепция религии Дюркгейма выявила фундаментальную роль религии в обеспечении социальной интеграции, поддержании социальной солидарности, а также социальные основания религии и невозможность для общества существовать без какой-либо формы сакрального. Современный мир сегодня входит в эпоху новой идеологической неопределенности, с чем связан и парадоксальный возврат к традиционным религиозным ценностям, наблюдаемый в ряде обществ. Идеи Дюркгейма о социальной природе сакрального и его значимости для существования и интеграции общества позволяют лучше понять функциональное значение многих светских идеологий современности, а также значение мировоззренческого и ценностного фундамента для обеспечения социального и культурного единства.

Продолжает текущий номер раздел «Философия, культура, общество» и статья М. В. Гречко и А. А. Плешивцевой «Роль культурного фактора при ноопереходе к ноономике». Приведены качественные характеристики, отличающие ноономику от экономики. При ноопереходе к ноономике происхо-

дят трансформация содержания труда, его ароморфоз, в рамках которого он становится способом интеллектуальной, ценностной и духовной самореализации личности, ее потребностью. Доказано, что культура в условиях конкретно-исторического нооперехода к ноономике функционирует как «двойной агент», выступая как активным конструктором потребностей через алгоритмически управляемые медиаплатформы, так и генерируя альтернативные ноопрактики, бросающие вызов рыночному империализму.

В материале М. Р. Деметрадзе рассмотрены законы природы не только в сложных трактовках естественно-научной терминологии, а в контексте конструкции физического пространства как необходимой среды для поддержания жизни на Земле, имеющей непосредственную связь с замыслом Вселенной. Кибернетический подход доказывает, что вся природа имеет информационную структуру, задаваемую свыше управленческим ядром Вселенной – невидимой, но реально действующей энергией, вечно функционирующей лабораторией физико-математических законов. Такая конструкция саморегулирующихся процессов демонстрирует системно-синергетическую модель кибернетики, то есть управления природой естественными законами. Однако универсальность природы может иметь адаптивный характер, если в ней будут происходить такие же преобразующие процессы, как в неземном пространстве Вселенной, управляемом непостижимой силой. А это означает, что природу надо применять и преобразовывать, так как жизнь – это энергия действия, взаимодействия и движения, без которого сама природа не жизнеспособна.

Исследование Р. Е. Кривули «Роль идентификации в трансформации эволюционных траекторий человечества» позволило заключить, что как бы не менялись эволюционные траектории развития человечества, так называемая рельсовость в данном процессе сохраняется, в силу своих рамочных условий, которые стабилизируют столь разноплановое мышление человечества. Поэтому данный подход наиболее стабилен с точки зрения целостности эволюционного процесса. В таких условиях наиболее практично происходит обмен информации между цивилизационной и культурной сферой, регулируемый правовым институтом. Именно правовой институт является главным атрибутом рельсовой системы эволюции. Поэтому целесообразность видения эволюционных процессов в данном ракурсе представляется наиболее объективной в современных реалиях человеческого бытия.

В публикации Е. М. Лясковской дан анализ инструментов конструирования политической реальности в цифровом обществе. В настоящее время цифровые платформы, социальные сети, блоги, цифровые медиа и технологии искусственного интеллекта становятся агентами влияния и субъектами управления массовым политическим сознанием, поскольку они формируют информационный политический контент. Возможности новых цифровых инструментов позволяют как сакрализировать образ политического деятеля, так и

десакрализировывать его. Политическая реальность, создаваемая при помощи современных цифровых технологий, нередко являет пример дискурса, сконструированного медиа и эффективно управляющего политическим сознанием и поведением масс.

Ученый М. В. Якутина анализирует преимущества внедрения поддержки генеративного искусственного интеллекта в образовательный процесс в высших учебных учреждениях и этические вопросы, возникающие при этом. Основное внимание уделяется анализу учебной деятельности и обучению студентов этичному использованию искусственного интеллекта. Автор обосновывает необходимость введения маркировки студенческих работ, если был использован искусственный интеллект. Кроме этого, в статье приводятся данные и мнения о юридическом обосновании авторства при участии искусственного интеллекта, которые необходимо учитывать при определении степени самостоятельности письменных работ, чтобы обеспечить объективность оценки знаний студентов. Это станет залогом более справедливой и прозрачной системы обучения при поддержке искусственного интеллекта. Еще одной важной задачей, выделенной в статье, является переосмысление роли преподавателя в условиях использования технологий искусственного интеллекта. Преподаватель становится не только контролером, но и наставником, обучая студентов максимально эффективно использовать искусственный интеллект, одновременно сохраняя и развивая критическое мышление и способности к анализу. Это создает необходимый баланс между технологиями и традиционным обучением.

Рубрика *«Теоретико-методологические проблемы социально-гуманитарного знания»* открывается статьей Е. В. Гомозовой, посвященной анализу понятийных и концептуальных оснований изучения демографических установок молодежи с опорой на современные теоретико-методологические подходы. Автору удалось уточнить структуру демографических установок как многокомпонентной диспозиционной системы, а также выявить тенденции к индивидуализации и автономизации установок у молодежи. Отмечена важность новых источников норм и легитимации – от блогосферы до цифровых алгоритмов.

В исследовании Д. Ю. Саковича продемонстрированы результаты историко-сравнительного анализа классических и современных теорий секуляризации. Установлено, что классическая теория секуляризации нуждается в переосмыслении. Процессы модернизации не столько ведут к «исчезновению» религии, сколько к трансформации ее социальных функций и институциональных форм. Сравнительный анализ западных и российских случаев секуляризации демонстрирует, что данный процесс не является универсальным и однонаправленным. В постсекулярном обществе светские и религиозные тенденции сосуществуют, а религия продолжает выполнять значимые мировоззренческие функции, подвергаясь трансформации.

Материал Л. С. Царенко направлен на разработку теоретико-методологических оснований обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи в условиях когнитивной войны. Автор опирается на следующие теоретико-методологические подходы: 1) трансдисциплинарную методологию, применяемую к анализу взаимодействия современных информационно-коммуникационных технологий с человеческим сознанием – данный подход позволяет выявить инвариантные когнитивные практики в традиционной системе отечественного образования, раскрывающие механизмы обеспечения безопасности молодежи в условиях когнитивной войны с Западом; 2) концепцию новых карт психологии, интерпретирующую развитие личности как формирование будущих образов мира в условиях информационно-сетевого общества; 3) философию катастроф, объясняющую геополитическую детерминацию гибридных войн, в том числе информационно-психологических операций, направленных на трансформацию менталитета российской молодежи. Кроме того, в исследовании используется парадигма немарковских процессов, обеспечивающая анализ преемственности в межпоколенческой динамике.

Далее следует рубрика *«Социальная структура и социальные институты в современном обществе»* и результаты исследования А. З. Адиева и А. М. Мусаевой о современном состоянии и основных тенденциях развития межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан на основе данных социологических опросов, проведенных в 2021–2025 годах. В массовом сознании жителей республики доминирует позитивная оценка состояния межэтнических отношений в регионе. Сфера межконфессиональных отношений в Дагестане, по данным опроса, в целом выглядит благоприятной, они характеризуются сочетанием институциональной стабильности, активного межконфессионального диалога и сохранением ряда вызовов, которым подвергаются религиозные общины трех основных конфессий республики. Противоречия в мусульманской среде смягчаются системной работой властей и конструктивной позицией большинства религиозных лидеров и авторитетов. Созданная в Дагестане в последние годы система мониторинга напряженности в муниципалитетах позволяет оперативно предупреждать обострение локальных и бытовых конфликтов и не допускать их эскалации. В управлении региональной этнополитикой Дагестан демонстрирует сбалансированный подход, сочетающий административное регулирование, разностороннее научное изучение и общественный диалог.

Далее М. Ю. Милованова представила статью *«Победили вместе: советские женщины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»*, в которой выявлены противоречия между нуждами мобилизации женщин в «мужскую» сферу (ПВО, авиация, партизанское движение, профессиональный и тяжелый физический труд) и регулированием рождаемости, социальной поддержки

материнства. Автор показывает, как война деформировала гендерные отношения, усиливая дискриминацию и насилие, но одновременно формируя новые формы социальной адаптации и солидарности. Результаты подчеркивают роль женщин не только как «агентов победы», но и как носителей травматического опыта, их стратегии выживания на оккупированных территориях. Статья вносит вклад в дискуссию о цивилизационной специфике советского гендерного контракта, балансировавшего между эмансипацией и демографическим восстановлением, в дальнейшую объективную репрезентацию исторической памяти и современные гендерные исследования о женщинах на войне и экстремальной повседневности.

В материале О. С. Мосиенко и К. Е. Боталовой дан анализ ключевых механизмов адаптации российских студентов к образовательной и социокультурной среде университетов КНР, а также факторов, способствующих или препятствующих их успешной интеграции. Адаптация российских студентов в китайских университетах представляет собой многоэтапный процесс, включающий академические, социокультурные, бытовые и социально-психологические механизмы, зависящие от индивидуальных особенностей, культурной дистанции и двустороннего взаимодействия с принимающей средой. Академическая адаптация требует высокой мотивации и самообучения при поддержке преподавателей, хотя гипотеза о вовлеченности в научную деятельность не подтвердилась. Социокультурная адаптация связана с преодолением языкового барьера и установлением социальных связей, при этом уровень языка не оказался ключевым фактором. Бытовая адаптация проходит успешно благодаря удовлетворительным условиям проживания, а социально-психологическая – через когнитивную переоценку трудностей и эмоциональную поддержку. Успешность адаптации определяется активным использованием личных стратегий и внешних ресурсов.

Результаты исследования М. И. Равчика «Социальный статус пожилых в условиях цифровой трансформации: дискурсивные конструкции в российских онлайн-СМИ (2018–2024)» показывают, что медиадискурс не только описывает цифровые практики пожилых людей, но и выстраивает иерархию их статусных позиций. Формируются конкурирующие ролевые модели: от «объекта заботы» до «цифрового наставника» и «медиапроизводителя». Возраст перестает быть биографической константой, а становится переменной, определяемой цифровой компетентностью. Лексика, фреймы и сюжетные конфигурации закрепляют амбивалентное представление о пожилых людях как одновременно уязвимых и ресурсных акторах, легитимируя и ограничивая субъектность пожилых акторов.

Рубрика «Слово об ученом» представлена обзором В. Х. Акаева и А. Н. Дьяченко «Историко-политические исследования народов Кавказа Валерия Дзидзоева (к 75-летию со дня рождения)». Прошлое народов Кавказа, политические

процессы, происходящие в этом регионе, всегда вызывали и сегодня вызывают интерес путешественников, лингвистов, историков, кавказоведов, осмысливавших данный регион. Одним из ярких исследователей, исследующих историю народов Кавказа, их историко-политические взаимоотношения, региональные этнополитические процессы является современный отечественный историк, политолог, юрист Валерий Дударович Дзидзоев. Его творческое наследие значительно, и оно отличается оригинальностью рассуждений и предлагаемых решений. Научные труды В. Д. Дзидзоева основаны на новых документах, выявленных в архивах страны, их авторская интерпретация способствует адекватному осмыслению событий прошлого, рассматриваемых во взаимосвязи с современными этнополитическими процессами на Кавказе, России. Осмысление их позволяет расширить историческое самосознание читателя, рационализирует понимание современных межнациональных отношений, основ обострения, способствует стабилизации кризисных ситуаций.

И завершает текущий номер рубрика «*Рецензии*», в которой опубликованы размышления С. А. Резвушкиной о монографии Владимира Варавы «Русский солдат для меня святыня». По мнению автора, данная работа открывает нам Андрея Платонова как ключевого автора русской цивилизационной традиции, чье творчество оказывается необходимо именно сегодня – в момент нового исторического испытания. Опыт проживания войны и ее философская рефлексия делают книгу А. Платонова не только историческим документом, но и экзистенциальным руководством для современного русского человека, стоящего перед лицом аналогичных духовных и исторических вызовов.

Также в данном разделе публикуем суждения Г. С. Широкаловой о книге Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации». Примечательно, что труд Ж. Т. Тощенко вызвал широкий общественный резонанс, не только благодаря своему объему (844 страницы и 16 глав, в рамках которых рассматриваются более сотни проблем), но и по причине концептуальной переработки автором базовых теоретических и методологических идей предшественников по проблеме общественного договора, аналогов которой в отечественной и зарубежной научной литературе нет. Г. С. Широкалова подчеркивает особую ценность монографии – она возвращает в научный оборот малоизвестные исторические факты. Более того, она побуждает задуматься о путях и способах поддержания общественного договора в Российской Федерации между социальными группами с разными идеалами в новых геополитических и социально-территориальных условиях.

Главный редактор
журнала «Гуманитарий Юга России»
Ю. Г. Волков

УДК 316.42
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.1
EDN TRCGYF

Научная статья

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РОССИЯН О ВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

EASTERN DIRECTION OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN RUSSIANS' PUBLIC OPINION

Л. Н. Вдовиченко*

Larisa N. Vdovichenko*

** Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия*

** Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia*

Цель исследования – выявить в общественном мнении россиян представления о восточном направлении внешней политики России.

Purpose of the study is to identify public opinion among Russians regarding the eastern direction of Russia's foreign policy.

Методологической базой исследования стал системный анализ данных из общероссийских опросов общественного мнения о восточном направлении внешней политики России.

Methodological basis of the study is a system analysis of data from all-Russian public opinion polls on the eastern direction of Russia's foreign policy.

Результаты исследования. В рамках данного исследования были выявлены факторы, способствующие расширению восточного направления внешней политики России, а также ее союзники, с точки зрения представлений россиян.

Results of the study. Within the framework of this study, factors contributing to the expansion of the eastern direction of Russia's foreign policy, its allies, from the point of view of Russians are identified.

Перспективы исследования направлены на дальнейший анализ изменений российского общественного мнения по вопросам внешней политики России.

Prospects of the study are aimed at further analysis of changes in Russian public opinion on the issues of Russian foreign policy.

Ключевые слова: системный анализ, общественное мнение, Россия, Восток, внешняя политика, союзники

Keywords: systems analysis, public opinion, Russia, East, foreign policy, allies

© Вдовиченко Л. Н., 2025

Введение

Социологическое сопровождение внешней политики является одним из новых, но активно развивающихся направлений социологических исследований (Вдовиченко, 2019. С. 15). Под социологическим сопровождением внешней политики конкретной страны понимается обеспечение внешней политики необходимой информацией и рекомендациями по ее успешному проведению в интересах общества данной страны.

Социологическое сопровождение внешней политики включает в себя разные элементы как исследовательской, так и практической деятельности. В нем выделяются различные исследовательские направления. Одним из таких направлений является исследование общественного мнения по вопросам внешней политики России и других государств.

Повышение значимости общественного мнения в формировании внешней политики

В течение долгого исторического периода внешняя политика осуществлялась государствами, которые были главными участниками международных отношений. Она была довольно закрытой для широких масс сферой деятельности, информацию о которой они получали из официальных источников. Из этих источников можно было получить довольно краткое представление о том, что происходит за рубежом, и о внешней политике своей страны. Поэтому представления собственных граждан о международной сфере могли носить неполный, а иногда и односторонний характер. При этом общественное мнение в такой ситуации не могло играть значительную роль в формировании внешней политики.

В обеспечении внешней политики, прежде всего, участвовали представители верховной власти и государственные структуры, в функции которых входило осуществление международных отношений (такие как глава государства, законодательная и исполнительная власть и т. п.). Когда требовалось, особенно в сложных международных ситуациях, к этой работе привлекались и эксперты по международным отношениям и внешней политике из научно-исследовательских институтов и других профессиональных структур в этой области. Но их участие в основном носило консультативный характер. Это были представители традиционных специальностей: историки, юристы, экономисты, психологи и др.

Вместе с тем в последние десятилетия, особенно в XXI веке, международные отношения стали носить массовый характер и охватывать различные слои населения. При этом в информационном обществе в период цифровизации резко увеличились потоки информации о международной среде и международных отношениях с зарубежными странами и негосударственными участниками мировых процессов. При этом возросла скорость, а иногда и доступность передачи этой информации широкому кругу обычных людей, не являющихся специа-

листами в этой области. В новых условиях внешняя политика стала расширять свое социальное значение для общества и различных групп населения.

Развитие этих трендов способствует включению общественного мнения в процессы обеспечения внешней политики и требует социологического изучения динамики общественного мнения в отношении различных феноменов в международной среде. Причем в ней нужно изучать не только представления различных социальных групп о международном прошлом и настоящем, но и то, как они рассматривают будущее развитие внешней политики своей страны и зарубежных участников международных отношений. Это огромная сфера для социологических исследований, особенно важная для выявления перспектив мирового развития. Отдельным аспектам этой темы посвящена данная статья.

Безусловно, в рамках социологии внешняя политика рассматривается, прежде всего, как социальное явление. Особое внимание уделяется человеческому фактору во внешней политике, учитываются человеческие взаимоотношения в международной сфере. Это, конечно, не покрывает всей проблематики влияния на процесс формирования и осуществления внешней политики. Специалистами других наук изучаются и другие аспекты данной темы.

Концептуальные и методические основы изучения представлений о внешней политике в общественном мнении

Специфика методического аппарата социологического исследования представлений россиян о внешней политике России заключается в сложности проведения собственных эмпирических исследований. Поэтому преимущественно обладают другие социологические методы, такие как: 1) вторичный анализ данных традиционных и онлайн-опросов, проведенных отечественными научными учреждениями и центрами изучения общественного мнения, включающими данную проблематику; 2) интервьюирование российских респондентов (включая глубинные интервью); 3) интервью экспертов по данным проблемам; 4) включенное наблюдение на мероприятиях, где обсуждаются вопросы внешней политики России; 5) контент-анализ документов и материалов СМИ (включая Интернет и социальные сети) по данной проблематике; 6) event-analysis (анализ реакции российских респондентов на международные события, затрагивающие интересы России); 7) методы прогнозирования (построение трендов, разработка сценариев), позволяющие выявить представления россиян о будущих направлениях внешней политики России и по другим международным проблемам.

Отношение россиян к возможному повышению значимости восточного направления во внешней политике России

На XXXIII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, XV Международной Грушинской социологической конференции и других международных и общероссийских форумах и конференциях, прошедших в 2025 году, затрагивались вопросы внешней политики России в контексте важных изме-

нений глобальной и региональной обстановки, СВО и других международных реалий. В ходе дискуссий на этих форумах выявились разные тенденции, одной из которых посвящена данная статья. Речь идет о возможном повышении значимости восточного направления в российской внешней политике.

Хотя международные отношения российского государства с восточными странами уже развивались длительное время, вопрос о их значимости для России на рубеже 30–40-х годов XIX века стал активно дискутироваться с различных позиций. Эта тема оказалась более глубокой, поскольку затрагивала вопросы о специфике российской цивилизации и ее роли в мировой истории. В XX веке она уже рассматривалась не только в рамках научных исследований, но и перешла в практическую плоскость. В настоящий период обострения отношений с многими европейскими странами вопрос о «Повороте на Восток» еще больше актуализировался и вышел на глобальный уровень судеб человечества. При этом Восток рассматривается Россией не столько в географических, а скорее в социокультурных параметрах. Для восточных обществ в большей мере характерны установки на адаптацию индивидов к сложившейся природной и социальной среде, большая распространенность коллективистского менталитета и другие отличительные от Запада особенности, но проявляющиеся в России.

Для устойчивого развития огромных пространств и обеспечения обширных коммуникаций России так же, как и обширным восточным странам, необходимо сохранять высокую роль государства и коллективистское мировоззрение. Для адаптации людей к суровым климатическим и природным условиям нужно поддерживать высокий уровень общественных интересов. Неслучайно, что в ходе исторического развития в России сформировались специфические формы социально-экономической и политической жизни.

Большую роль в формировании самобытной ментальности россиян сыграл реализованный опыт повышенной роли государства в жизнедеятельности страны, *коллективистский тип общественного сознания*, интеграция общества на духовных основах (например, государственной идеологии, религиозных ценностей, морально-этических и других норм).

В XXI веке в России усиливаются тенденции к сближению с восточными моделями развития (такими как китайская, индийская и др.), основанными на укреплении своих исторических традиций и культурных ценностей. Для этого есть весомые исторические и современные основания. Занимая особое место между Западом и Востоком, Россия формируется как евразийская цивилизация. Неслучайно, что обновленная Концепция внешней политики определяет Россию как евразийскую державу, являющуюся важной частью евразийского социокультурного пространства.

В формировании этого пространства важную роль играют цивилизационные коридоры, под которыми в широком смысле понимаются устойчивые

пространственно-временные каналы обмена материальными и духовными ценностями между различными цивилизационными сообществами (Иванов, Попов, 2025. С. 153).

Действительно, через территорию России проходят несколько таких коридоров, сформировавшихся в течение длительного периода истории и в настоящее время играющих существенную роль коммуникаций с многими странами Евразии.

Для консолидации современной Евразии в нынешней ситуации изменения мировой обстановки происходит формирование безопасного пространства в Евразии на основе взаимодействия входящих в нее стран. В качестве примера можно привести подходы, выработанные в Союзном государстве (Российской Федерации и Республики Беларусь), в Союзе Независимых Государств (СНГ), БРИКС и ШОС (Стаховский, 2025. С. 179), а также в других странах Евразии.

В настоящее время усиливается тенденция укрепления связей России со странами Востока. Это направление включает в себя развитие отношений со странами Дальнего и Ближнего Востока, а также с Центральной Азией. Наиболее активно в настоящее время развивается взаимодействие России с Китаем, Индией, Северной Кореей, Ираном, Турцией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Вьетнамом, Таиландом и другими восточными государствами.

«Поворот на Восток» в международных отношениях повышает интерес к изучению российского общественного мнения по этому направлению внешней политики России. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в рамках специального проекта совместно с газетой «Коммерсант» в 2023 году провел всероссийский опрос для выявления представлений россиян об отношениях России со странами Востока¹.

Для развития восточного направления было важно узнать, имеются ли схожие культурные основания для такой внешней политики. Приводим некоторые результаты данного исследования ВЦИОМ (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, наибольшая часть российских респондентов (61 %) отмечают схожесть и, вместе с тем, различия культур России и восточных стран. По данным этого же опроса, часть россиян (30 %) имеют позитивные представления в отношении перечисленной на предыдущей странице группы восточных стран и считают сотрудничество с ними правильным. В качестве обоснования российские респонденты упоминают, что данные

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в рамках спецпроекта с газетой «Коммерсантъ» представляет результаты опроса россиян об отношениях России со странами Востока. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/identna-vostok#:~:text=%D0%9C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8F%D1%82%20%D0%BE,8> (дата обращения: 28.08.2025).

Таблица 1

Многие говорят о том, что культуры России и стран Востока разные, другие, наоборот, видят много общего. Какая точка зрения ближе Вам?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Основные позиции	Все опро- шенные	Мужской	Женский	18–24 года	25– 34 года	35– 44 года	45– 59 лет	60 лет и старше
Культуры России и Востока кардинально различаются	23	28	18	20	22	26	24	20
Культуры России и Востока во многом схожи	11	13	9	13	7	10	11	12
В чем-то схожи, в чем-то различаются	61	54	67	64	70	60	58	60
Затрудняюсь ответить	5	5	6	3	1	4	7	8

Источник: ВЦИОМ. Аналитический обзор: «Идем на Восток». Телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, действовавших на территории Российской Федерации. N = 1600¹.

страны Востока технологически и экономически развитые. Однако небольшая часть опрошенных (11 %) высказали опасения (недоверие, осторожность и другие негативные суждения) относительно расширения отношений с восточными странами, что свидетельствует о неоднозначности представлений россиян о расширении восточного вектора внешней политики.

В продолжение этой темы уже в 2025 году ВЦИОМ провел новое исследование – «Друзья и враги России: мониторинг». В опросе приняли участие 1600 россиян от 18 лет. Был использован метод телефонного интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка телефонных номеров, действовавших на территории Российской Федерации (табл. 2)².

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в рамках спецпроекта с газетой «Коммерсантъ» представляет результаты опроса россиян об отношениях России со странами Востока. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idem-na-vostok#:~:text=%D0%9C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8F%D1%82%20%D0%BE,8> (дата обращения: 28.08.2025).

² Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты мониторингового исследования о друзьях и недоброжелателях России. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-vragi-rossii-monitoring#:~:text=%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80,16> (дата обращения: 28.08.2025).

Таблица 2

С какими восточными странами, по вашему мнению, у нашей страны сложились дружественные отношения? (открытый вопрос, % от всех ответивших)

Страны	2014	2018	2019	2022	2025
Китай	51	50	45	55	65
Индия	9	12	10	22	26
КНДР	—	0	1	4	26
Иран	1	4	3	10	16
Казахстан	20	15	21	13	11
Турция	1	12	13	17	6
ОАЭ	0	0	0	3	5
Узбекистан	1	2	4	5	4
Вьетнам	0	1	0	2	2
Таджикистан	1	1	2	2	3
Саудовская Аравия	—	0	0	2	2
Киргизия	1	1	4	3	2
Афганистан	—	—	—	1	2
Ни с какими	—	6	6	2	3

Источник: ВЦИОМ. Аналитический обзор: «Друзья и враги России: мониторинг». Телефонное интервью по стратифицированный случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории Российской Федерации. N = 1600¹.

Как показывает опрос, среди дружественных восточных стран на первом месте в настоящее время, по представлениям россиян, стоит Китай. Он с каждым годом получает все больший процент поддержки российских респондентов (65 %). На втором месте среди дружественных восточных стран сейчас находится Индия, которая за 10 лет увеличила свой рейтинг почти в три раза. На третьем месте оказалась Северная Корея, которая с 0 поднялась до 26 %. На четвертом месте – Иран, который также вырос за то же время с 1 до 16 %.

Вместе с тем имеются восточные страны, которые в представлении россиян существенно снизили свою оценку как союзники России: Казахстан – с 20 до 11 %, Турция – с 17 до 6 %, а также Узбекистан и Киргизия. Но есть и хорошие новости: за последние три года появились новые страны (Объеди-

¹ Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты мониторингового исследования о друзьях и недоброжелателях России. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-vragi-rossii-monitoring#:~:text=9%20%D0%BF.%D0%BF.%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80,12,-%D0%A1%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%BC%D0%B8%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8> (дата обращения: 28.08.2025).

ненные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия), которые в представлениях россиян рассматриваются как дружественные. Таким образом, можно увидеть некоторую динамику в восточном векторе внешней политики России в представлении россиян.

Неслучайно, что накануне встречи с Президентом США Д. Трампом 15 августа 2025 г. на Аляске Президент России В. В. Путин в разговоре с главой Китая Си Цзиньпином заверил, что всеобъемлющее стратегическое партнерство с Китаем останется неизменным в случае любых обстоятельств¹.

Если Россия намеревается расширять отношения с восточными странами, то что бы помогало их развитию, с точки зрения россиян? В последнем опросе ВЦИОМ получил данные по этому вопросу (табл. 3).

Таблица 3

На Ваш взгляд, что может и/или должно поспособствовать «Повороту на Восток» и сделать его более успешным для нашей страны?
Назовите до трех вариантов ответа (закрытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто поддерживает, затрудняется или относится безразлично)

<i>Основные позиции</i>	<i>Все опрошенные</i>	<i>Мужской</i>	<i>Женский</i>	<i>18–24 года</i>	<i>25–34 года</i>	<i>35–44 года</i>	<i>45–59 лет</i>	<i>60 лет и старше</i>
Торгово-экономическое сотрудничество: крупные инвестпрограммы, создание совместных предприятий, двусторонний выход производителей на новые рынки	65	62	67	54	68	70	68	60
Туризм и взаимные визиты жителей разных стран	36	33	38	40	39	39	34	33
Взаимодействие между научными организациями, учеными, студентами	32	29	35	41	40	39	28	24
Развитие сотрудничества между военными	21	25	18	27	22	25	19	19
Активное развитие взаимодействия политиков и дипломатов	20	16	24	14	22	23	21	19

¹ Путин сделал внезапный ход перед отъездом на Аляску. – URL: <https://news.ru/russia/putin-sdelal-vnezapnyj-hod-pered-otezdom-na-alyasku> (дата обращения: 15.09.2025).

Окончание таблицы 3

<i>Основные позиции</i>	<i>Все опрошенные</i>	<i>Мужской</i>	<i>Женский</i>	<i>18–24 года</i>	<i>25–34 года</i>	<i>35–44 года</i>	<i>45–59 лет</i>	<i>60 лет и старше</i>
Проведение различных конференций, мероприятий, симпозиумов, например Восточного экономического форума (ВЭФ)	20	19	21	29	15	14	23	22
Создание каналов межличностных коммуникаций между простыми жителями разных стран	15	13	16	16	17	13	15	14
Затрудняюсь ответить	10	12	10	11	9	9	9	13

Источник: ВЦИОМ. Аналитический обзор: «Друзья и враги России: мониторинг». Телефонное интервью по стратифицированный случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории Российской Федерации. N = 1600¹.

Как видно из таблицы 3, на первом месте среди стимуляторов стоят экономические отношения (65 % всех опрошенных указывают торгово-экономическое сотрудничество). Второе место занял туризм и взаимные визиты жителей России и других стран. Практически каждый третий респондент отметил взаимодействие между научными организациями, учеными и студентами. То есть первые три места в представлениях россиян отводятся социальным взаимодействиям, которые могут способствовать расширению восточного направления международных отношений России. И только потом в представлениях россиян отмечается взаимодействие между военными, дипломатами, а также различные организационные мероприятия. Это свидетельствует о том, что важную роль в развитии восточного направления российской внешней политики будут играть отношения представителей гражданского общества. И в этом контексте повышается значимость проблемы гражданской идентичности, изучению которой в последние годы уделяют особое внимание российские ученые (Дробижева, Рыжова, 2021. С. 39–52; Тишков, 2009. С. 107–117).

¹ Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты мониторингового исследования о друзьях и недоброжелателях России. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-vragi-rossii-monitoring#:~:text=9%20%D0%BF.%D0%BF.%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80,12,-%D0%A1%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%BC%D0%B8%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8> (дата обращения: 28.08.2025).

Заключение

Прогнозируя будущее состояние восточного направления внешней политики России, нужно учитывать то, что за прошедшие десятилетия в Россию приехало много мигрантов из восточных стран. С другой стороны, в некоторых странах Востока (особенно Ближнего зарубежья) проживают российские граждане и соотечественники. Естественно, необходимо не только анализировать общественное мнение российских граждан по отношению к представителям других стран, но и изучать, как обеспечивать межнациональное согласие между ними, чтобы не допускать дестабилизации обстановки из-за возникающих социальных противоречий и ущемления прав. Украина, где нарушались права русскоязычного населения, показала, что, если не решать своевременно эти проблемы, они резко обостряются, дестабилизируют обстановку и становятся причинами конфликтов. В последние годы возросла необходимость решения этих задач не только в научном плане, но и в практической плоскости.

К этим темам добавляются такие актуальные проблемы, как: выявление причин межнациональных конфликтов в странах Востока, их развития и способов урегулирования; исследование национальных движений, их лидеров и идеологии; влияние средств массовой информации на состояние межнациональных отношений. Можно назвать и другие направления, которыми нужно активно заниматься в связи с расширением восточного направления внешней политики России.

Все это выходит на комплексную задачу анализа и прогнозирования современной восточной политики, ее эффективных методов и средств. Для этого должны быть задействованы опытные исследователи, знающие эту проблематику. Вместе с тем необходимо готовить и новые компетентные кадры в системе высшего образования, целенаправленно вводить соответствующие программы, в которые должны быть включены дисциплины, отвечающие современным вызовам и проблемам. Их включение в программы подготовки будущих специалистов по восточному направлению политики позволит на современном уровне вести аналитическую и экспертную работу, лучше прогнозировать и разрабатывать рекомендации по решению наиболее сложных проблем этой сферы.

Особенности методического инструментария социологических исследований позволяют его применять для конкретных задач анализа и прогнозирования международных отношений, но именно расширение и углубление навыков и компетенций в условиях цифрового общества может повысить возможности специалистов по решению наиболее сложных политических вопросов, с точки зрения применяемых средств, затрат и последствий для российского общества.

Список источников

Вдовиченко Л. Н. Социологическое сопровождение внешней политики / Л. Н. Вдовиченко. – Москва: Издательство РГГУ, 2019. – 97 с. – ISBN 978-5-7281-2197-8.

Дробизжева Л. М. Общероссийская идентичность в социологическом измерении / Л. М. Дробизжева, С. В. Рыжова // Вестник Российской нации. – 2021. – № 1–2 (77–78). – С. 39–52. – EDN HAGVQK.

Иванов А. В. Меридианы и параллели цивилизаций Евразии / А. В. Иванов, Ю. В. Попков // Россия в глобальном мире. – 2025. – Т. 23 – № 4 (134). – С. 152–166.

Стаховский В. В. Евразийский подход к системе международной безопасности / В. В. Стаховский // Россия в глобальном мире. – 2025. – Т. 23. – № 4 (134). – С. 178–182.

Тишков В. А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) / В. А. Тишков // Вестник Российской нации. – 2009. – № 1 (3). – С. 107–117. – EDN KNVNYN.

Для цитирования: Вдовиченко Л. Н. Общественное мнение россиян о восточном направлении внешней политики России // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 17–27.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.1
EDN TRCGYF

Сведения об авторе

Вдовиченко Лариса Николаевна

Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета; член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП); член Президиума Российской Ассоциации политических наук (РАПН)
SPIN-код: 3122-6044
AuthorID: 286695
vdlarissa45@yandex.ru

References

Vdovichenko L. N. Sociological support of foreign policy. *Moskva: Izdatel'stvo RGGU = Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities*. 2019; 97 p. (In Russ.)

Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik rossiyskoy natsii = Herald of the Russian Nation*. 2021; 1-2: 39-52. (In Russ.)

Ivanov A. V., Popkov Yu. V. Meridians and parallels of civilizations of Eurasia. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the global world*. 2025; 4: 152-166. (In Russ.)

Stakhovsky V. V. Eurasian approach to the international security system. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the global world*. 2025; 4: 178-182. (In Russ.)

Tishkov V. A. National identity (on the meaning of debates). *Vestnik rossiyskoy natsii = Bulletin of the Russian Nation*. 2009; 1: 107-117. (In Russ.)

История статьи:

Поступила в редакцию – 29.08.2025

Одобрена после рецензирования –
18.09.2025

Принята к публикации – 19.09.2025

Information about author

Larisa N. Vdovichenko

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Department of Political Sociology
and Social Technologies, Russian State
University for the Humanities;
Member of the Council on Foreign and
Defense Policy (SVOP);
Member of the Presidium of the Russian
Association of Political Sciences (RAPS)
Scopus Author ID: 55510949100
vdlarissa45@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ КАК
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЙ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФАКТОРАХ
КОНСОЛИДАЦИИ
И ИНТЕГРАЦИИ ГРАЖДАН
РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ
ЮГА РОССИИ)¹**

**HISTORICAL ELEMENT
OF MASS CONSCIOUSNESS
AS A DETERMINING ASPECT
IN THE UNDERSTANDING
OF FACTORS OF
CONSOLIDATION AND
INTEGRATION OF RUSSIAN
CITIZENS (THE CASE OF
THE SOUTH OF RUSSIA)²**

В. П. Войтенко*

ORCID: 0000-0001-5727-4692

В. Г. Пантелеев*

ORCID: 0000-0001-8909-5744

Valeriya P. Voytenko*

Vadim G. Panteleev*

** Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: выявить наличие или отсутствие влияния исторического компонента в сознании на понимание того, что именно объединяет граждан России на уровне персональной консолидации (персонально респондента с гражданами России) и общественной интеграции (граждан России как таковых, без привязки к индивидуальной реальности респондента).

Objective of the study is to identify the presence or absence of the influence of the historical component in consciousness on understanding of what exactly unites Russian citizens at the level of personal consolidation (the respondent with Russian citizens personally) and social integration (Russian citizens without reference to the respondent's individual reality).

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» FENW-2023-0061 (внутренний номер ГЗ0110/23-14-РГ).

² The article was prepared within the framework of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "State-civil integration of the Russian multicultural society and adaptation practices of the population in the context of new territoriality and national policy of restoring historical justice" FENW-2023-0061 (internal number GZ0110/23-14-RG).

Методологическую базу исследования составила методика выделения групп индивидов по признаку выраженности исторического компонента в сознании. Для этого на основе выборов респондентов при ответе на вопросы, в которых есть ответы, маркирующие значимость исторического, выделены полярные группы: с максимально выраженным и с невыраженным историческим компонентом в сознании. Выявлялась разница в ответах представителей выделенных групп при оценке факторов персональной консолидации с гражданами России и общественной интеграции граждан России. Эмпирические данные получены в ходе реализации массового опроса в регионах Юга России, всего было опрошено 3107 человек.

Результаты исследования. Выявлено, что исторический компонент сознания действительно влияет на восприятие факторов персональной консолидации и общественной интеграции граждан России. При оценке факторов персональной консолидации и общественной интеграции у группы с историческим компонентом доминируют факторы культуры и языка, необходимости восстанавливать историческую справедливость. В то время как группа с невыраженным историческим компонентом склонна отдавать предпочтение фактам общей государственной юрисдикции и вытекающей из этого общности территории и государственного языка. В целом, хотя и установлено, что у рассматриваемых групп разная картина мира, но обе они выполняют свою функцию в обществе.

Перспективы исследования. Результаты исследования можно использовать при изучении исторического сознания, консолидации и интеграции граждан России, общероссийской идентичности.

Ключевые слова: историческое сознание, массовое сознание, консолидация, интеграция, факторы единства граждан России, Юг России

Methodological basis of the study is the method of identifying groups of individuals based on the severity of the historical component in their consciousness. Polar groups (with the most pronounced and with an unexpressed historical component in consciousness) are identified based on the respondents' choices, when answering questions in which there are answers marking the significance of the historical component. The difference in the responses of representatives of the selected groups is revealed when assessing the factors of personal consolidation with Russian citizens and social integration of Russian citizens. Empirical data is obtained during the implementation of a mass survey in the regions of the South of Russia, 3,107 people were interviewed in total.

Results of the study. The historical component of consciousness really influences the perception of the factors of personal consolidation and social integration of Russian citizens. When assessing the factors of personal consolidation and social integration in a group with a historical component such factors as culture and language, and the need to restore historical justice are dominated. The group with an unexpressed historical component tends to prefer the facts of common state jurisdiction, the resulting commonality of the territory and the state language. Although we establish that the groups under consideration have a different picture of the world, both perform their function in society. The main thing that unites them is the opinion that the citizens of Russia still have something in common.

Prospects of the study. The results of the research can be used in the study of historical consciousness, consolidation and integration of Russian citizens, and national identity.

Keywords: historical consciousness, mass consciousness, consolidation, integration, factors of unity of Russian citizens, South of Russia

Введение

Согласно проекту Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года», подготовленному Федеральным агентством по делам национальностей России в 2025 году, перед современным российским обществом стоит задача укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе объединяющей роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей¹. Особенно актуально данная задача звучит для южных регионов, в том числе для новых территорий, где продолжается процесс интеграции местного населения в политико-правовое, экономическое и социокультурное пространство Российской Федерации.

Исторический элемент массового сознания представляет собой совокупность представлений, образов и символов, связанных с прошлым народа, которые влияют на восприятие настоящего и будущее нации. Этот элемент играет ключевую роль в формировании национальной идентичности и культуры, определяя поведение и ценности членов общества. Наличие в массовом сознании определенных форматов понимания общего исторического прошлого, исторической справедливости, исторической памяти и преемственности поколений задает различные модели социального поведения и траектории социального развития РФ и ее отдельных регионов.

Обзор литературы

Критический анализ современной научной литературы показывает, что проблема консолидации и интеграции населения современного российского общества остается актуальной темой в научно-исследовательской среде. Особое внимание уделяется роли культурно-идентификационных факторов (Тишков, 2025), исторической памяти и исторического сознания (Ярочкина, 2024), регионального фактора (Волков, Курбатов, 2023; Денисова, 2024; Клименко и др., 2021) и государственной политики (Титов, 2022) в обеспечении стабильности и согласованности российского общества.

Вхождение в состав Российской Федерации новых территорий обусловило научно-исследовательский интерес современных российских ученых к различным аспектам консолидации и интеграции населения Республики Крым как региона с продолжительным периодом государственно-гражданской реинтеграции, а также населения новых регионов – Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. Предметом когнитивного интереса исследователей выступает политико-правовая (Аничкин, 2023; Зацепина, 2023), социально-экономическая (Интеграция бизнеса...

¹ Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (подготовлен ФАДН России 11.06.2025). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56924984/?ysclid=mnkkq8jy903012968> (дата обращения: 17.09.2025).

2025; Сеницына и др., 2023) и социокультурная (Бызова, 2024; Домбровская, 2023) интеграция населения новых регионов в современное российское общество.

Актуальность задачи формирования общероссийской идентичности на присоединенных территориях обуславливает научный интерес к изучению восприятия интеграционных процессов жителями Крыма, ДНР и ЛНР (Верецагина, 2024), а также к анализу их ценностных ориентиров и политических взглядов (Бродовская, Домбровская, 2023).

В современной научной литературе наблюдается недостаток специализированных исследований, посвященных комплексному анализу интеграционного потенциала гражданских ценностей, нарративов исторической памяти и концепций исторической справедливости как основы для государственно-гражданской интеграции и консолидации российского общества в контексте меняющейся территориальной конфигурации.

Эмпирические данные и методика

Эмпирические данные получены научным коллективом Института социологии и регионоведения ЮФУ при выполнении государственного задания. Опрос был проведен в 2024 году и охватил четыре региона: Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Республику Крым, Ростовскую область. Опрос проводился по квотной выборке в регионах, по которым доступна статистическая информация (пол, возраст, тип поселения – Республика Крым, Ростовская область). Методика «снежного кома» использована при реализации опроса в регионах, по которым данные статистик были неизвестны на момент проведения опроса (ДНР, ЛНР), количества необходимые для опроса выводились согласно принципу статистической достаточности единиц наблюдения. Объектом опроса выступило население регионов в возрасте от 18 лет. В статье используются данные по массиву в целом. Всего было опрошено 3107 человек.

Исторический компонент массового сознания, или проявления исторического сознания, в рамках исследования фиксировался на трех условных сознательных уровнях. Первый – уровень персональных гражданских ценностей, то есть респонденты отвечали на вопрос, какие гражданские ценности лично для респондента представляются наиболее значимыми. Среди перечня ценностей значилась такая ценность как «историческая память и преемственность поколений». Таким образом, если респондент при ответе на этот вопрос выбрал обозначенный вариант ответа, то историческое сознание у него проявляется на личном, персональном уровне. То есть историческая память важна лично для него, для его персонального мира.

Второй уровень – уровень персональной консолидации респондента с остальными гражданами России. Он выявлялся по ответам респондентов на вопрос, а что их объединяет с гражданами России. Среди перечня ответов

был представлен следующий: «историческое прошлое». Таким образом, и на этом уровне, респонденты, которые выбрали этот вариант ответа, признавали важность исторического компонента в качестве объединяющего персональный мир респондента с миром остальных граждан России. Стало быть, историческое сознание имеет проявление на уровне связи лично респондента с согражданами.

Третий уровень – интеграция граждан России безотносительно конкретного респондента. Этот уровень фиксировался при ответе респондентов на вопрос, что именно на сегодняшний день объединяет граждан России. Среди перечня ответов присутствовал вариант «общая история и историческая память». Таким образом, проявление исторического сознания в массовом сознании фиксировалось на таком «глобальном» уровне объединения граждан России. Соответственно, выбор такого ответа характеризует проявление исторического сознания на уровне интеграции граждан России как таковых.

Итак, три вопроса, в рамках которых можно выявить проявление исторического сознания в массовом сознании, служат для определения в рамках массива опрошенных номинальной группы, у которой проявляется исторический компонент массового сознания на всех трех описанных уровнях.

Таким образом, одна из двух групп, рассматриваемых в статье, при ответе на все три вопроса выбирала варианты ответа, фиксирующие проявление исторического сознания. Для них историческое сознание важно на уровне гражданских ценностей, персонально важных для респондентов, на уровне личной консолидации респондентов с гражданами России и интеграции российских граждан между собой без привязки к личности респондента.

Вторая рассматриваемая группа, соответственно, та, у которой историческое сознание не обнаружило проявления на обозначенных уровнях: ни на личном, ни на уровне персональной консолидации, ни на уровне интеграции граждан России. Здесь, конечно, возможны промежуточные комбинации, которые находятся между этими двумя полюсами. Однако в рамках статьи будут рассмотрены отличия ценностных ориентаций, факторов, определяющих персональную консолидацию и интеграцию граждан России.

Из 3107 опрошенных респондентов 405 обладают максимальным проявлением исторического компонента массового сознания, на всех трех уровнях. Респондентов, у которых проявление исторического компонента отсутствует на всех трех уровнях, оказалось более чем в два раза больше: 882 опрошенных. Две группы вместе составляют долю в 41,4 % респондентов, в которой обладающие историческим компонентом на всех трех уровнях занимают 13 %. А не обладающие проявлением исторического компонента ни на одном из уровней составили 28,4 % респондентов.

Таким образом, максимально «заряженных» респондентов на проявление исторического не очень много в рамках массива. Это можно объяснить

тем, что в непосредственной повседневности респондента все-таки большим весом обладают явления актуального настоящего, а не исторического прошлого. Тем не менее количество респондентов в обеих группах позволяет провести сравнение и заключить о влиянии исторического компонента массового сознания на представления о факторах консолидации и интеграции российских граждан.

В статье будет рассмотрено влияние исторического компонента массового сознания на представления о факторах персональной консолидации респондентов с гражданами России и влияние на представления о факторах интеграции граждан России между собой.

Исторический компонент массового сознания и представления о факторах консолидации

Прежде чем перейти к мнениям относительно того, что лично респондента объединяет с гражданами России, следует упомянуть и другую разницу. Дело в том, что вопрос был с множественным выбором, респондент мог выбрать любое количество вариантов ответов. Вопрос содержал 7 закрытых вариантов ответа и собственный вариант респондента. При этом сумма процентов выборов вариантов в двух группах существенно отличается. У группы с историческим компонентом сумма ответов составила 476,1 %, в то время как у группы без исторического компонента сумма составила 182 %. Это значит, что в первом случае в среднем респонденты выбирали не менее 4 вариантов, в то время как во втором случае в среднем менее 2 вариантов.

И здесь мы можем отметить первое отличие групп: группа с историческим компонентом при оценке факторов, персонально их связывающих с гражданами России, полагают, что таковых факторов много. Тогда как вторая группа демонстрирует мнение, согласно которому таковых факторов немного. То есть можно говорить о том, что выраженность исторического компонента в массовом сознании при оценке персонального объединяющего фактора с гражданами России способствует тому, что формируется более глубокое и всестороннее понимание этой связи.

На уровне содержательных ответов также прослеживаются отличия. Прежде всего, это заметно по иерархии значимости каждого фактора персональной консолидации респондентов с гражданами России. Это иерархия определена постфактум, то есть респонденты не занимались составлением иерархии. Она выстроилась по факту того, каков процент респондентов выбирал тот или иной ответ. Собственно видно, что факторы персональной консолидации имеют разный уровень значимости в рассматриваемых группах (рис. 1).

Так, респонденты с выраженным компонентом в массовом сознании на первый план выдвигают культурные и языковые факторы, объединяющие их персонально с гражданами России. Чаще всего представители этой группы выбирали вариант ответа «культура, обычаи, праздники» (72,7 %) и «рус-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что Вас объединяет с гражданами России?» группы с наличием и отсутствием исторического компонента в сознании (множественный выбор), %

ский язык» (69,3 %). С точки зрения носителей исторического компонента, в массовом сознании именно культурные факторы обладают приоритетом как факторы, объединяющие их с гражданами России. Во вторую очередь (хотя разница довольно близко приближается в 5 п. п.) у этой группы идут такие объединяющие факторы как «родная земля, территория, природа» (65,6 %) и «общее государство» (65,3 %).

Итак, факторы объективной природы и общегосударственная юрисдикция с другими гражданами России обладают несколько меньшей значимостью (хотя она и довольно высока). В этом кроется некоторая парадоксальность, так как граждан России по определению должно объединять общее государство. Однако в сознании группы с историческим компонентом приоритетными являются факторы, которые, в общем-то, могут существовать в отрыве от государства.

Третью позицию в иерархии ответов респондентов с выраженным историческим компонентом в сознании занимает вариант «ответственность за судьбу страны» (57,9 %). И здесь вновь проявляется некоторая парадоксальность, так как ответственность за судьбу страны составляет важный элемент гражданственности. Однако у респондентов с выраженным историческим

компонентом он занимает третью позицию в иерархии (хотя и весомую). Четвертую позицию занимает вариант «общие символы (флаг, герб)» (35,5 %). С одной стороны, это атрибуты государства, с другой – это символы, которые непосредственно относятся к истории России. Тем не менее этот фактор однозначно не обладает тем же значением, что и факторы, рассмотренные ранее (разница превышает 20 п. п.).

Таким образом, в целом можно говорить о том, что при оценке факторов персональной консолидации с гражданами России исторический компонент сознания влияет таким образом, что главными являются культурные и языковые факторы. Однако, вместе с тем, большая часть факторов имеют большое значение для таких респондентов, и таким образом получается иерархия среди весьма важных факторов, а не иерархия по существенной разнице в значимости факторов.

Группа, у которой в сознании нет проявления исторического компонента, демонстрирует иное распределение оценок факторов, которые персонально их объединяют с гражданами России. Здесь на первое место выходит вариант «общее государство» (48,4 %); и этот вариант не делит эту позицию ни с каким иным. Причем этот вариант имеет значительный отрыв от двух следующих (более 15 п. п.). Таким образом, главным фактором, который объединяет представителей этой группы с другими гражданами России, является общее государство. Здесь можно говорить о таком влиянии невыраженности исторического компонента, что на первый план выдвигается фактор актуального настоящего. Общим для граждан может быть только актуально существующее государство, что подтверждается документально (паспорт).

Вторую позицию у группы с невыраженным историческим компонентом делят варианты ответа «родная земля, территория, природа» (33,1 %) и «русский язык» (33 %). Родная земля, территория и природа находятся в пределах общего государства; их границы очерчены границами государства. Таким образом, можно заключить, что и в отношении природно-территориальных моментов у этой группы действует момент актуального настоящего. Логика ответов респондентов этой группы выстраивается таким образом, что и территория и язык вытекают из общего государства. Следовательно, здесь русский язык можно понимать скорее как государственный язык, а не как явление культуры со своей историей, как у первой группы.

Культура, ее явления в виде обычаев и праздников занимают лишь четвертую позицию в ответах респондентов с невыраженным историческим компонентом (26,3 %). В представлениях этой группы респондентов культура не столь значима, в противоположность первой группе. Как уже упоминалось, культура может существовать и вне связи с государством (например, лужицкие сербы до сих пор сохраняют какие-то собственные культурные элементы, однако они, очевидно, живут в государстве немцев). Можно заключить, что

в отношении персонального объединяющего фактора с гражданами России для респондентов с невыраженным историческим компонентом культура не является значимым объединяющим фактором. Стало быть, возможно, что этнокультурные отличия для этой группы отходят на второй план, главное, что есть общее государство и вытекающие из этого объективные факты.

Некоторое сходство групп наблюдается в том, в обоих случаях «ответственность за судьбу страны», «общие символы (флаг, герб)» как бы замыкают список того, что их лично объединяет с гражданами России. Однако для группы с отсутствующим историческим компонентом эти факторы имеют гораздо меньшее значение: ответственность за судьбу страны выбрали 19,5 % (у противоположной группы 57,9 %), общие символы выбрали 8,1 % (у противоположной группы 35,5 %). Получается, что ответственность за судьбу страны – то есть апелляция к индивиду как субъекту деятельности – оказывается в ответах этой группы противопоставлена субъектности государства – внешнему по отношению к индивиду субъекту.

Исторический компонент массового сознания и представления о факторах интеграции

В отношении ответов на этот вопрос также можно отметить разницу, уже указанную при рассмотрении факторов персональной консолидации. Респонденты с историческим компонентом в сознании в среднем выбирали больше вариантов ответов из перечня, нежели это делали респонденты, у которых исторический компонент не выражен. То есть в случае оценки того, что на сегодняшний день граждан России объединяет, респонденты с наличием исторического компонента полагают, что значение имеет больший перечень факторов, в отличие от респондентов с невыраженным историческим компонентом.

Мнения относительно того, что на сегодняшний день объединяет граждан России (интеграция граждан), также отличаются между группами. Здесь уже у группы с историческим компонентом прослеживается иерархия между факторами интеграции (рис. 2). Первое место у них занимает фактор «культура (язык, традиции и т. д.)» – этот вариант выбрали 73,5 % респондентов этой группы (разница с фактором второй позиции составляет 20 п. п.). Таким образом, культурный фактор и при оценке интеграции граждан России занимает первое место у этой группы. Вновь эта группа респондентов акцентирует фактор культуры. Культура в свою очередь может не зависеть от конкретных форм государства, и текущее состояние ее обусловлено историческим развитием. Поскольку культура, хотя и существует в актуальном настоящем, тем не менее обладает длительной историей развития. В этом отношении во мнениях этой группы сегодняшнее единство российских граждан обусловлено общей культурой. Итак, в представлениях этой группы как персональная консолидация с гражданами России, так и интеграция обусловлены фактором культуры.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, на сегодняшний день объединяет граждан России?» группы с наличием и отсутствием исторического компонента в сознании (множественный выбор), %

Затем идет ряд факторов, которые занимают довольно близкие позиции по отношению друг к другу: победа в СВО, защита Донбасса (53,3 %), сильное государство (49,9 %), «родная земля» (47,9 %), восстановление исторической справедливости (45,2 %). Примечательно, что вторым фактором, который объединяет россиян во мнениях респондентов с историческим сознанием, является обстоятельство современности. Можно предполагать, что респонденты видят глубокие исторические предпосылки Специальной военной операции, а также влияние ее исхода на дальнейшее развитие страны. С победой в СВО примерно равную позицию занимает сильное государство, которое напрямую можно увязывать с победой в СВО: пожалуй, лишь сильное государство способно выигрышно вывести страну из ситуации масштабного вооруженного конфликта. Однако, как видим, над текущими событиями и ситуациями у группы с историческим компонентом в сознании преобладают культурные явления, обусловленные длительным историческим развитием.

Затем, у этой группы близкие позиции занимают такие объединяющие факторы как «родная земля» (47,9 %) и восстановление исторической справедливости (45,2 %). Хотя фактор «родная земля» занимает некоторую промежуточную позицию между сильным государством и восстановлением исторической справедливости. Конечно, под родной землей полагается место

рождения, связанные с этим местом обстоятельства, факты и воспоминания. Таким образом, и родная земля связана с государством тем, что на этой «родной земле» действует его юрисдикция. С другой стороны, в контексте победы в СВО и восстановления исторической справедливости можно было бы провести связь с родной землей. А именно, победа в СВО обеспечит реализацию исторической справедливости и возвращение родной земли под юрисдикцию сильного государства. Однако, очевидно, что в контексте фактора, объединяющего граждан на данный момент, играет роль только та родная земля, которая находится под контролем государства.

То, что в сознании респондентов с историческим компонентом играет значимую роль историческая справедливость, дает основания полагать, что исторический компонент, его выраженность оказывают определенное влияние на мнения относительно того, что объединяет граждан России на сегодняшний день. Почти половина респондентов с историческим компонентом полагают, что восстановление исторической справедливости является объединяющим фактором для россиян. Хотя между фактором «восстановление исторической справедливости» и «победа в СВО, защита Донбасса» разница в 10 процентных пунктов, тем не менее эти два фактора напрямую между собой связаны. На сегодняшний день только победа в СВО обеспечит реализацию исторической справедливости. Итак, можно предполагать, что исторический компонент сознания является фактором, формирующим картину современного мира.

Наконец, практически одинаковые позиции занимают такие объединяющие факторы как «общая беда» (22,6 %), «общий враг» (2,1 %), «религия» (21,4 %). Здесь примечательно то, что общий враг и общая беда в контексте современности должны увязываться со Специальной военной операцией. То есть, казалось бы, частота выбора должна стремиться к частоте выбора фактора «победа в СВО». Следовательно, можно предполагать, что в сознании респондентов с историческим компонентом Специальная военная операция воспринимается как вызов стране. Но очевидно стоящий за этим противник не является в их сознании фактором, который объединяет на данный момент граждан России. Возможно, что вооруженное противостояние между государствами для них означает лишь одно из обыкновенных исторических явлений, с которым сталкиваются страны, народы, безотносительно конкретного противника.

В ответах респондентов с невыраженным историческим компонентом не наблюдается четкой иерархии. Так, отсутствует объединяющий фактор, который бы серьезно доминировал во мнениях этой группы, в отличие от группы с выраженным историческим компонентом. Первую позицию занимает «родная земля» (36,9 %), довольно близкую к ней позицию занимает «сильное государство» (33,4 %). Таким образом, здесь наблюдается некоторая связность

между оценками того, что объединяет лично респондентов с гражданами, и того, что их объединяет на сегодняшний день. Только позиции факторов довольно близки друг с другом. Таким образом, в представлениях этой группы граждан России объединяет факт рождения на определенной территории и связи с ней, а с другой стороны – государство, которое на этой территории осуществляет свою юрисдикцию. Здесь вновь проступают отличия с первой группой, у которой на первом месте факторы культуры, а не факторы текущего государственного устройства (которое включает и территориальные характеристики).

Вторую позицию в ответах этой группы занимают факторы «культура» (31,2 %) и «победа в СВО, защита Донбасса» (30,1 %). Здесь во многом повторяется логика ответов на вопрос о том, что персонально респондента объединяет с гражданами России. Соотношение долей респондентов, выбравших первые четыре варианта ответа, говорит о равновеликой значимости этих объединяющих факторов. Здесь можно отметить, что современный процесс, а именно Специальная военная операция, занимает четвертое место по значимости. Вероятно, здесь в ответах обнаруживается ориентированность на более «вечные» факторы, нежели на обстоятельство, которое рано или поздно найдет свое завершение. Тогда как у первой группы победа в СВО занимает вторую позицию, что можно увязывать с выраженностью исторического сознания, так как исход СВО определенно фактор исторического масштаба, который должен объединять людей в моменте.

Примечательно, что в обоих случаях объединяющий фактор «общая беда» находится примерно на одинаковом уровне. И у респондентов с выраженным историческим компонентом в сознании, и у респондентов с невыраженным компонентом общая беда «открывает» ряд факторов, которые значительно уступают по распространенности лидерам (в первом случае разница свыше 20 п. п., во втором случае – свыше 10 п. п.). Причем, в первом случае общая беда соседствует с восстановлением исторической справедливости. Это возможно интерпретировать с той точки зрения, что беда заключается в текущей исторической несправедливости (несправедливость, так как почти половина считает, что ее необходимо восстановить). Тогда у группы с невыраженным историческим сознанием «примыкает» к победе в СВО, защите Донбасса. То есть это можно интерпретировать с точки зрения того, что общая беда вытекает из непосредственной необходимости вести войну и восстанавливать разрушенные войной регионы. Можно отметить ориентированность на настоящее группы с невыраженным историческим компонентом.

Также в качестве отличия группы с невыраженным историческим компонентом можно отметить низкий уровень выбора фактора восстановления исторической справедливости (что логично). Заметен уровень затруднившихся с ответом (13 %). А также небольшая доля тех, кто полагает, будто граждан

России как таковых ничего не объединяет (6,3 %), тогда как у группы с выраженным историческим сознанием таковых просто нет.

Итак, в целом можно отметить, что оценки факторов, которые объединяют граждан России вообще, во многом согласуются с тем, как две группы выбирают факторы персональной консолидации с гражданами России. Для респондентов с выраженным историческим сознанием это, прежде всего, факторы культуры со значительной ролью фактора «восстановление исторической справедливости». Выбор этого варианта ответа говорит о том, что исторический компонент в сознании оказывает влияние на оценку окружающей действительности. У противоположной группы играет значительную роль «родная земля», сильное государство. Оценки этой группы в большей степени ориентированы на текущую действительность.

Заключение

Итак, рассмотрев мнения респондентов с выраженным историческим компонентом и невыраженным историческим компонентом в отношении персональной консолидации с гражданами России (что их лично объединяет) и интеграции граждан России (что объединяет граждан России без привязки к персоне отвечающего), можно сделать следующие заключения:

– Уровень персональной консолидации для носителей исторического компонента определяется подавляющим большинством представленных факторов. Эти факторы для большинства представителей этой группы имеют существенное значение, не прослеживается заметной иерархии в выборе факторов. Для них уровень единичного индивида связан с другими гражданами России, прежде всего, объективными фактами культуры – обычаи, традиции, русский язык, следом идут родная земля и общее государство, ответственность за судьбу страны. У группы с невыраженным историческим компонентом фактором объединения на персональном уровне являются факты общей государственной юрисдикции и вытекающие из этого общность территории и общий государственный язык. То есть факты актуального настоящего. Значительное отличие есть в отношении фактора ответственности за судьбу страны – у «неисторической» группы уровень поддержки этого фактора гораздо ниже.

– Уровень общественной интеграции, его факторы для группы «исторического сознания» уже получают что-то похожее на иерархию, и здесь оценки согласуются с факторами персональной консолидации: для них это факты культуры (язык, традиции). И только после культуры – победа в СВО, родная земля, сильное государство. И самое важное в контексте статьи – восстановление исторической справедливости. Почти половина респондентов с историческим компонентом выбрали этот вариант в качестве фактора, объединяющего россиян. Здесь кроется признак того, что исторический компонент сознания действительно влияет на восприятие окружающей действитель-

ности и на представления о факторах, объединяющих россиян в частности. У группы с невыраженным историческим сознанием опять-таки играют роль факты текущей действительности: родная земля, сильное государство победа в СВО. И у этой группы гораздо меньшую роль играет фактор восстановления исторической справедливости, что подтверждает влияние исторического компонента сознания.

– В целом, такие оценки двух групп одних и тех явлений скорее говорят о том, что это миры, которые все-таки имеют существенные отличия. И наличие исторического компонента в сознании при этом играет заметную роль. И индивиды с выраженным историческим компонентом, и индивиды с невыраженным историческим компонентом играют определенную функцию в обществе. И хотя в сознании этих групп разные приоритеты факторов объединяющих российских граждан, тем не менее их объединяет понимание того, что граждан России что-то объединяет.

Список источников

Аничкин Е. С. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: характерные черты правовой и институциональной интеграции / Е. С. Аничкин // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 3. – С. 4–9. – DOI 10.14258/ralj(2023)3.1. – EDN FDVGZC.

Бедрина Е. Б. Реализация миграционной политики в Свердловской области глазами экспертов: поиск управленческих решений / Е. Б. Бедрина, Н. П. Неклюдова // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 98–123. – DOI 10.17072/2218-9173-2024-1-98-123. – EDN CZTRYW.

Бродовская Е. В. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 88–102. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102. – EDN BSZBPV.

Бурмистров В. С. Роль общественных волонтерских объединений и благотворительных фондов в процессах интеграции России и Донбасса / В. С. Бурмистров, С.

References

Anichkin E. S. Admission to the Russian Federation and the formation of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic within it: characteristic features of legal and institutional integration. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal = Russian-Asian Law Journal*. 2023; 3: 4-9. DOI 10.14258/ralj(2023)3.1. (In Russ.)

Bedrina E. B., Neklyudova N. P. The implementation of migration policy in the Sverdlovsk region through the eyes of experts: the search for management solutions. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) = Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2024; 16, 1: 98-123. (In Russ.)

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu. Value orientations and political attitudes of residents of the LPR and DPR: results of a sociological study in 2023. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2023; 6(18): 88-102. DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102. (In Russ.)

Burmistrov V. S., Samygin S. I. The role of public volunteer associations and charitable foundations in the processes of integration of Russia and Donbass. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, social-economic and*

И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 1. – С. 22–26. – DOI 10.23672/SAE.2023.38.37.001. – EDN UYJJNM.

Бызова О. М. Восстановление экономики, инфраструктуры и социокультурная интеграция новых регионов России / О. М. Бызова // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 12 (173). – С. 396–399. – DOI 10.34925/EIP.2024.173.12.068. – EDN SFUNLL.

Верецагина А. В. Образ России в настоящем и будущем в представлениях жителей Крыма / А. В. Верецагина // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 152–164. – DOI 10.18522/2227-8656.2024.4.11. – EDN UHLKGC.

Волков Ю. Г. Региональная идентичность Юга России в формате маркеров различных уровней / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Социология. – 2023. – № 5. – С. 98–105. – EDN WAWJNE.

Денисова Г. С. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального северокавказского региона / Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 2 (127). – С. 198–216. – DOI 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216. – EDN DFLQRT.

Домбровская А. Ю. Технологии цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство современной России / А. Ю. Домбровская // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 15–28. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-2-15-28. – EDN CWGGOI.

Зацепина А. В. Особенности применения трудового законодательства для новых территорий России (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) / А. В. Зацепина // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 20–28 марта 2023 года. Том ЧАСТЬ IV. –

social science. 2023; 1: 22-26. DOI 10.23672/SAE.2023.38.37.001. (In Russ.)

Bizova O. M. Economic recovery, infrastructure and socio-cultural integration of new regions of Russia. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economics and entrepreneurship*. 2024; 12 (173): 396-399. DOI 10.34925/EIP.2024.173.12.068. (In Russ.)

Vereshchagina A. V. The image of Russia in the present and the future in the minds of the inhabitants of Crimea. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2024; 4(13): 152-164. DOI 10.18522/2227-8656.2024.4.11. (In Russ.)

Volkov Yu. G., Kurbatov V. I. Regional identity of the South of Russia in the format of markers of various levels. *Sotsiologiya = Sociology*. 2023; 5: 98-105. (In Russ.)

Denisova G. S., Avdeev Ye. A., Vorobev S. M. Conflictogenic risks of the ethno-cultural foundations of student identity: the case of the Frontier North Caucasus region. *Regionologiya = Regionology*. 2024; 2(127): 198-216. DOI 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216. (In Russ.)

Dombrovskaya A. Yu. Digital communication technologies for the integration of residents of the LPR and DPR into the socio-cultural space of modern Russia. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2023; 2(18): 15-28. DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-2-15-28. (In Russ.)

Zatsepina A. V. Features of the application of labor legislation for new territories of Russia (DPR, LPR, Zaporozhye and Kherson regions). *Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologiy v APK: materialy natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Voronezh, 20-28 marta 2023 goda. Tom Chast IV. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. Imperatora Petra I = Theory and practice of innovative technologies in the agro-industrial complex: Proceedings of the national scientific and practical conference, Voronezh, March 20-28, 2023. Volume PART IV. Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I*. 2023: 379-384. (In Russ.)

Integration of the business of the new subjects of the Russian Federation into the

Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. – С. 379–384. – EDN BFTZVL.

Интеграция бизнеса новых субъектов Российской Федерации в общефедеральное правовое поле / К. М. Беликова, Е. Е. Енькова, Н. Е. Кантор [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. – 320 с. – ISBN 978-5-392-43200-4. – EDN YOBLMN.

Клименко Л. В. Возрастные особенности идентичности полиэтнического населения Юга России в контексте интеграции макро-региона / Л. В. Клименко, А. В. Верещагина, З. А. Жаде // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 79–86. – DOI 10.17213/2075-2067-2021-6-79-86. – EDN YUMGHA

Синицына И. В. Перспективы интеграции новых регионов в экономику России / И. В. Синицына, Е. А. Богачева, Е. С. Дроздова, М. И. Солощенко // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2023. – № 1 (65). – С. 33–38. – EDN NAQFER.

Титов В. В. Государственная политика идентичности в Российской Федерации: проблема институциональной организации / В. В. Титов // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 7 (83). – С. 2261–2268. – DOI 10.35775/PSI.2022.83.7.012. – EDN JZJUOR.

Тишков В. А. Идентичность – ресурс общественного развития / В. А. Тишков // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 94–103. – DOI 10.31857/S0869587325020106. – EDN AGKDGN.

Ярочкина К. Р. Актуальные аспекты исторической памяти взрослого населения современной России / К. Р. Ярочкина, М. А. Танина // Флагман науки. – 2024. – № 4 (15). – С. 68–70. – EDN COALCU.

federal legal field. K. M. Belikova, Ye. Ye. Yenkova, N. Ye. Kantor [and others]. *Moskva: OOO “Prospekt” = Moscow: Limited Liability Company “Prospekt”*. 2025; 320. (In Rus.)

Klimenko L. V., Vereshchagina A. V., Zhade Z. A. Age-related identity features of the multiethnic population of Southern Russia in the context of macroregion integration. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*. 2021; 6 (14): 79-86. DOI 10.17213/2075-2067-2021-6-79-86. (In Russ.)

Sinitsyna I. V., Bogacheva E. A., Drozdova E. S., Soloshchenko M. I. Prospects for the integration of new regions into the Russian economy. *Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza (Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaystvom). Ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus. (Theory of economics and management of the national economy). Economic sciences*. 2023; 1 (65): 33-38 DOI 10.35775/PSI.2022.83.7.012. (In Russ.)

Titov V. V. State Identity Policy in the Russian Federation: the problem of Institutional organization. *Voprosi politologii = Questions of political science*. 2022; 7(83): 2261-2268. DOI 10.35775/PSI.2022.83.7.012. (In Russ.)

Tishkov V. A. Identity is a resource for social development. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2025; 2: 94-103. DOI 10.31857/S0869587325020106. (In Russ.)

Yarochkina K. R., Tanina M. A. Current aspects of the historical memory of the adult population of modern Russia. *Flagman nauki = Flagship of science*. 2024; 4 (15): 68-70. (In Russ.)

Для цитирования: Войтенко В. П., Пантелеев В. Г. Исторический элемент массового сознания как обуславливающий представления о факторах консолидации и интеграции граждан России (на примере Юга России) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 28–44.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.2
EDN TSZSQA

История статьи:
Поступила в редакцию – 06.08.2025
Одобрена после рецензирования – 11.09.2025
Принята к публикации – 12.09.2025

Сведения об авторах

Войтенко Валерия Петровна

Кандидат философских наук, доцент
кафедры теоретической социологии
и методологии региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
SPIN-код: 7689-0766
AuthorID: 757696
leravvp@mail.ru

Пантелеев Вадим Геннадьевич

Научный сотрудник
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
SPIN-код: 6384-4632
AuthorID: 813954
pwg92@mail.ru

Information about authors

Valeriya P. Voytenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theoretical Sociology and Methodology
of Regional Studies of the Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
WoS. ResearcherID: Q-6604-2017
Scopus AuthorID: 57192072945
leravvp@mail.ru

Vadim G. Panteleev

Researcher,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
WoS. ResearcherID: V-8186-2018
pwg92@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ. КОНЦЕПЦИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ,
ПРОБЛЕМА ЕЕ
ФОРМИРОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**RELIGION AND SOCIAL
INTEGRATION. CONCEPT
OF CIVIL RELIGION
AND THE PROBLEM
OF ITS FORMATION
IN NOWADAYS RUSSIAN
SOCIETY**

В. Л. Дубровин*

ORCID 0009-0008-7108-5458

Vladimir L. Dubrovin*

* Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

* Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Цель исследования – анализ религиозных оснований социальной интеграции.

Objective of the study is to analyze the religious foundations of social integration.

Методологическая база исследования основана на историческом и сравнительном методах, общенаучных методах исследования.

Methodological basis of the study includes historical and comparative methods, as well as general scientific research methods.

Результаты исследования. Концепция религии Эмиля Дюркгейма, выявила фундаментальную роль религии в обеспечении социальной интеграции, поддержании социальной солидарности, а также социальные основания религии и невозможность для общества существовать без какой-либо формы сакрального. Эта концепция до сих пор представляет собой важный инструмент для анализа мировоззренческой динамики современных секулярных обществ и была востребована и развита целым рядом исследователей. Идеи Дюркгейма позволяют лучше понять функциональное значение многих светских идеологий современности и являются актуальными в наши дни, когда во многих странах мира развивается кризис уже не традиционных религий, а светских идеологий, когда-то отчасти заменивших традиционные религии.

Results of the study. Émile Durkheim's concept of religion reveals the fundamental role of religion in ensuring social integration, maintaining social solidarity, as well as the social foundations of religion and the impossibility for society to exist without any form of the sacred. This concept remains an important tool for analyzing the worldview dynamics of modern secular societies and has been sought after and developed by a number of researchers. Durkheim's ideas provide a better understanding of the functional significance of many contemporary secular ideologies and are relevant today, when many countries around the world are experiencing a crisis not of traditional religions, but of secular ideologies that once partially replaced traditional religions. Today's world is entering an era of new ideological uncertainty, which is linked to a paradoxical return to traditional religious values

© Дубровин В. Л., 2025

Современный мир сегодня входит в эпоху новой идеологической неопределенности, с чем связан и парадоксальный возврат к традиционным религиозным ценностям, наблюдаемый в ряде обществ. В статье затронута связанная с наследием Дюркгейма концепция гражданской религии, проблема ее формирования в современном российском обществе, а также некоторые современные проявления религиозной активности как таковой.

Перспективы исследования связаны с общественной потребностью и актуализацией научного анализа возникновения гражданской религии и ее соотнесения с религиями традиционными, как с факторами, в возрастающей степени влияющими на состояние общественного сознания современного российского общества

Ключевые слова: социальная интеграция, солидарность, самоубийство, культура, ценности, нормы, религия, сакральное, гражданская религия

observed in a number of societies. The article touches upon the concept of civil religion associated with Durkheim's legacy and the problem of its formation in modern Russian society as well as religious manifestations as they are.

Prospects of the study are related to the social need and actualization of the scientific analysis of the emergence of civil religion and its correlation with traditional religions, as factors that increasingly influence the state of public consciousness in modern Russian society.

Keywords: social integration, solidarity, suicide, culture, values, norms, religion, the sacred, civil religion

Введение

Религия представляет собой древнейший механизм обеспечения социальной солидарности, что отмечалось многими философами и исследователями разных исторических эпох. Еще Цицерон в трактате «О законах» отмечал, что религия объединяет людей через почитание богов, что укрепляет общественный порядок и справедливость. Даже критически настроенные по отношению к религии философы эпохи Просвещения, такие как Вольтер и Ж.-Ж. Руссо, отмечали интегрирующее значение религии. И. Кант в своей работе «Религия в пределах только разума» утверждал, что религия, основанная на разуме, способствует созданию этического сообщества, где люди объединяются ради общего блага под идеей высшего морального закона.

В современных обществах, переживающих процесс секуляризации, традиционная религия как интегрирующая сила отходит на второй план. Однако и в секулярных обществах она нередко сохраняет большое значение, оставаясь фундаментом базовых ценностно-нормативных установок, даже если они уже не мыслятся как религиозные. В данной статье мы рассмотрим, как интегрирующая роль религии осмысливается в концепции, развиваемой Эмилем Дюркгеймом, поскольку в ней наиболее всесторонне была исследована связь религии и социальной солидарности. Кроме того, идеи Дюркгейма актуальны и для исследования проблем интеграции современных обществ.

Религия и проблема интеграции современных обществ в контексте идейного наследия Э. Дюркгейма

Проблема социальной интеграции включает множество аспектов, потому ее изучение неизбежно тяготеет к междисциплинарности. Помимо философии, значительный вклад в ее изучение внесли и вносят социология и психология, и философский анализ не может игнорировать данные, полученные исследователями в рамках других дисциплин. Социально-философский анализ интегрирующей роли религии не может игнорировать концептуальное наследие Эмиля Дюркгейма, выявившего фундаментальную связь религии и социальной сплоченности.

Наиболее важные его работы посвящены проблемам интеграции общества, социальной солидарности («О разделении общественного труда») и религии («Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии»). В первой работе, выделяя различные формы социальной солидарности и роль в их изменении процессов социальной дифференциации, он отмечает, что в присущей древним обществам «механической солидарности» именно религия играла определяющую роль, объединяя группу через общие святыни и ритуалы.

С. В. Трофимов справедливо отмечает: «Социологическая теория религии Э. Дюркгейма несмотря на прошедшее время остается важным первоисточником для изучения. Понимание французским социологом религии как важнейшего социального института, обеспечивающего социальную интеграцию, обусловило его поиски социологического подхода к исследованию этого социального института. В работах Э. Дюркгейма воплотилось развитие идей о коллективном сознании, т. е. о коллективных убеждениях и связанных с ними нравственных отношениях, действующих в качестве объединяющей силы в обществе, как о “высшей форме психической жизни”» (Трофимов, 2019. С. 173).

Идеи Э. Дюркгейма оказали прямое или косвенное влияние на исследования таких современных социальных теоретиков и философов, как П. Бергер и Т. Лукман, исследовавших социальные основания знания, Морис Хальбвакс, социальный философ, разработавший концепцию коллективной памяти, отчасти Юрген Хабермас, создатель теории коммуникативного действия.

Влияние Дюркгейма собственно на социологию трудно переоценить, достаточно назвать Толкотта Парсонса. Помимо прямого влияния на социологию и культурную антропологию, Дюркгейм стоит у истоков системного и функционального анализа общества, ставшего практически универсальным методом в общественных науках, несмотря на критические замечания и наличие иных методологических подходов.

К Дюркгейму восходит анализ патологий, которые могут привести к нарушению социальной интеграции. Одним из них он считал аномию. Дюрк-

геймовское понятие аномии до сих пор используется при анализе девиантного поведения и ситуаций мировоззренческих и ценностно-нормативных кризисов в обществе, в том числе и российском (Костина и др., 2018; Мещерякова, 2014; Селезнева, 2015).

Дюркгейм был одним из первых социальных теоретиков, для которых проблема социальной интеграции стала центральной темой анализа. Отсюда и его интерес к религии и морали, которые выступают важнейшими механизмами обеспечения социальной интеграции. Несмотря на то, что анализ религии Дюркгейма отчасти устарел в своей фактической, касающейся доступных ему этнографических данных, части, методология и концептуальная основа его исследования сохраняют значимость до сих пор, что проявляется в многочисленных исследованиях сакрального (священного) в современных секулярных обществах, в том числе в политике, в изучении феномена гражданской и политической религии, о чем мы скажем позже подробнее.

Обратимся, собственно, к дюркгеймовскому анализу религии и ее роли в социальной интеграции.

Исследуя современные общества с «органической солидарностью», обеспечиваемой глубоким разделением труда, Дюркгейм отмечает, что традиционные религии во многом утрачивают свое влияние, что является одним из факторов, способствующих аномии – ситуации, когда ценности и нормы ослабевают.

В своей классической работе «Самоубийство: социологический этюд» Дюркгейм исследовал самоубийство как социальный, а не только психологический феномен. Он выделил несколько типов самоубийств, и в том числе аномическое самоубийство, характерное для современных обществ и связанное с недостаточной социальной регуляцией, когда нормы и правила общества становятся неясными или утрачивают силу. Среди факторов, влияющих на самоубийство, Дюркгейм выделял и религию. Основной вывод работы заключается в том, что самоубийство – это не просто личный выбор, а следствие социальных условий, влияющих на степень интеграции и регуляции в обществе. Дюркгейм подчеркивал важность социальных связей для поддержания стабильности и предотвращения социальных патологий. При этом он показал, что степень сплоченности в различных религиозных сообществах была разной, что сказывалось и на уровне самоубийств в этих сообществах.

Дюркгейм утверждал, что уровень самоубийств зависит от степени социальной интеграции (сплоченности сообщества) и социальной регуляции (контроля над индивидуальными желаниями). Религия, как социальный институт, играет ключевую роль в обеспечении интеграции, создавая коллективное сознание и поддерживая моральные нормы. «Религия защищает человека от самоубийства не потому, что она проповедует уважение к личности, а потому, что она сама по себе является обществом. Чем сильнее это обще-

ство сплочено, тем эффективнее оно защищает индивида» (Дюркгейм, 1994. С. 104). То есть нужно отметить: для Дюркгейма важно не содержание религии, а именно ее способность формировать прочную социальную связь. Чуть позже мы рассмотрим это подробнее.

Он обнаружил, что протестанты демонстрируют более высокий уровень самоубийств по сравнению с католиками, что объясняется различиями в структуре и функциях этих религиозных систем. Как полагал Дюркгейм, протестантизм, особенно в его реформаторских формах, поощряет индивидуальную ответственность, свободное толкование Писания и меньшую зависимость от церковных институтов, что ослабляет коллективные связи.

Дюркгейм писал, что протестантизм предоставляет индивиду большую свободу мысли, чем католицизм, и в этом смысле он менее сплочен. Чем меньше религиозное общество связано общими верованиями и практиками, тем меньше оно способно удерживать индивида от акта самоубийства (Дюркгейм, 1994. С. 101).

Католики, как обнаружил Дюркгейм, опираясь на статистические данные, демонстрировали более низкий уровень самоубийств. Католицизм, по мнению Дюркгейма, обеспечивал более высокую степень социальной интеграции благодаря строгой догматике, коллективным ритуалам и сильной роли церкви как института. Католическая церковь создает более сплоченное сообщество, которое эффективнее защищает индивидов от изоляции и экзистенциальных кризисов. Католицизм, с его централизованной структурой и обязательными ритуалами (месса, исповедь), усиливает чувство принадлежности верующего индивида к общине. Это снижает вероятность самоубийства, так как индивид чувствует себя частью большого целого и имеет четкое представление о собственном назначении.

Таким образом, анализ Дюркгейма показал, что религиозная принадлежность обеспечивает интеграцию индивида в сообщество, однако в его время эти сообщества уже становились локальными, поскольку на уровне обществ в целом секуляризация обеспечивала все большее снижение роли религии как объяснительной, регулятивной и контролирующей инстанции.

Однако понимание Дюркгеймом религии становилось еще более глубоким в его дальнейших исследованиях, и его последний труд «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» был призван показать, что общество и религия связаны сущностно, что общество религиозно по самой своей природе.

Книга Дюркгейма объемна и многогранна, она затрагивает множество вопросов и содержит богатый фактический материал, мы не можем здесь охватить все ее содержание и остановимся только на основных идеях.

Дюркгейм полагал, что сущность религии лучше всего анализировать на примере наиболее архаичных и простых ее форм, как наиболее близких к

сущности этого явления. В качестве точки отсчета он выбрал тотемизм. Сущностью тотемизма считалась вера в происхождение группы от какого-либо животного или растительного предка. Этот предок сакрализировался, с ним были связаны религиозные запреты (табу), определенные ритуалы и мифы. Благодаря тотему клан обретал и поддерживал единство.

По мнению Дюркгейма, сакрализуя своего мифического предка, группа (клан) сакрализовала сама себя, видела себя как единое целое, связанное с предком. Изображение тотема считалось священным.

Дюркгейм развивает идею, что религия – это механизм, посредством которого общество сакрализуется само себя, представляя коллективные силы как священные. Священное (божественное) – это само общество в его превращенной, идеализированной форме, а обряды и верования служат для поддержания социальной солидарности.

Истоки сакральности общества Дюркгейм обнаруживает в еще одном веровании, которое присутствует в тотемизме – веровании в некую безличную магическую силу, которая разлита повсюду, но может концентрироваться в каких-то объектах – священных предметах, вождях и т. д. Эта сила может быть как внутри индивида, так и вне его, но она полностью его определяет. По мнению Дюркгейма, вера в такую силу порождается именно обществом как первичной для индивида реальностью, от которой он полностью зависит: «Эта сила [мана] не принадлежит индивиду; она приходит извне, от общества, которое индивид ощущает как превосходящее его. Именно общество, воздействуя на индивида через коллективные собрания и обряды, порождает ощущение этой могущественной силы, которая кажется ему внешней и священной» (Дюркгейм, 2018б. С. 329).

Общество предшествует индивиду и существует после его смерти, благодаря обществу человек получает возможность думать и обретает речь, коллективные представления бесконечно богаче, чем содержание индивидуального опыта человека. Общество требует от человека определенного поведения и даже жертвы. Все это превращает общество, по мнению Дюркгейма, в прообраз сакральной безличной могущественной силы.

В ходе коллективных ритуалов люди способны испытывать особые чувства и эмоции, которые заставляют их буквально переживать присутствие иной, высшей реальности рядом с ними. Одной из важнейших функций многих религиозных ритуалов, по мнению Дюркгейма, как раз и является создание особого психического состояния. Места, где собираются члены группы для ритуала, также становятся священными, как становится священным все, что имеет особое значение для выживания группы.

Все эти формы сакрализации – тотемы, обряды, моральные нормы, идеалы, символы, время и пространство ритуала – являются механизмами, которыми общество возвышает себя, создавая священное как отражение своей

собственной природы. Дюркгейм подчеркивает, что священное не существует отдельно от общества: оно есть продукт коллективного сознания, которое через религию утверждает свою силу и единство. Сакрализуется не только общество как целое, но и отдельные его институты, для Дюркгейма религия есть отражение и символическая мифологизированная репрезентация социальных структур.

«Мы увидели, что реальность, представленная столь по-разному в различных мифологиях, но являющаяся объективной, универсальной и вечной причиной этих ощущений *sui generis*, – это общество. Мы показали, какие моральные силы оно пускает в ход и каким образом оно порождает чувство поддержки, безопасности и покровительства, влекущее за собой привязанность верующего к культу. Именно общество поднимает индивида над самим собой; общество же и создает его. По сути, человека создает совокупность интеллектуальных благ, составляющих цивилизацию, а цивилизация есть продукт общества. Этим объясняется первостепенная роль культа во всех религиях, какими бы они ни были. Общество может сделать свое влияние ощутимым только в том случае, если оно проявляется в действии, а это возможно лишь тогда, когда составляющие общество индивиды собираются и действуют вместе. Именно через совместное действие общество осознает и утверждает себя; оно является прежде всего действующей кооперацией» (Дюркгейм, 2018а. С. 126).

По мнению Дюркгейма, общество не может существовать без религии. Однако религии меняются по целому ряду причин, в частности, под влиянием трансформации социальной структуры, изменений в области коллективного сознания, при появлении новых идей и нового опыта.

Так, в современных обществах влияние традиционных религий очевидно ослабевает, и причину этого Дюркгейм видел в следующих факторах.

Во-первых, это развитие рационализма и научного познания. Развитие и накопление научных знаний ведет к тому, что прежние мифологические объяснения реальности теряют свою убедительность, общество начинает искать другие модели объяснения мира. Однако наука не может в полной мере отвечать на моральные и эмоциональные запросы человека и выступать фактором консолидации, поэтому не является еще полноценной заменой религии. Но Дюркгейм не исключал, что в дальнейшем могут произойти какие-то изменения. Он писал: «Подавляющее большинство людей продолжают верить, что там имеется такой порядок вещей, в который человеческий ум может проникнуть только крайне специфическими путями. Поэтому любые попытки научного истолкования религиозных и духовных явлений встречают активное сопротивление. Но, несмотря на такое противодействие, эти попытки повторяются, и сама эта настойчивость возвещает о том, что в конце концов этот последний барьер падет и наука станет хозяйкой даже в этой заповедной области» (Дюркгейм, 2018б. С. 706).

Во-вторых, трансформация социальной структуры. Формирование обществ современного типа сопровождалось постепенным усложнением и дифференциацией социальной структуры, что порождало индивидуализацию, обособление индивида от коллектива, связанное с необходимостью выживания в усложнившемся социуме. Власть группы над индивидом, поддерживаемая и традиционными религиями, слабела. Старые традиционные формы религии, ориентированные на коллективное подчинение, утратили свою силу.

В-третьих, возникли новые институты, идеалы и ценности, которые подорвали монополию традиционных религий на контроль и формирование мировоззрения. Речь идет и о научных идеях, и о новых светских идеологиях. Например, идее прав человека. Традиционная религия не исчезла, но, во многом, утратила свое влияние.

Однако для Дюркгейма это означало не исчезновение, а трансформацию религии. Он полагал, что в современных обществах могут сформироваться новые формы священного, поскольку, как уже отмечалось выше, в рамках концепции Дюркгейма общество не может существовать без религии.

Светское «сакральное» в секулярных обществах.

Феномен гражданской религии

Возможности для развития новых форм сакрального Дюркгейм видел в идее прав человека, светском гуманизме, национальных святынях, «гражданских культах». В современных обществах коллективные собрания, будь то политические, научные или гражданские, могут порождать те же чувства возбуждения и единства, что и религиозные обряды прошлого.

Следует отметить, что религиозный потенциал идеи нации обнаруживали многие авторы после Дюркгейма. Например, исследователь мифологического мышления К. Хюбнер так пишет о мифологической природе нации: «...Мифическое отношение к нации имеет место тогда, когда человек идентифицирует себя с ней в том смысле, что она представляется как действующая одновременно и тождественно в своих детях. Даже если всякий соотечественник на свой манер отличается от другого, но в том смысле, что они все являются немцами или французами, они не отличаются друг от друга. Такое тождество и взаимодействие <...> воспринимается субстанционально, ибо должен быть один идеальный и материальный образ, связывающий все друг с другом. Хотя нация определяется благодаря своей истории, она существует все же и физически. Целое и часть здесь <...> типично мифическим способом совпадают, потому что целостность нации тождественно присутствует в каждой из частей; точно так же совпадают всеобщее и отдельное, поскольку нация, с одной стороны, существует во всех, а с другой – субстанционально тождественное начало может существовать в каждой отдельной личности как нечто персональное, то есть отдельное. Нация как нуминозное (священное) существо является индивидуумом, имеющим значение всеобщности» (Хюбнер, 1996. С. 238).

Помимо перечисленного выше, Дюркгейм видел потенциал для новых форм священного даже в современном индивидуализме. В современных обществах, где индивидуальность становится не только формой жизни, но и главной ценностью, возникает своеобразный «культ личности» – сакрализация человеческого достоинства, прав и свобод. Это можно рассматривать как новую форму религиозности. Однако в современных обществах с присущим им крайним формам индивидуализма культ автономной личности способствует скорее дезинтеграции, чем интеграции общества.

Идеи Дюркгейма о значимости и необходимости сакрального для существования общества, о социальных корнях сакрального и его изменчивости (сакральным может стать любой значимый для выживания группы объект или идея) оказались важным инструментом для анализа мировоззренческой динамики современных обществ, переживших секуляризацию и испытывающих своеобразный кризис легитимации своих глубинных оснований, а также ощущавших недостаток сплоченности. Некоторые исследователи отмечали появление «светских религий» еще в начале XX века, но эта тема стала актуальной во второй половине этого столетия, причем именно в контексте осмысления проблемы интеграции и солидарности.

Целый ряд социальных теоретиков обращались к наследию Дюркгейма. Можно назвать такие имена, как Талкотт Парсонс, Роберт Нисбет, Эдвард Шилз. Последний, в частности, развил дюркгеймовскую концепцию священного в контексте анализа «харизмы» и «центральных ценностей» современных обществ. Шилз утверждал, что современные общества продолжают сакрализовать определенные институты, лидеров или идеалы, которые служат источником социальной интеграции (Shils, 1965). По мнению Шилза, опиравшегося на Дюркгейма, священное в современном обществе возникает из коллективного признания ценностей, которые превосходят индивида и объединяют общество.

В 1967 году была опубликована статья Роберта Беллы, американского социолога религии, которая называлась «Гражданская религия в Америке». В этой статье, опираясь на идеи Э. Дюркгейма и Ж.-Ж. Руссо, Роберт Белла описывал, как современные общества, особенно США, сакрализуют национальные ценности, символы и ритуалы (например, День независимости, клятва верности флагу). Белла ввел понятие «гражданской религии», используемое ранее Руссо и Дюркгеймом, в научный обиход и вызвал широкую дискуссию.

Согласно Р. Белле, гражданская религия – это религия, объединяющая всех членов американского общества, независимо от их вероисповедания и конфессиональной принадлежности на основе институционализированных символов и ритуалов, в которых нашли выражение как публичные, так и частные взгляды. Это религиозное измерение американского образа жизни, проявляющееся в «системе верований, символов и ритуалов», в богоизбранности

американской нации и «укреплении национальной солидарности», утверждения общенациональных ценностей (Bellah, 1967).

Так понятая гражданская религия не является результатом насильственного насаждения неких идей, но представляет собой результат исторически сложившегося согласия американцев по поводу общих ценностей и убеждений, сформированных в результате общей судьбы. Гражданская религия не исключает и использования символики традиционных религий. В американской гражданской религии большая роль принадлежит христианскому наследию в его протестантском варианте, а Библия является важным элементом государственных церемоний. Однако гражданская религия не подразумевает подавления иных религиозных взглядов. Она не связана напрямую ни с одной из религиозных организаций, но обеспечивает легитимацию политических институтов и консолидацию общества вокруг них.

Статья Беллы вызвала в свое время широкий интерес и критику, он сам позже несколько пересмотрел свои выводы, но, тем не менее, проблематика, им затронутая, остается весьма актуальной, хотя за многие годы, прошедшие после публикации статьи, американское общество изменилось, там возникли новые идеологии, снизилось влияние христианской религии, возникли достаточно глубокие разногласия между различными группами общества. Сложно сказать, существует ли там сегодня та гражданская религия, которую описывал Р. Белла в конце 60-х годов прошлого века.

Другой интересный вопрос заключается в том, является ли гражданская религия только лишь американским феноменом? Понятие гражданской религии вызвало интерес в российском научном сообществе в период мировоззренческого кризиса 90-х годов прошлого века, связанного с распадом СССР и исчезновением государственной идеологии, однако данная проблематика обсуждается и сейчас, можно сослаться на недавнюю публикацию Н. А. Рыжкова (Рыжков, 2024) или В. А. Егорова (Егоров, 2021), в целом, этой темой занимались многие российские исследователи, хотя зачастую в критическом ключе.

Если отвлечься от мировоззренческих и идеологических разногласий, можно сказать, что в современном российском обществе существует комплекс если не четко сформулированных идей, то духовных установок, так или иначе разделяемых большинством россиян, причем этот комплекс включает как элементы религиозного культурного наследия, так и представления о наиболее важных событиях прошлого, общие представления о собственной коллективной идентичности. В то же время многие исследователи не спешат применять термин «гражданская религия», хотя важность феномена, обозначаемого этим термином, осознается. А. Митрофанова отмечает: «Поиск гражданской религии в России замедлен, так как этот термин официально не используется. Вместо этого применяют более привычный термин “национальная идея”, который в постсоветский период претерпел эволюцию от

“русской идеи” дореволюционных и эмигрантских публицистов до “русской идеи” современного официального языка» (Митрофанова, 2019. С. 101).

В последние годы много внимания уделяется разработке российских духовно-нравственных ценностей, что также может быть рассмотрено в контексте формирования российской гражданской религии – в частности, формализации ценностей посвящен Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. Даже если не использовать термин «гражданская религия», не изменится тот факт, что функционально комплекс традиционных ценностей должен занять место именно сакральной легитимации политического и социального устройства России в присущей ей культурной специфике.

А. Митрофанова, как и другие авторы, полагает, что этот термин вполне удачен и может быть применен. Отсылая к священному, он не соотносится напрямую ни с одной религиозной традицией, что для многоконфессионального общества – преимущество.

По мнению А. Митрофановой, российская гражданская религия должна быть несколько синкретичной: «В специфическом российском контексте функциональная демократия нуждается в собственном методе обеспечения трансцендентной легитимности. Религиозная санкция должна обеспечиваться на равном удалении от существующих религий. Иными словами, гражданскую религию придется изобретать, не затрагивая болезненные религиозные точки. Например, эта религия не может быть основана исключительно на православии, потому что это вызвало бы отрицательную реакцию со стороны мусульман, буддистов, агностиков, атеистов и др. <...> Русская православная церковь, как и мусульманские, буддийские и прочие религиозные организации, вовлечена в обсуждение предложенных ценностей, но ее слово не всегда является решающим. Российская гражданская религия неизбежно будет синкретичной и <...> мозаичной. Она может включать некоторые элементы православия, <...> но будет одинаково открытой для заимствований из других религиозных систем и идеологий» (Митрофанова, 2019. С. 101).

Точно так же и А. Б. Гофман отмечает: «Гражданственность соединяет в себе светское и сакральное начала. В гражданской сфере сакральное, а оно, собственно, и есть гражданская религия, имеет особое значение. В современном многоконфессиональном обществе, каковым является и Россия, сакральности носят множественный характер. Но о гражданской сакральности в пределах одного общества можно говорить лишь в единственном числе. <...>

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 24.09.2025).

она объединяет разнообразных социальных акторов и формирует единую идентичность в масштабах гражданской и политической нации. Гражданская религия содержит в себе огромный потенциал поддержания и укрепления толерантности в обществе благодаря сочетанию в ней сакрального и светского принципов» (Гофман, 2017).

Российское государство уже вносит значительный вклад в формирование идейного комплекса, который призван укреплять ценностное и мировоззренческое единство российского общества, в связи с чем вводятся, например, новые праздники или памятные даты, создаются новые объекты культурного наследия, вводятся новые образовательные курсы и т. д. Однако исследователи, как правило, сходятся на том, что гражданской религии как завершенного комплекса идей в российском обществе еще не существует. Но, если вспомнить идеи Р. Беллы, гражданская религия и не является какой-то устойчивой системой догм. Это совокупность идей и ритуалов (вроде инаугурации президента), национальных праздников и памятных дат.

В российском обществе мы можем обнаружить и определенные публичные ритуалы, связанные с властью, и проявления гражданской солидарности, и почитаемые памятные даты и события (наиболее ярким примером является День Победы и весь комплекс представлений о Великой Отечественной войне, являющийся важной частью коллективной идентичности). А. Митрофанова отмечает: «Говоря о конкретных духовно-нравственных ценностях, я хотела бы сосредоточиться на концепции Победы в Великой Отечественной войне, которая обладает потенциалом, чтобы стать главным элементом создаваемой российской гражданской религии. Победу обычно не называют прямой среди традиционных ценностей, тем не менее, это, несомненно, ценность, или, фигурально выражаясь, “духовная скрепа”. Косвенным образом ее можно найти “внутри” таких ценностей, как патриотизм или долг перед Отечеством и семьей. Победа – единственная безопасная платформа, которая может помочь правительству преодолеть указанные выше социальные антагонизмы. Относительно Победы в России существует социальный консенсус: большинство населения ею гордится» (Митрофанова, 2019. С. 104).

В принципе, не так важно, называть этот комплекс идей «гражданской религией» или нет, хотя понятие «гражданская религия» яснее указывает на сакральное измерение. Важнее отметить, что комплекс объединяющих идей и символов в российском обществе существует. Вопрос в другом: насколько эффективно они выполняют свою интеграционную функцию. Значимость духовно-ценностного и мировоззренческого единства общества возрастает и в условиях внутренних процессов дифференциации общества по различным основаниям, и в условиях усложнения международной ситуации, особенно в современном мире, где все отчетливее заявляют о себе цивилизационно-культурные различия и конфликты.

Вместе с тем, параллельно со становлением гражданской религии в современном российском обществе, нельзя не уделить внимания ренессансу религий традиционных. Так, 7 сентября 2025 года в Москве состоялся Общепомосковский Крестный ход, в котором, по официальным данным, приняли участие более 40 тысяч человек. Возглавивший процессию Патриарх Кирилл в обращении к ее участникам подчеркнул, что «Москва не откажется от христианского наследия, этот город является по-настоящему православным, открытым для собратьев из других религий, признающих вклад в общую историю»¹. Более 70 тысяч православных верующих 12 сентября приняли участие в большом крестном ходе в Санкт-Петербурге². В Пензе 21 сентября 2025 года состоялся общегородской крестный ход³, в котором, по некоторым данным, приняли участие более 3 тысяч человек⁴, причем, наряду с православными участниками, в нем прошли и представители протестантских деноминаций⁵. Конечно, мероприятия подобного рода являются уделом «пассионариев» от религии – тем не менее, явное одобрение социума и властей, а также готовность больших масс граждан открыто манифестировать свои религиозные убеждения требуют изучения и научной оценки, как и возможное соотнесение Крестных ходов с проводившимися некогда в городах России Русскими маршами.

Заключение

Наследие Эмиля Дюркгейма в исследовании роли религии в социальной солидарности, социальных основ религии и невозможности для общества существовать без религиозных оснований представляет собой важный инструмент для анализа мировоззренческой динамики современных секулярных обществ.

Идеи Дюркгейма о социальной природе сакрального и его значимости для существования и интеграции общества позволяют лучше понять функциональное значение многих светских идеологий современности, а также значение мировоззренческого и ценностного фундамента для обеспечения социального и культурного единства.

В настоящее время мы наблюдаем во многих странах мира кризис уже не традиционных религий, а светских идеологий, когда-то отчасти заменивших

¹ Зыков К. Общепомосковский крестный ход завершился у Новодевичьего монастыря. – URL: <https://ria.ru/20250907/khod-2040278768.html> (дата обращения: 24.09.2025).

² Краев В. «Весь город – идет и молится!» Крестным ходом по Невскому проспекту Петербурга прошли десятки тысяч людей. – URL: <https://rg.ru/2025/09/12/reg-szfo/ves-gorod-idet-i-molitsia.html> (дата обращения: 24.09.2025).

³ Пензенцы прошли крестным ходом в поддержку российского воинства. – URL: <https://russia58.ru/news/734273> (дата обращения: 24.09.2025).

⁴ Холмогоров Е. Традиционные ценности и исторические традиции. В чем наша сила? URL: https://t.me/holmogor_talks/42179?single (дата обращения: 24.09.2025).

⁵ Кипеев С. Пензенские протестанты приняли участие в крестном ходе. – URL: <https://cogpenza.ru/penzenskie-protestanty-prinyali-uchastie-v-krestnom-hode> (дата обращения: 24.09.2025).

традиционные религии. Можно сказать, что современный мир сегодня входит в эпоху новой идеологической неопределенности, с чем связан и парадоксальный возврат к традиционным религиозным ценностям, наблюдаемый в российском и в ряде других обществ, и потребность в новых гражданских религиях для интеграции и укрепления коллективных идентичностей обществ, остающихся секулярными. Идеи Дюркгейма о социальной природе сакрального остаются в нашем мире по-прежнему актуальными.

Список источников

Гофман А. Б. Теоретические заметки о гражданской религии / А. Б. Гофман // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 25–36. – DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.2. – EDN ZGFMXN.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – Москва: Мысль, 1994. – 399 с. – ISBN 5-244-00574-X.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение / Э. Дюркгейм // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 122–154. – DOI 10.17323/1728-192X-2018-2-122-154. – EDN XYZJOP.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозно жизни: тотемическая система в Австралии Австралии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Аполлонова и Т. Котельниковой. – Москва: Издательский дом «Дело». РАНХиГС, 2018. – 736 с. – ISBN 978-5-7749-1370-1

Егоров В. А. Гражданская религия в современной России и ее элементы / В. А. Егоров // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 1. – С. 113–123. DOI 10.35231/18186653_2021_1_113.

Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант. – Москва: URSS, 2023. – 304 с. – ISBN 978-5-9710-2480-4.

Костина Е. Ю. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе / Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова, А. О. Панфилова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 719–730. – DOI 10.22363/2313-2272-2018-18-4-719-730. – EDN VLKCLB.

References

Goffman A. B. Theoretical Notes on Civil Religion. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2017; 6(4): 25-36. DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.2. (In Russ.)

Durkheim E. Suicide: A Sociological Study. *Moskva: Mysl' = Moscow: Thought*. 1994; 399 p. ISBN 5-244-00574-X. (In Russ.)

Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life: Conclusion. *Sotsiologicheskoye obozreniye = Sociological Review*. 2018; 17(2): 122-154. DOI 10.17323/1728-192X-2018-2-122-154. (In Russ.)

Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. Translated from French by A. Apollonov and T. Kotelnikova. *Moskva: Izdatel'skiy dom "Delo". RANKhiGS = Moscow: Case Publishing House. RANEPA*. 2018; 736 p. ISBN 978-5-7749-1370-1 (In Russ.)

Egorov V. A. Civil Religion in Contemporary Russia and Its Elements. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2021; 1: 113-123. DOI 10.35231/18186653_2021_1_113. (In Russ.)

Kant I. Religion within the Boundaries of Reason Alone. *Moskva: URSS = Moscow: URSS*. 2023; 304 p. ISBN 978-5-9710-2480-4. (In Russ.)

Kostina E. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O. The State of the Value System as a Factor of Anomie in Modern Russian Society. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2018; 18(4): 719-730. DOI 10.22363/2313-2272-2018-18-4-719-730. (In Russ.)

Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в российском обществе / Н. Н. Мещерякова // Власть. – 2014. – № 4. – С. 31–35. – EDN SCKVCV.

Митрофанова А. В. Духовно-нравственные ценности как гражданская религия современной России / А. В. Митрофанова // Век глобализации. – 2019. – № 1 (29). – С. 96–111. – EDN LSDXGR.

Рыжков Н. А. Гражданская религия как коммуникативная среда: концептуальный анализ / Н. А. Рыжков // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2024. – № 2 (113). – С. 76–96. – DOI 10.30570/2078-5089-2024-113-2-76-96. – EDN CNVEIH.

Селезнева А. В. Динамика изменения политических ценностей в постсоветской России / А. В. Селезнева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 1 (37). – С. 78–86. – EDN ТКАНЕТ.

Трофимов С. В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии / С. В. Трофимов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 173–197. – DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-3-190-230. – EDN UNIUKP.

Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер. – Москва: ИД «Республика», 1996. – 580 с. – ISBN 5-250-02595-1 (В пер.).

Цицерон. О государстве. О законах / Цицерон. – Москва: Академический проект, 2016. – 249 с. – ISBN 978-5-8291-1920-1.

Bellah R. Civil Religion in America / R. Bellah. – URL: <https://direct.mit.edu/daed/article-pdf/134/4/40/1828995/001152605774431464.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

Shils E. Charisma, Order, and Status / E. Shils // American Sociological Review. – 1965. – Vol. 30. – No. 2. – P. 199–213.

Meshcheryakova N. N. Features of Anomie in Russian Society. *Vlast' = Power*. 2014; 4: 31–35. (In Russ.)

Mitrofanova A. V. Spiritual and Moral Values as a Civil Religion of Modern Russia. *Vek globalizatsii = The Age of Globalization*. 2019; 1 (29): 96–111. (In Russ.)

Ryzhkov N. A. Civil Religion as a Communicative Environment: Conceptual Analysis. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) = Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2024; 2 (113): 76–96. DOI 10.30570/2078-5089-2024-113-2-76-96. (In Russ.)

Selezneva A. V. Dynamics of Changes in Political Values in Post-Soviet Russia. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2015; 1(37): 78–86. (In Russ.)

Trofimov S. V. Emile Durkheim on the Role of Religion in Public Life. Justification for the Choice of Elementary Religion. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019; 25(3): 173–197. DOI 10.24290/1029-3736-2019-25-3-190-230. (In Russ.)

Hübner K. The Truth of Myth. *Moskva: ID "Respublika" = Moscow: Publishing House "Respublika"*. 1996; 580 p. ISBN 5-250-02595-1. (In Russ.)

Cicero. On the State. On the Laws. *Moskva: Akademicheskii proyekt = Moscow: Academic project*. 2016; 249 p. ISBN 978-5-8291-1920-1. (In Russ.)

Bellah R. Civil Religion in America. Available at: <https://direct.mit.edu/daed/article-pdf/134/4/40/1828995/001152605774431464.pdf>. Accessed: 20.09.2025.

Shils E. Charisma, Order, and Status. *American Sociological Review*. 1965; 30(2): 199–213.

Для цитирования: Дубровин В. Л. Религия и социальная интеграция. Концепция гражданской религии, проблема ее формирования в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 45–60.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.3
EDN VARMUM

Сведения об авторе

Дубровин Владимир Леонидович
Кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН
SPIN-код: 8268-3370
AuthorID РИНЦ: 881856
vladimir.dubrovin@gmail.com

История статьи:

Поступила в редакцию – 25.09.2025
Одобрена после рецензирования –
16.10.2025
Принята к публикации – 17.10.2025

Information about author

Vladimir L. Dubrovin
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Research fellow,
Institute of Sociology of FCTAS RAS
vladimir.dubrovin@gmail.com

УДК 338.2 + 316.7

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.4

EDN WDUNOT

Научная статья

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА ПРИ НООПЕРЕХОДЕ К НООНОМИКЕ

THE ROLE OF CULTURE FACTOR IN THE TRANSITION TO NOONOMICS

М. В. Гречко*

ORCID: 0000-0002-8196-3807

А. А. Плешивецва*

ORCID: 0000-0001-7200-6100

Mikhail V. Grechko*

Anna A. Pleshivtseva*

** Институт туризма, сервиса и креативных индустрий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия*

** Institute of Tourism, Service and Creative Industries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования. Сегодня мы являемся свидетелями проявлений мультифакторного кризиса развития, поразившего глобальную систему хозяйствования. Сфере культуры в переходный период к ноономике принадлежит особая роль. Представляется, что именно культура (культурный фактор) служит основным пространством реализации творческих потенций субъекта и инструментом для его общественной адаптации в рамках ноономного развития и поиске адекватного ответа на стоящий сейчас цивилизационный вызов – «входа» в цифровую современность.

Objective of the study. Today there is a multifactorial crisis of development that has hit the global economic system. Cultural sphere has a special role to play in the period of transition to noonomics. It seems that it is culture (cultural factor) that serves as the main space for the realization of creative potentialities of the subject and as a tool for its social adaptation within the framework of noonomical development and the search for an adequate response to the civilizational challenge (the “entrance” to digital modernity).

Методология исследования. Методологическая палитра представленного исследования представлена следующими инструментами: диалектический метод, метод научной абстракции, теория ноономики.

Methodological basis of the study. The methodological palette of the research is represented by the following tools: the dialectical method, the method of scientific abstraction, the theory of noonomics.

Результаты исследования. Определено, что категории «культура» в экономике свойственен дуализм: с одной стороны, говоря о

Results of the study. In economics the category “culture” is characterized by dualism. On the one hand, when we talk about culture, we understand

© Гречко М. В., 2025

© Плешивецва А. А., 2025

культуре, мы понимаем убеждения, нравы, обычаи, ценности, которые свойственны соответствующей социальной группе, с другой стороны, культурный фактор в экономике раскрывается в функциональном разрезе, позволяя идентифицировать определенные виды хозяйственной деятельности, с опорой на просвещение, искусство, творчество и т. д. Приведены качественные характеристики, отличающие ноономику от экономики. При ноопереходе к ноономике происходит трансформация содержания труда, его ароморфоз, в рамках которого он становится *способом* интеллектуальной, ценностной и духовной самореализации личности, ее *потребностью*. Доказано, что культура в условиях конкретно-исторического нооперехода к ноономике функционирует как «двойной агент», выступая как активным конструктором потребностей через алгоритмически управляемые медиаплатформы, так и генерируя альтернативные ноопрактики, бросающие вызов рыночному империализму.

Перспективы исследования. Дальнейшее развитие высказанных положений заключается в возможности исследования влияния культурного фактора на развитие отечественной экономики.

Ключевые слова: культура, культурный фактор, творчество, потребность, труд, ноономика, знания

the beliefs, mores, customs, and values that are characteristic of the corresponding social group. On the other hand, the cultural factor is revealed in economics in a functional context, that allows us to identify certain types of economic activities based on education, art, creativity, etc. Qualitative characteristics that distinguish nononomics from economics are given. During the transition to nononomics, there is a transformation of the content of work, its aromorphosis, in which it becomes a way of intellectual, value and spiritual self-realization of a person, his need. In terms of specific historical transition to nononomics culture functions as a “double agent”, acting as an active constructor of needs through algorithmically controlled media platforms, and generating alternative noo practices that challenge market imperialism.

Prospects of the study. Further development of the stated provisions lies in the possibility of studying the influence of culture factor on the development of the domestic economy.

Keywords: culture, culture factor, creativity, need, labor, originality, nononomics, knowledge

Введение

Не секрет, что сегодня мы являемся свидетелями мультифакторного кризиса развития, поразившего глобальную систему хозяйствования. Поздняя капиталистическая (опираясь на содержание и логику качества общественных отношений) глобальная модель хозяйствования столкнулась с парадигмальным кризисом потребления, в центре которого находится вектор постоянного воспроизводства симулякров и потребление в режиме 24/7. В сложившихся условиях именно производство товаров-симулякров, а не развитие человека, выступает основной целью экономики. В частности, появляется необходимость в виртуальном признании, в символах и иных знаках, которые, переходя из пространства культуры и идеального, становясь элементом

символического капитала, интегрируются в систему социального статуса и товарно-рыночных отношений.

Сфере культуры в переходный период к ноономике принадлежит особая роль. Представляется, что именно культура (культурный фактор) служит основным пространством реализации творческих потенций субъекта и инструментом для его общественной адаптации в рамках ноономного развития. Что касается нашей страны, то культурному фактору также принадлежит важнейшая роль в построении адекватного ответа на стоящий сейчас цивилизационный вызов – «входа» в гибридную современность, размывающую эволюционную цепочку исторического кода нации.

Далее будут представлены авторские рассуждения касаясь обозначенной проблематики: исследования влияния культурного фактора на содержание, динамику и специфику нооперехода к ноономике.

Обзор источников по проблеме исследования

Ретроспективно введение в научное поле анализа феномена «культура» в контексте исследования экономической динамики причин формирования богатства наций следует отнести к XVIII веку и работам классиков политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо (Рикардо, 2007. С. 422) и др.). А. Смит один из первых в экономической науке вводит в научный оборот концепцию *homo economicus* – «человека экономического» (Смит, 1993).

Позднее, в текстах основоположников политэкономии и философии марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса (Маркс, Энгельс, 1988; Энгельс, 1989), мы можем увидеть преломление идей о трансформации потребностей и их влиянии на динамику общественных отношений. В частности К. Маркс говорит о роли творческого труда как инструмента перехода от мира отчуждения и эксплуатации¹ к миру, где основная ценность – Человек. Марксистская теория постулирует, что культура служит инструментом идеологического воздействия, направленного на создание в том числе и «превращенных» потребностей. В ряде работ современных представителей школы критического марксизма А. В. Бузгалина, О. В. Барашковой, Л. А. Булавки-Бузгалиной, М. В. Гречко, А. И. Колганова и др. (Бузгалин, Барашкова, 2023; Бузгалин, Колганов, 2015. С. 400; Булавка-Бузгалина, 2018; Гречко, Плешивцева, 2025) утверждается, что в (пост)капитализме труд как необходимость «уходит», и происходит отчуждение от человека уже социальных и духовных свойств личности.

В XX в., по мере дальнейшего развития инструментария и предмета неоклассики, в научном поле появляются работы, посвященные исследованию влияния культурного фактора на развитие экономической динамики (Дж. Уоллис, Л. Роббинс, А. Пикок, С. Бастен (Basten et al., 2013), Дж. К. Гэлбрейт, У. Баумоль, Д. Аджемоглу (Аджемоглу, 2015), Д. Родрик, Д. Тросби (Тросби, 2001), С. Хан-

¹ Именно при помощи категорий «отчуждение» и «эксплуатация» К. Маркс дает формальное представление феномена рабства и соответствующих отношений им детерминированных.

тингтон (Хантингтон, 2003) и др.). Д. Тросби полагал, что культурная ценность некоторых товаров и услуг не эквивалентна их экономической ценности, потребление культурных благ имеет эстетический компонент, который часто прямо не оценивается экономическим механизмом. В свою очередь С. Хантингтон обнаружил взаимосвязь между экономической модернизацией и религией.

Применительно к обозначенной исследовательской проблеме отдельного внимания заслуживают вопросы, вызванные акселерационизмом и трансформацией структуры и содержания общественного развития. Выработкой теоретико-методологического базиса – теории ноономики, занимаются исследователи ИНИР им. С. Ю. Витте. В частности, С. Д. Бодрунов и его коллеги (Зотова, 2021) полагают, что переход к ноономике должен основываться на «...естественной, знаниевой и технологической революции. Такой переход будет осуществляться через прогресс знаний, интеллекта, ума, направляемых на все более полное удовлетворение растущих потребностей людей. [...] И в то же время в структуре самих потребностей на первый план будут во все возрастающей степени выходить потребности истинно человеческие – в образовании, изучении мироздания, духовном развитии, культуре» (Бодрунов, 2020. С. 224). Что касается авторского вклада в исследуемую проблему, то он представлен в ряде предшествующих публикаций (Гречко, 2023; Гречко, Плешивцева, 2024). Таким образом, заявленная проблема представляется актуальной и значимой как в теоретическом аспекте, так и в прикладном, и требует более детальной проработки и конкретизации.

Методы и методология

Опираясь на поставленную проблему и ее теоретико-практическую значимость, сформулируем исследовательскую цель, которая, в первичном приближении, заключается в определении содержания, характера и направлений влияния культурного фактора при ноопереходе к ноономике в XXI веке.

Методологическая палитра исследования представлена следующими инструментами, востребованными для решения поставленной научной цели.

Диалектический подход позволяет в контексте исследования влияния культурного фактора на содержание, динамику и специфику нооперехода к ноономике изучить диалектическую взаимосвязь и взаимодействие различных аспектов культуры и формирования потребностей человека при переходе к ноономике. Диалектика также, инструментально, служит формированию системы понятий и категорий соответствующего предмета познания.

Метод научной абстракции позволяет логически последовательно исследовать научные категории и определить причинно-следственные связи между культурой и динамикой воспроизводства прогрессивных общественных отношений при переходе к ноономике.

Теория ноономики. Для человека видообразующей характеристикой является возможность оперирования т. н. вторичными моделирующими сите-

мами, такими как искусство, культура, наука. Сфера культуры, посредством своей конструктивной протестической природы и векторной направленности, оказывает существенное влияние на логику и опционально-инструментальную сторону процесса воспроизводства прогрессивных общественных отношений, востребованных для нооперехода к нооному развитию.

Культурный фактор в современной экономике: содержательная детерминация

Представление авторских размышлений касемо влияния культурного фактора на содержание, динамику и специфику нооперехода к ноономике, начнем с понятийной детерминации категории «культура». При этом, попутно заметим, что в современном гносеологическом поле экономики одномоментно присутствуют различные научные школы, зачастую предлагающие альтернативные или даже конфликтные позиции, что обуславливает сложности в формальном определении данной категории (табл. 1).

Таблица 1

Качественный анализ определений категории «культура»

<i>Автор</i>	<i>Аспекты, на которых концентрируется внимание исследователя</i>
К. Маркс	Культуре в структуре экономической системы принадлежит роль надстройки, однако способной стать одним из конституирующих условий для перехода от т.н. «мира отчуждения» к «царству свободы».
Ж. Бодрийяр	Расположение культуры в меняющемся универсуме осязаемых и неосязаемых социальных и экономических феноменов. Подобные «симуляции» Маркс назовет «превращенными» формами, а видный представитель отечественной школы критического марксизма А. В. Бузгалин – «симулякрами».
Г. Коцци	Интерпретация культуры как социального актива, включенного в производительные функции единиц трудовой эффективности.
Д. Норт	Культура рассматривается как фундамент экономических процессов, что обуславливает необходимость рассмотрения «любого человеческого поведения как культурного».
В. Р. Розен	Зарождение всероссийского самосознания на основе феномена «национальной культуры».
А. А. Аузан	Культура имеет не меньшее значение для экономики, чем экономика для культуры. Культура воздействует на экономику посредством т.н. «культурных кодов», т.е. набора ценностей и поведенческих установок.
С. Д. Бодрунов	При переходе к ноономике в структуре потребностей на первый план будут выходить потребности в образовании, изучении мироздания, духовном развитии, культуре.
Н. Г. Яковлева	Человек является главным носителем общечеловеческих и культурных ценностей.

Источник: авторская разработка по (Гречко, Плешивцева, 2025).

Как мы видим (табл. 1), в применении категории «культура» в гносеологическом поле экономической науки присутствует некий дуализм. Так, с одной стороны, говоря о культуре, мы понимаем убеждения, нравы, обычаи, ценности, которые свойственны соответствующей социальной группе или классу. С другой стороны, культурный фактор в экономике раскрывается в инструментально-функциональном разрезе, позволяя идентифицировать определенные виды и формы хозяйственной деятельности, с опорой на просвещение, искусство, творчество и т. д.

Отдельно следует сказать о влиянии культурного фактора на формирование потребностей. В своем гносеологическом значении потребности находятся в ряду факторов-детерминант, опосредующих экономическое поведение индивидов. Сам термин «экономическое поведение» отражает содержание модели принятия решений, включающей в себя эгоистические проявления потребителей, стремящихся к максимизации собственной полезности. Культура, находясь в составе процесса принятия решений, прямо взаимосвязана с экономическим поведением, влияя на него. Известно, что от культурного контекста зависит не только выбор значения номинаций при принятии решений, но и последующий ход наших действий.

Сфера культуры посредством своей конструктивной природы аккумулирует в себе сложную информацию. Как было отмечено в предыдущих исследованиях авторов, «онтологически культура является гетерогенным динамическим и эволюционирующим феноменом, который познается при помощи опыта и ощущений. Культура служит маркером для выявления особенностей отдельных социальных групп внутри общественного поля, охватывая, [...] интеллектуальные и творческие функции индивида» (Гречко, Плешивцева, 2025. С. 137–138).

В итоге, в расширенном толковании, культурный фактор с полным основанием может нами рассматриваться как фундаментальная движущая сила прогресса Человека и человечества, при интеллектуально-креативном переходе от парадигмы удовлетворения симулятивных потребностей к новым человекоцентричным (ноономным) моделям общественного развития. Здесь необходимо заметить, что подобный разворот не является принципиально новым явлением. Так, в начале 1990-х гг. ООН приняла «Международную стратегию развития», артикулирующую в качестве основной цели развитие человека. Был также учрежден ежегодный «Доклад о развитии человека», впервые опубликованный в 1991 г. Однако для достижения поставленной цели культура не должна входить в пространство рынка, дистанцируясь от реализации своей основной миссии – просвещения и формирования смыслов.

О влиянии культурного фактора на ноопереход при движении к нооэкономике

Прежде чем говорить непосредственно о влиянии культурного фактора на ноопереход, в контексте теории нооэкономики, необходимо четко понимать

логико-исторический контекст эпохи, в границах которой происходит исследование данного процесса, а также отличия ноономики от традиционной экономики. Приведем ряд замечаний по этому поводу.

Как уже было сказано, современная историческая эпоха представляет собой фазный переход в эволюционной динамике развития общественно-экономической системы, выпукло проявляющей рассогласование между поздней капиталистической моделью развития и когнитивной реальностью. В этот период, как правило, наблюдается существенное расхождение в уровне развития теории и конкретной сложности исследуемого процесса или явления, детерминирующее соответствующее «генетике» исторического процесса инструментально-теоретическое научное познание.

Методологическим ключом, позволяющим на качественно ином уровне теоретического осмысления, исследовать ролевую трансформацию человека в системе общественных отношений XXI века, является теория ноономики, которой присуще содержательное расхождение с традиционными взглядами на экономику. Как известно, экономика содержательно представляет собой конкретную совокупность общественно-производственных отношений между людьми, внутри которых прослеживаются качественные изменения, детерминированные развитием производительных сил. Так как в XXI веке знаниеёмкий труд становится основной производительной силой, то именно его качественная параметризация и определяет характер трансформаций, происходящих в системе общественных отношений. В XXI веке производительные силы из экстерналих становятся интернальными, имманентно присущими самому носителю, т. е. работнику, трансформируя его культурную матрицу.

В свою очередь ноономика представляет собой «неэкономическую общественную форму хозяйственной деятельности людей, нацеленную на удовлетворение ноопотребностей (в первую очередь – потребностей в развитии личности человека) на основе развития ноопроизводства, то есть такого производства, которое осуществляется при выходе человека из непосредственной трудовой деятельности (“безлюдное производство”) и управлении техносферой как внешней по отношению к человеку сферой реализации потенциала человеческого познания» (Бодрунов, 2020. С. 224).

Как мы видим, в основе теории ноономики лежит следующая комбинация – «квадрига» (термин С. Д. Бодрунова) условий/характеристик, отличающих ее от экономики в традиционном понимании:

– «снятие» экономики как системы производственных отношений¹;

¹ Известно, что именно отношение собственности, как субъект-субъектное общественное отношение, определяемое характером (содержанием) базового производственного ресурса, породило все действующие общественные режимы. В ноономике, *par excellence*, нет собственности как отношения; оно онтологически «снято».

– переход от утилитарных к ноопотребностям – т. н. *инверсия* традиционной пирамиды А. Маслоу;

– повышение роли знания и творчества в выполняемых трудовых операциях¹, т.е. – *ароморфоз* труда.

– культура солидаритета – переход к концепции совместного общественного блага (совладению, сотворчеству, ответственности и т. д.).

Апеллируя к сказанному, заметим, что работа с понятиями неизменно требует обращения к абстракциям, т. е. научно-абстрактного представления. Не лишне напомнить, что именно абстракция помогает понять содержание процесса развития. Сейчас рассуждения о ноономике по большей части находятся в области абстрактных научных представлений; иными словами, воспроизведении конкретного в мышлении, основанного на понимании его роли в составе целого. В соответствии с принципами диалектической логики, ноономика представляет собой научную абстракцию, вместе с тем позволяющую, вследствие постулирования идеи «снятия» экономики вообще, обозначить конкретный вектор социальной эволюции, состоящий в построении общества, в котором развитие каждого из его членов является условием развития всех остальных. Построение подобной ноомодели общественного взаимодействия требует учета соответствующих специфических режимов – ноопереходов.

В нашем представлении «*ноопереход*» представляет собой соответствующую комбинацию качественных изменений в системе общественного развития, цель достижения которых называлась еще К. Марксом «той» стороной собственно материального производства и *общественных отношений* [авторское дополнение]. Это уровень развития общества, в котором решающее значение приобретают творческий труд, знания и культура. Тем самым культура выступает как сфера, внутри которой зарождаются те самые «ростки» прогрессивных общественных отношений, которые «снимают» господствующие капиталистические отношения отчуждения, способствуя тем самым переходу от «мира отчуждения» к креатосфере, служащей базисом ноономного развития.

Средством достижения подобного состояния является трансформация содержания труда, который из необходимости становится средством выражения более возвышенных потребностей и идей человека-творца. Человеку в данной конструкции отводится роль перманентной силы общественного прогресса, использующей для этого знания, интеллект и творчество. Надо сказать, что подобные изменения происходят уже сейчас. С начала XXI века мы

¹ В странах капиталистического «ядра» совокупный прирост занятости происходит в основном за счет создания рабочих мест с преобладающей долей умственного труда: до 90 % в Японии и Великобритании; порядка 85 % в США. (Формирование информационных кластеров в Республике Беларусь: адаптация зарубежного опыта // Современные технологии управления. – URL: <https://sovman.ru/article/8601> (дата обращения: 06.06.2024)).

наблюдаем рост доли товаров, произведенных высококвалифицированными работниками в секторах обрабатывающей промышленности с 37,7 % (1995 г.) до 44,2 % (2020 г.). За период с 1995 по 2020 г. происходит двукратный рост доли развивающихся стран во внешней торговле товарами, произведенными с помощью высококвалифицированных работников, с 26,3 % до 50,8 % соответственно¹.

Таким образом, при переходе к ноономному развитию мы наблюдаем разворачивающуюся историческую практику: диалектику одномоментного сосуществования отношений отчуждения и креатосферы, проявляющихся во взаимопереплетении репродуктивного и творческого труда. Так, по мнению К. Маркса, не существует полностью неинтеллектуального, простого труда. Труд по своему содержанию предполагает диффузию физических и умственных сил работника. В этой связи авторы разделяют точку зрения ведущего научного сотрудника ИЭ РАН Н. Г. Яковлевой, согласно которой «...человек является главным носителем общечеловеческих и культурных ценностей» (Яковлева, 2024. С. 38).

Проблема переходных режимов (ноопереходов) в функционировании общественных систем напрямую связана с проблемами их адаптации, происходящими на фоне акселерационизма развития. Ноопереход на практике выражается в инверсии доминантных потребностей, в рамках которой труд становится не необходимостью, а *мотивом* и *потребностью*, реализуемой в рамках творческой деятельности, лежащей в плоскости культуры. Именно творческий труд должен лечь в основу для преодоления отношений отчуждения и эксплуатации, путем выстраивая культуры партнерских отношений и совладения. Сегодня мы можем наблюдать развитие соответствующих форм общественных отношений, основанных на совладении объектами собственности, практиках отношений своеобразного *soft*-коллективизма и культуры «народного социализма».

При ноопереходе к ноономике происходит трансформация содержания труда, сопровождающаяся повышением роли знания в выполняемых трудовых операциях. При этом изменяется и сам характер трудовой деятельности, выраженный в развороте от утилитарного труда к креативному² (творческому в пределе). Так, в соответствии с законами диалектики, с редукцией простого труда одномоментно происходит рост доли труда сложного, заниеёмкого.

¹ Новые контуры промышленной политики. – URL: Режим доступа: <https://indpolicy.hse.ru/mirror/pubs/share/863520529.pdf> (дата обращения: 29.05.2025).

² По данным UNCTAD темпы роста экспорта креативных продуктов опережают динамику традиционных отраслей, и уже к 2030 году он может составить около 10 % мирового ВВП. UNCTAD Report. World Economic Situation and Prospects. Free Economic Society of Russia. 2025. – URL: <https://unctad.org/publication/world-economic-situation-and-prospects-2025> (дата обращения: 21.04.2025).

Сегодня мы все более отчетливо наблюдаем признаки «когнитивизации труда», в числе которых рост доли т. н. «немашинных» форм труда (образование, наука, культура, креативные индустрии и т. д.), повышение спроса на креативные навыки и компетенции вследствие развития генеративного ИИ¹, и творчество вообще. Благодаря бурному развитию креативных секторов глобальной экономики ценность создается не в рамках товарного капиталистического производства, а в пространстве креатосферы, посредством способности к переосмыслению знаково-символьного содержания социотехнологической и культурной действительности вовлеченных в этот процесс креативных работников, численность которых в последнее время неуклонно возрастает (рис. 1).

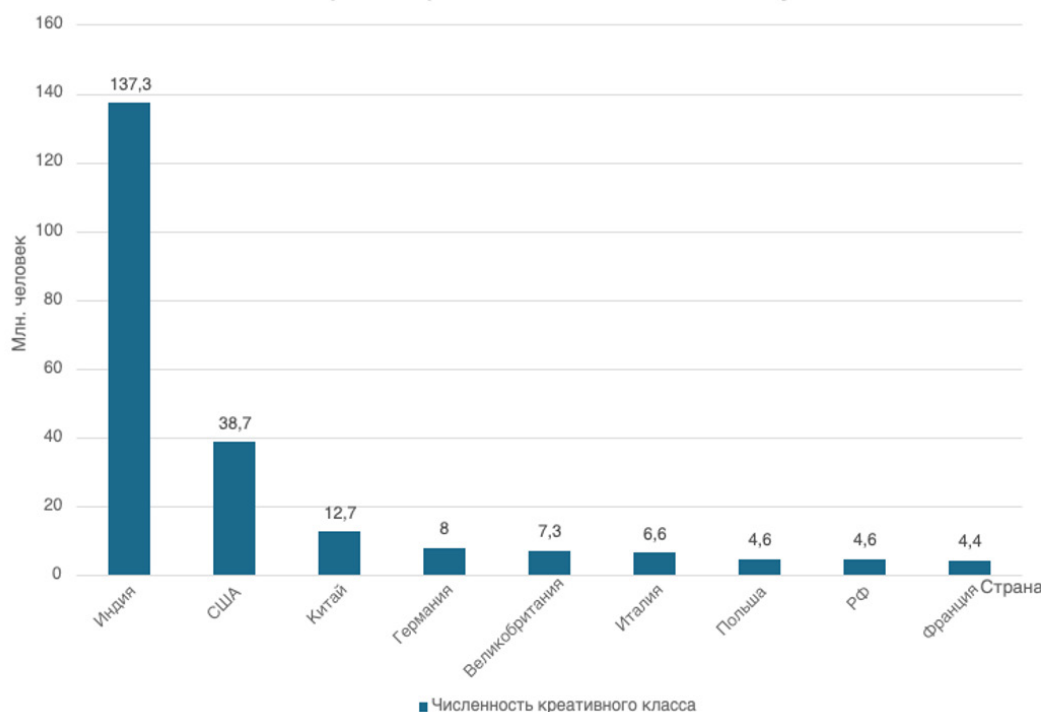

Рис. 1. Динамика развития глобального креативного класса

Источник: составлено на основе данных: The Creative Class Group. – URL: <https://creativeclass.com/reports/The-Creator-Revolution.pdf> (дата обращения: 30.05.2025); Бизнес-платформы Statista. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1259037/creative-economy-employment-russia> (дата обращения: 30.05.2025); Статистического ежегодника культурных и смежных отраслей Китая – 2023. – URL: <https://www.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 30.05.2025).

¹ Сегодня одним из системных навыков для креативных работников выступает умение взаимодействовать в гибридных креативных командах, основанных на симбиозе естественного и генеративного ИИ. По данным trends.rbc 92 % крупнейших мировых компаний, представленных в рейтинге Fortune 500, используют в своей профессиональной деятельности ChatGPT. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/674832ca9a794726499937c8> (дата обращения: 19.02.2025).

Креативные специалисты, выступая основным капиталом новой экономической эпохи, в массе склонны к профессиональной мобильности и смене пространственной локации, интегрируясь в соответствующую культурную знаково-символьную среду. Это очень важный момент, т. к. в проводимых последнее время кросс-культурных исследованиях доказано, что язык, выступая как культурный феномен, способен соединять в единое смысловое поле объекты внешнего мира и нейрофизиологические феномены посредством конвенционального семиотического механизма. Именно по этой причине электронные тексты, с которыми работают креативные работники, представляют собой совершенно иную организацию когнитивного и ментального пространства индивида¹. При этом креативные работники обладают достаточно особой культурной матрицей (этосом), выраженной в:

- принятии образа жизни, основанного на креативном опыте и креативной самореализации;
- синтезе буржуазных и богемных ценностей;
- изменении системы основных мотивов, выраженных в том, что креативность выступает как мотив и как потребность.

Важным институциональным «ядром» воспроизводства креативности выступают т. н. креативные индустрии. В культурном аспекте для системы креативных индустрий² важнейшим объектом (структурной единицей) является городская агломерация, способная стать соответствующим пространством – креативной «фабрикой» по производству как креативного продукта, так и соответствующей культуры ответственного потребления.

В креативном городе в конкурентной борьбе выигрывает не собственник капитала, а креативный работник, способный к когнитивному креативному синтезу, позволяющему генерировать идеи на основе креативного опыта. Человек поднимается в рамках креативного взаимодействия на принципиально иную ступень развития, становясь т. н. «коллективным» носителем культурного потенциала, смыслообразующим субъектом и сотворцом всеобщей реальности. Тем самым городская креативная агломерация генерирует новую культуру поведения, где технологический прогресс и аутентичная самобытная культура взаимно усиливают друг друга, создавая сложную сеть детерминант: с одной стороны, воспроизводя новые потребности посредством алгоритмов цифровых платформ и медиа, с

¹ Человек, пишущий текст при помощи механических средств, неизбежно теряет связь руки с листом бумаги, которая позволяет реагировать на импульсы нейронов головного мозга, отвечающих за творческий процесс.

² Что касается нашей страны, то по актуальным данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ половина, занятых в креативных профессиях составляют специалисты ИКТ (26,1 %), культуры и искусства (24,3 %). «Креативный сектор России в цифрах: 2024». – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/996745056.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).

другой – адаптируясь, структурно трансформируясь под влиянием технологических инноваций.

Обозначенные процессы показывают, что культура в рамках ноономики не просто отражает существующий! экономический базис, но и активно формирует реальность, стирающую границы между материальным и виртуальным¹, индивидуальным и коллективным, создавая соответствующие предпосылки для продуктивной трудовой деятельности, превращая *homo economicus* в *noo-homo*. Соответственно, труд в креативно-интеллектуальную эпоху, высвобождаясь из-под индустриального гнета, становится *способом* (инструментом) интеллектуальной, ценностной и духовной самореализации личности, ее потребностью, способствующей развитию имманентных «генетических» потенциалов, необходимых для воспроизводства культурных феноменов². При этом культурный феномен обладает целым набором атрибутивных характеристик, проявляющихся в следующих формах:

- аутентичная ценность (эстетическая интерпретация);
- духовная ценность (интерпретация в мистико-религиозном контексте);
- социальная ценность (вневременная связь между автором произведения и индивидом, который его «потребляет»);
- историческая ценность (выстраивание в исторической ретроспективе последовательной взаимосвязи эпох и поколений);
- символическая ценность (интерпретация в смысловом контексте).

Приведенные примеры свидетельствуют о генезисе альтернативных общественных парадигм, которые ставят под сомнение гегемонию рыночного империализма, предлагая модели развития, основанные на кооперации, прозрачности и этической ответственности, где ценность создается через синергию коллективных усилий. Именно к такой парадигме и относится теория ноономики, разрабатываемая С. Д. Бодруновым и его коллегами.

Приведенный синтез подтверждает, что культура в условиях конкретно-исторического нооперехода к ноономике не является чем-то заданным по определению. Она функционирует как некий «двойной агент», реализующий, как кажется на первый взгляд, противоречивые функции в структуре общественных отношений. Так, с одной стороны, культура выступает активным «конструктором» потребностей через алгоритмически управляемые медиаплатформы, которые радикально сокращают жизненный цикл трендов, ускоряя их переход от актуальности к архаизации. С другой стороны, культу-

¹ Культура оказывает прямое влияние на истоки вербального мышления. Так, представители школы Выготского экспериментально подтвердили гипотезу о влиянии видов деятельности на процесс мышления.

² Конечным результатом творческой деятельности является создание культурной ценности (культурного феномена), созданной вещи и преодоление (или снятие) «отчуждения» Человека. Таким образом, результат творческой деятельности находится в области идеального.

ра генерирует альтернативные ноопрактики, бросающие вызов рыночному империализму: ноономика, открытые инновационные экосистемы демонстрируют, как коллективные действия могут формировать новые паттерны потребления, основанные на доступе, а не владении, и на этике, а не эксплуатации и т. д.

Таким образом, культура в переходных фазах на пути к ноономике (как высшей форме развития общества) становится полем перманентного конфликта между коммодификацией и декоммодификацией, между гомогенизацией, навязываемой алгоритмами, и дифференциацией, порождаемой локальными сообществами, что открывает новые перспективы для исследования баланса между технологической детерминацией и культурной агентностью в формировании человекоцентричных (ноономных) моделей общественного развития.

Заключение

Проведенное исследование влияния культуры на содержание, динамику и специфику нооперехода к ноономике показало высокую степень влияния данного фактора на обозначенный процесс. Как мы видим, в пространственно-временных границах XXI века культура оказывает значимое влияние на скорость и содержание социально-экономического развития общества. При этом воспроизводство культурного феномена должно быть реализовано только с учетом специфики конкретных общественных отношений, в соответствующих пространственных институциях.

В конкретно-исторических границах восходящей эволюционной динамики системы общественных отношений, целью которой выступает переход к ноономике и прогрессу творческих потенций Человека, наблюдается содержательная трансформация труда – его ароморфоз:

- труд становится преимущественно творческим по своему содержанию, являясь высшей формой выражения интеллектуального продукта;
- творческий труд способствует приращению знания во всех его формах;
- творческий труд становится не необходимостью, а генетической *ноопотребностью* личности-творца, способствующей развитию имманентных «генетических» потенций, необходимых для воспроизводства культурных феноменов.

Именно в этом смысле должна реализоваться цель ноономики, выраженная в полном «снятии» системы экономических отношений и эволюционном переходе к новому качеству общественной жизни – такому уровню развития общества, в котором решающее значение приобретают творческий труд, знания и культура. Представляется, что в свете сказанного роль культурного фактора, в реализации данного процесса сложно переоценить.

Список источников

Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д. Робинсон; [пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича]. – Москва: Изд-во АСТ, сор. 2015. – 692 с. – ISBN 978-5-17-092736-4.

Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. – Москва; Санкт-Петербург; Лондон: Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований “Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте”» Культурная революция, 2020. – 224 с. – ISBN 978-5-00020-076-6. – EDN EPLUCE.

Бузгалин А. В. После рынка: рождение новой [пост]экономики / А. В. Бузгалин, О. В. Барашкова // *AlterEconomics*. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 731–750. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1. – EDN GENPVO.

Бузгалин А. В. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Издание 3-е, испр. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с. – ISBN 978-5-9710-1632-8.

Булавка-Бузгалина Л. А. Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения / Л. А. Булавка-Бузгалина // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. – 2018. – № 5. – С. 73–84. – EDN YPLZSP.

Гречко М. В. О роли феномена культуры в контексте перехода к (пост)индустриальной экономике / М. В. Гречко, А. А. Плешивцева // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 132–147. – DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.9. – EDN PCBDPJ.

Гречко М. В. О роли креативного работника в экономике XXI века / М. В. Гречко, А. А. Плешивцева // *Вопросы политической экономии*. – 2024. – № 3. – С. 150–168. – DOI 10.5281/zenodo.13895711. – EDN CTTMVW.

References

Acemoglu D., Robinson D. Why are some countries rich and others poor Text: the origin of power, prosperity, and poverty. Translated from English by D. Litvinov, P. Mironov, S. Sanovich. *Moskva: Izdatelstvo AST = Moscow: AST Publishing House*. 2015; 692 p. ISBN 978-5-17-092736-4. (In Russ.)

Bodrunov S. D. Noonomics: the trajectory of global transformation. *Moskva; Sankt-Peterburg; London: Assotsiatsiya «Nekommercheskoye partnerstvo po sodeystviyu v provedenii nauchnykh issledovaniy “Institut novogo industrial’nogo razvitiya im. S. Yu. Vitte”» Kul’turnaya revolyutsiya = Moscow; St. Petersburg; London: Association “Non-profit partnership for the promotion of scientific research “Witte Institute of New Industrial Development” Cultural Revolution*. 2020; 224 p. ISBN 978-5-00020-076-6. (In Russ.)

Buzgalin A. V., Barashkova O. V. After the Market: The Birth of a New [Post]Economy. *AlterEconomics*. 2023; 20(4): 731-750. DOI 10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.1. (In Russ.)

Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Global Capital. In 2 volumes. Vol. 1. Methodology: Beyond Positivism, Postmodernism, and Economic Imperialism (Marx Reloaded). 3rd edition, corrected. *Moskva: LENAND = Moscow: LENAND*. 2015; 640 p. ISBN 978-5-9710-1632-8. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L. A. Marx-XXI. Social Progress and Its Price: The Dialectics of Alienation and Disalienation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. 2018; 5: 73-84. (In Russ.)

Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. On the Role of the Phenomenon of Culture in the Context of the Transition to a (Post)Industrial Economy. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2025; 14(1): 132-147. DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.9. (In Russ.)

Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. On the Role of the Creative Worker in the 21st Century Economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii = Questions of Political Economy*. 2024; 3: 150-168. DOI 10.5281/zenodo.13895711. (In Russ.)

Гречко М. В. О диалектическом подходе к исследованию эволюции экономических систем / М. В. Гречко // Вопросы политической экономии. – 2023. – № 3. – С. 116–130. – DOI 10.5281/zenodo.8320052. – EDN VCMKQL.

Зотова Е. С. О ноономике как основе глобальной трансформации (рецензия на книгу С. Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации») / Е. С. Зотова // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 2 (93). – С. 123–129. – DOI 10.33293/1609-1442-2021-2(93)-123-129. – EDN VYHCSM.

Маркс К. Немецкая идеология. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1988. – 574 с. – ISBN 5-250-00085-1 (В пер.)

Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо; [пер. с англ. П. Сраффа]. – Москва: Эксмо, 2007. – 954 с. – ISBN 978-5-699-18745-4.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: [в 2 т.] / А. Смит; [пер. с англ. введ. ст., коммент. Е. М. Майбурда]. – [Т. 1]: Кн. 1–3. – Москва: Наука, 1993. – 570 с. – ISBN 5-02-012059-6.

Тросби Д. Экономика и культура / Д. Тросби. – Кембридж: Cambridge univ. press, 2001. – XV, 208 с. – ISBN 0-521-58639-9.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с. – ISBN 5-17-007923-0.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1989. – 226 с. – ISBN 5-250-00259-5.

Яковлева Н. Г. От «человеческого капитала» к человеческому потенциалу: на пути к ноономике / Н. Г. Яковлева // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2024. – Т. 3, № 4. – С. 32–42. – DOI 10.37930/2782-618X-2024-3-4-32-42. – EDN TXYCPJ.

Basten C. Beyond work ethic: Religion, individual, and political preferences /

Grechko M. V. On the dialectical approach to the study of the evolution of economic systems. *Voprosy politicheskoy ekonomii = Voprosy politicheskoy ekonomiki*. 2023; 3: 116-130. DOI 10.5281/zenodo.8320052. (In Russ.)

Zotova E. S. On noonomics as the basis for global transformation (review of the book by S. D. Bodrunov “Noonomics: the trajectory of global transformation”). *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economic science of modern Russia*. 2021; 2(93): 123-129. DOI 10.33293/1609-1442-2021-2(93)-123-129. (In Russ.)

Marx K., Engels F. The German Ideology. Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. *Moskva: Politizdat = Moscow: Politizdat*. 1988; 574 p. ISBN 5-250-00085-1. (In Russ.)

Ricardo D. Principles of Political Economy and Taxation. Translated from English by P. Sraffa. *Moskva: Eksmo = Moscow: Eksmo*. 2007; 954 p. ISBN 978-5-699-18745-4. (In Russ.)

Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: Text in 2 vols. Translated from English: introduction, commentary by E. M. Maiburd. Vol. 1: Book 1-3. *Moskva: Nauka = Moscow: Science*. 1993; 570 p. ISBN 5-02-012059-6. (In Russ.)

Throsby D. Economy and Culture. *Kembridzh: Cambridge university press = Cambridge: Cambridge university press*. 2001; XV. 208 p. ISBN 0-521-58639-9. (In Russ.)

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Transformation of World Order: trans. from English. *Moskva: AST = Moscow: AST*. 2003; 603 p. ISBN 5-17-007923-0. (In Russ.)

Engels F. The Origin of the Family, Private Property, and the State: In Connection with the Research of Lewis G. Morgan. *Moskva: Politizdat = Moscow: Politizdat*. 1989; 226 p. ISBN 5-250-00259-5. (In Russ.)

Yakovleva N. G. From “Human Capital” to Human Potential: Towards Noonomics. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S. Yu. Vitte = Noonomics and Noo-Society. Almanac of Works of the S. Yu. Witte Institute of Informatics and Radicalization*. 2024; 3(4): 32-42. DOI 10.37930/2782-618X-2024-3-4-32-42. (In Russ.)

C. Basten, F. Betz // American Economic Journal: Economic Policy. – 2013. – Vol. 5 (3). – P. 67–91.

Basten C., Betz F. Beyond work ethic: Religion, individual, and political preferences. American Economic Journal: Economic Policy. 2013; 5 (3): 67-91.

Для цитирования: Гречко М. В., Плешивцева А. А. Роль культурного фактора при ноо-переходе к ноономике // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 61–76. DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.4 EDN WDUNOT

История статьи:
Поступила в редакцию – 12.06.2025
Одобрена после рецензирования – 16.09.2025
Принята после публикации – 19.09.2025

Сведения об авторах

Гречко Михаил Викторович

Кандидат экономических наук, доцент
Института туризма, сервиса и креативных
индустрий Южного федерального
университета
SPIN-код: 1943-6396
AuthorID: 303065
mvgrechko@inbox.ru

Information about authors

Mikhail V. Grechko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Institute of Tourism, Service and Creative
Industries, Southern Federal University
WoS. ResearcherID: AAU-1891-2020
Scopus AuthorID: 57224404888
mvgrechko@inbox.ru

Плешивцева Анна Алексеевна

Кандидат экономических наук, доцент
Института туризма, сервиса и креативных
индустрий Южного федерального
университета
SPIN-код: 6264-5815
AuthorID: 999584
pleshivtseva_anna@mail.ru

Anna A. Pleshivtseva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Institute of Tourism, Service and Creative
Industries, Southern Federal University
pleshivtseva_anna@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЗАКОНОВ ВСЕЛЕННОЙ

INTEGRATION OF CAREER GUIDANCE INTO THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATION SYSTEM

М. Р. Деметрадзе* **, ***

ORCID: 0000-0002-7676-8054

Marine R. Demetradze* **, ***

* Московский областной филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,

** Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия им. Д. А. Лихачева

*** Университет мировых цивилизаций
имени В. В. Жириновского, Москва, Россия

* Moscow Regional Branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,

** Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,

*** Zhirinovskiy University
of World Civilizations,
Moscow, Russia

Цель исследования — проанализировать взаимосвязь Вселенной и планеты Земля, определить природу как физическую арену реализации проекта Высшего разума. Задача работы заключается в рассмотрении законов природы не только в сложных трактовках естественно-научной терминологии, а в контексте конструкции физического пространства как необходимой среды для поддержания жизни на Земле, имеющей непосредственную связь с замыслом Вселенной. Новизной работы можно считать предложенную информационную модель Вселенной, выявление наличия коммуникативных каналов управляющего ядра Вселенной. Разумеется, открытие всех ее законов не достигаемо, но предложить новую системно-синергетическую модель управления природой, считающейся кибернетикой, вполне допустимо.

Objective of the study is to analyze the relationship between the Universe and planet Earth, to define nature as the physical arena for the implementation of the project of Higher Intelligence. The task of the work is to consider the laws of nature not only in complex interpretations of natural science terminology, but in the context of the construction of physical space as a necessary environment for supporting life on Earth, which has a direct connection with the design of the Universe. The novelty of the work is the proposed information model of the Universe, the identification of the presence of communication channels of the governing core of the Universe. Of course, the discovery of all its laws is not achievable, but it is quite acceptable to propose a new system-synergetic model of nature management, considered cybernetics.

Методологическая база исследования. Новые подходы к законам природы предполагают совместимость естественно-научных подходов с междисциплинарными методами, объединяющими физику, химию, биологию, социологию и даже антропологию. Важность естественных наук не отрицается, а уточняется, так как существующие эмпирические данные приобретают социокультурный контекст и значение. В работе использованы следующие методы исследования: системный, антропологический, синергетика, бифуркации, структурный, латентный.

Результаты исследования. Естественность кибернетики во Вселенной и в социокультурном пространстве обусловлена тем, что она основана на тех же принципах, которые управляют природой. Законы обратной связи, самоорганизации и адаптации, лежащие в основе кибернетики, универсальны и проявляются как в природных, так и в социальных системах.

Кибернетический подход доказывает, что вся природа имеет информационную структуру, задаваемую свыше управленческим ядром Вселенной – невидимой, но реально действующей энергией, вечно функционирующей лабораторией физико-математических законов. Такая конструкция саморегулирующихся процессов демонстрирует системно-синергетическую модель кибернетики, т. е. управления природой естественными законами. Однако универсальность природы может иметь адаптивный характер, если в ней будут происходить такие же преобразующие процессы, как в неземном пространстве Вселенной, управляемом непостижимой силой. А это означает, что природу надо применять и преобразовывать, так как жизнь – это энергия действия, взаимодействия и движения, без которого сама природа не жизнеспособна.

Перспективы исследования заключаются в раскрытии потенциала человека как агента Вселенной, способного к преобразованию природы и созданию социокультурного про-

Methodological basis of the study. New approaches to the laws of nature presuppose the compatibility of natural science approaches with the interdisciplinary methods combining physics, chemistry, biology, sociology, and even anthropology. The importance of natural sciences is not denied, but clarified, as existing empirical data acquire a socio-cultural context and significance. The following research methods are used in this work: systemic, anthropological, synergetics, bifurcation, structural, latent.

Results of the study. The naturalness of cybernetics in the universe and in the socio-cultural space is because it is based on the same principles that govern nature. The laws of feedback, self-organization, and adaptation underlying cybernetics are universal and manifest themselves in both natural and social systems.

The cybernetic approach proves that all nature has an information structure set from above by the governing core of the universe – an invisible but real-acting energy, an constant laboratory of physical and mathematical laws. This design of self-regulating processes demonstrates a system-synergetic model of cybernetics, i.e. the management of nature by natural laws. However, the universality of nature can have an adaptive character if the same transformative processes take place in it as in the unearthly space of the universe, controlled by an incomprehensible force. This means that nature must be applied and transformed, since life is the energy of action, interaction and movement, without which nature itself is not viable.

Prospects of the study are to reveal the potential of man as an agent of the Universe, capable to transform nature and creating a socio-cultural space based on the principles of cybernetics and

странства на основе принципов кибернетики и системно-синергетического подхода. Это требует глубокого понимания законов природы и их взаимодействия с искусственным миром, созданным человеком.

Вопрос о том, насколько социокультурная среда, включающая в себя как физическую реальность, так и созданный человеком мир, подчиняется естественным законам управления, является отдельной и сложной темой.

Дальнейшее исследование этой области позволит более глубоко понять взаимосвязь между естественными и социальными законами управления и разработать эффективные стратегии устойчивого развития социокультурной среды.

Ключевые слова: Вселенная, системно-синергетическая модель, кибернетика, физическое пространство, теория относительности, черные дыры, физико-математические процессы, пространство – время, атомные часы, феноменология жизни, корреляция энергетического ресурса, стратосфера, биосфера

a system-synergetic approach. This requires a deep understanding of nature laws and its interaction with the artificial world created by man.

The question of how the socio-cultural environment, which includes both physical reality and the man-made world, obeys the natural laws of management, is a separate and complex topic.

Further research in this area will allow us to understand the relationship between natural and social laws of governance deeper and to develop effective strategies for the sustainable development of the socio-cultural environment.

Keywords: Universe, system-synergetic model, cybernetics, physical space, theory of relativity, black holes, physical and mathematical processes, space-time, atomic clocks, phenomenology of life, energy resource correlation, stratosphere, biosphere

Введение

Естественность управляемости законами природы¹ социокультурного пространства как совокупности физического и искусственного мира человека требует раскрытия информационного феномена самой природы, ее коммуникативных каналов. Этот сложный процесс связан с кибернетикой, которая транслирует универсальную модель управления природой и упорядочивает пространственную среду в соответствии с законами Вселенной.

Информационное свойство природы – давно доказанный факт, подтвержденный электромагнитным полем теории относительности, квантовой механикой, квантовой физикой. Кибернетику Н. Винер объясняет как запрограммированность всех объектов естественной среды и искусственно созданных технологий (Винер, 1983). Но в данном случае интерес представляет субстрат матрицы физического пространства, социокультурное предназначение коммуникативных каналов природы и обоснованность естественного характера всех сфер жизнедеятельности человека. Поэтому прежде всего требуется доказать информационный характер самой природы и суть естественности менеджмента кибернетики во Вселенной и в социокультурном пространстве в соответствии с ее законами (Талбот, 2009).

¹ Природа (лат. nature) означает материю, универсум, естественную среду обитания человека.

Информационный феномен природы состоит в том, что она обладает определенной структурой, включающей сосредоточение, рассредоточение, распределение и корреляцию энергии. Коммуникативные каналы Вселенной транслируют информацию и обеспечивают прямые и обратные связи между объектами физического и социокультурного пространства, которое следует считать управленческим центром – ядром Вселенной. Это ядро включает материи, энергию, галактики солнечной системы, т. е. все что находится в пространстве и во времени и функционирует на основе физических законов и создает соответствующие процессы.

В то же время Земля является частью солнечной системы Вселенной, не только удерживающей свое положение во внеземном интергалактическом пространстве, но и там, где есть жизнь. Поэтому интерес вызывает форма кибернетики, которая управляет нашей Землей – средой обитания людей, а также проекция установления физических и социокультурных законов природы.

Природа – это источник уникального феномена, а именно жизни на Земле. Этот дар, как импульс, заряд и потенциал энергии, придает функциональное значение и смысл каждому объекту на Земле – флоре и фауне, живой и неживой материи. Именно синергетика жизни на Земле отличает ее от других планет Солнечной системы. А ведь жизнь может быть только там, где есть природа. Поэтому природа, жизнь и Вселенная почти нераздельны: Вселенная, с одной стороны, передает заряд импульсов жизни, с другой – создает среду для поддержания и воспроизводства жизни, уникальных свойств законов природы.

Существуют два основных подхода к объяснению законов природы. Первый – религиозный, основывающийся на сотворении мира при вмешательстве сверхъестественных сил, не поддающихся эмпирическим наблюдениям и фактам проверяемости. Второй – научный, объясняющий естественные процессы на основе различных научных методов естественных и социально-гуманитарных наук. При этом религиозный подход отстаивают представители теологии, библейского акта сотворения мира, и уступать позиции догматического религиозного фундаментализма они не намерены, создавая в этих целях специальное направление – креационизм (Ruse, 1982). Споры между представителями креационизма и академической среды продолжаются, поскольку реальных свидетелей сотворения мира или верности научной гипотезы большого взрыва как источника появления Вселенной и планеты Земля нет. Парадоксальность заключается в том, что Высший разум Вселенной – управленческий феномен природы – является неоспоримым фактом, но в то же время установление ядра информации не удается ни одной науке.

В религиозной доктрине, однако, есть универсальная концепция первенства человеческого фактора, неповторимости жизни, доброжелательности, милосердия, сострадания, щедрости и великодушия как смысла человечности и жизни, которые являются уникальными социокультурными ценностями

для всех народов и всех времен. И так как основной задачей природы является поддержание жизни, и данная категория не должна быть абстрактной как для религии, так и для науки.

В то же время в академической среде приняты отличные от религии принципы, по утверждению Т. Куна, наука тем и отличается от религии, что в ней ничего на веру не принимается (Кун, 2020). В частности, об этом говорил А. Эйнштейн: «С помощью физических теорий мы пытаемся найти себе путь сквозь лабиринт наблюдаемых фактов, упорядочить и постичь мир наших чувственных восприятий. Мы желаем, чтобы наблюдаемые факты логически следовали из нашего понятия реальности. Без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира, не могло бы быть никакой науки. Эта вера есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества. Во всех наших усилиях, во всякой драматической борьбе между старым и новым мы узнаем вечное стремление к познанию, непоколебимую веру в гармонию нашего мира, постоянно усиливающуюся по мере роста препятствий к познанию» (Эйнштейн, Инфельд, 2013. С. 241). В этом высказывании А. Эйнштейн указывает на необходимость упорядочения и систематизации объектов природы физическими теориями. Однако решить эту задачу исключительно с помощью естественных наук не удастся, так как она требует расширения научных методов, в том числе и в социокультурном контексте.

Феноменология жизни

Аристотель в IV в. до н.э. сказал, что «движение – это жизнь, а жизнь – это движение», он полагал, что в природе существует первоначальная движущая сила, которая определяет движение и изменение всех объектов природы. И это начало непостижимо и неизменно, а само движениеечно. В 1866 г. немецкий философ Эрнст Геккель, сформулировав закон, который был назван его именем, ввел термины «онтогенез», «филогенез», «экология». Онтогенез – это индивидуальное развитие организма, а филогенез – как всего органического мира Земли, так и отдельных таксонов. Приняв дарвиновский подход влияния внешней среды на объекты, Геккель рассматривал экологию сквозь призму эволюционных изменений (Геккель, 2012).

Все это говорит о том, что универсальный феномен – жизнь проявляется в движении. Действительно, в природе все движется, это было свойственно и одноклеточным организмам еще миллиарды лет назад, когда формировалась наша планета. Более поздние представители Вселенной, особенно крупные млекопитающие, также подтверждали эти качества. Однако в тех условиях и с теми обитателями природы среда не приобрела социокультурного значения. Это длилось до той поры, пока не появился человек и не были развиты культурные коды, ориентирующие их на создание искусственного мира, тех объектов, которые не предоставлены природой.

Это означает, что для жизни важным является не просто движение, но и те побудительные мотивы, которые формируют феноменологию жизни и уникальность среды существования. Поэтому жизнь в широком контексте означает совокупность факторов: живость, деятельность, адаптивность, зависимость от внешней среды, контакты с другими субстанциями, непрерывность таких процессов; функционирование в определенном пространстве и времени. Феномен жизни выявляет аккумулятивно-зарядные признаки приема энергии, которые формируют критерии жизни, доносимые и транслируемые каналами коммуникации на конкретные объекты Вселенной в физическом и социокультурном пространстве. Установление принципа универсальности всей планеты базируется на следующих факторах:

- природа – источник и ретранслятор импульсов возникновения жизни;
- жизнь – энергетический баланс различных живых систем (организмов), выполняющих определенные функции; биохимических и физиологических процессов естественного хода, динамики развития и порядка естества во Вселенной;
- Вселенная – единая система космических и земных объектов, всего, что окружает Землю: звезды, луна, солнце, планеты солнечной системы, космос и т. д.

Итак, основными импульсами жизни являются энергия и движение, проявляющиеся в природе. Однако ответ на вопрос, как это происходит и что означает управленческое предназначение кибернетики, требует выявления специфики взаимозависимости планеты Земля и физико-химических реакций Вселенной, пропускной способности их инфраструктуры, коммуникативных каналов, в результате которых на Земле создаются условия для жизни.

Корреляция энергетического ресурса и управленческие функции ядра Вселенной

Изучение Вселенной началось еще в период первых цивилизаций: древние вавилоняне и египтяне разделили пространство на три части – небесную, земную и подземную, а отсчет времени основывали на состоянии небесных объектов, фазах Луны и звезд, находящихся в неподвижном состоянии и на одинаковом расстоянии от Земли.

Такую практику затем продолжили греки, римляне, в Средние века – европейцы – Галилео Галилей, Коперник. Возникла наука астрофизика, изучающая состав Вселенной, ее газ и пыль, космические системы, кометы, галактики – звезды и Млечный Путь, в который входят Земля, галактический диск и электромагнитное поле, наполняющее все вещества энергией, входящей в ее орбиту.

Появились термины «наблюдаемая Вселенная», «метавселенная», «гипервселенная», «мультивселенная», «энтропия Вселенной», а в результате теории большого взрыва – «расширение Вселенной», объясняющее, как из

плотного, незначительного состояния Земля превратилась в столь гигантскую, всеобъемлющую, уникальную и универсальную систему.

Многовековые исследования, а также определенные сенсационные открытия современной физики доказали, что точное установление проекции Вселенной невозможно, а Томас Диггес высказывал предположения, что пространство бесконечно, поэтому единой концепции Вселенной пока еще нет (Койре, 2001). Однако вероятностная модель все же допустима, поскольку магнитные волны, свет Луны и Солнца проникают повсеместно и оказывают непосредственное влияние на простейшие, растения, воду, воздух и млекопитающих. И даже неподвижная земля и горы обладают энергетическим балансом в виде молекул, получающих заряд энергии от этих внеземных объектов Вселенной.

И если внутри веществ или в окружающем их внешнем пространстве что-то отклоняется от законов природы, то жизнь и природа перестают функционировать, баланс между ними рушится (Кумар, 2014). Упомянутые факты подтверждают, что все пространство Земли в целом символизирует и воплощает информационный прототип Вселенной и что практически весь энергетический баланс жизни и заряженность всей природы имеют глубокие корни, которые задаются за ее пределами. Подтверждение данной гипотезы требует разъяснения ряда ключевых вопросов:

- откуда запускается энергия жизни на планете Земля, а именно свет и тепло, без которых жизнь невозможна;
- какие механизмы и процессы обеспечивают функциональность двух ядер природы – физического и социокультурного пространства – и первенства человеческого фактора в ней.

Такой фундаментальный подход требует обращения к научным открытиям термодинамики и квантовой физики, раскрывающим законы межпланетного магнитного поля, связанного с солнечным ветром, магнитосферой, магнитопаузой, заряжающими Землю энергией и защищающими ее от вредных космических выбросов.

Все это говорит об управленческой функции Вселенной, универсальность которой заключается в том, что управленческая структура включает возбуждающие и наводящие электромагнитные поля, их колебания, точное описание которых передают уравнения Максвелла, реликтовые, рентгеновские и гамма-лучи, распространяющиеся в вакууме со скоростью света и распределенные по всему пространству Вселенной. Энергетические матрицы формируют систему управления высокочастотными электрическими потоками и низкочастотными, структуру и динамику галактик, звездных систем и всех небесных объектов. Это означает, что ярко выраженного «органа» управления обнаружить невозможно, но при этом роль централизованного управления выполняют законы физики и математики, придающие всей системе са-

морегулирующий, распределяющий характер по всему пространству и времени (Насельский и др., 2003).

Общая теория относительности А. Эйнштейна особо выделяет гравитацию как одну из фундаментальных сил Вселенной, определяющую условия равновесия и устойчивости астрономических систем. Без гравитации во Вселенной не было бы планет, звезд, галактик и черных дыр. Весь этот неполный спектр факторов отчасти определяет геном Вселенной – гигантской системы носителя всеобъемлющей, всепроникающей, многоаспектной электрической энергии, передающей заряд энергии в бесконечных потоках и ее управленческой мощи.

Все это говорит об информационном феномене Вселенной и наличии коммуникативных каналов, которые можно обозначить как гигантскую нейронную сеть, управленческая функция которой проявляется в эксклюзивном подходе к Земле.

Эта управленческая система защищает ее околоземное пространство, выделив линию Кармана между атмосферой и космосом, которая служит своего рода фильтром, задерживающим попадание опасных космических частиц и излучения на Землю. Этот переломный момент во взаимодействии Вселенной и галактики подготавливает условия линии атмосферы, литосферы и гидросферы, которые устанавливают прямые и обратные контакты с биосферой. И это доказанные факты, так как атмосфера обеспечивает защиту от метеоритов и регулирует температуру поверхности Земли; литосфера и гидросфера обеспечивают основу для существования наземных экосистем, регулируют климат; биосфера включает всех живых существ Земли и их адаптацию к окружающей среде. Поэтому Вселенная – это единая взаимосвязанная система, где каждый элемент выполняет специфическую функцию на микро- и макроуровнях. Это некое организующее начало конструирования космоса, галактик, звездных систем и, в определенной степени, жизни на Земле, которое условно можно назвать информационно-управленческим ядром. В то же время в отличие от других планет солнечной системы фундаментальные константы этого ядра по отношению Земли структурированы так, чтобы обеспечить не только жизнь, но и антропность, т. е. первенство человеческого фактора на Земле.

Это организующее начало и антропный принцип также дают основания для гипотезы существования такого ядра, своеобразной лаборатории термодинамики, поскольку столь мощные процессы не могут быть случайными или хаотичными, а требуют целенаправленности и четкой организации всей системы.

Итак, после обеспечения системы безопасности околоземного и отчасти сверхземного пространства управленческое ядро Вселенной открывает коммуникативные каналы и направляет на Землю энергетические вещества, ко-

торые создают жизненно необходимые ресурсы. Поэтому такие каналы следует считать жизнеобеспечивающими энергоносителями. Энергетические вещества пронизывают все объекты природы, взаимодействуя с минералами, водой, воздухом, и создают альтернативную реальность Вселенной. Это значит, что физико-математические реакции превращаются в химические и формируют органическую среду, физическое пространство живой природы, включая биологические и растительные существа, флору и фауну, экосистемы, превращение почвы Земли в плодородную, насыщение атмосферы кислородом и т. д.

Управленческая функция ядра Вселенной – это корреляция энергетического ресурса, установление динамического баланса взаимодействия Земли и Вселенной. Важным является динамический баланс гравитации, электромагнетизма и радиоактивного распада атомов, от Большого Взрыва до появления галактик, звезд и планет. Управленческая функция ядра Вселенной – это геном-регулятор, модификатор состояния разных подсистем, где каждая клетка и каждый объект являются частью единой системы. Следовательно, управленческая функция ядра Вселенной – это информационный феномен, конструирующий коммуникативные каналы непрерывных контактов между взаимодействующими объектами, естественную природу управления.

Коммуникативные каналы управленческого ядра Вселенной

В физическом пространстве Земли ведущая функция принадлежит законам термодинамики, но самая важная – у солнечной энергии. Солнечный ветер – первоисточник природы (т. е. жизни), содержащий фотоны, достигает нашего пространства в виде электромагнитного излучения за 8 минут и 17 секунд. Взаимодействуя с атмосферой и нагревая ее, он обуславливает циркуляцию воздушных масс, определяет климатические условия, фотосинтез растительного мира и формирование состава почвы.

Впервые в науке категорию фотосинтеза ввел британский ученый Ричард Коррингтон в 1859 г., назвав его солнечной вспышкой. Затем норвежский исследователь Кристиан Биркеланд в 1916 г. высказал гипотезу о том, что солнечный ветер состоит из ионов. В 1950 г. Сидни Чепмен выявил свойства газа, который является проводником тепла, рассеивающегося за пределы орбиты Земли. Далее, в 1958 г. Юджин Паркер назвал горячее течение от Солнца солнечным ветром, а токовый слой, возникающий в пределах движения солнечного ветра со скоростью, близкой к скорости звука, – гелиосферным токовым слоем, разделяющим области межпланетного магнитного поля, выделил три основных вида таких потоков: медленный, быстрый и возмущенный (Плазменная гелиогеофизика... 2008. С. 269–376).

Разумеется, исследования солнечного ветра продолжают и по сей день, а потому здесь перечислены только те открытия, которые, применительно к данной теме, могут способствовать подтверждению гипотезы об информа-

ционном свойстве Вселенной и наличии коммуникативных каналов, которые задают ей установки физического пространства.

Самым наглядным примером коммуникативных каналов является солнечный ветер, поскольку потоки ионизированных частиц, исходящих от солнечной короны, доходят до Земли за 2–3 суток и имеют непосредственную связь с такими явлениями, как магнитная буря, полярное сияние и т. д.

Солнце с помощью солнечного ветра выполняет роль информационно-энергетического аккумулятора Солнечной системы, образуя магнитное поле вокруг и внутри самой Земли. Однако такая гипотеза идет еще дальше. С коммуникативной точки зрения наиболее интересно то, что заряженные частицы и магнитные поля, создаваемые Солнцем, формируют гелиосферу, образуя при движении через Солнечную систему три слоя на границе и ударную волну. Граница, на которой солнечный ветер останавливается, называется гелиопаузой.

Гелиосфера простирается далеко за пределы планет, формирует их магнитосферы и атмосферу для жизни и выполняет функцию ретранслятора, перенаправляющего потоки энергии и информации, исходящие от Солнца, в разных направлениях. Поэтому гелиосферу сравнивают с космической «антенной», которая улавливает информацию из глубины космоса, перерабатывает ее и передает в измененном виде внутрь Солнечной системы, т. е. и на нашу Землю. Этот уникальный факт также является подтверждением управленческого ядра Вселенной и наличия коммуникативных каналов, поскольку без таких процедур передача информации не происходит.

И если гелиосфера – это антенна переработки информации, то гелиопауза выполняет функцию «щита» взаимодействия с межзвездной средой, отправляя информацию внутрь Солнечной системы, энергетический и информационный баланс которой постоянно меняется под воздействием солнечной активности. Солнечный ветер образует границу гелиосферы, благодаря чему препятствует проникновению межзвездного газа в Солнечную систему, а магнитное поле солнечного ветра значительно ослабляет приходящие извне галактические космические лучи.

Благодаря высокой проводимости плазмы солнечного ветра магнитное поле Солнца оказывается «вмороженным» в истекающие потоки ветра, и оно наблюдается в межпланетной среде в виде межпланетного магнитного поля.

Вместе с тем контекст взаимодействия Вселенной и природы требует определить, когда и как коммуникативные каналы оказывают непосредственное влияние на формирование физического пространства и жизни на Земле.

Формулировка данного вопроса ставит необходимость еще раз затронуть такие объекты, как атмосфера, литосфера, гидросфера и биосфера, которые в результате названных выше природных процессов получают жизненную энергию – жизнеспособность.

Здесь есть очень важный аспект: энергозарядность коммуникативных каналов заряжает не только эти объекты, но и Землю неоднородными, но при этом совместимыми веществами, соединение которых создает органическую среду, т. е. физическое пространство. Коммуникативные каналы начинают действовать по принципу прямых и обратных связей, устанавливая алгоритм взаимодействия «вызов – ответ», систему координации и четкую структуру функционирования каждого объекта земного пространства.

И аккумулятивный процесс начинается с верхних слоев атмосферы, так как они пересекаются с космическим пространством, выполняют как защитные, так и жизнеобеспечивающие функции:

- предотвращение проникновения космических объектов и излучения на Землю;

- преломление ультрафиолетовых лучей Солнца, их превращение в тепловую энергию;

- наполнение пространства между ней и космосом смесью газов, насыщенной кислородом и другими элементами.

Именно через такие жизнеподдерживающие сферические оболочки Вселенная создает отличительные черты нашей планеты, так как жизнь может быть исключительно там, где есть природа¹.

Контекст обратной реакции имеет глобальное значение и отражается прежде всего в формировании рельефа и распределении ресурсов на планете. Этот круговорот постоянных процессов имеет конкретные проявления: циркулирование воды, испарение влаги с поверхности океанов и суши, конденсация в атмосфере и возвращение обратно в виде осадков, питание рек и грунтовых вод; фотосинтез растений, преобразование солнечной энергии в химическую энергию; геохимические циклы элементов и их соединений; поглощение растениями углекислого газа из атмосферы, его превращение в органические вещества, питание животных растениями, выброс углерода обратно в атмосферу и почву, разложение органических останков и высвобождение питательных веществ для растений и микроорганизмов; разнообразие экосистем, тропических лесов, лесов и пустынь, климатические рельефы, поддержание общего баланса планеты и многое другое.

Краткий обзор взаимодействия Вселенной и планеты Земля был сделан с целью выявления коммуникативных каналов управленческой функции Вселенной и корреляции ее энергии. Применительно к коммуникативным каналам можем отметить следующее: их функции выражены в таких свойствах, как сигналы, знаки, символы, направленные на циркуляцию и обмен информацией, исходящие из управленческого ядра Вселенной. Эти энергообеспе-

¹ Барбошкина Т. А. Роль и значение литосферы в развитии современной цивилизации // Экология производства: научно-практический портал. – URL: <https://www.ecoindustry.ru/magazine/archive/viewdoc/2013/09/3041.html> (дата обращения: 08.04.2025).

чивающие источники всех объектов природы устанавливают правила интеракции и условия ее самоорганизации, которые должны быть соотнесены с «замыслом высшей силы». Поэтому они являются носителями, трансляторами и агентами системно-синергетической модели кибернетического управления, закладывающей основу физического пространства и жизни на Земле (Капица и др., 2003).

Физическое пространство как арена проявления проекта Вселенной

Особую значимость в управлении Вселенной и ее взаимосвязи с Землей имеют природа и физическое пространство, являющиеся частью биосферы. Биосфера создает защитную пленку для живых существ Земли, устанавливая контакты с гидросферой, литосферой и нижней частью атмосферы. Поэтому окружающий нас мир в какой-то степени представляет собой такую же среду вечно движущихся и взаимосвязанных объектов, как и в неземном пространстве Вселенной.

Однако здесь есть свои отличия, так как управленческие функции кибернетики внеземного пространства проявляются в физико-математических реакциях и процессах, которые трансформируются и принимают характер физических, химических, биологических и социальных процессов. При этом физико-химические реакции внеземного пространства Вселенной и Земли радикально отличаются, но связь между ними не теряется, так как от этого зависит устойчивость и непрерывность материи, т. е. жизни на Земле. Поэтому кибернетику внеземного пространства Вселенной можно обозначить как кибернетику первого порядка, а природы – второго порядка.

Коммуникативные каналы, транслируя на Землю заряд энергии, закладывают основу фундаментальных процессов:

- химических (движение атомов и молекул, их перестройка, но не до уровня их ядер);
- физических (распределение теплоты, электромагнетизм, гравитация);
- социально-биологических (взаимодействия живых существ с окружающей средой для поддержания жизни).

Поэтому информационный феномен Вселенной автоматически воспроизводится и в самой природе, поскольку взаимосвязанность всех объектов природы выстраивается как конструкция нейронной сети. Когда в одной области происходят функциональные нарушения, это находит отражение и в других, вызывая дисбаланс и отклонение от законов природы.

Кроме того, каркасом земной материи являются конструкты органической и неорганической природы, в пределах которых происходят материализация и движение законов природы, самосохранение и воспроизводство объектов природы, что соответствует принципу системно-синергетической модели управления, т. е. кибернетики второго порядка.

Контакты неорганической природы (вода, воздух, камни) и органической (живая природа, совокупность организмов, населяющих биосферу Земли – микроорганизмы, растения, животные и человек) – это непрерывный процесс. Их суть заключается в том, что, например, вода, является основой для всех, она участвует в фотосинтезе и обеспечении питательных веществ; воздух важен для дыхания, а камни, разрушаясь под влиянием погоды, обогащают почву минералами и т. д.

Однако конструирование кибернетикой законов природы как составной части общего плана Вселенной этим не ограничивается. Помимо химико-биологических процессов и конструирования органических и неорганических составных компонентов природы, биосфера требует иные субстраты, а именно пространство и время.

Пространство имеет три измерения (длина, ширина, высота), но, согласно общей теории относительности А. Эйнштейна, пространственно-временной континуум был дополнен четвертым измерением – временем. Теория относительности показала единство пространства и времени, выражающееся в совместном изменении их характеристик в зависимости от концентрации масс и их движения. Кроме того, общая теория относительности изменила механическую физику И. Ньютона, так как планеты движутся не столько из-за притяжения к Солнцу, сколько по кратчайшему пути в искривленном пространстве-времени вокруг Солнца (Эйнштейн, 1935). Искривление, происходящее в результате взаимодействия материи, энергии и пространства, является очередным доказательством взаимодействия природы и Вселенной, в котором время возникает не случайно, а в результате этих взаимодействий.

Другим аспектом взаимосвязи является замедление времени из-за влияния космического объекта – черной дыры, имеющей максимальный уровень гравитации и искажающей пространство и время. Поэтому время также подвергается влиянию гравитации и течет медленнее там, где есть более сильное гравитационное поле. На Земле часы идут значительно медленнее, чем на орбите космической станции. Этот эффект был назван гравитационным замедлением времени и экспериментально подтвержден системой глобального позиционирования GPS¹. Данная программа дает точную информацию о координатах местонахождения любого объекта в любой точке Земли (применяется в геодезии, картографии, навигации, в системе спутникового мониторинга транспорта, сотовой связи, в подводных лодках, самолетах, строительстве и пр.). В настоящее время существуют три глобальные системы: GPS (США), GLONASS (Россия) и GALILEO (Европейский Союз) (Ксенофонтов, Шалова, 2018).

¹ GPS (Global Positioning System) – система глобального позиционирования, спутниковая система навигации, обеспечивающая измерение расстояния, времени и определяющая местоположение во всемирной системе координат WGS 84.

В какой-то степени GPS и соответствующие устройства можно сравнить с ядром и центром управления Вселенной, возможно, «высший разум» также отслеживает и контролирует все, что находится в его власти. Поэтому все аналогии могут иметь относительный характер, так как в науке абсолютной точности пока еще ничего не установлено. В 1967 г. была выдвинута гипотеза о наличии тахионов – частиц, которые движутся со скоростью больше скорости света. Если эта гипотеза в будущем подтвердится, то основной постулат теории относительности А. Эйнштейна – неизменность скорости света – будет отменен (Benford et al., 1970).

Концепция пространства-времени действительно может иметь относительный характер. Вместо стандарта Всемирного координированного времени (UTC) в современных технологиях, в том числе и в спутниках, используют атомные часы, настроенные на время GPS. Разница в том, что время GPS не ориентируется на вращение Земли и не учитывает високосные секунды или другие поправки, которые периодически добавляются к UTC. Здесь используются колебания, связанные с микроволновыми сигналами, электронами в атомах и их энергиями, в основном атомов водорода (Chen et al., 2022).

Обобщим изложенное. Ничего в природе не происходит случайно, все конструируется по концепции Вселенной. Современные технологии, по аналогии с управленческой структурой Вселенной, также не случайны, потому что чем больше мы применяем их законы, тем выше становится качество жизни. Поэтому Вселенную еще предстоит изучать, так как мы исследуем ее законы, но предназначение этих законов для нашей планеты не совсем осознано. Существующая экологическая ситуация и глобализация являются наглядными показателями дисгармонии взаимодействия природы и Вселенной. Кибернетический подход доказывает, что вся природа имеет информационную структуру, задаваемую свыше управленческим ядром Вселенной – невидимой, но реально действующей энергией, вечно функционирующей лабораторией физико-математических законов. Это ядро в качестве пилотной программы и реализации своего проекта выбрала Землю, отправляя по своим коммуникативным каналам энергию жизни для создания физического пространства. Органический мир следует считать даром Вселенной для человечества, имеющим универсальный характер. Такая конструкция саморегулирующихся процессов демонстрирует системно-синергетическую модель кибернетики, т. е. управления природой естественными законами.

Однако универсальность природы может иметь адаптивный характер, если в ней будут происходить такие же преобразующие процессы, как в не-земном пространстве Вселенной, управляемом непостижимой силой. А это означает, что природу надо применять и преобразовывать, так как жизнь – это энергия действия, взаимодействия и движения, без которого сама природа не жизнеспособна.

И кто же будет выполнять такие функции, создавать искусственный мир и социокультурное пространство? Этот замысел также предопределен Вселенной, поскольку такую миссию она возлагает на человека как своего агента, часть природы и Вселенной в целом.

Естественность управляемости законами природы социокультурного пространства как совокупности физического и искусственного мира человека – это особая тема, и об этом будет сказано в следующих исследованиях.

Список источников

Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ. И. В. Соловьева, Г. Н. Поварова; под ред. Г. Н. Поварова. – 2-е изд. – Москва: Наука, Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.

Геккель Э. Мировые загадки. Общеобразовательные очерки монистической философии / Э. Геккель. – Москва: URSS: Либроком, 2012. – 227 с. – ISBN 978-5-397-02200-2.

Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – 3. изд. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с. – ISBN 5-354-00296-6.

Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной / А. Койре; пер. с англ. – Москва: URSS, 2001. – 274 с. – ISBN 5-8163-0028-8.

Ксенофонтов В. В. Принцип работы GPS / В. В. Ксенофонтов, Е. А. Шалова // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 6 (86). – С. 12. – EDN XRQSHZ.

Кумар М. Квант: Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности / М. Кумар; пер. с англ. – Москва: АСТ: Corpus, 2014. – 592 с. – ISBN 978-5-17-078599-5.

Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва: АСТ, 2020. – 320 с. – ISBN 5-17-010707-2 : 5000.

Насельский П. Д. Реликтовое излучение Вселенной / П. Д. Насельский, Д. И. Новиков, И. Д. Новиков. – Москва: Наука, 2003. – 390 с. – ISBN 5-02-006368-1 : 400.

Плазменная гелиогеофизика: [монография: в 2 т.] / [М. А. Лившиц и др.]; под

References

Wiener N. Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine. translated from English by I. V. Solovyov and G. N. Povarov; edited by G. N. Povarov. 2nd ed. Moskva: Nauka, Glavnaya redaksiya izdaniy dlya zarubezhnykh stran = Moscow: Nauka, Main Editorial Board of Publications for Foreign Countries. 1983; 344 p. (In Russ.)

Haeckel E. World Riddles. Publicly Accessible Essays on Monistic Philosophy. Moskva: URSS: Librokom = Moscow: URSS: Librokom. 2012; 227 p. ISBN 978-5-397-02200-2.

Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetsky G. G. Synergetics and Forecasts of the Future. 3rd ed. Moskva: Editorial URSS = Moscow: Editorial URSS. 2003; 288 p. ISBN 5-354-00296-6. (In Russ.)

Koyre A. From a closed world to an infinite universe. trans. from English. Moskva: URSS = Moscow: URSS. 2001; 274 p. ISBN 5-8163-0028-8. (In Russ.)

Ksenofontov V. V., Shalova E. A. The principle of operation of GPS. Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific research and innovation. 2018; 6 (86): 12. (In Russ.)

Kumar M. Quant: Einstein, Bohr and the great debate about the nature of reality. trans. from English. Moskva: AST: Korpus = Moscow: AST: Corpus. 2014; 592 p. ISBN 978-5-17-078599-5. (In Russ.)

Kuhn T. Structure of scientific revolutions. Moskva: AST = Moscow: AST. 2020; 320 p. ISBN 5-17-010707-2 : 5000. (In Russ.)

ред. Л. М. Зеленого и И. С. Веселовского. – Москва: Физматлит, 2008. Т. 1. – 670 с. – ISBN 978-5-9221-1040-2.

Талбот М. Голографическая Вселенная. Новая теория реальности / М. Талбот; пер. с англ. – Москва: София, 2009. – 412 с. – ISBN 978-5-91250-939-1.

Эйнштейн А. Основы теории относительности. Четыре лекции, читанные в мае 1921 г. в Принстонском университете / А. Эйнштейн; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва: ОНТИ НКТП СССР, 1935. – 108 с.

Эйнштейн А. Эволюция физики / А. Эйнштейн, Л. Инфельд. – Москва: Амфора, 2013. – 304 с. – ISBN/ISSN 978-5-367-02491.

Benford G. A. The Tachyonic Antitelephone / G. A. Benford, D. L. Book, W. A. Newcomb // Physical Review D. –1970. – Vol. 2. – No. 2. – P. 263–265. – DOI 10.1103/physrevd.2.263.

Chen J. Characteristics Analysis of Compact Cesium Atomic Clock with Magnetic State Selection / J. Chen, J. Wang, L. Guo // Frontiers in Physics. –2022. – Vol. 10. – No. 10. – DOI 10.3389/fphy.2022.959343.

Ruse M. Creation Science Is Not Science / M. Ruse // Science, Technology, & Human Values. – 1982. – Vol. 7. – No. 40. – P. 72–78.

Nasel'skii P. D., Novikov D. I., Novikov I. D. Relic Radiation of the Universe. Moskva: Nauka = Moscow: Science. 2003; 390 p. ISBN 5-02-006368-1: 400. (In Russ.)

Plasma Heliogeophysics: monograph: in 2 volumes. M. A. Livshits et al. Edited by L. M. Zeleny and I. S. Veselovsky. Moskva: Fizmatlit = Moscow: Fizmatlit. 2008; 1: 670 p. ISBN 978-5-9221-1040-2. (In Russ.)

Talbot M. The Holographic Universe. A New Theory of Reality / translated from English. Moskva: Sofiya = Moscow: Sofia. 2009; 412 p. ISBN 978-5-91250-939-1. (In Russ.)

Einstein A. Foundations of the Theory of Relativity. Four Lectures Delivered in May 1921 at Princeton University. translated from English. 2nd ed. Moskva: ONTI NKTP USSR = Moscow: ONTI NKTP USSR. 1935; 108 p. (In Russ.)

Einstein A., Infeld L. The Evolution of Physics. Moskva: Amfora = Moscow: Amphora. 2013; 304 p. ISBN/ISSN 978-5-367-02491. (In Russ.)

Benford G. A., Book D. L., Newcomb W. A. The Tachyonic Antitelephone. Physical Review D. 1970; 2(2): 263-265. DOI 10.1103/physrevd.2.263.

Chen J., Wang J., Guo L. et al. Characteristics Analysis of Compact Cesium Atomic Clock with Magnetic State Selection. Frontiers in Physics. 2022; 10; 10. DOI 10.3389/fphy.2022.959343.

Ruse M. Creation Science Is Not Science. Science, Technology, & Human Values. 1982; 7(40): 72-78.

Для цитирования: Деметрадзе М. Р. Кибернетические свойства информационных законов Вселенной // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 77–93. DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.5 EDN XEUVNY

История статьи:
Поступила в редакцию – 06.06.2025
Одобрена после рецензирования – 03.09.2025
Принята к публикации – 12.09.2025

Сведения об авторе

Деметрадзе Марине Резоевна

Доктор политических наук, профессор
Московского областного филиала Российской
академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ;
главный научный сотрудник Российского
научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева;

профессор Университета мировых
цивилизаций имени В. В. Жириновского

SPIN-код: 5175-1432

AuthorID: 309591

Demetradze1959@mail.ru

Information about author

Marine R. Demetradze

Doctor of Political Science, Professor,
Moscow Regional Branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration;

Chief Scientific Officer,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage;

Professor, Zhirinovsky University
of World Civilizations

Demetradze1959@mail.ru

РОЛЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ТРАЕКТОРИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

THE ROLE OF IDENTIFICATION IN THE TRANSFORMATION OF HUMANITY'S EVOLUTIONARY TRAJECTORIES

Р. Е. Кривуля*

ORCID: 0000-0002-7045-7458

Roman E. Krivulya*

* Луганский государственный
педагогический университет,
Луганск, Россия

* Lugansk State Pedagogical
University, Lugansk, Russia

Цель исследования – анализ трансформации эволюционных траекторий человечества на современном этапе развития общества; определение роли идентификации в данном трансформационном периоде.

Методологическая база исследования: анализ и обобщение источников по теме совместно с философским анализом материала позволяет рассмотреть трансформационные преобразования эволюционных переходов человечества на современном этапе технологического развития, определить роль процесса идентификации в данных условиях преобразования общества. Диалектический метод помогает детально изучить предшествующее противоречие в развитии человечества между прогрессом и самоуничтожением.

Результаты исследования. Данное исследование позволило заключить, что как бы не менялись эволюционные траектории развития человечества, так называемая рельсовость в данном процессе сохраняется, в силу своих рамочных условностей, которые стабилизируют столь разноплановое мышление

Objective of the study – analysis of the transformation of the evolutionary trajectories of humanity at the present stage of development of the society; to determine the role of identification in this transformation period.

Methodological basis of the study: the analysis and generalization of sources on the topic, together with philosophical analysis of the material allows us to consider the transformational changes in the evolutionary transitions of humanity at the current stage of technological development, to determine the role of the identification process in the terms of the transformation of the society. The dialectical method allows us to study the previous contradiction between progress and self-destruction in the development of humanity.

Results of the study. This study allows us to conclude that no matter how the evolutionary trajectories of human development change, the so-called rail-like nature of this process is preserved due to its framework conventions that stabilize such a diverse thinking of humanity. Therefore, this approach is the most stable

человечества. Поэтому данный подход наиболее стабилен с точки зрения целостности эволюционного процесса. В таких условиях наиболее практично происходит обмен информации между цивилизационной и культурной сферой, регулируемый правовым институтом. Именно правовой институт является главным атрибутом рельсовой системы эволюции. Поэтому целесообразность видения эволюционных процессов в данном ракурсе, на наш взгляд, является наиболее объективной в современных реалиях человеческого бытия.

Перспективы исследования. Дальнейшие исследования целесообразно проводить в ракурсе влияния правового сегмента, такого как медиация, на эволюционные процессы с точки зрения рельсовой модели, и стабилизирующих факторов в вопросе формирования идентичности человека.

Ключевые слова: общество, человечество, эволюция, идентификация, культура, цивилизация, технологии, сфера

in terms of the integrity of the evolutionary process. The exchange of information between the civilizational and cultural spheres, regulated by the legal institution, occurs most practically in such conditions. The legal institution is the main attribute of the rail system of evolution. Therefore, in our opinion, the expediency of considering the evolutionary processes from this perspective is the most objective in the modern realities of human existence.

Prospects of the study. Further research should be carried out in the context of the influence of a legal segment such as mediation on evolutionary processes from the point of view of the rail model, and stabilizing factors in the issue of the formation of human identity.

Keywords: society, humanity, evolution, identification, culture, civilization, technology, sphere

Введение

Современное общество, являясь плодом технологической эволюции, сохраняя природный компонент в данном процессе, выстраивает свое развитие с позиции приспособления к окружающей среде, ориентированной на технократию. Природный компонент в данном ракурсе мы рассматриваем с позиции эволюции по принципу борьбы за выживание. Оно вовсе не противоречит имеющейся научной картине мира, в которой человеческое существо проходило определенную эволюцию, совмещая себя со всем живым в природе (Плеханова и др., 2022. С. 45).

Таким образом, можно заключить, что основные направления эволюции человека, с тех пор как он обрел интеллект, заключаются в рельсовом формате войны. То есть любое эволюционное развитие человечества обусловлено предшествующими этому процессу военными действиями, что приводило к необходимости развития военного комплекса во всех странах мира. Мы определяем данный процесс как рельсовый, в силу его догматичности. Развитие общества всегда строилось в рамках достижения только военных целей, будь то защита или нападение, но цель одна – победа в войне. При обожествлении государства и нации единственным критерием суждения о степени справед-

ливости данной войны является степень выгоды ее для государства и нации (Керсновский, 2012. С. 33). Соответственно, какие-либо ответвления в вопросе развития пресекались на корню. На протяжении всей истории человечества, вплоть до XXI века, ученые подвергались гонениям, с летальным исходом, либо были вынуждены свои знания ориентировать на военные цели государства.

Поэтому в процессе изобретения новых инструментов ведения войны разрабатывался и комплекс поддержки работоспособности данных изобретений, что также подразумевает и развитие всех прочих институтов общества: образования – для подготовки специалистов по эксплуатации и обслуживанию, социальных институтов – для обеспечения жизнеспособности общества в рамках возможных будущих противостояний, и так далее.

Но на протяжении веков данный подход создал слишком технологический арсенал, который в большей мере сегодня угрожает полным уничтожением современного общества, нежели обеспечивает его безопасность. В этом смысле можно сказать, что технологическое развитие обладает собственной движущей силой, поскольку очевидно, что оно не всегда руководствуется потребностями человека (Мануэль, 2014. С. 10). Таким образом, образовался эволюционный коллапс, который, с одной стороны, двигает человечество вперед по рельсовому пути эволюции, с другой – создает прецедент возможности сформировать результат, при котором вся суть такого формата развития общества не будет иметь эффективного выхода, так как человечество своим же эволюционным процессом может уничтожить само себя. Вместо ускорения темпов прогресса, рационального использования новых знаний Земля может быть отброшена назад в своем развитии (Лыткин, 2012. С. 127).

В этой связи, благодаря всестороннему развитию человечества, в процессе эволюции арсенала, произошло развитие всей системы жизнедеятельности человечества, благодаря чему получил развитие не только цивилизационный материалистический объект, но и нематериальные ценности, которые имеют огромный потенциал для сдерживания решений о возможности применения пагубного для человечества арсенала. На данном эволюционном витке человечества сформировался баланс, когда один сегмент общества сдерживает и стабилизирует другие деструктивные сегменты. Но в процессе эволюции человечества открылись новые горизонты для продолжения эволюционного пути общества не только в рамках одной системы координат – планеты Земля, но и выход на бесконечное пространство космоса, которое необходимо человечеству для выживания, что сегодня доподлинно известно благодаря научным открытиям.

В этой связи смена парадигмы развития человечества смещается с рельсовой системы войны и переходит на рельсовую систему космического вектора эволюции. Да, военные конфликты в современном мире присутствуют в

достаточно большом количестве, но наука больше жестко к ним не привязана. Ранее все изобретения, которые улучшали быт общества, приходили из военной сферы.

Сегодня же большая часть внедряемых в быт человека инноваций приходит из космической сферы развития, то есть произошел переориентир эволюционной модели, в рамках которой видоизменяется человечество. Но сохранилась рельсовая модель, которая подразумевает непосредственные рамки, в которых должно развиваться общество. На смену гонке вооружений пришла космическая гонка. Но цель сегодня у данного процесса – благая, вывести человека в космос уже не как исследователя, а как колонизатора, что является залогом выживаемости всего человечества в далеком будущем, согласно современным научным открытиям. Как писал К. Э. Циолковский, «население рассеивается по всему околосолнечному пространству» (Циолковский, 2013. С. 2).

Но поскольку процесс эволюции происходит только благодаря процессу идентификации, так как наличие интеллекта у человека позволяет ему отождествлять и сопоставлять внешние и внутренние факторы своего бытия, то как раз мы можем наблюдать, насколько сильно человек меняет свое мышление исходя из внешних обстоятельств отождествления себя с миром. Согласно этой точке зрения, индивидуальность существует в виде комплекса «внешних» (эмпирически наблюдаемых) критериев идентификации того или иного предмета наблюдения (Шарин, 2014. С. 59). Также хотелось бы обратить внимание на тот факт, что современным витком эволюции человечества стал процесс цифровизации, который в первую очередь сделал масштабирование в вопросе доступности информации населению, позволил каждому человеку переосмыслить те ценности, в которых он жил.

Идентифицируя себя в малой группе людей, с закрытым доступом к внешней информации, пусть и в масштабе государства, у человека всегда происходит субъективное видение мира, когда же есть возможность увидеть многоуровневую информацию, у человека возникает объективизм мышления, и в некоторых случаях он переосмысливает свое видение мира. Поэтому сегодня в мире мы можем наблюдать огромный рост пацифистских идей внутри различных обществ, желание переориентировать технологическую эволюцию с легких механизмов реализации, но пагубных для природы, на чуть более сложные, не наносящие минимальный вред окружающей среде, и так далее.

В современных реалиях процесс идентификации позволяет человеку не только переосмысливать имеющийся набор знаний, но и изобретать что-то новое, нужное уже не для выживания по закону уничтожения, а для выживания по закону движения вперед – к стабильным, комфортным условиям своего бытия. Сегодня существует огромное количество примеров, когда, узнавая о проблеме на другом конце планеты Земля, человек изобретает инструмент для ее решения, так как он формировался в другой сфере мышления, и его

взгляд со стороны позволил ему увидеть сакральный смысл решения проблемы, который не был ранее замечен.

Таким образом, рассматривая переход эволюционного процесса с рельс войны на космические рельсы, мы можем заключить, что важность в этом процессе человека – колоссальна, и его возможность осознанной идентификации себя с данными процессами дает надежду на светлое будущее, которое сегодня, к сожалению, выглядит не так в силу военных угроз планетарного масштаба.

Результаты исследования и их обсуждение

Если проследить исторические изменения в человеческом бытии, то мы увидим очень интересную закономерность, которая заключается в том, что даже если и человек заставлял человека развиваться, то в любом случае данный процесс обуславливался и внешними факторами: природными явлениями, космическими событиями. Сегодня действительно человек эволюционирует по законам взаимодействия с окружающими, идентифицируя себя с тем или иным обществом, событием, идеей. Такой подход, как можно наблюдать сегодня, дает огромные результаты.

Такого скачка в развитии человека, какой произошел в XXI веке, не было никогда. Сегодня практически каждый день что-то новое открывается, изобретается, предполагается. Эволюция вплелась в повседневную жизнь каждого человека, и как мы видим, человек начал быстрее развиваться, то есть эволюционировать. Если сравнивать уровень подготовки молодежи в XX и XXI веке, то мы увидим колоссальную разницу. Современные дети подстраиваются под требования внешнего мира практически в реальном времени, и можно отметить, что большая доля изобретений приходится на представителей именно молодого поколения.

Почему важно рассуждать о таком сложном преобразовании человеческого бытия именно сегодня. Все дело в том, что до начала XXI века, как мы говорили ранее, упор развития человечества, как основного переориентированного направления эволюции, делался на рельсовую систему ведения войны. Как писал А. Е. Снесарев, «и обернувшись от прошлого к настоящему, вы увидите, что война цепкими клещами впиалась в государственное начало, властвует над его народной жизнью и укладом, владеет церковью и школой, поглощает огромную долю народного труда, – словом, ведет государство властным определенным руслом» (Снесарев, 2013. С. 87). Такой подход ведет к большой смертности среди молодого населения, что приводило в свою очередь к снижению общей способности человечества к научному и технологическому развитию, за счет неконтролируемой потери будущих поколений. Смена поколений происходила слишком медленно, что тормозило передачу опыта и, как следствие, сам процесс эволюции всего человечества.

С переосмыслением значения будущего человечества в XXI веке произошел переориентир целей развития общества. Познавать окружающий мир

стало важным не для достижения победы отдельного государства, а для целостного, гармоничного развития каждого человека и общества в целом. Как мы знаем, в современном мире, несмотря на открытые конфликты между странами, сотрудничество в космической отрасли сохраняется и даже становится более масштабным. Данный подход оказался столь эффективным, что произошло переосмысление всех аспектов жизнедеятельности человечества.

Сегодня космос не является чем-то отдельным, труднодостижимым для человека. Современный человек отождествляет себя как часть космического пространства, идентифицирует его как новое пространство бытия. Цивилизационные атрибуты в виде спутников, исследовательских станций и т. д. уже давно бороздят космические просторы, постоянно передавая все новые данные для познания человеком не только окружающей Вселенной, но и самого себя, своего прошлого и прогнозирования своего будущего. Но недавно человек расширил на космическое пространство еще одну сферу своей жизнедеятельности – культуру.

Как писал А. В. Колесников, «кроме воли и генеральной идеи в качестве фактора перехода к сценарию развития космического социотипа существенную роль играет накопленная остаточная культура. Под остаточной культурой понимается та ее доля (обычно небольшая), которая истинной и остается в памяти цивилизации (цивилизационного кластера)» (Колесников, 2022. С. 213–214). Как мы знаем, в период с 5 октября 2021 года по 17 октября 2021 года на борту Международной космической станции проходили съемки фильма «Вызов», совместного проекта «Роскосмоса», Первого канала и студии Yellow, Black and White. Фильм вышел в прокат в 2023 году и стал неотъемлемой частью культурной сферы жизнедеятельности всего человечества. Данный культурный прорыв не только показывает технологические возможности современного общества, но и расширяет, масштабирует сферу культуры за пределы планеты Земля. В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества (Бердяев, 2018. С. 345).

Данная теория казалась бы абсурдом, если бы не работы Владимира Ивановича Вернадского, который открыл миру ноосферу, которая расширяется вместе с эволюционным развитием человечества. Ноосферу – «царство разума», В. И. Вернадский рассматривал как сферу мысли и деятельности. Согласно его учению, ноосфера – это новое геологическое явление в истории нашей планеты, новая ступень развития человечества, его отношения к природе (Козиков, 2014. С. 187). Поэтому сегодня человек может смело формировать свою идентичность с космическим пространством, опираясь на сложные мыслительные процессы, которые теперь становятся основополагающими в выстраивании будущего человечества. Ведь как писал Алексей Федорович Лосев, «движутся же тела не от тяжести, не от удара, но по причине боже-

ственной силы, которую он называет умом (*νοῦς*) и душой. Космос (мир) есть образ этого (ума) (*τὸν κόσμον εἶναι ἰδέαν*)» (Лосев, 1993. С. 90).

Культурная идентичность более глубинная, чем цивилизационная, так как проникает в глубинные смыслы мыслеформ человека и имеет более пролонгированное эмоционально-чувственное действие, нежели цивилизационные ценности. Очень жаль, что цивилизационная и культурная сферы жизни человека не могут сосуществовать в золотом балансе, но проблематика здесь кроется в человеческой жадности, которая через потребительское мышление навязывает обществу длительно не ценить внешние цивилизационные атрибуты. Но в большей степени такой деструктивный подход более не имеет столь эффективной власти над умами людей. В большей степени люди устремляют свои мысли в культурную сферу, ища для себя смысл существования. При таком подходе происходит отказ человека от некоторой вычурности в замене имеющихся цивилизационных атрибутов, и человек больше погружается в культурную сферу, ища способ ускорить эволюционный процесс, как за счет личных эмоционально-чувственных практик, так и за счет внесения пользы в общество и науку.

Поскольку, как мы говорили ранее, идентификация сопровождает эволюционный процесс человечества, то такой подход человека, ориентированный в большей степени на культурную сферу, приводит к формированию у него некоего авторитета в обществе. И многие члены общества начинают себя идентифицировать с их кумиром и исповедовать его ценности, а в силу доступности информации в XXI веке данный процесс масштабируется на всю планету Земля и сегодня даже выходит за ее пределы. Эффект от данного процесса огромен, многие решения в пользу спасения нашей планеты принимались благодаря неравнодушным лидерам и их сторонникам.

Заключение

Как мы видим, переориентир на новые пути эволюции позволил человеку в большей степени понять степень важности стабилизационных взаимоотношений не только внутри конкретного общества, а и всего человечества в целом. Главным атрибутом в новом процессе эволюции является идентификация, которая помогает в реальном времени различать конструктивные и деструктивные константы бытия и на основе данного отождествления принимать наиболее оптимальный выбор для целесообразного движения вперед человека, общества, государства и всего человечества.

В вопросе идентификации сегодня ключевую роль играет культурная сфера бытия, так как она масштабирует внутренний задор каждого человека, что приводит, благодаря цифровизации, к формированию желания двигаться вперед у большинства представителей человечества. Сегодня каждое достижение в науке и культуре вызывает эмоционально-чувственные реакции у молодого поколения, что приводит в движение их мыслительные функции по

поиску идей реализации новых программ развития всего человечества, что является неотъемлемой частью эволюционного процесса. И культурные продукты, которые привлекают внимание своим новаторством, как раз и выступают тем стимулирующим инструментом, который дает колоссальный толчок молодому поколению. В этом ключе В. И. Вернадский писал: «Мы научились за последние годы в науке ничему не удивляться, считать невозможное возможным, смело и спокойно научно подходить к таким вопросам, до которых еще недавно добегала – и то очень редко – лишь вышедшая из рамок научная фантазия или философская спекуляция» (Вернадский, 2017. С. 543).

Список источников

Бердяев Н. А. *Философия неравенства* / Н. А. Бердяев. – Москва: RUGRAM, 2018. – 394 с. – ISBN 978-5-521-06770-1.

Вернадский В. И. *Биосфера и ноосфера* / В. И. Вернадский. – Москва: RUGRAM, 2017. – 576 с. – ISBN 978-5-521-05258-5

Керсновский А. А. *Философия войны* / А. А. Керсновский. – Москва: Издательство Московской Патриархии русской Православной Церкви, 2012. – 208 с. – ISBN 978-5-88017-148-4.

Козиков И. А. В. И. Вернадский – создатель учения о ноосфере / И. А. Козиков. – Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2014. – 224 с. – ISBN 978-5-19-010973-3.

Колесников А. В. *Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума* / А. В. Колесников. – Минск: Белорусская наука, 2022. – 316 с. – ISBN 978-985-08-2833-0.

Лосев А. Ф. *Бытие – имя – космос* / А. Ф. Лосев; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва: Мысль, 1993. – 958 с. – ISBN 5-244-00717-3.

Лыткин В. В. *Космические альтернативы человечества. Социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма: монография* / В. В. Лыткин. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 2012. – 208 с. – ISBN 978-5-94777-300-2.

Мануэль Д. *Война в эпоху разумных машин* / Д. Мануэль; пер. Д. Кралечкина. – Москва: Екатеринбург: Кабинетный ученый, Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 338 с. – ISBN 978-5-7525-2999-3.

References

Berdyayev N. A. *Philosophy of Inequality*. Moskva: RUGRAM = Moscow: RUGRAM. 2018; 394 p. ISBN 978-5-521-06770-1. (In Russ.)

Vernadsky V. I. *Biosphere and Noosphere*. Moskva: RUGRAM = Moscow: RUGRAM. 2017; 576 p. ISBN 978-5-521-05258-5. (In Russ.)

Kersnovsky A. A. *Philosophy of War*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii russkoy Pravoslavnoy Tserkvi = Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. 2012; 208 p. ISBN 978-5-88017-148-4. (In Russ.)

Kozikov I. A. V. I. Vernadsky: The Creator of the Doctrine of the Noosphere. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova = Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2014; 224 p. ISBN 978-5-19-010973-3. (In Russ.)

Kolesnikov A. V. *Cybercosmism. Digital Philosophy of the Temporal Universe*. Minsk: Belorusskaya nauka = Minsk: Belarusian Science. 2022; 316 p. ISBN 978-985-08-2833-0. (In Russ.)

Losev A. F. *Being – Name – Cosmos*. Compiled and edited by A. A. Taxo-Godi. Moskva: Mysl' = Moscow: Thought. 1993; 958 p. ISBN 5-244-00717-3. (In Russ.)

Lytkin V. V. *Cosmic Alternatives of Humanity. Social, Philosophical, Anthropological, and Religious Problems of Russian Cosmism: Monograph*. Sankt-Peterburg: Knizhnyy dom = St. Petersburg: Book house. 2012; 208 p. ISBN 978-5-94777-300-2. (In Russ.)

Плеханова И. И. Смыслы войны и смыслы мира (мира) в русской литературе и философии XIX – начала XXI столетия: коллективная монография / И. И. Плеханова, Е. А. Костин, В. Т. Фаритов; сост. А. А. Дырдин; под ред. А.А. Дырдина. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2022. – 336 с. – ISBN 978-5-9795-2251-7.

Снесарев А. Е. Философия войны / А. Е. Снесарев. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. – 288 с. – ISBN 978-5-507-10233-4.

Циолковский К. Э. Космическая философия / К. Э. Циолковский. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. – 4 с. – ISBN 978-5-507-10755-1 // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/6529> (дата обращения: 22.10.2025).

Шарин В. И. Метафизик в зеркале безумия и смерти. Философия Гегеля и Ницше как формы духовного опыта: монография / В. И. Шарин; под ред. Д. В. Пивоварова. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, ЭБС АСВ, 2014. – 288 с. – ISBN 978-5-7996-1123-1.

Manuel D. War in the Age of Intelligent Machines. Translated by D. Kralechkin. Moskva; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy, Institut obshchegumanitarnyykh issledovaniy = Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scholar, Institute for General Humanitarian Research. 2014; 338 p. ISBN 978-5-7525-2999-3. (In Russ.)

Plekhanova I. I., Kostin E. A., Faritov V. T. The Meanings of War and the Meanings of Peace (World) in Russian Literature and Philosophy of the 19th – Early 21st Centuries: a collective monograph. Compiled by A. A. Dyrdin; edited by A. A. Dyrdin. Ul'yanovsk: Ul'yanovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet = Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. 2022; 336 p. ISBN 978-5-9795-2251-7. (In Russ.)

Snesarev A. E. Philosophy of War. Sankt-Peterburg: Lan' = St. Petersburg: Lan' Publishing House. 2013; 288 p. ISBN 978-5-507-10233-4. (In Russ.)

Tsiolkovsky K. E. Cosmic Philosophy. St. Petersburg: Lan', 2013. 4 p. ISBN 978-5-507-10755-1. Lan': elektronno-bibliotchnaya sistema = Lan': electronic library system. Available at: <https://e.lanbook.com/book/6529> (accessed: 10.22.2025). (In Russ.)

Sharin V. I. Metaphysician in the Mirror of Madness and Death. The Philosophy of Hegel and Nietzsche as Forms of Spiritual Experience: monograph. Edited by D. V. Pivovarov. Yekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet, ELS ASV = Yekaterinburg: Ural Federal University, Electronic Library System ASV. 2014; 288 p. ISBN 978-5-7996-1123-1. (In Russ.)

Для цитирования: Кривуля Р. Е. Роль идентификации в трансформации эволюционных траекторий человечества // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 94–103.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.6
EDN MDQIHW

История статьи:

Поступила в редакцию – 14.07.2025
Одобрена после рецензирования – 10.09.2025
Принята к публикации – 12.09.2025

Сведения об авторе

Кривуля Роман Евгеньевич

Старший преподаватель кафедры
дополнительного образования детей
и взрослых Луганского государственного
педагогического университета

SPIN-код: 3853-7842

AuthorID: 1221124

ya.suitepc@yandex.ru

Information about author

Roman E. Krivulya

Senior Lecturer,
Department of Additional Education
for Children and Adults,
Lugansk State Pedagogical University
ya.suitepc@yandex.ru

ИНСТРУМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

TOOLS FOR CONSTRUCTING POLITICAL REALITY IN A DIGITAL SOCIETY

Е. М. Лясковская*
ORCID: 0009-0005-1519-894x

Evgeniya M. Lyaskovskaya*

* Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила
Туган-Барановского,
Донецк, Россия

* Donetsk National University
of Economics and Trade named after
Mikhail Tugan-Baranovsky,
Donetsk, Russia

Цель исследования заключается в анализе возможностей цифровых инструментов в конструировании политической реальности.

Objective of the study is to analyze the capabilities of digital tools in constructing political reality.

Методологическую базу исследования составляют конструктивистский и символический подходы, а также положения теории информационного общества, сетевого общества и «общества платформ».

Methodological basis of the study includes the constructivist and symbolic approaches, as well as the provisions of the theory of information society, network society and “platform society”.

Результаты исследования. Цифровые технологии создают новые инструменты конструирования политической реальности и формирования массового политического сознания. В настоящее время цифровые платформы, социальные сети, блоги, цифровые медиа и технологии искусственного интеллекта становятся агентами влияния и субъектами управления массовым политическим сознанием, поскольку они формируют информационный политический контент.

Results of the study. Digital technologies create new tools for constructing political reality and forming mass political consciousness. Currently, digital platforms, social networks, blogs, digital media and artificial intelligence technologies are the agents of influence and subjects of managing mass political consciousness, since they form information political content.

Перспективы исследования. Проблема конструирования политической реальности в цифровом обществе представляет научный и практический интерес в связи с необходи-

Prospects of the study. The problem of constructing political reality in a digital society is of scientific and practical interest due to the need to understand the capabilities of digital

мостью понимания возможностей цифровых технологий в формировании политического сознания людей.

technologies in shaping people's political consciousness.

Ключевые слова: политическая реальность, политическое сознание, цифровые технологии, цифровые платформы, политический блог, сетевые онлайн-сообщества, цифровые медиа, искусственный интеллект

Keywords: political reality, political consciousness, digital technologies, digital platforms, political blog, online network communities, digital media, artificial intelligence

Введение

В современном мире имеет место экспоненциальный рост внедрения цифровых технологий в различные сферы общественной жизни, затрагивающий, в том числе, организацию и осуществление общественно-политической коммуникации. Хранение, обработка и трансляция информации осуществляются в цифровом формате, пришедшем на смену консервативным аналоговым формам. На восприятие современным человеком политических событий и процессов влияют не только их «содержательная» часть, но также скорость и доступность получения актуальной информации. Свободный доступ к информации, которая на протяжении предшествующей человеческой истории была либо полностью засекречена и находилась в компетенции ограниченного круга лиц, либо требовала значительных усилий для получения сторонними интересантами, в настоящее время стал социальной нормой. Поскольку политическая информация представлена как перманентная и потоковая, а ее источником выступают различные акторы, она перестает быть «гомогенной» и жестко идеологически выстроенной, влияет на оценки прошлого и настоящего, а также представлений о будущем, циркулирующие в общественном сознании.

Интенсификация цифровизации общественного бытия открывает возможности не только для бесцензурного получения информации и обмена ею в онлайн-режиме, но и для использования новых технологических возможностей в конструировании реальности, включая реальность политическую. Ее обеспечивает доступ к цифровым технологиям различных акторов, преследующих собственные политические цели. В связи с этим обращение к исследованию потенциала современных технологий в конструировании политической реальности представляется актуальным.

Методология и методы

Методологической основой исследования выступает конструктивистский подход, который позволяет понять механизмы конструирования социальной реальности (Бергер, Лукман, 1995). Методологически значимым является символический подход к пониманию политической реальности (Барт, 2010; Бодрийяр, 2000; Фуко, 1977).

Концептуальными для исследования специфики цифрового общества являются положения теории информационного общества (Белл, 2004; Гидденс, 2004; Масуда, 1981); концепции сетевого общества (Кастельс, 1999) и концепции «общества платформ» (Ван Дейк, 2018; Гиллесли, 2010).

Результаты исследования

В современном мире революционные изменения произошли в организации и осуществлении деятельности средств массовой информации. Печатные СМИ, а также радио и телевидение, оказались практически вытеснены цифровыми медиа, осуществляющими свою деятельность посредством интернет-ресурсов, что позволяет говорить о цифровизации коммуникативных каналов. В настоящее время цифровые СМИ становятся основным каналом, посредством которого происходят создание и распространение контента. Цифровые технологии привели как к переформатированию традиционных СМИ, результатом чего стало появление онлайн-версий газет и журналов, так и к появлению ранее не встречавшихся форматов – социальных сетей, личных блогов и веб-платформ. Их отличают как скорость, объемы и многообразие распространяемой информации, так и интерактивность, возможность индивидуализации взаимодействия, глобальность аудитории. Наряду с возможностями, сопряженными с появлением цифровых СМИ и созданием цифровой инфраструктуры, возникают и новые риски, связанные с конструированием политической реальности посредством подобных инструментов.

Анализ концепта «политическая реальность» присутствует в работах российских исследователей (Володенков, 2018; Пушкарева, 2018; Швырков, 2020; Штанько, 2008.). С точки зрения данных авторов, политическая реальность представляет собой когнитивное образование. Оно обладает структурной сложностью, включая образы тех или иных реально существующих политических акторов; образы-обобщения, аккумулирующие представление о возможных статусах и ролях; набор «сценариев», отражающих устойчивые представления о нормативном порядке; разнообразные в содержательном отношении концепты (от эмоционально заряженных мифологем и идеологем – до рациональных научных теорий, дающих возможность объяснить происходящее в политической реальности доступными для индивида способами).

Исследователи правомерно обращают внимание на то, что политическая реальность глубоко символична. Она представляет комплекс символов, ритуалов, идеологем, которые внедряются в массовое сознание и впоследствии циркулируют в нем, задавая основные параметры картины политической реальности.

Сильной стороной человеческого интеллекта является его способность ориентироваться в мире посредством упорядочивания информации. Это позволяет не только сформировать целостную картину реальности, стереотипизировать явления, но и придать миру смысл. Способность адаптироваться

к окружающей среде, объяснять процессы и явления сделала человеческий вид наиболее эволюционно успешным. Вместе с тем нормой человеческого существования является перманентное столкновение с новым, разрушающим привычный образ жизни. Реакцией на возникающий дискомфорт, зависящий от масштаба и революционности изменений, являются чувства страха и стремление к его преодолению. Защитные механизмы человеческой психики решают эту проблему посредством интеграции нового в существующую картину, нахождения объяснений, соответствующих устоявшимся взглядам и представлениям, и выстраивания на их основе модели поведения.

Поскольку данный механизм универсален для человека, он применим и к политической реальности. Последняя воспринимается субъектами на основе существующих паттернов сознания, выполняющих функцию своеобразных «фильтров», которые решают две основные задачи: упорядочивают представления о политических процессах и позволяют ориентироваться в запутанном политическом ландшафте. Прав Р. Мертон, утверждавший, что в случае восприятия ситуации как реальной, ее последствия также будут реальны¹.

Восприятию ситуации как реальной, в том числе в политической сфере, способствуют современные цифровые технологии. Они активно конструируют политический ландшафт, задействуя имеющийся на сегодняшний день информационный ресурс (цифровые платформы, цифровые медиа, технологии искусственного интеллекта).

Так, цифровые платформы в политической сфере используются двояко: в качестве канала связи между гражданином (гражданами) и структурами политической власти; как новая площадка сферы публичной политики и государственного управления. Цифровые платформы позволяют организовывать принципиально новые типы человеческих сообществ – сообщества сетевые, основой объединения в которых становится общность политических взглядов и целей (Шевченко, Штофер, 2022). Подобный тип сетевого взаимодействия значительно влияет на формирование массового политического сознания.

Исследователи правомерно отмечают, что, открывая широкий доступ к информации, цифровые платформы создают не встречавшиеся ранее возможности социального взаимодействия, связанного, в том числе, с обсуждением значимых социально-политических вопросов. Интенсифицируя процесс политической социализации, цифровая коммуникация способствует ускорению формирования индивидуального политического сознания, содержанием которого является комплекс представлений о принципах политического устройства общества, политических процессах и общественно-политических отношениях.

¹ Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). 2008. – URL: <https://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (дата обращения: 30.05.2025).

В РФ наиболее мощной цифровой платформой являются «Госуслуги». Данный портал обеспечивает гражданам доступ к разнообразным онлайн-услугам на круглосуточной основе. Представляет интерес то, что изначально создаваемый как ресурс, позволяющий сделать более эффективной работу государственной бюрократии и снизить коррупционную составляющую в процессе предоставления различных государственных услуг, со временем он де-факто превратился в канал обратной связи, посредством сбора информации относительно удовлетворенности населения работой органов государственной власти (Третьяков, 2025).

Очевидно, что цифровые платформы позволяют качественно изменить основные уровни социальной коммуникации: «горизонтальный» и «вертикальный». В то время как «горизонтальная» коммуникация, осуществляемая посредством цифровых платформ, объединяет людей по интересам, коммуникация «вертикальная» позволяет наладить конструктивный диалог между обществом и властью. Если до недавнего времени общество и власть представляли две полярные силы, одна из которых стремилась изменить существующий порядок вещей, в том числе посредством деструктивных действий, а другая – сохранить имеющиеся полномочия, используя карательно-репрессивные инструменты, то цифровизация политической сферы впервые открывает возможность конструктивного диалога между ними.

В демократических социально-политических системах цифровые технологии активно используются политическими партиями в их избирательных кампаниях, где происходит не только интенсивная общественно-политическая коммуникация, но и конструирование политической реальности. Конкретными проявлениями является общение акторов политического процесса с электоратом, по альтернативным каналам, не связанным с традиционными медиа. Это делает информационную среду более вариативной, создает уникальную цифровую сценографию, эмоционально воздействуя на потенциальных избирателей (Минаева, 2024). Цифровые технологии позволяют партиям формировать собственную повестку, привлекать внимание граждан к политическим процессам, проводить опросы социологической направленности, позволяющие определять предпочтения избирателей и прогнозировать результаты выборов.

Значительное влияние на конструирование политической реальности оказывают политические блоги. Они так же, как и цифровые платформы, влияют на массовое политическое сознание, формируют представления людей о политических процессах и событиях, значимых для политической сферы. Политические блоги базируются на принципах, делающих их серьезным цифровым ресурсом. Прежде всего, принцип субъектности (автор блога должен сам осуществлять обратную связь, участвуя в дискуссии), корректная модерация получаемых комментариев (соблюдение коммуникативных правил,

принятых в виртуальном сообществе), актуальность обсуждаемых политических тем (Квятковский, 2012).

Таким образом, к значимым преимуществам блогов перед традиционными СМИ можно отнести: а) скорость получения и передачи информации; б) мобильность и оперативность взаимодействий; в) интерактивность коммуникации; г) независимость позиции; д) отсутствие жестких содержательных рамок.

В цифровую эпоху все заметнее отставание традиционных СМИ в освещении актуальной политической повестки. Консервативность организации процесса деятельности печатных и телевизионных СМИ, включающая «многоступенчатость» согласования и редактирования материалов, физическое протекание производственного процесса, проигрывает в мобильности цифровым каналам. Используя удобный формат «постов», блогер может немедленно поделиться новостью, высказать свою точку зрения по поводу происходящих событий, осуществить их анализ и др. Популярностью среди политических блогеров пользуется мессенджер Telegram.

Цифровой ресурс, элементами которого являются онлайн-платформы, мессенджеры и социальные сети, позволяет включить в коммуникацию практически неограниченную по численности аудиторию. В этих условиях именно блогеры, оперативно реагирующие на поступающую информацию, обладают преимуществом перед более консервативными и инертными каналами ее распространения.

Еще одним инструментом публичной политики, влияющим на политическое сознание, стали цифровые медиа. Представляя собой «новые медиа», они активно воздействуют на мировую политику и международные отношения. Их функция не ограничена тем, чтобы быть платформой для онлайн-коммуникации различных акторов, а выступает инструментом «мягкой силы», которую используют современные государства (Кузьмин, 2020).

Ответ на вопрос о том, почему цифровые медиа играют столь значимую роль в политической сфере, очевиден: современная медиасфера – это площадка создания ярких и эмоционально заряженных образов, связанных с тем или иным государством, политическим лидером, политическим событием и др. В результате человек цифровой эпохи сталкивается не столько с реальным политическим процессом, сколько с его медиапрезентацией в медиaprостранстве. Репрезентация событий в виртуальной реальности позволяет легко расставлять нужные создателем медиаконтента акценты, усиливать или ослаблять артикуляцию относительно различных событий, формировать те или иные коннотации и др. (Гуреева, Киреева, 2022).

Классическим примером возможности медиатизации реальных политических событий стали события на Ближнем Востоке, связанные с 12-дневной войной Израиля (при поддержке США) с Ираном. В результате в медиапро-

странстве были распространены диаметрально противоположные и взаимоисключающие версии происходящего, где все стороны оказались победителями. Это является наглядным примером как медиатехнологии способны конструировать различные политические реальности.

Очевидно, что возможности цифровых СМИ мистифицировать реальные события – беспрецедентны. Фактически потенциал медиасферы, придавая политической реальности невероятную «гибкость», позволяет найти альтернативу прежнему эффективному инструменту формирования и управления массовым политическим сознанием – идеологии. Не случайно М. Кастельс утверждает, что контроль над информацией и коммуникацией представляет новую форму власти над сознанием общества (Castells, 2007).

Помимо названных выше цифровых инструментов в конструировании политической реальности уже в настоящее время активно задействуются технологии искусственного интеллекта.

Различные аспекты применения искусственного интеллекта (ИИ) в политической деятельности изучаются в работах отечественных авторов (Победин, 2022; Соловьев, 2021; Шепель, 2024; Яманова, 2024).

По мнению исследователей, искусственный интеллект в политике представлен как использование компьютерных технологий и алгоритмов для анализа данных, связанных с государственным управлением, политическими кампаниями, выборами. Цель их применения – повысить эффективность решений и предсказательную точность результатов (Яманова, 2024).

Возможности ИИ влиять на конструирование политической реальности в полной мере реализуются в создании и распространении в социальных сетях различных дипфейков.

В научном дискурсе дипфейки (deepfakes) рассматриваются как созданный коммуникационный артефакт, который отражает вымышленную реальность, сгенерированную искусственным интеллектом¹. Посредством дипфейков можно сформировать сколь угодно достоверные для аудитории образы политиков, либо людей, способных активно влиять на политическую сферу. Функционируя на основе т. н. больших данных, искусственный интеллект способен генерировать контент, виртуальные персонажи которого будут обладать визуальной тождественностью с оригиналом, тембром его голоса, манерой говорить и др., а также создавать правдоподобные политические сюжеты, моделировать альтернативную реальную версию событий, демонстрировать последствия принятия политических решений и др. Цели создания дипфейков могут быть различными, но что не вызывает сомнений, так это их влияние на восприятие и оценку событий целевой аудиторией.

¹ Goodfellow I. et al. Generative adversarial nets // Advances in neural information processing systems. 2014. Vol. 27. – URL: <https://papers.baulab.info/papers/Goodfellow-2014.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

Один из примеров использования дипфейка для дискредитации политика – сгенерированное видео с задержанием полицией США Д. Трампа. Будучи распространено в социальных сетях, подобное видео демонстрирует уязвимость современных политических акторов, а в случае их нахождения у власти способно подорвать личный имидж внутри страны и на международной арене.

В результате искусственный интеллект, создающий вымышленную политическую реальность, становится мощным инструментом управления массовым политическим сознанием, неся угрозы не только персонифицированным представителям власти, но и национальной безопасности государств в целом.

Заключение

Анализ роли цифровых технологий в конструировании политической реальности позволяет утверждать, что их влияние на политическую сферу общества чрезвычайно велико. В настоящее время цифровые СМИ, используя различные инструменты и техники, создают образы политиков, событий и процессов, которые отвечают интересам определенных групп влияния. Возможности новых цифровых инструментов позволяют как сакрализовать образ политического деятеля, так и десакрализовывать его.

Таким образом, политическая реальность, создаваемая при помощи современных цифровых технологий, нередко являет пример дискурса, сконструированного медиа и эффективно управляющего политическим сознанием и поведением масс.

Список источников

Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва: Акад. Проект. Фр. проект, 2010. – 351 с. – ISBN 978-5-8291-1239-4.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Москва: Academia, 2004. – 783 с. – ISBN 5-87444-203-0 (в пер.)

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2000. – 389 с. – ISBN 5-7913-0047-6.

Володенков С. В. Политические коммуникации как инструмент конструирования современной социально-политической реальности / С. В. Володенков, Д. И. Чулков // Русская политология. – 2018. – № 4(9). – С. 3–8. – EDN ZAKLEL.

References

Barthes R. Mythologies. Moskva: Akad. Proyekt. Fr. Proyekt = Moscow: Acad. Project. Fr. Project. 2010; 351 p. ISBN 978-5-8291-1239-4. (In Russ.)

Bell D. The Coming Postindustrial Society: An Essay on Social Forecasting. Trans. Moskva: Academia = Moscow: Academy. 2004; 783 p. ISBN 5-87444-203-0. (In Russ.)

Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge. Trans. Moskva: Mosk. filos. Fond = Moscow: Mosk. Philosophical Foundation. 1995; 323 p. ISBN 5-85691-036-2. (In Russ.)

Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moskva: Dobrosvet = Moscow: Dobrosvet. 2000; 389 p. ISBN 5-7913-0047-6. (In Russ.)

Volodenkov S. V., Chulkov D. I. Political communications as a tool for constructing

Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – Москва: Весь мир, 2004. – 116 с. – ISBN 5-7777-0304-6.

Гуреева А. Н. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации / А. Н. Гуреева, П. А. Киреева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 28–56. – DOI 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856. – EDN YHNWGV.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. – Москва: Academia, 1999. – С. 492–505. – ISBN 5-87444-067-4.

Квятковский К. О. Дискурс политической блогосферы как объект политологического исследования / К. О. Квятковский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269). – С. 138–141. – EDN OXRNPR.

Кузьмин В. А. Твиттер-дипломатия во внешнеполитической деятельности США: «Великая мексиканская стена» в твиттере Д. Трампа / В. А. Кузьмин // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 1. – DOI 10.34823/sgz.2020.1.51321. – EDN VBMNDY.

Минаева Л. В. Потенциал цифровых технологий в избирательных / Л. В. Минаева // Коммуникология. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 13–27. – DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-1-13-27. – EDN HQPCWK.

Победин П. К. Цифровые технологии и искусственный интеллект в политическом прогнозировании, проектировании политических институтов и процессов / П. К. Победин // Политконсультант. – 2022. – Т. 2, № 1. – EDN GITOSR.

Пушкарёва Г. В. Идеи и ценности в политической картине современного человека / Г. В. Пушкарёва // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 50–67. – EDN QVPEGT.

Третьяков Н. А. Цифровые платформы и общественный контроль публичной поли-

modern socio-political reality. *Russkaya politologiya = Russian political science*. 2018; 4 (9): 3-8. (In Russ.)

Giddens E. The slipping world. How globalization is changing our lives. *Moskva: Ves' mir = Moscow: Whole world*. 2004; 116 p. ISBN 5-7777-0304-6. (In Russ.)

Gureeva A. N., Kireeva P. A. Formation of the media image of the state in the context of the mediatization of political communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. 2022; 6: 28-56. DOI 10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856. (In Russ.)

Castells M. Formation of a Society of Network Structures. *New Post-Industrial Wave in the West: Anthology*. *Moskva: Academia = Moscow: Academy*. 1999: 492-505. ISBN 5-87444-067-4. (In Russ.)

Kvyatkovsky K. O. Discourse of the Political Blogosphere as an Object of Political Science Research. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2012; 10 (26): 138-141. (In Russ.)

Kuzmin V. A. Twitter Diplomacy in US Foreign Policy: The “Great Mexican Wall” on D. Trump’s Twitter Account. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*. 2020; 1. DOI 10.34823/sgz.2020.1.51321. (In Russ.)

Minaeva L. V. The Potential of Digital Technologies in Electoral Elections. *Kommunikologiya = Communicology*. 2024; 12 (1): 13-27. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-1-13-27. (In Russ.)

Pobedin P. K. Digital Technologies and Artificial Intelligence in Political Forecasting, Design of Political Institutions and Processes. *Politkonsul'tant = Political Consultant*. 2022; 2(1). (In Russ.)

Pushkareva G. V. Ideas and Values in the Political Picture of Modern Man. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*. 2018; 14 (3): 50-67. (In Russ.)

тики: кейс онлайн-услуг в современной России / Н. А. Третьяков // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 5 (142). – С. 169–175. – DOI 10.24158/pep.2025.5.20. – EDN KHGTMY.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Москва: Прогресс, 1977. – 421 с.

Швырков А. И. О понятии политической реальности / А. И. Швырков // *Via in Tempore. История. Политология*. – 2020. – Т. 47, № 4. – С. 939–950. – DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-939-950. – EDN SRYSLH.

Шевченко О. М. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование / О. М. Шевченко, Л. Л. Штофер // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 281–290. – DOI 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290. – EDN NXHUIC.

Шепель Н. В. Использование возможностей искусственного интеллекта при создании дипфейков / Н. В. Шепель, М. О. Янгаева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 4 (57). – С. 233–239. – EDN INGWYS.

Штанько М. А. Формирование концепта политической реальности в неклассической философии / М. А. Штанько // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 313, № 6. – С. 109–112. – EDN KALGEX.

Яманова О. А. Применение искусственного интеллекта в политике: кейс-анализ в различных странах / О. А. Яманова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 10. – С. 287–293. – EDN QNQQCJ.

Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society / M. Castells // *International Journal of Communication*. – 2007. – № 1. – С. 238–266.

Gillespie T. The politics of «Platforms» / T. Gillespie // *New Media and Society*. – 2010. – Vol. 12 (3). – P. 347–364.

Tretyakov N. A. Digital Platforms and Public Control of Public Policy: The Case of Online Services in Modern Russia. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* = *Society: Politics, Economics, Law*. 2025; 5(142): 169-175. DOI 10.24158/pep.2025.5.20. (In Russ.)

Foucault M. Words and Things. Archaeology of the Humanities. *Moskva: Progress* = *Moscow: Progress*. 1977; 421 p. (In Russ.)

Shvyrkov A. I. On the Concept of Political Reality. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* = *Via in Tempore. History. Political Science*. 2020; 47 (4): 939-950. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-939-950. (In Russ.)

Shevchenko O. M., Shtofer L. L. Prospects and Risks of Digitalization as a Trend in Social Development: Culture and Education. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* = *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences*. 2022; 15 (2): 281-290. DOI 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290. (In Russ.)

Shepel N. V., Yangaeva M. O. Using Artificial Intelligence in Creating Deepfakes. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024; 4 (57): 233-239. (In Russ.)

Shtanko M. A. Formation of the Concept of Political Reality in Non-Classical Philosophy. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 2008; 313 (6): 109-112. (In Russ.)

Yamanova O. A. Application of Artificial Intelligence in Politics: Case Analysis in Various Countries. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* = *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024; 10: 287-293. (In Russ.)

Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*. 2007; 1: 238-266.

Gillespie T. The politics of «Platforms». *New Media and Society*. 2010; 12 (3): 347-364.

Masuda Y. The information society as post-industrial society / Y. Masuda. – Washington: World Future Society, 1981. – 171 p.

Van Dijck J. The Platform Society: public values in a Connective World / J. Van Dijck, Th. Poell, M. De Waal. – New York: Oxford University Press, 2018. – 240 p.

Masuda Y. The information society as post-industrial society. *Washington: World Future Society.* 1981; 171 p.

Van Dijck J., Poell Th., De Waal M. The Platform Society: public values in a Connective World. *New York: Oxford University Press.* 2018; 240 p.

Для цитирования: Лясковская Е. М. Инструменты конструирования политической реальности в цифровом обществе // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 104–114.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.7
EDN NYTTGP

История статьи:
Поступила в редакцию – 20.06.2025
Одобрена после рецензирования – 04.09.2025
Принята к публикации – 12.09.2025

Сведения об авторе

Лясковская Евгения Михайловна
Соискатель кафедры философии Донецкого
национального университета экономики и
торговли имени Михаила
Туган-Барановского
gindosik@gmail.com

Information about author

Evgeniya M. Lyaskovskaya
Applicant, Department of Philosophy,
Donetsk National University of Economics
and Trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky
gindosik@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ВЫЗОВЫ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN STUDENT EDUCATION: ADVANTAGES, CHALLENGES AND ETHICAL ASPECTS

М. В. Якутина*

ORCID: 0000-0001-9770-4167

Marina V. Yakutina*

* Финансовый университет
при Правительстве РФ,
Москва, Россия

* Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Цель исследования состояла в проведении анализа перспектив использования ИИ студентами вузов в учебной деятельности и роли преподавателя в условиях развития новых технологий, исследовании ключевых аспектов оптимизации и этического применения доступных и разнообразных инструментов ИИ в учебной среде.

Методологической базой исследования послужили работы российских и иностранных ученых и научный эксперимент, состоящий из проведения практической работы со студентами, использующими ИИ в учебной деятельности, количественного и качественного анализа и оценки полученных результатов.

Результаты исследования. Выявлена высокая степень принятия технологий ИИ среди студентов, которые успешно их используют для решения рутинных задач и в качестве вспомогательного инструмента. Вместе с тем исследование обнаружило значительный пробел в знаниях об этичности использования ИИ в условиях отсутствия регламентированных процедур установления авторских прав при использовании ИИ в качестве ассистента.

Objective of the study is to analyze the prospects of AI usage by university students in academic activities and the role of the teacher under new technological development conditions; to investigate key aspects of optimizing and applying available and diverse AI tools in the learning environment ethically.

Methodological basis of the study includes works by Russian and foreign scholars and a scientific experiment involving practical work with students using AI in their studies, along with quantitative and qualitative analysis and evaluation of the obtained results.

Results of the study. The study reveals a high degree of AI acceptance among students, who successfully uses it to solve routine tasks and as an auxiliary tool. However, the research also identifies a significant gap in knowledge about the ethics of AI use, especially due to the absence of regulated procedures for establishing copyrights when AI is used as an assistant.

Перспективы исследования показали наиболее актуальное направление в работе над созданием баланса между технологиями и традиционным обучением, которое связано с определением роли преподавателя как наставника в мире новых технологий для учебной деятельности, который должен показать пути максимально эффективного использования ИИ и не терять при этом возможности критического мышления, анализа и творчества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уникальность текста, роль преподавателя, информационные технологии

Prospects of the study. The most relevant direction is to create a balance between technology and traditional education by defining the role of the teacher as a mentor in the world of new technologies. The teacher should demonstrate ways to use AI effectively while preserving opportunities for critical thinking, analysis, and creativity.

Keywords: artificial intelligence, text uniqueness, teacher's role, information technology

Введение

Стремительное развитие современных технологий и интеграция инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в образование стали значительным вызовом для работников образования и учащихся. Искусственный интеллект обладает большими возможностями для решения некоторых из самых серьезных проблем в образовании путем внедрения инноваций в существующие подходы к обучению и ускорения общего прогресса. Тем не менее стремительное развитие генеративного ИИ неизбежно влечет за собой многочисленные риски и опасения, которые до сих пор опережают как создание нормативной базы, так и разработку этических подходов использования ИИ в образовании. Поскольку мы живем в новом ландшафте трансформации традиционных подходов в обучении, важно понимать то, как эти технологии внедряются и используются в образовательных учреждениях. По результатам исследования, проведенного в 2024 году НИУ ВШЭ в городах-миллионниках, 40 % студентов в Российской Федерации используют инструменты ИИ в учебной деятельности. Более половины студентов вузов готовы использовать ИИ для подготовки материалов, которые затем предоставят на проверку их преподавателю¹. По данным социологического опроса, проведенного Carnegie Learning в 2024 году, половина американских преподавателей используют ИИ для создания учебных материалов. За период 2023–2024 гг. использование чат-ботов в сфере образования в США выросло почти на четверть (до 79 %) среди учителей средней школы и с 37 до 75 % среди старших школьников, о чем говорят результаты исследования, проведенного компанией Impact Research. Большинство американских школьников и их родителей положительно относятся к чат-ботам. 20 % опрошенной аудитории относятся к чат-ботам в

¹ Global trends in education in the Russian context – 2024. – URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2024 (дата обращения: 25.02.2025).

обучении негативно (Чэнь, 2024). В целом, уровень принятия ИИ в системе образования выше, чем в других областях трудовой деятельности. Важно отметить, что движущей силой в данной ситуации выступают школьники и студенты, которые используют чат-боты, и тем самым мотивируют их учителей и преподавателей также углубиться в эту тему использования ИИ в обучении. По результатам исследования, проведенном в Новой Зеландии, 72 % преподавателей используют ИИ в обучении, большинство из них прошли обучение по этичному использованию ИИ в образовательной сфере. В Австрии 44 % учителей средней школы сознательно используют искусственный интеллект, например ChatGPT, в учебном процессе. Больше половины из них полагают, что учащимся необходимо специальное обучение использованию ИИ для их поддержки в учебе. Всего 11 % австрийских учителей выступают за полный запрет использования ИИ в образовании, напротив, 71 % выступают за введение четких правил использования ИИ. В Австрии расширяются возможности повышения квалификации учителей в области использования ИИ.

В России после появления ChatGPT в 2022 году многие преподаватели выражали обеспокоенность, что ИИ сможет заменить преподавателя в аудитории, преувеличивая существующие возможности ИИ. Также существовала проблема получения доступа к новой технологии, сложности с ее освоением и отсутствие каких-либо юридических и этических норм, которые могли бы регулировать эффективное использование ИИ в обучении. На самом деле, высокая эффективность ИИ только выявляет необходимость адаптации к динамичному характеру ее инструментов. Высшее образование должно планировать технологический прогресс на следующие 10–20 лет. По данным О. А. Митиной (Митина, Жаров, 2023), треть российских студентов использовали ChatGPT для учебы в 2022/2023 учебном году для генерации текста для написания рефератов, конспектов и выполнения других больших текстовых заданий. Преимущества ИИ в основном понимаются и принимаются педагогами-практиками. ИИ может помочь им в управлении учебным процессом, автоматизации рутинных задач и персонализации обучения. Он используется ими для оптимизации административных процессов и предоставления персонализированной поддержки студентам, например, при организации самостоятельной работы. С помощью ИИ разрабатываются электронные учебные курсы, размещаются тесты и задания, организуется работа со студентами в смешанных и дистанционных форматах, облегчается создание индивидуальных образовательных траекторий (Рего, Рего, 2024). Текущее состояние технического обеспечения вузов делает возможным использование ИИ. Результаты социологических опросов показывают в целом положительное отношение преподавателей к использованию ИИ. ChatGPT был разработан как помощник для преподавателей. Преподаватели использовали ChatGPT также для «мозговых штурмов», экспериментов и критики (Осипенко, Корот-

ков, 2024). Тем не менее многие преподаватели обеспокоены возможными рисками, связанными с ИИ: этические нарушения, безопасность данных, неподготовленность, трудовые затраты. Эксперты призывают к тому, что образовательные технологии, подобные ChatGPT, должны быть включены в текущую работу по цифровой грамотности (Pedersen, 2024). В связи с тем, что генеративный ИИ быстро интегрируется в систему высшего образования, учебные заведения должны не только изменить и модернизировать подходы в образовательной деятельности, но и разработать политику для возможных ограничений и оценки академических нарушений со стороны учащихся при использовании ИИ.

Цель данной статьи состоит в анализе преимуществ и вызовов, связанных с использованием ИИ в учебной деятельности студентов университетов, и роли преподавателя в условиях применения новых технологий. Исследование позволит выявить ключевые аспекты, способствующие интеграции ИИ в образовательный процесс, а также предложить рекомендации по оптимизации и более ответственному применению технологий искусственного интеллекта в учебной среде. Таким образом, в статье ставятся следующие задачи:

1. Предложить способы установить авторство и степень самостоятельности работы.
2. Внести изменения в правила определения авторства, если использован ИИ, чтобы более объективно оценивать знания студента.
3. Выявить пути обучения студентов этичному и эффективному использованию ИИ.
4. Определить роль преподавателя, в случае если его студенты используют технологии машинного обучения.
5. Установить необходимость оформлять и маркировать работы, при выполнении которых использовался ИИ.

Методы решения поставленных задач включали подбор и анализ соответствующей научной литературы российских и иностранных ученых, научный эксперимент, состоящий из проведения практической работы со студентами, использующих ИИ в учебной деятельности, анализа и оценки полученных результатов, проведения и анализа результатов анкетирования студентов.

Результаты исследования

Практическая работа по обучению английскому языку в профессиональной сфере студентов различных ИТ-направлений Финансового университета, показала, что как преподаватели, так и студенты знакомы с приложениями и программами, которые используют ИИ, и применяют их в учебном процессе. Результаты проведенного анкетирования, в котором приняли участие 112 студентов факультета информационных технологий и баз больших данных, показали, что 78 % студентов используют инструменты ИИ для выполнения письменных учебных заданий, 22 % используют их редко. Наиболее популяр-

ными инструментами ИИ были названы Deepseek, ChatGPT с GPT-4o, GPT-4o mini, o3-mini, MidJourney 6.0, Flux 1, Grammarly и др. Студенты показали, что они используют эти инструменты для написания курсовых работ и других заданий в качестве поддержки в составлении шаблона работы. Только 11 % студентов ответили, что обращаются к использованию ИИ довольно часто – несколько раз в неделю. 55 % ответили, что используют его редко (раз в неделю и реже), 34 % используют его время от времени (обычно несколько раз в семестр). Показательно, что никто из студентов не испытывал каких-либо трудностей при использовании ИИ для учебных задач. Также вызывают определенный интерес ответы на вопрос «В каких именно задачах вы находите помощь ИИ наиболее полезной?». Были получены следующие варианты ответов: генерация текста; поддержка в написании компьютерного кода; помощь при анализе большого количества информации; способ сократить время на рутинную работу; поиск различных шаблонов; написание текста без требования к оригинальности; поиск информации; синонимизирование; генерация идей; поиск материала для исследования; проверка текста на грамотность. Ответы на вопрос, как они оценивают качество работы, выполненной с помощью ИИ, показали, что студенты осознают, что качество работы, выполненной самостоятельно, выше, чем полностью выполненной с использованием ИИ. 53 % студентов определяют качество работы, полностью выполненной с помощью ИИ, как среднее, 16 % – как низкое, и 31 % студентов считают, что результаты работы, полученной с помощью ИИ, имеют приемлемое качество. Некоторые студенты отметили в примечании, что любой результат, полученный с помощью ИИ, требует проверки или улучшения. Студенты также показали высокую информированность, ответив, что результаты работы, полученной с помощью ИИ и содержащей фактологические данные, невозможно с уверенностью подтвердить или даже проверить. Они также часто замечают фейковые данные, выданные чат-ботом. Студенты не выразили особого оптимизма также при ответе на вопрос: «Считаете ли вы, что использование ИИ улучшает ваш учебный процесс?». Только 23 % считают, что ИИ улучшает их учебный процесс, 51 % не уверены в этом, а 26 % уверены в том, что даже ухудшает или замедляет их учебный процесс, т. к. много времени уходит на перепроверку данных или улучшение качества работы, выполненной с поддержкой ИИ. Все студенты ответили, что знают о возможных этических последствиях использования ИИ в учебных работах. Любопытно было узнать, считают ли студенты, что использование ИИ влияет на их навыки критического мышления и самостоятельности. Мнения студентов категорически разделились на два противоположных мнения. Те, кто ответили, что не влияет, уточнили, что осознают ограниченные возможности ИИ и критично относятся к полученным результатам. Кроме того, некоторые ответы включали такой аргумент, что если пользоваться ИИ не часто, то не

образуется привычки слишком полагаться на работу ИИ. Другая половина студентов уверены, что использование ИИ отрицательно сказывается на их работе, так как освобождает их от необходимости самостоятельно глубоко мыслить и развивать креативность и способствует образованию привычки быстро получать готовый результат и проявлять терпимость к снижению качества работы.

Обсуждение

Полученные результаты ясно показывают, что студенты владеют инструментами ИИ и применяют их для поддержки в их учебном процессе. Однако они также осознают ограниченность возможностей ИИ и необходимость самостоятельной работы, т. е. проявляют критичность и осознанность. Они считают, что искусственный интеллект не может заменить естественный разум, самостоятельное мышление и креативный подход. Половина из них использует ИИ только для поиска шаблонных решений и избегает прибегать к его помощи, если требуется глубокое мышление и креативный подход, считая, что решения, предлагаемые ИИ, не могут их удовлетворить. Также среди студентов существуют опасения, связанные с этичным использованием ИИ. Этот вывод может еще раз подтвердить необходимость разработать стандарты и нормы интеграции ИИ в образовательный процесс, ввести правила маркировки и оформления работ, для выполнения которых использовался ИИ, для повышения легитимности использования этого полезного инструмента.

Этот вопрос требует не только практического решения, но и предварительной теоретической разработки, т. к. определение авторства при использовании ИИ до сих пор остается до конца не решенным. В каждой юрисдикции существуют различные подходы к определению авторства в этом случае. Так, связь ИИ с режимом прав интеллектуальной собственности до сих пор вызывает вопросы в мировом сообществе. ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) опубликовала исследование о защите авторских прав на результаты, созданные с помощью искусственного интеллекта. Авторство человека является ключевым фактором для защиты авторских прав. Бернская конвенция и законодательство ЕС связывают авторство с человеком (Ahuja, 2023). Верховный суд Великобритании и Управление авторского права США подтверждают это. В 2020 году Европейский парламент принял резолюцию о защите авторских прав на результаты, созданные с помощью искусственного интеллекта. В США Бюро по авторским правам выпустило руководство по регистрации авторских прав на работы, созданные с помощью искусственного интеллекта (Коляса, 2021). Вопрос авторства продукта, созданного ИИ, остается сложным и не имеет однозначного ответа. Авторское право может быть заявлено, если результаты работы ИИ создаются человеком в творческой манере. В России ведутся дискуссии о необходимости создания новых законов, учитывающих возможности ИИ. Данные, создан-

ные ИИ, считаются свободными от авторских прав. Тем не менее различия между созданными машиной результатами могут быть размытыми. Управление авторского права США выбирает подход, основанный на степени участия человека. Ключевой критерий – «традиционные элементы авторства» должны быть задуманы и выполнены человеком. Простого запроса машине недостаточно для защиты авторских прав. В Великобритании и США требуется минимальная степень креативности и авторство человека. ChatGPT числится автором более 200 книг на Amazon (Massadeh et al., 2024). В Европе произведения, созданные машинным способом, не удовлетворяют пороговому требованию «собственное интеллектуальное творение автора». В России Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 определяет перспективы развития ИИ и его понятие¹. Следуя логике определений, содержащихся в Указе, продукты генеративного ИИ не должны быть защищены авторским правом или правами интеллектуальной собственности. Тем не менее дебаты о расширении сферы применения авторского права и введении нового смежного права продолжаются.

Автор считает, что в любом случае, даже если студент использовал креативный подход в использовании ИИ, то его работы должны иметь маркировку или быть оформлены с указанием на этот факт. Формулировки могут быть различными в зависимости от целей, с которыми студент прибегал к использованию различных ИИ-инструментов, чтобы обеспечить прозрачность. Например, «данная работа была частично создана с помощью Deepseek для получения идей и информации». Другие формулировки могут включать также такие выражения, как «текст был разработан с применением ChatGPT 4.0 для анализа данных и формирования представлений (генерации текстов и обработки информации)», «при написании этой работы был использован чат-бот, который помог собрать информацию по теме» и др. Если студент избегает такого упоминания, то текст можно проверить в специальных приложениях или с помощью антиплагиата, которые обнаруживают признаки сгенерированного текста. В этом случае работа не может считаться самостоятельной. Преподавателю необходимо понимать принципы, по которым работает ИИ, чтобы сознать особенности произведений, созданных машинным способом. ChatGPT и другие чат-боты с генеративным ИИ создают тексты и автоматизируют академические задачи, используя статистические закономерности для генерации текста. ИИ меняет процесс сочинения, заменяя его автоматизацией. Принципы, на которых строится работа ИИ при создании текстов, включает обучение на больших данных (анализ множества текстовых данных), вероятностное предсказание (способен предсказывать появление следующего

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/72838946> (дата обращения: 02.03.2025).

слова в предложении), контекстуальность (учитывает контекст), обработку естественного языка (выявляет семантические связи, метафоры и стиль языка), устойчивость к разнообразным запросам благодаря многообразию данных и поддержку обратной связи, которая позволяет улучшать результаты, становиться более точным и релевантным в ответах. Однако машинное создание текста не может соответствовать эффективной коммуникации, так как не учитывает риторический подход и не интерпретирует социальные контексты.

Если при написании работы студент поставил отметку, что он использовал какой-либо ИИ-инструмент, и это не противоречит политике образовательного учреждения, то задачей преподавателя будет выяснить глубину овладения темой и степень самостоятельности студента. С целью мы разработали алгоритм, который поможет эффективной работе со студентом во время оценивания содержания его работы. Для этого необходимо оценить: 1) соответствие политике об использовании ИИ в образовательном учреждении, 2) цель использования ИИ; 3) уровень взаимодействия с ИИ; 4) уровень творчества и самостоятельного мышления.

В случае, если студент не отметил, что он прибегал к использованию ИИ, необходимо проверить его работу на признаки сгенерированного текста. Если политика образовательного учреждения не предусматривает использование ИИ в студенческих работах, то оценивать необходимо только самостоятельно написанный текст. Если политика образовательного учреждения предусматривает возможность поддержки ИИ, то студенту необходимо маркировать свою работу. Его отметка об указанной цели использования ИИ должна соответствовать фактическому его использованию в тексте работы. Неэтичным применением ИИ инструментов будет считаться, если значительная часть или вся работа является скопированным сгенерированным текстом.

После установления факта, что студент использовал какой-либо инструмент ИИ в написании своей работы, необходимо установить цели использования ИИ. Целями могут служить генерирование идей, получение советов, поиск примеров и источников и др. Уровень взаимодействия с ИИ может быть показателем, использовал ли студент ИИ как образовательный инструмент. Условно приемлемым может считаться уровень, если студент только задавал вопросы чат-боту и редактировал сгенерированный текст. В этом случае его ответы будут носить слишком общий характер, содержать шаблоны и мало деталей, низкую вовлеченность. Приемлемым уровнем взаимодействия можно считать, если студент использовал ИИ для создания плана и структурирования своей работы, самостоятельно проверил фактологические данные, показывает высокий уровень критического мышления в процессе взаимодействия с ИИ. Если его работа включает анализ, критику, собственное отношение, ссылки на литературу и исследования, то в этом случае можно говорить о творческом подходе и самостоятельном мышлении.

Использование студентами возможностей ИИ в своей учебной деятельности ставит перед преподавателями новые актуальные задачи. Роль преподавателя в новом образовательном ландшафте в условиях информационно-технологической революции неизбежно должна дополняться новыми подходами в обучении. Преподаватели должны быть в курсе новых технологий и инструментов ИИ и уметь интегрировать их в учебный процесс, чтобы обогатить образовательный опыт студентов. В процессе проведенного учебного эксперимента в работе со студентами факультета информационных технологий и баз больших данных мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, традиционная роль наставника вывела необходимость обучения студентов критическому мышлению на новый уровень. При использовании ИИ студенты должны научиться проявлять ответственность в использовании инструментов ИИ, не полагаться полностью на «умные ответы» генеративного искусственного интеллекта, должны применять фактчекинг и понимать, что ИИ – это всего лишь вспомогательный инструмент в самостоятельной учебной деятельности. Преподаватели должны помогать студентам справиться с тревожностью и неопределенностью, подтверждая легитимность ИИ при условии его этичного использования. Преподаватель должен показать необходимость маркирования студенческой работы, если они прибегали к поддержке ИИ, чтобы обеспечить прозрачность и легитимность.

Во-вторых, преподаватели должны создавать и адаптировать учебные материалы, избегая шаблонных заданий. Напротив, они должны наполнить учебные программы и пособия заданиями, которые требуют глубокого анализа, креативного подхода и самостоятельного мышления, когда ИИ не может заменить человека. Более того, обучение контексту определенной учебной дисциплины должно дополняться обучением цифровой грамотности в отношении использования ИИ инструментов, развитием такой компетенции, как умение управлять полученной информацией: студентов особенно актуально поощрять задавать вопросы и критически оценивать полученную информацию, развивать аналитические навыки, делать собственные выводы.

В-третьих, преподаватели должны всегда осознавать, что инструменты ИИ легко доступны студентам, и они не испытывают никаких трудностей при использовании ИИ. Поэтому преподавателям необходимо проводить мониторинг обучения, чтобы вовремя выявлять случаи не только плагиата, но и неэтичного использования технологий с ИИ, предоставлять обратную связь студентам и контролировать этичное и легитимное использование ИИ.

В целом, преподаватель должен понимать необходимость создания общей атмосферы открытости и сотрудничества, где студенты могут обсуждать этические аспекты, свои сомнения и ожидания в отношении использования ИИ в учебной деятельности, чтобы обеспечить качественное образование в меняющихся условиях технологического мира.

Заключение

В заключение важно отметить, что новая тенденция студентов прибегать к поддержке к ИИ в учебной деятельности не только открывает как позитивные возможности, так и сложности, но и ставит новые задачи перед преподавателями. В результате исследования выявлена высокая степень принятия технологий ИИ среди студентов (до 78 %), которые осознают возможности технологий с ИИ, которые помогающих им экономить время и упрощать рутинные задачи, а также использовать ИИ как вспомогательный инструмент генерации идей, получения советов и т. д.

В целом, студенты осознают необходимость личного вклада и критической оценки работ, созданных с помощью генеративного искусственного интеллекта. Полученные результаты исследования подчеркивают важность интеграции и легитимизирования использования ИИ в учебной деятельности. Разработанные предложения и рекомендации, представленные в статье, помогут значительно повысить качество обучения в новых условиях информационно-технологического прогресса. Этот процесс ставит важные и неотложные задачи перед преподавателями, которые должны направить усилия на создание стандартов, правил и этических принципов использования инструментов ИИ в обучении. Преподаватели должны стать не только оценщиками, но и наставниками, обучая студентов максимально эффективно использовать ИИ, не теряя при этом возможности критического мышления, анализа и творчества. Это создает необходимый баланс между технологиями и традиционным обучением. Важно интегрировать ИИ в учебный процесс с учетом этических аспектов, сохраняя индивидуальный подход к каждому студенту и улучшая качество образования в целом. Только тогда ИИ сможет стать по-настоящему эффективным инструментом в образовательной среде.

Список источников

Коляса В. С. Авторское право и цифровизация в Российской Федерации – актуальные механизмы защиты авторских прав в цифровой среде / В. С. Коляса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 10. – С. 171–175. – DOI 10.23672/a8344-6005-3298-u. – EDN DSOYBI.

Митина О. А. Генерация текста с помощью нейронных сетей / О. А. Митина, В. В. Жаров // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2023. – № 90. – С. 19–27.

Осипенко Л. Е. Текстовые генеративные нейросети в исследовательской деятельно-

References

Kolyasa V. S. Copyright and Digitalization in the Russian Federation – Current Mechanisms for Copyright Protection in the Digital Environment. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* = *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2021; 10: 171-175. DOI 10.23672/a8344-6005-3298-u. (In Russ.)

Mitina O. A., Zharov V. V. Text Generation Using Neural Networks. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU)* = *National Association of Scientists (NAS)*. 2023; 90: 19-27. (In Russ.)

Osipenko L. E., Korotkov A. V. Text Generative Neural Networks in Students'

сти студентов / Л. Е. Осипенко, А. В. Коротков // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 90–93. – DOI 10.24412/1991-5497-2024-4107-90-93. – EDN COOBKW.

Рего Г. Э. Использование технологий искусственного интеллекта для решения проблемы индивидуализации образования / Г. Э. Рего, Е. В. Рего // StudArctic Forum. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 87–94. – EDN QTHLBX.

Чэнь И. Актуальные вопросы и перспективы применения искусственного интеллекта в образовательном процессе // Наука. Образование. Современность. – 2024. – № 3. – С. 32–35. – DOI 10.24412/2658-7335-2024-3-12. – EDN IZFXAG.

Ahuja V. Artificial intelligence and copyright issues and challenges / V. Ahuja // ILI Law Review. – Retrieved July 18, 2023.

Massadeh F. The legal protection of artificial intelligence generated work: The argument for sui generis over copyright / F. Massadeh, F. Alnusair, A. A. M. Massadeh, M. Ismail // Corporate Law & Governance Review. – 2024. – Vol. 6(1).

Pedersen I. Open/Technology in Education, Society, and Scholarship Association / I. Pedersen // Generative AI adoption in postsecondary education, AI hype, and ChatGPT's launch. Technology in Education, Society, and Scholarship Association Journal. – 2024. – Vol. 4 (1). – P. 1–19.

Для цитирования: Якутина М. В. Искусственный интеллект в обучении студентов: преимущества, вызовы и этические аспекты // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14 – № 5 (75). – С. 115–126. DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.8 EDN PLLEYE

Research Activities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *World of Science, Culture, Education*. 2024; 4(107): 90-93. DOI 10.24412/1991-5497-2024-4107-90-93. (In Russ.)

Rego G. E., Rego E. V. Using Artificial Intelligence Technologies to Solve the Problem of Individualization of Education. *StudArctic Forum*. 2024; 9(1): 87-94. (In Russ.)

Chen Y. Current Issues and Prospects for Applying Artificial Intelligence in the Educational Process. *Nauka. Obrazovaniye. Sovremennost'* = *Science. Education. Modernity*. 2024; 3: 32-35. DOI 10.24412/2658-7335-2024-3-12. (In Russ.)

Ahuja V. Artificial intelligence and copyright issues and challenges. ILI Law Review. Retrieved July 18, 2023.

Massadeh F, Alnusair F, Massadeh A. A. M., Ismail M. The legal protection of artificial intelligence generated work: The argument for sui generis over copyright. *Corporate Law & Governance Review*. 2024; 6(1).

Pedersen I. Open/Technology in Education, Society, and Scholarship Association. Generative AI adoption in postsecondary education, AI hype, and ChatGPT's launch. *Technology in Education, Society, and Scholarship Association Journal*. 2024; 4(1): 1-19.

История статьи:

Поступила в редакцию – 02.04.2025

Одобрена после рецензирования –
27.06.2025

Принята к публикации – 05.09.2025

Сведения об авторе

Якутина Марина Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка и
профессиональной коммуникации
Финансового университета
при Правительстве РФ
SPIN-код: 5951-1904
AuthorID: 489120
mvyakutina@fa.ru

Information about author

Marina V. Yakutina

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, Associate Professor,
Department of English Language
and Professional Communication,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
WoS. ResearchID: OIT-4175-2025
Scopus AuthorID: 57211325115
mvyakutina@fa.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

УДК 314.06
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.9
EDN PXWXXL

Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИКО- КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

TRANSFORMATION OF YOUTH DEMOGRAPHIC ATTITUDES IN THE MEDIA ENVIRONMENT: A THEORETICAL AND CONCEPTUAL ANALYSIS

Е. В. Гомозова*

ORCID: 0009-0002-1784-8852

Evgeniia V. Gomozova*

* Институт социальной демографии
ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

* Institute of Social Demography
of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Цель исследования – анализ понятийных и концептуальных оснований изучения демографических установок молодежи, с опорой на современные теоретико-методологические подходы.

Objective of the study is to analyze the conceptual and theoretical foundations of examining youth demographic attitudes using contemporary theoretical and methodological approaches.

Методологическая база исследования. В статье проводится систематизация научных парадигм, используемых в демографии и смежных науках: диспозиционной, институциональной, когнитивно-поведенческой, социокультурной и цифрово-медийной. Обобщены ключевые идеи авторов – от классических моделей установки до теорий рефлексивной модернизации, габитуса, диспозиций и медиопосредованной социализации.

Methodological basis of the study. The article systematizes scientific paradigms applied in demography and related fields: dispositional, institutional, cognitive-behavioral, sociocultural, and digital-media approaches. Key ideas of scholars are summarized – from classical attitude models to theories of reflexive modernization, habitus, dispositions, and media-mediated socialization.

Результаты исследования. Результатом теоретического анализа стало уточнение структуры демографических установок как

Results of the study. The result of the theoretical analysis is a clarification of the structure of demographic attitudes as a multi-

многокомпонентной диспозиционной системы, а также выявление тенденции к индивидуализации и автономизации установок у молодежи. Отмечена важность новых источников норм и легитимации – от блогосферы до цифровых алгоритмов.

Перспективы исследования связаны с необходимостью дальнейшего концептуального и эмпирического изучения механизмов формирования установок в цифровой среде, что позволит выработать более адекватные инструменты демографической политики и прогноза.

Ключевые слова: демографические установки, молодежь, ценности, социокультурная трансформация, медиатизация, социализация, цифровая среда, жизненные стратегии, демографическое поведение

component dispositional system, as well as the identification of a trend toward individualization and autonomy of attitudes among youth. The growing importance of new sources of norms and legitimation – from the blogosphere to digital algorithms – is emphasized.

Prospects of the study are related to the need for further conceptual and empirical exploration of the mechanisms shaping attitudes in the digital environment, which will make it possible to develop more adequate tools for demographic policy and forecasting.

Keywords: demographic attitudes, youth, values, sociocultural transformation, mediatization, socialization, digital environment, life strategies, demographic behavior

Введение

В условиях активной медиатизации социальной реальности процессы формирования и трансформации жизненных установок, включая демографические, приобретают принципиально новые характеристики. Современное медиaprостранство, представленное социальными сетями, видеоплатформами, блогосферой и цифровыми сообществами, становится значимым источником норм, ролевых моделей и символических ориентиров, в том числе в сфере репродуктивного, брачного и миграционного поведения.

Молодежь как социальная и демографическая группа наиболее восприимчива к этим изменениям. Именно в молодом возрасте закладываются установки, связанные с семейной жизнью, родительством, профессиональной реализацией и пространственной мобильностью. При этом традиционные институты социализации (семья, образование, религия) оказываются не в состоянии конкурировать и все чаще уступают место цифровым медиаплатформам.

Проблематика демографических установок, с одной стороны, активно разрабатывалась в контексте демографической и социологической науки, с другой – в последние годы получает новое измерение в связи с повсеместным проникновением цифровых медиа в повседневную жизнь. Однако теоретико-концептуальные основания изучения именно демографических установок молодежи в условиях медиатизации до сих пор не сформированы в рамках единой научной модели.

Цель статьи – анализ понятийных и концептуальных оснований изучения демографических установок молодежи, с опорой на современные теоретико-методологические подходы.

Статистические данные демонстрируют высокую степень вовлеченности россиян в цифровую среду. По состоянию на начало 2025 года количество пользователей интернета в России достигло 92,2 % населения или 133 млн пользователей. Доля активных пользователей остается стабильно высокой, несмотря на некоторое снижение в 2023 г., и только около 7,8 % населения (11,2 млн человек) остаются вне цифрового пространства.

По информации платформы DataReporta¹, средняя продолжительность пребывания в интернете превышает 8 часов в сутки. Основные цифровые практики включают:

- поиск информации (80,4 %),
- чтение новостей (66,1 %),
- онлайн-общение с близкими (65,6 %),
- просмотр видеоконтента (64,0 %)1.

Кроме того, свыше 73 % пользователей старше 16 лет регулярно пользуются поисковыми системами, лидером российского поискового трафика остается Яндекс (74,4 %). Все это свидетельствует о повсеместном распространении и нормализации цифровых коммуникаций как базовой составляющей повседневности особенно в молодежной среде².

Согласно ВЦИОМ (данные за июнь 2025 г.), 61 % молодежи общаются онлайн чаще, чем вживую (33 %). При этом около 53 % публикуют контент для широкой аудитории, а 58 % ставят лайки понравившимся материалам³.

Активная блогосфера представлена 75 млн авторами соцмедиа в России, а объем публичного контента составил 1,8 млрд постов, комментариев и репостов – рост на 16–17 % по сравнению с предыдущим годом⁴.

Медиапотребление молодежи характеризуется высокой степенью тематического разнообразия и выступает в качестве механизма социальной навигации и смысловой ориентации. Содержательные интересы молодого поколения демонстрируют интерес не только к развлекательному контенту, но и к образовательному, научно-популярному и новостному. При этом девушки

¹ Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры // Web-Canape. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry> (дата обращения: 30.07.2025).

² Digital 2025: глобальный обзорный отчет. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 30.07.2025).

³ ВЦИОМ: Более половины молодых людей предпочитают онлайн-общение живому // Российская газета. 24.06.2025. – URL: <https://rg.ru/2025/06/24/vciom-bolee-poloviny-molodyh-liudej-predpochitaiut-onlajn-obshchenie-zhivomu.html> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024 // BrandAnalytics. – URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (дата обращения: 30.07.2025).

чаще обращаются к материалам, связанным со здоровьем, культурой и, что важно, семьей. Демографические установки, формируемые в процессе медиапотребления, становятся объектом демографического анализа и требуют научного осмысления.

Методы (теоретические основы)

Настоящее исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методологические основания демографической, социологической и социально-философской науки. В качестве основной теоретической рамки использованы диспозиционный, институциональный и когнитивно-поведенческий методы, позволяющие рассматривать демографические установки молодежи как результат сложного взаимодействия ценностных ориентаций, социальной среды и механизмов социализации.

Результаты

Результатом проведенного теоретико-концептуального анализа стало уточнение понятийных оснований и структуры демографических установок молодежи как предмета демографического и социокультурного анализа. Установлено, что демографические установки представляют собой многокомпонентную диспозиционную систему, включающую когнитивный (осведомленность), аффективный (эмоционально-ценностное отношение) и поведенческий (намерение и готовность к действию) компоненты.

Систематизированы ключевые научные подходы, применяемые к изучению демографических установок:

- диспозиционный подход позволяет объяснить внутреннюю структуру установок и их связь с социальной стратификацией;
- институциональный подход демонстрирует, каким образом нормативные регуляторы (семья, образование, религия, государство) формируют установки через механизмы социализации;
- когнитивно-поведенческие модели помогают выявить разрывы между установками и действием;
- медиакоммуникативный подход раскрывает роль медиопосредованной социализации как нового канала трансляции норм и демографических ролевых моделей.

Выявлены признаки трансформации демографических установок молодежи:

- усиление индивидуализации и автономизации жизненных стратегий;
- относительное снижение нормативного давления традиционных институтов;
- рост значимости цифровой медиасреды как символического пространства формирования установок.

Показано, что медиасреда не только изменяет каналы социализации, но и формирует альтернативные представления о социальной норме, допусти-

мом и желаемом. Она влияет на восприятие институтов семьи, родительства, брака, а также на легитимацию новых форм отношений и мобильности. Это требует пересмотра привычных аналитических схем и разработки новых инструментов демографического анализа.

Обсуждение

Фундаментальными ориентирами в понимании демографических установок служат классические социопсихологические модели:

- теория обоснованного действия Theory of Reasoned Action (TRA) и
- теория планируемого поведения Theory of Planned Behavior (TPB), разработанные американскими учеными М. Fishbein и I. Ajzen. Согласно этим теориям, установки (attitudes) наряду с субъективными нормами (subjective norms) и воспринимаемым контролем (perceived behavioral control, в TPB) определяют намерения (intentions), которые являются непосредственным предиктором поведения.

В частности, в монографии «Belief, Attitude, Intention and Behavior» (1975 г.) авторы описывают, как установки «attitude toward behavior» оказываются связаны с верой в последствия и оценкой вероятности их реализации (Fishbein, Ajzen, 1975). Ajzen и др. в последующих публикациях уточняли, что добавление компонента «воспринимаемого контроля» позволяет повысить точность прогноза поведения, особенно когда человек не является полностью автономным агентом своих действий (Ajzen, 2022). В демографических исследованиях данная модель применяется для объяснения различий между заявленными установками и фактическим поведением, например, в сфере рождаемости и вступления в брак.

Более современный методологический подход основан на тезисе о трехуровневой структуре демографических установок:

- когнитивный (знания, представления, осведомленность);
- аффективный (отношения, эмоции, оценочные суждения);
- поведенческий (намерения, готовность к действию, моделируемое поведение).

Согласно институциональному подходу, демографические установки рассматриваются как результат взаимодействия индивидуального опыта с нормативным давлением ключевых социальных институтов: семьи, образования, государства, религии. В этой парадигме установки выступают не только личной диспозицией, но и отражением влияния внешних структур, закрепленных в культурных и нормативных системах.

В рамках сравнительной социологии семьи и рождаемости институциональная теория Геста Эспинга-Андерсена утверждает, что семейное поведение формируется под влиянием институционального дизайна государства благосостояния. Через типологию политических режимов государства (либеральный, консервативный, социал-демократический режимы) автор объяс-

няет различия в репродуктивных стратегиях населения, поскольку государственные условия (соцподдержка, трудоустройство, образовательная траектория) задают институциональные рамки для формирования и реализации демографических установок у молодежи (Геста, 1999).

П. Бурдье рассматривал габитус как систему устойчивых, социально обусловленных установок, формирующихся под воздействием структурных условий и воспроизводимых через повседневную практику. Установки на брак, семью, рождение детей задаются через длительное взаимодействие с институтами – системой образования, медиа, рынком труда и т. д. (Бурдье, 2007. С. 37).

В теории неoinституционализма Д. Норт, подчеркивает, что институты – это не только формальные нормы (закон, госпрограммы), но и неформальные – социальные ожидания, культурные стандарты, традиции. Автор выделяет три уровня институционального воздействия: регулятивный (закон), нормативный (ожидания общества), культурно-когнитивный (убеждения и смыслы). В рамках данной теории установки молодежи формируются в поле действия формальных и неформальных институтов – от государственной демографической политики до норм в блогосфере и цифровой культуре (Норт, 1997).

В рамках цифрово-медийного подхода медиасреда рассматривается не просто как канал передачи информации, а как самостоятельная социальная система, оказывающая структурное воздействие на поведение, установки и идентичность. Согласно Н. Луману, общество – это совокупность коммуникаций, а медиа являются ключевым механизмом, через который эти коммуникации осуществляются. Он подчеркивает, что медиа создают реальность, не только отражая, но и структурируя ее восприятие (Luhmann, 2000).

А. Хепп развивает эту мысль, вводя понятие «медиатизированного мира», в котором социальные действия все чаще реализуются через цифровые медиа. Это приводит к трансформации базовых институтов, включая семью, брак, воспитание и репродуктивное поведение (Hepp, 2020).

Ж. Бодрийяр утверждал, что в эпоху симулякров медиа подменяют собой реальность, создавая гиперреальность, в которой образы и знаки важнее реального опыта (Baudrillard, 1981). Эти идеи приобретают новое звучание в условиях цифровой медиаповседневности. Демографические установки молодежи становятся результатом взаимодействия с гиперреальностью, где рождение ребенка, выбор партнера или отказ от брака интерпретируются через призму лайков, репостов и алгоритмически подобранного контента.

А. Гидденс в своей теории структуры и рефлексивной модернизации подчеркивает, что в условиях «поздней современности» новые технологии и глобальные медиа создают условия для деинституционализации традиционных жизненных траекторий, включая брак и родительство. Индивиды все чаще

принимают решения, исходя не из норм, транслируемых институтами, а из медийных образов, экспертных мнений и цифровых трендов (Giddens, 1991).

Среди российских социологов отметим концепцию В. И. Ядова о диспозиционной регуляции поведения индивида. Установки индивида формируются в зависимости от уровня институционализации жизненного пространства. Молодежные установки в современной цифровой среде можно рассматривать как диспозиции, опосредованные институциональным полем (школа, вуз, цифровые платформы, нормы семьи и общества) (Саморегуляция... 2013).

В работах Ж. Т. Тощенко подчеркивается, что смысл жизни и жизненных установок формируется во взаимодействии с социальными институтами, включая государство, религию и образовательные организации. Институты формируют ожидания и сценарии поведения молодежи. «Существует контактная среда, весьма серьезно влияющая на результативность его [человека] поведения, на организацию его общественной и повседневной жизни» (Тощенко, 2015. С. 114).

С позиции институционального анализа молодежь как специфическая возрастная группа демонстрирует тенденцию к автономизации установок, выбору индивидуализированных траекторий и ослаблению традиционного институционального влияния. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги в своей фундаментальной монографии «Молодежь России в зеркале социологии» подчеркивают, что молодые люди оказываются в роли участников активного выбора жизненных стратегий, все чаще освобождаясь от универсальных институциональных сценариев (Горшков, Шереги, 2020).

Позицию о цифровой автономизации молодежных установок поддерживает Т. М. Дридзе, автор парадигмы семиосоциопсихологии и концепции социально-коммуникативной регуляции. Молодежь развивает собственные символические структуры и автономные смысловые системы через сетевые коммуникативные практики, что снижает нормативное влияние традиционных институтов социализации (Социальное управление... 1999. С. 8–17).

Таким образом, в демографической науке сложилось несколько теоретико-методологических направлений анализа установок, которые мы обобщили ниже в таблице 1. Анализ демографических установок молодежи требует учета этих направлений в комплексе, с акцентом на ценностные сдвиги, происходящие под воздействием новых форм социализации, прежде всего – цифровой.

Рассмотренные выше теоретико-методологические подходы находят подтверждение и развитие в современных российских исследованиях, посвященных анализу репродуктивных и семейных установок молодежи.

В отечественной демографической традиции установка рассматривается как форма отражения демографического сознания, выражающая устойчивую ориентацию индивида на определенные действия в сфере репродуктивного, брачного, миграционного и семейного поведения.

Таблица 1

Теоретические подходы к анализу демографических установок¹

<i>Подход</i>	<i>Авторы</i>	<i>Ключевые особенности</i>
<i>Когнитивно-диспозиционный</i>	М. Фишбайн, И. Аджзен, С. В. Захаров, Е. М. Андреева	Фокус на установках как предикторах поведения, связь с намерениями
<i>Институциональный</i>	Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов	Роль социальных институтов в нормировании поведения, нормативное давление
<i>Культурно-коммуникативный</i>	Т. М. Дридзе, М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги	Социализация через коммуникацию, интерпретация норм, символическое производство
<i>Цифрово-медийный</i>	Н. Луман, А. Хепп, А. Гидденс	Формирование установок через медиаконтент, инфлюенсеры, алгоритмы, цифровые практики

Так, в демографическом словаре под ред. Л. Л. Рыбаковского репродуктивная установка определяется как «психический регулятор репродуктивного поведения, готовность индивида к тому, чтобы в конкретных условиях жизнедеятельности иметь то или иное число детей (в т. ч. сыновей и дочерей) в определенные сроки, исходя из потребности в детях» (Демографический понятийный словарь, 2003. С. 250).

Научный подход в работе Н. М. Римашиевой и В. Г. Доброхлеб ориентирован на поведение реальных семей. Авторы делают акцент на исследовании семейных установок на уровне бытовых домохозяйств (Римашиева, Доброхлеб, 2013. С. 34).

В ряде совместных исследований С. В. Захарова, Е. В. Чуриловой и В. С. Агаджаняна анализируется, как вступление в повторные супружеские союзы способствует реализации репродуктивных намерений (Захаров и др., 2015. С. 37). В работе Е. М. Андреевой и соавторов рассматривается эффективность демографической политики и ее соответствие реальным намерениям населения. Утверждается, что порой заявленные планы (например, высказать желание иметь двоих детей) не реализуются ввиду социальных и институциональных барьеров (Андреева и др., 2025. С. 98).

Е. С. Вакуленко, Д. И. Горский и др. дополнительно акцентируют внимание на различиях между установками и поведением в области репродуктивного выбора женщин. На основе проведенного в 2023 г. исследования (опрос 8 тысяч респондентов в возрасте 18–44 лет), авторы зафиксировали измене-

¹ *Источник:* составлено автором на основе анализа научной литературы.

ния в репродуктивных планах россиян в период социально-политической нестабильности 2022–2023 годов. Анализ показал, что ключевыми факторами, влияющими на решения о рождении детей, выступают не столько объективные характеристики (возраст, семейное положение), сколько субъективные оценки происходящего и эмоциональное состояние – ощущение тревоги, страха или, наоборот, счастья и умиротворения. Особенно выражена зависимость репродуктивных установок от позитивных эмоций у женщин. Авторы приходят к выводу, что экономическая нестабильность, неопределенное партнерство или нехватка поддержки приводят к тому, что многие заявленные репродуктивные ориентиры остаются невоплощенными (Вакуленко и др., 2024).

В коллективной монографии под редакцией Т. К. Ростовской анализируются мотивы, нормы и ожидания рождений и брачности. Демографические установки рассматриваются как составляющая демографического потенциала населения, связанные с изменчивостью семейных стратегий и публичных смыслов брачности и репродукции (Семья и демографические процессы... 2021).

Сущность теоретического подхода Л. М. Прокофьевой и И. И. Корчагиной заключается в рассмотрении структуры семьи и домохозяйства как демографических индикаторов трансформации общественных установок. Именно изменения в форме семейной организации, расстановке домохозяйственных ролей и бытовых сценариях отражают сдвиги в демографических стратегиях различных поколений. Рост автономии молодых людей (например, отсрочка формирования собственной семьи, «отъезд от родительского дома») отражает не только социальноэкономические изменения, но и изменение демографических установок – особенно касательно раннего родительства, брака и семейной роли (Прокофьева, Корчагина, 2024).

А. Макаренцева и С. Бирюкова в своей работе утверждают, что, несмотря на рост заявленных позитивных репродуктивных намерений среди населения России, уровень их фактической реализации остается неизменно низким. Существует устойчивый разрыв между установками и поведением, обусловленный как социальными, так и институциональными факторами. Наиболее значимым условием реализации намерений выступает партнерский статус, в то время как экономическая неуверенность и нестабильность ограничивают возможности семейного воспроизводства. Демографическая политика должна учитывать институциональные барьеры (Макаренцева, Бирюкова, 2023. С. 34).

Заключение

В результате теоретико-концептуального анализа установлено, что демографические установки представляют собой сложные диспозиционные структуры, формирующиеся на пересечении когнитивных, ценностных и поведенческих компонентов. Они не сводятся к отдельным демографическим событиям (рождению, вступлению в брак, миграции), а выражают устойчивые ориентации личности в отношении всей жизненной траектории.

Мы показали, что научные подходы к изучению демографических установок развивались в рамках нескольких парадигм: диспозиционного (В. А. Ядов), социокультурного (П. Бурдые), институционального (Ж. Т. Тощенко) и когнитивно-поведенческого (М. Fishbein, I. Ajzen) подходов. В совокупности они позволяют рассматривать установки как результат взаимодействия личного опыта, социальной среды и структурных условий.

Особое значение в процессе формирования установок принадлежит молодежи как специфической возрастной группе, склонной к автономизации выбора, индивидуализации траекторий и адаптации к быстро меняющимся социальным условиям. Молодые люди демонстрируют высокую чувствительность к изменению нормативных ориентиров, а трансформация социальных институтов, в частности семьи и образования, приводит к изменению механизмов передачи демографических норм. На фоне ослабления институционального и социального контроля возрастает значимость гибридных форм социализации. Мы констатируем, что современные подходы к понятиям «норма», «ценность», «установка» применительно к демографическому поведению требуют переосмысления в научном дискурсе, что в дальнейшем позволит уточнить теоретические основания анализа демографического поведения молодежи. Это особенно важно в контексте выявляемого несоответствия между заявленными намерениями и реализацией жизненных стратегий, обусловленного трансформацией институтов социализации и воздействием медиасреды.

Переосмысление трансформации и закрепления установки в современном обществе – это важный инструмент демографического прогноза, необходимый для формирования эффективной демографической политики.

Таким образом, дальнейшее исследование процессов медиатизации в демографии требует комплексного междисциплинарного подхода, включающего теории социализации, коммуникации, цифровой культуры и учета новых форм трансляции социальных норм.

Список источников

Андреев Е. М. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова, О. А. Родина, К. О. Чертенков // Демографическое обозрение. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 87–107. – DOI 10.17323/demreview.v12i2.27495. – EDN QRHELS.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые; сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н. А. Шматко. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 567 с. – ISBN 978-5-903354-03-0.

References

Andreev E. M., Churilova E. V., Rodina O. A., Chertenkov K. O. Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for Its Increase. Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review. 2025; 12(2): 87-107. DOI 10.17323/demreview.v12i2.27495. (In Russ.)

Bourdieu P. Social Space: Fields and Practices. Comp. and general translation from French and afterwords by N. A. Shmatko. Part 1. Sankt-Peterburg: Aleteyya = St. Petersburg: Aleteya. 2007; 567 p. ISBN 978-5-903354-03-0. (In Russ.)

Вакуленко Е. С. Репродуктивные намерения россиян в 2022–2023 гг.: роль субъективных факторов / Е. С. Вакуленко, Д. И. Горский, В. П. Кондратьева, И. А. Трофименко // Вопросы экономики. – 2024. – № 9. – С. 138–157. – DOI 10.32609/0042-8736-2024-9-138-157. – EDN FXGZDI.

Горшков М. К. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2020. – 688 с. – ISBN 978-5-89697-325-6. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. – EDN BNSNDA.

Демографический понятийный словарь / под ред. Л. Л. Рыбаковского. – Москва: Центр соц. прогнозирования, 2003. – 352 с. – ISBN 5-98201-007-3 (в пер.)

Захаров С. В. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? / С. В. Захаров, Е. В. Чурилова, В. С. Агаджанян // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 35–51. – EDN WFEIZP.

Макаренцева А. О. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 2 (174). – С. 31–56. – DOI 10.14515/monitoring.2023.2.2379. – EDN ZGLQQE.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – Москва: Начала, 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0

Прокофьева Л. М. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения / Л. М. Прокофьева, И. И. Корчагина // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 4–17. – DOI 10.17323/demreview.v10i2.17763. – EDN TDYEBV.

Римашевская Н. М. Основные направления совершенствования демографической и

Vakulenko E. S., Gorsky D. I., Kondratieva V. P., Trofimenko I. A. Reproductive intentions of Russians in 2022-2023: the role of subjective factors. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2024; 9: 138-157. DOI 10.32609/0042-8736-2024-9-138-157. (In Russ.)

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Russia's Youth in the Mirror of Sociology: On the Results of Long-Term Research. *Moskva: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskii tsentr RAN = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020; 688 p. ISBN 978-5-89697-325-6. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. (In Russ.)

Demographic Conceptual Dictionary. Ed. by L. L. Rybakovsky. *Moskva: Tsentr sots. Prognozirovaniya = Moscow: Center for Social Forecasting*. 2003; 352 p. ISBN 5-98201-007-3 (In Russ.)

Zakharov S. V., Churilova E. V., Agadzhanyan V. S. Fertility in Secondary Unions in Russia: Does Entering into a New Marital Union Allow One to Achieve the Ideal of a Two-Child Family? *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*. 2016; 3 (1): 35-51. (In Russ.)

Makarentseva A. O., Biryukova S. S. Factors, Stability, and Fulfillment of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023; 2(174): 31-56. DOI 10.14515/monitoring.2023.2.2379. (In Russ.)

North D. Institutions, Institutional Change, and the Functioning of the Economy. Translated from English by A. N. Nesterenko. *Moskva: Nachala = Moscow: Beginnings*. 1997; 180 p. ISBN 5-88581-006-0. (In Russ.)

Prokofieva L. M., Korchagina I. I. The Demographic Structure of Families and Households in Russia and Its Dynamics According to Population Census Data. *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*. 2023; 10 (2): 4-17. DOI 10.17323/demreview.v10i2.17763. (In Russ.)

семейной политики в современной России / Н. М. Римащевская, В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. – 2013. – № 1 (59). – С. 30–41.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция: [коллективная монография] / [В. А. Ядов и др.] ; 2-е расширенное изд. – Москва: ЦСПиМ, 2013. – 376 с. – ISBN 978-5-906001-04-7.

Семья и демографические процессы в современной России: Монография / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенова; под ред. Т. К. Ростовской; ФНИСЦ РАН. – Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2021. – 257 с. – ISBN 978-5-907427-21-1. – DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021.

Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблемы коммуникации и управленческого консультирования / отв. ред. Т. М. Дридзе и Л. Н. Цой. – 1999. – № 2. – С. 8–17.

В контексте конфликтологии: проблемы коммуникации и управленческого консультирования [Сб.] / Рос. акад. наук. Ин-т социологии и др.; отв. ред. д.психол.н., проф. социологии Т. М. Дридзе, к.социол.н. Л. Н. Цой. – М.: Изд-во Ин-та социологии, 1999. – 20 с.

Тощенко Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 1 (369). – С. 106–116. – EDN TLPTHD.

Baudrillard J. Simulacres et simulation / J. Baudrillard. – Paris: Galilée, 1981.

Esping-Andersen Gøsta. The three worlds of welfare capitalism / Gøsta Esping-Andersen. – Princeton, New Jersey: Princeton University, 1990.

Fishbein M. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research / M. Fishbein, I. Ajzen. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1975.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1991.

Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G. Main directions for improving demographic and family policy in modern Russia. *Narodonaseleniye = Population*. 2013; 1 (59): 30-41. (In Russ.)

Self-regulation and forecasting of individual social behavior: Dispositional concept. collective monograph. V. A. Yadov et al.; 2nd expanded ed. *Moskva: TSSPiM = Moscow: CjSFaM*. 2013; 376 p. ISBN 978-5-906001-04-7. (In Russ.)

Family and demographic processes in modern Russia: Monograph. T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelsky, A. E. Ivanova, O. V. Kuchmaeva, V. G. Semenova; edited by T. K. Rostovskaya; Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. *Moskva: Izd-vo "Ekon-Inform" = Moscow: Ekon-Inform Publishing House*. 2021; 257 p. ISBN 978-5-907427-21-1. DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.202. (In Russ.)

Social Management and Social Communication at the Turn of the 21st Century: Towards Overcoming the Paradigmatic Crisis in Sociology. *V kontekste konfliktologii: problemy kommunikatsii i upravlencheskogo konsul'tirovaniya = In the Context of Conflictology: Problems of Communication and Management Consulting*. Eds. T. M. Dridze and L. N. Tsoi. 1999; 2: 8-17. (In Russ.)

In the Context of Conflictology: Problems of Communication and Management Consulting [Collection] / Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, etc.; Eds. D.Sc. (Psychology), Prof. of Sociology T. M. Dridze, Ph.D. (Sociology) L. N. Tsoi. *Moskva: Izd-vo In-ta sotsiologii = Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology*. 1999; 20 p. (In Russ.)

Toshchenko Zh. T. Sociology of life as a theoretical concept. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*. 2015; 1 (369): 106-116. (In Russ.)

Baudrillard J. Simulacres et simulation. *Paris: Galilée*. 1981.

Esping-Andersen Gøsta. The three worlds of welfare capitalism. *Princeton, New Jersey: Princeton University*. 1990.

Hepp A. Deep Mediatization / A. Hepp. – Routledge, 2020. – DOI: 10.4324/9781351064903.

Luhmann N. The Reality of the Mass Media / N. Luhmann. – Stanford University Press, 2000.

Schmidt P. Twitter Users' Privacy Behavior: A Reasoned Action Approach / P. Schmidt, G. Gordon, I. Ajzen et al. // Social Media and Society. – 2022. – Vol. 8. – No. 3. – DOI 10.1177/20563051221126085.

Fishbein M., Ajzen I. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley. 1975.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press. 1991.

Hepp A. Deep Mediatization. Routledge. 2020. DOI: 10.4324/9781351064903.

Luhmann N. The Reality of the Mass Media. Stanford University Press. 2000.

Schmidt P., Gordon G., Ajzen I. et al. Twitter Users' Privacy Behavior: A Reasoned Action Approach. Social Media and Society. 2022; 8(3). DOI 10.1177/20563051221126085.

Для цитирования: Гомозова Е. В. Трансформация демографических установок молодежи в медиапространстве: теоретико-концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14 – № 5 (75). – С. 127–139.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.9

EDN PXWXXL

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.08.2025

Одобрена после рецензирования –
10.09.2025

Принята к публикации – 12.09.2025

Сведения об авторе

Гомозова Евгения Вячеславовна

Соискатель ученой степени Института
социальной демографии ФНИСЦ РАН
SPIN-код: 1084-6279

AuthorID: 1241613

e.v.gomozova@mail.ru

Information about author

Evgeniia V. Gomozova

Applicant for an academic degree,
Institute of Social Demography
of FCTAS RAS

e.v.gomozova@mail.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ
СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**THEORETICAL
UNDERSTANDING
OF SECULARIZATION IN
THE WEST AND RUSSIA:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Д. Ю. Сакович***
ORCID: 0009-0006-2156-5248

Denis Yu. Sakovich***

* Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета

** Донской государственный технический
университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University

** Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования состоит в сравнительном анализе теоретических концепций секуляризации в западноевропейских странах и в России, чтобы выявить общие тенденции и специфические характеристики религиозных трансформаций в контексте процесса модернизации.

Objective of the study is to conduct a comparative analysis of theoretical concepts of secularization in Western European countries and in Russia, in order to identify common trends and specific characteristics of religious transformations within the context of modernization.

Методологической базой исследования является историко-сравнительный анализ, который предполагает сопоставление классических и современных теорий секуляризации с эмпирическими процессами, происходящими в западных странах и России. Для проведения анализа были использованы научные публикации, результаты социологических опросов и данные интернет-статистики, включая исследование запросов по религиозной тематике через сервис «Яндекс. Wordstat».

Methodological basis of the study. The study is based on a historical-comparative analysis, which involves comparing classical and contemporary theories of secularization with the empirical processes taking place in Western countries and Russia. The analysis draws on scholarly publications, the results of sociological surveys, and internet statistics, including an examination of search queries on religious topics using the «Yandex. Wordstat» service.

Результаты исследования. Установлено, что классическая теория секуляризации нуждается в переосмыслении. Процессы модернизации не столько ведут к «исчезновению» религии, сколько к трансформации ее социальных функций и институциональ-

Results of the study. We establish that the classical theory of secularization requires reconsideration. Modernization processes do not so much lead to the “disappearance” of religion as to the transformation of its social functions and institutional forms. In Western

ных форм. В западных обществах религия утратила доминирующее положение, преобразовавшись в автономный социальный институт, и ее влияние на публичную сферу уменьшилось. Однако вместо полного отказа от веры наблюдается появление новых форм религиозного выражения, включая индивидуализированные «конструкторы веры» и культурную «заместительную религию», где религиозная идентичность сохраняется формально. Параллельно с этим секуляризация способствовала росту фундаменталистских движений, направленных против секулярных ценностей, что свидетельствует о способности религии адаптироваться и возвращаться в общественную жизнь в новых формах.

В России процесс секуляризации носил принудительный характер: в советский период религиозные институты были практически полностью вытеснены из социальной сферы. Тем не менее религиозная вера сохранялась в приватной области, а после распада СССР произошел массовый религиозный подъем. Этот подъем характеризуется сочетанием номинальной массовой религиозности, воспринимаемой как элемент национальной культуры, с активизацией консервативных и фундаменталистских групп.

Сравнительный анализ западных и российских случаев секуляризации демонстрирует, что данный процесс не является универсальным и однонаправленным. В постсекулярном обществе светские и религиозные тенденции сосуществуют, а религия продолжает выполнять значимые мировоззренческие функции, подвергаясь трансформации.

Перспективы исследования связаны с проведением углубленного сравнительного анализа тенденций секуляризации, включающего исследование динамики постсекулярных процессов, индивидуализацию религиозного поведения и воздействие цифровых технологий. Это позволит разработать обновленную теоретическую модель, отражающую трансформации религиозных феноменов в контексте современной модернизации.

societies, religion has lost its dominant position, becoming an autonomous social institution, and its influence on the public sphere has diminished. However, instead of a complete abandonment of faith, there has been the emergence of new forms of religious expression, including individualized “constructors of belief” and a cultural “surrogate religion”, where religious identity is preserved in a formal sense. In parallel, secularization has contributed to the rise of fundamentalist movements aimed against secular values, which demonstrates the capacity of religion to adapt and to return to public life in new forms.

In Russia, the process of secularization was coercive: during the Soviet period, religious institutions were almost completely ousted from the social sphere. Nevertheless, religious faith persisted in the private sphere, and after the collapse of the USSR, a mass religious upsurge occurred. This upsurge is characterized by a combination of nominal mass religiosity, perceived as an element of national culture, and the activism of conservative and fundamentalist groups.

A comparative analysis of Western and Russian cases of secularization demonstrates that this process is not universal or unidirectional. In a post-secular society, secular and religious tendencies coexist, and religion continues to fulfill significant ideological functions, although it undergoes transformation.

Prospects of the study are associated with conducting an in-depth comparative analysis of secularization trends, including the study of post-secular dynamics, the individualization of religious behavior, and the impact of digital technologies. This will make it possible to develop an updated theoretical model that reflects the transformation of religious phenomena in terms of contemporary modernization.

Ключевые слова: секуляризация, постсекулярное общество, религиозность, социология религии, Запад, Россия, сравнительный анализ

Keywords: secularization, post-secular society, religiosity, sociology of religion, the West, Russia, comparative analysis

Введение

В течение длительного периода в научном дискурсе преобладала классическая теория секуляризации, постулирующая закономерное и универсальное снижение институционального и нормативного влияния религиозных систем в результате процессов рационализации, ускоренного технологического прогресса и дифференциации социальных институтов. В рамках модернизационных парадигм середины XX века секуляризация рассматривалась как основной вектор социальной эволюции, связанный с переходом от традиционного к современному обществу.

Эмпирические данные, собранные в конце XX – начале XXI века, зафиксировали противоречивую динамику секуляризационных и десакрализационных процессов. В различных социокультурных контекстах наблюдается феномен ретрадиционализации (Timoshchuk, 2020. С. 150), который характеризуется усилением религиозной идентичности и актуализацией символических ресурсов веры. Это стимулировало развитие постсекулярных концептуальных подходов (Кырлежев, 2012. С. 52–68), которые подчеркивают нелинейный и вариативный характер секуляризации. Секуляризация больше не рассматривается как линейный и необратимый процесс, а как сценарий, который зависит от исторической специфики, культурных паттернов и политических контекстов¹.

Сравнительный анализ данных трансформаций представляет значительный научный интерес. В западноевропейских социумах религиозность претерпела изменения, главным образом, хотя и с рядом оговорок, через институциональную адаптацию и приватизацию религиозности (privatization of religiosity) (Pessi, 2013. С. 16–18), тогда как в российском случае имели место драматические разрывы, включающие период государственной атеизации и последующую ресакрализацию публичного пространства.

Таким образом, анализ процесса секуляризации требует отхода от универсалистских моделей и применения многоуровневых аналитических категорий, таких как религиозный капитал, конкуренция между религиозными и светскими нарративами, а также плюрализация мировоззренческих ориентаций.

При этом анализ разных путей развития секуляризации и десекуляризации показывает, что существующие теории не всегда позволяют объяснить

¹ Кырлежев А. В., Шишков А. И. Пост-секулярное в пост-атеистической России. – URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/02/kyrlezhev-shishkov_rus.pdf (дата обращения: 01.07.2025)/

сложные и противоречивые процесса, происходящие в обществе. Современные социологические исследования религиозных процессов сталкиваются с трудностями в описании новых форм религиозности и их сосуществования со светскими практиками. Эта проблема указывает на необходимость поиска новых подходов и категорий для анализа динамики современного религиозного пространства.

Данная статья посвящена теоретическому осмыслению указанных процессов и рассмотрению вопросов трансформации статуса религии в условиях многовекторной секуляризации, а также определению контуров религиозности в постсекулярный период, характеризующийся одновременным сосуществованием светских практик и новых форм сакрального.

Методология и методы

Основой исследования является историко-сравнительный анализ. В исследовании проведен сравнительный анализ классических и современных теорий секуляризации, представленных в трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса П. Бергера, Т. Лукмана, Ч. Тейлора и др. Анализ осуществлялся в контексте сопоставления теоретических концепций с реальными процессами секуляризации в западных странах и России.

В качестве источников информации использовались научные труды (богословские, философские и социологические исследования), а также данные социологических опросов и интернет-статистики. В частности, был проведен анализ частоты поисковых запросов по религиозной тематике с использованием сервиса «Яндекс.Wordstat».

Социокультурная динамика процесса секуляризации: истоки и ключевые концептуальные подходы

Термин «секуляризация» (от латинского *saeculum* – «век», «эпоха», «этот мир») (Петрученко, 2001. С. 496) имеет сложное историко-семантическое происхождение и в различные исторические периоды отражал разнообразные аспекты взаимодействия религии и общества. В первоначальном контексте, характерном для Средневековья, данный термин использовался преимущественно для обозначения процесса перехода клирика или монаха из духовного состояния в светскую жизнь. Эта узкоспециализированная церковноправовая трактовка постепенно трансформировалась: начиная с XVII века под секуляризацией стали понимать юридический процесс изъятия и передачи церковных земель и имущества в светское управление.

К концу XVIII – началу XIX века термин «секуляризация» претерпел значительные изменения и приобрел социально-философское значение. В этот период секуляризация стала обозначать существенное снижение институционального и символического влияния религиозных организаций на различные аспекты общественной жизни, включая образование, культуру и политику. В эпоху Просвещения секуляризация трансформировалась в иде-

ологический проект, рассматриваемый как необходимое условие перехода к рациональному и прогрессивному социуму. Сторонники просветительской мысли утверждали, что освобождение от «религиозных предрассудков» является предпосылкой для модернизации и прогресса общества. В то же время представители церковных кругов воспринимали секуляризацию как угрозу традиционным основам социальной структуры и ценностям коллективной идентичности.

Процессы Реформации и Французской революции существенно ослабили доминирующее положение церкви в общественно-политической сфере, создав прецеденты радикальной дезинтеграции сакральных институтов. Философская система Г. В. Ф. Гегеля и позитивистские идеи О. Конта способствовали утверждению представления об историческом развитии как о поступательном, линейном движении, которое может быть интерпретировано либо как эволюция абсолютного духа (Гегель, 1975. С. 207–208) либо как последовательные стадии развития человеческого знания (Конт, 2003. С. 21–23). Эта эволюционная модель подразумевала неизбежное оттеснение религиозных форм сознания и практик на периферийные позиции в социальной структуре.

Важный этап в процессе институционализации теории секуляризации связан с исследованиями К. Маркса, который, опираясь на переосмысленный в материалистическом ключе диалектический метод Г. В. Ф. Гегеля (Маркс, Энгельс, 1960. С. 21–22). Марксистская интерпретация рассматривает религию как элемент идеологической надстройки, непосредственно обусловленный экономическим базисом общества. Согласно марксистской парадигме, религия рассматривается как исторический феномен, обреченный на исчезновение вследствие преодоления эксплуатации и социального отчуждения в процессе перехода к коммунистическому обществу.

В конце XIX – начале XX века в рамках социологического изучения религии были разработаны концептуальные основы, которые позволили рассматривать религию не только как атрибут архаичных обществ, но и как значимый социальный феномен с интегративными функциями. Э. Дюркгейм, один из основоположников социологии религии, определял основную роль религиозных институтов в обеспечении социальной солидарности и воспроизводстве коллективных представлений. Он рассматривал культ как символическую форму «поклонения общества самому себе» (Дюркгейм, 2018. С. 96–97). Э. Дюркгейм предполагал, что по мере эволюции общества религиозные верования и практики утратят свою мистическую и догматическую природу, а их интегративные функции будут переданы светским идеологиям и гражданским культам.

Ф. Тённис поддерживал концепцию, согласно которой в традиционных общинах религиозный компонент выполнял функцию основополагающего интегративного элемента. Однако в процессе трансформации к индустри-

альным социумам и рационализации социальных взаимодействий его роль начинает замещаться прагматическими установками и секулярными регуляторами (Тённис, 2002. С. 10).

М. Вебер в своей фундаментальной работе «Протестантская этика и дух капитализма» продемонстрировал, что аскетические принципы протестантизма оказали определяющее воздействие на формирование капиталистической рациональности, что, в свою очередь, способствовало секуляризации сознания и развитию светских моделей поведения. Его анализ выявил парадоксальную взаимосвязь между религиозной этикой и последующей рационализацией, включая процесс секуляризации всех аспектов социальной жизни (Вебер, 2017).

К середине XX века в ряде индустриально развитых государств отмечалась устойчивая тенденция к снижению уровня институциональной религиозности. Это проявлялось в уменьшении числа посещающих религиозные учреждения, снижении вовлеченности молодежи в религиозные практики и росте атеистических и агностических настроений. В некоторых странах официальная идеология приобретала светский, а в отдельных случаях атеистический характер.

Параллельно с этим усиливался интерес к изучению религии как специфического социального института. Формировались специализированные научные общества, занимающиеся социологией религии, развивались новые дисциплинарные подходы. Теологи и философы предпринимали попытки переосмысления феномена веры в контексте современности, характеризующейся снижением религиозной активности.

Российский исследователь Д. А. Узланер указывает, что в конце XIX – начале XX века сформировалась специфическая дисциплина, известная как «религиозная социология». Данная область научного знания была направлена на изучение функционирования религиозных общин и анализ трансформации религиозного сознания под влиянием процессов секуляризации (Узланер, 2019. С. 35). Однако вплоть до 1960-х годов в академической среде доминировала концепция, предполагающая неизбежную утрату религией своего общественного значения и рассматривающая секуляризацию как односторонний и необратимый процесс исторического развития.

Постсекулярный поворот: пересмотр классической теории секулярности

В 1960-е годы эмпирические данные заставили пересмотреть догму о «смерти религии». С одной стороны, в ряде европейских стран наблюдалось значительное снижение уровня религиозности. Однако одновременно в различных регионах мира происходила масштабная «религиозная контрреволюция», проявлявшаяся в виде роста евангелического фундаментализма в Соединенных Штатах Америки, Исламской революции 1979 года в Иране, увеличения численности нетрадицион-

ных религиозных движений и усиления религиозного влияния в странах глобального Юга. Эти события потребовали пересмотра ранее разработанных теоретических моделей. Социологи Л. Шайнер и Д. Мартин уже в 1960-х годах указали на идеологическую обусловленность классических теорий и предложили рассматривать процесс секуляризации как многогранное явление, включающее дифференциацию, десакрализацию и трансформацию религиозных практик (Узланер, 2019. С. 56). Их исследования заложили основы постсекулярного подхода, признающего параллельное сосуществование светских и религиозных тенденций в современном обществе.

В западных обществах процесс секуляризации проявился через институциональное разделение церкви и государства, что привело к уменьшению влияния религиозных институтов на публичную сферу, превратившись в один из специализированных. Несмотря на это, религия сохранила статус специализированного социального института, утратив, однако, монополию на истину и значительное влияние на образовательные, экономические и политические процессы (Узланер, 2019. С. 56) (дифференциация по Т. Парсонсу) (Парсонс, 1998. С. 45). В результате данного процесса сформировался религиозный плюрализм, что привело к возникновению межконфессиональных инициатив, включая создание Всемирного совета церквей в 1948 году¹. Внутри данного контекста наблюдается феномен индивидуализированной религиозности, который можно охарактеризовать как номинальную или «скандинавскую» религиозную идентичность. В данном контексте церковь воспринимается скорее как культурный символ, нежели как активный социальный институт (Тейлор, 2020. С. 22). Г. Дэви описывает данный феномен как «заместительную религию», где религиозная практика осуществляется активным меньшинством, в то время как пассивное большинство сохраняет символическую привязанность (Davie, 1945. P. 69–70).

Концепции «бриколажа» К. Леви-Стросса и постмодернистской эклектики Ж. Дерриды дополняют данную картину, указывая на формирование личного и стихийного «конструктора» убеждений (Деррида, 2000. С. 360). Таким образом, в западном постсекулярном обществе религия трансформируется от институциональной формы к индивидуальному духовному поиску и культурной идентичности.

Параллельно наблюдается усиление религиозного фундаментализма как реакции на процессы девальвации традиционных религиозных институтов. В Соединенных Штатах Америки фундаменталистские тенденции сформировались еще в 1920-х годах, однако в конце XX века они значительно усилились на фоне либерализации теологических концепций. Исламская революция в Иране и радикальные исламские движения, такие как афганский джи-

¹ *Сперанская Е. С.* Православная энциклопедия. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/155520> (дата обращения: 03.07.2025).

хад и террористические акты, демонстрируют, что религиозное возрождение обладает потенциалом для противодействия секуляризации и закрепления теократических структур.

Научные исследования подтверждают, что конфессиональный консерватизм укрепляется как в христианской, так и в индуистской традициях. Теория также претерпела значительные трансформации, что иллюстрируется работами П. Бергера. В 1990-х годах он отказался от своей предыдущей гипотезы о «религиозной гибели» и выдвинул новое утверждение: «Современный мир, с некоторыми исключениями, ...настолько же... религиозен, как и когда-либо, а в некоторых местах даже больше, чем когда-либо» (Berger, 1999. Р. 2).

Таким образом, постсекулярный подход подрывает традиционную линейную модель модернизации: религия не только не исчезла, но и трансформировалась, утратив свою исключительную монополию на публичное пространство и став объектом индивидуального выбора и массового плюрализма, а также источником радикального фундаментализма. Этот сдвиг требует пересмотра теоретических концепций, отражающих более сложное взаимодействие религиозных и светских элементов в обществе.

Трансформация процесса секуляризации в Российской Федерации и эмпирическая верификация гипотезы на основе анализа интернет-интересов

Историческая динамика секуляризации в России имеет значительные отличия от западной модели. В Западной Европе процессы секуляризации были обусловлены трансформацией религиозной культуры в ходе Реформации и Просвещения. В России же коренной перелом произошел в результате революционных и политических потрясений XX века.

В начале 1917 года Русская православная церковь планировала провести масштабные реформы, включая восстановление патриаршества и модернизацию богослужебной практики. Однако эти планы были сорваны революционными событиями (Митрофанов, 2002).

В последующие десятилетия Советский Союз инициировал политику принудительной секуляризации. Религия была вытеснена из общественной жизни посредством пропаганды научного атеизма и репрессивных мер. К 1930-м годам большинство храмов было закрыто, священнослужители подвергались преследованиям, а религиозное образование и проповедь были фактически запрещены¹.

К началу 1960-х годов СССР фактически стал «пострелигиозным» обществом, характеризующимся минимальной долей граждан, активно исповедующих религиозные убеждения.

¹ Кырлежев А. В., Шишков А. И. Пост-секулярное в пост-атеистической России. – URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/02/kyrlezhev-shishkov_rus.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

Тем не менее религиозные верования не были полностью искоренены. Значительная часть населения сохраняла свои религиозные убеждения в условиях подпольного существования: функционировали тайные общины, действовали нелегальные священнослужители, а в отдаленных районах продолжали работать религиозные учреждения, что способствовало сохранению духовных традиций. В семьях передавались обрядовые и культурные практики, обеспечивая преемственность религиозной памяти.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов произошло крушение атеистической модели, что привело к масштабному религиозному возрождению. В этот период были открыты сотни храмов и монастырей, миллионы человек приняли крещение, и религиозная практика вновь стала значимой частью общественной жизни. Впоследствии темпы снижения уровня религиозности стабилизировались, однако подавляющее большинство граждан Российской Федерации продолжают идентифицировать себя как православных. Тем не менее данная религиозная самоидентификация носит преимущественно культурный характер: посещение церкви носит эпизодический характер, чаще в праздничные дни или в рамках семейных мероприятий, что указывает на более номинальный и «заместительный» тип религиозной самоидентификации (Тейлор, 2020. С. 23).

В постсоветский период в православном сообществе наблюдается значительное расслоение мнений. С одной стороны, формируются обновленческие инициативы, такие как деятельность Преображенского братства под руководством протоиерея Георгия Кочеткова, которые направлены на введение богослужений на русском языке и расширение участия мирян в церковной жизни. Эти инициативы вызвали резкую критику со стороны консервативных элементов, что проявилось даже в организации «народного суда» против епископа, проводившего богослужения на русском языке.

С другой стороны, развиваются фундаменталистско-традиционалистские проекты, такие как «Царьград», которые акцентируют внимание на национальной идентичности и используют монархически-православную риторику. Эти проекты находят широкую поддержку среди аудитории.

Таким образом, современная Российская Федерация демонстрирует признаки постсекулярного общества. Светские институты сохраняют свою автономию, однако религиозные верования и практики продолжают играть существенную роль в процессах культурной самоидентификации и формирования ценностных ориентиров населения. Внутри православного сообщества наблюдается активный процесс поиска баланса между традиционными религиозными нормами и современными вызовами, что приводит к возникновению конфликтных дискурсов и трансформации внутренней структуры религиозной жизни.

В условиях современной постсекулярной социокультурной конфигурации значительный исследовательский интерес представляет анализ функционирования траурных обрядов в структуре религиозного поведения. Рассматривая трансформацию религиозности в современных западных обществах, Чарльз Тейлор отмечает, что для большинства индивидов принадлежность к христианской конфессии редуцируется до уровня символической самоидентификации, которая проявляется преимущественно в контексте социологических опросов и повседневных взаимодействий. В то же время непосредственное участие в церковных таинствах, таких как крещение и венчание, постепенно теряет регулярность (Тейлор, 2020. С. 25). В отличие от этого, устойчивый интерес к обрядам поминовения усопших, включая отпевание, панихиду и другие заупокойные богослужения, сохраняется. Данный сдвиг свидетельствует об изменении структуры религиозной практики, при котором заупокойные ритуалы приобретают ключевую роль в поддержании связи с религиозной традицией в условиях ослабления других институционализированных форм религиозности.

Это позволяет предположить, что в условиях номинальной религиозности траурные обряды могут сохранять высокую значимость и актуальность.

Для эмпирической проверки данной гипотезы был проведен анализ интернет-интересов россиян. В период с 1 июня по 1 июля 2025 года были собраны данные из сервиса Yandex.Wordstat по трем категориям: крещение, венчание и обряды по усопшим, включая «отпевание» и «панихиду». Каждая категория прошла процедуру семантической классификации, агрегирования и вычисления относительных долей запросов. Результаты исследования представлены в виде таблицы 1.

В рамках эмпирического исследования была применена многоступенчатая методика, включающая следующие этапы: сбор и агрегация поисковых запросов, их тематическая классификация, количественный анализ и расчет относительных долей для каждой выделенной категории и уточняющих формулировок. Полученные данные были визуализированы с использованием таблицы, что обеспечило их наглядность и структурную интерпретируемость.

Анализ показал, что доля запросов, связанных с траурными обрядами, составляет примерно 11 % от общего объема религиозной поисковой активности. Интерес к крещению достигает порядка 69 %, а к венчанию около 21 %. Таким образом, первоначальная гипотеза о доминирующей роли заупокойных практик не нашла эмпирического подтверждения.

Таблица 1
Структура интернет-запросов по религиозным обрядам в России (по данным Yandex. Wordstat, июнь-июль 2025 г.)¹

Основная категория	Запрос	Кол-во	Сумма всех запросов	% от категории	% от общего
Обряд крещения	Крещение	527 947	727 185	72,6	49,8
	Крещение ребенка	84 749		11,7	8
	Суть крещения	24 331		3,3	2,3
	Крещение в церкви	23 695		3,3	2,2
	Церковное крещение	19 811		2,7	1,9
	Крещение девочки	17 234		2,4	1,6
	Крещение мальчика	15 014		2,1	1,4
ИТОГ ПО КАТЕГОРИИ	Покрестить ребенка	15 013	218 225	2,1	1,4
	Крещение взрослого	6 891		0,9	0,6
	-	-		100	68,6
	Венчание	184 598		84,6	17,4
	Венчание в церкви	26 498		12,1	2,5
	Повенчаться	5 521		2,5	0,5
	Можно повенчаться без регистрации брака?	299		0,14	0,03
Обряд венчания	Можно ли повенчаться без брака?	282	218 225	0,13	0,03
	Повенчаться без загса?	268		0,12	0,03
	Можно ли повенчаться без регистрации?	265		0,12	0,03
	Можно повенчаться без загса?	261		0,12	0,02
	Что нужно чтобы повенчаться?	233		0,11	0,02
ИТОГ ПО КАТЕГОРИИ	-	-	114 049	100	20,6
	Панихида	60 769		53,3	5,7
	Отпевание	39 747		34,9	3,8
	Отпевание в церкви	8 109		7,1	0,8
	Панихида по усопшим	7 268		6,4	0,7
	Отпевание в храме	1 402		1,2	0,13
	Отпевание усопшего в церкви	1 282		1,1	0,12
Обряды по усопшим	Отпевание человека	1 129	114 049	1	0,11
	Похороны отпевание	1 193		1	0,11
	Отпевание усопшего	418		0,4	0,04
	-	-		100	10,8
ИТОГ ПО КАТЕГОРИИ	-	-	1 059 459	100	100
ОБЩИЙ ИТОГ	-	-		100	100

¹ Источник: данные сервиса Yandex. Wordstat; авторская разработка на основании собственных вычислений и классификации.

Заключение

Анализ полученных эмпирических данных свидетельствует о том, что в современном российском обществе религия сохраняет преимущественно социокультурный и идентификационный характер. Практика религиозных ритуалов, особенно в траурных контекстах, носит эпизодический и ситуативный характер, что указывает на номинальность религиозной принадлежности и ее функционирование преимущественно как элемента коллективной идентичности, а не как проявления глубокой духовной вовлеченности.

Современное российское общество демонстрирует черты постсекулярности, которые характеризуются параллельным сосуществованием и взаимодействием светских и религиозных элементов. Несмотря на преимущественно светский характер государственных и общественных институтов, религия продолжает играть значительную роль в процессах культурной самоидентификации, формировании ценностных ориентаций и социальных норм. Внутри религиозного сообщества наблюдается поиск баланса между традиционными установками и необходимостью адаптации к современным вызовам, что стимулирует интенсивные внутренние дискуссии и трансформацию религиозной жизни.

Список источников

Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. – 4-е изд. / М. Вебер; сост. Ю. Н. Давыдов. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с. – (Серия «Книга света»). – ISBN 978-5-98712-801-5.

Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2 т. Т. 1. – Москва: Мысль, 1975. – 532 с.

Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. – 432 с. – ISBN 5-7331-0181-4.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с. – ISBN 978-5-7749-1370-1.

Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с. – ISBN 5-222-03417-8.

Кырлежев А. В. Постсекулярная концептуализация религии / А. В. Кырлежев // Государство, религия, Церковь в России и за ру-

References

Weber M. Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. 4th ed. Compiled by Yu. N. Davydov. *Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ = Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.* 2017; 656 p. Book of Light Series. ISBN 978-5-98712-801-5. (In Russ.)

Hegel G. V. F. Philosophy of Religion. In 2 volumes. Vol. 1. *Moskva: Mysl' = Moscow: Thought.* 1975; 532 p. (In Russ.)

Derrida J. Writing and Difference. *Sankt-Peterburg: Akademicheskii proyekt = St. Petersburg: Academic project.* 2000; 432 p. ISBN: 5-7331-0181-4. (In Russ.)

Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. *Moskva: Izdatel'skiy dom «Delo» RANXhGS = Moscow: Delo Publishing House RANEPa.* 2018; 736 p. ISBN: 978-5-7749-1370-1. (In Russ.)

Kont O. The Spirit of Positive Philosophy (A Word on Positive Thinking). *Rostov-na-Donu: Feniks = Rostov-on-Don: Phoenix.* 2003; 256 p. ISBN: 5-222-03417-8. (In Russ.)

бежом. – 2012. – Т. 30, № 2. – С. 52–68. – EDN PINQFD.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. – Т. 23. – Москва: Политиздат, 1960. – С. 15–784.

Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви: 1900–1927 / Г. Митрофанов. – Москва: Сатис, 2002. – 550 с. – ISBN 5-7373-0262-8.

Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – ISBN 5-7567-0225-3.

Петрученко О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – Санкт-Петербург: Лань, 2001. – 816 с. – ISBN 5-8114-0144-X.

Тейлор Ч. Новый духовный ландшафт: религиозное сознание в постсекулярном обществе / Ч. Тейлор // Религиозное сознание в постсекулярном обществе / под. ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). – Москва: ББИ, 2020. – 186 с. – ISBN 978-5-89647-382-4.

Тённис Ф. Общность и общество / Ф. Тённис. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 451 с. – ISBN: 5-93615-020-8 (в пер.).

Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации / Д. А. Узланер. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 240 с. – ISBN 978-5-7598-1963-9 (в пер.). – ISBN 978-5-7598-2016-1 (e-book).

Berger P. L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. L. Berger. – Washington, D. C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. – VIII, 135 p.

Davie G. Religion in Britain since 1945: believing without belonging / G. Davie. – Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell, 2000. – XIII, 226 p.

Pessi A. B. Privatized religiosity revisited: Building an authenticity model of individual-church relations / A. B. Pessi // Social Compass. – 2013. – Vol. 60, № 1. – P. 3–21.

Kyrlezhev A. V. Post-Secular Conceptualization of Religion. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* = *State, Religion, and Church in Russia and Abroad*. 2012; 30 (2): 52–68. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Capital: Critique of Political Economy. Marx K., Engels F. Works in 50 volumes. Vol. 23. *Moskva: Politizdat* = *Moscow: Politizdat*. 1960; 15–784. (In Russ.)

Mitrofanov G. History of the Russian Orthodox Church: 1900–1927. *Moskva: Satis* = *Moscow: Satis*. 2002; 550 p. ISBN 5-7373-0262-8. (In Russ.)

Parsons T. The system of modern societies. *Moskva: Aspekt Press* = *Moscow: Aspect Press*. 1998; 270 p. ISBN 5-7567-0225-3. (In Russ.)

Petruchenko O. Latin-Russian dictionary. *Sankt-Peterburg: Lan'* = *St. Petersburg: Lan' Publishing House*. 2001; 816 p. ISBN 5-8114-0144-X. (In Russ.)

Taylor C. The New Spiritual Landscape: Religious Consciousness in a Post-Secular Society. Religious Consciousness in a Post-Secular Society Ed. by Alexey Bodrov and Mikhail Tolstoluzhenko (Series “Modern Theology”). *Moskva: BTI* = *Moscow: BTI*. 2020; 186 p. ISBN 978-5-89647-382-4. (In Russ.)

Tönnies F. Community and Society. Trans. *Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'* = *St. Petersburg: Vladimir Dahl*. 2002; 451 p. ISBN 5-93615-020-8. (In Russ.)

Uzlaner D. A. The End of Religion? A History of the Theory of Secularization. *Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki* = *Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics*. 2019; 240 p. ISBN 978-5-7598-1963-9 (translated). ISBN 978-5-7598-2016-1 (e-book). (In Russ.)

Berger P. L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. *Washington, D. C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans Pub. Co*. 1999; VIII. 135 p.

Davie G. Religion in Britain since 1945: believing without belonging. Oxford;

Timoshchuk E. A. Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research / E. A. Timoshchuk // *Intelligence. Innovations. Investments.* – 2020. – No. 5. – P. 146–151.

Cambridge, Mass.: Blackwell, 2000; XIII. 226 p.

Pessi A. B. Privatized religiosity revisited: Building an authenticity model of individual-church relations. *Social Compass.* 2013; 60 (1): 3-21.

Timoshchuk E. A. Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research. *Intelligence. Innovations. Investments.* 2020; 5: 146-151.

Для цитирования: Сакович Д. Ю. Теоретическое осмысление секуляризации на Западе и в России: сравнительный анализ // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 140–153.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.10
EDN QLPSBP

История статьи:

Поступила в редакцию – 21.07.2025

Одобрена после рецензирования –
22.09.2025

Принята к публикации – 26.09.2025

Сведения об авторе

Сакович Денис Юрьевич

Аспирант Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета, преподаватель кафедры
«Православная культура и теология»
Донского государственного технического
университета
SPIN-код: 5696-1832
AuthorID: 1304297
youraise@yandex.ru

Information about author

Denis Yu. Sakovich

Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Lecturer, Department of Orthodox
Culture and Theology,
Don State Technical University
youraise@yandex.ru

**ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ
КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ**

**INFORMATION
AND PSYCHOLOGICAL
SECURITY OF YOUTH
IN THE CONTEXT
OF COGNITIVE WARFARE:
METHODOLOGICAL
APPROACHES**

*Л. С. Царенко**

*Lyudmila S. Tsarenko**

** Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования – разработка теоретико-методологических оснований обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи в условиях когнитивной войны.

Objective of the study is to develop theoretical and methodological foundations for ensuring information-psychological security of youth in the context of cognitive warfare.

Методология исследования включает следующие подходы: 1) трансдисциплинарную методологию, применяемую к анализу взаимодействия современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с человеческим сознанием – данный подход позволяет выявить инвариантные когнитивные практики в традиционной системе отечественного образования, раскрывающие механизмы обеспечения безопасности молодежи в условиях когнитивной войны с Западом; 2) концепцию новых карт психологии, интерпретирующую развитие личности как формирование будущих образов мира в условиях информационно-сетевого общества; 3) философию катастроф, объясняющую геополитическую детерминацию гибридных войн, в том числе информационно-психологических операций, направленных на трансформацию менталитета российской молодежи. Кроме того, в исследовании используется парадигма

Methodological basis of the study includes the following approaches: 1) Transdisciplinary methodology applied to analyze the interaction between modern information and communication technologies (ICTs) and human consciousness. This approach identifies invariant cognitive patterns in Russia's traditional education system that reveal protective mechanisms for youth in conditions of cognitive warfare with the West. 2) The concept of new psychological maps, interpreting personality development as the formation of future world images in information-network societies. 3) The philosophy of catastrophes, explaining geopolitical determinants of hybrid wars, including information-psychological operations aimed at transforming the mentality of Russian youth. Additionally, the study employs the paradigm of non-Markovian processes to analyze continuity in intergenerational dynamics.

немарковских процессов, обеспечивающая анализ преемственности в межпоколенческой динамике.

Результаты исследования. В основе исследования лежит трансдисциплинарная методология, позволяющая вычленировать инвариант в новых картах психологии. Это дает возможность обнаружить за инновационными образовательными практиками и проектами, направленными на воспитание молодежи в условиях новых динамико-топологических факторов (Интернет, цифровизация повседневной жизни), культурные традиции российской цивилизации, где мотивация служения Родине сочетается с всемирным характером современности нашей эпохи. Исследование также опирается на философскую концепцию катастроф, рассматриваемую в парадигме немарковских процессов и выявляющую преемственность поколений российского государства-цивилизации; закон меры диалектико-материалистической философии и концепцию вероятностей на основе математической теории меры, что позволяет предложить новую интерпретацию человеческого сознания и психики; концепцию развития личности как формирования будущих образов мира, обеспечивающую внутренний диалог и взаимодействие с другими индивидами, что составляет основу информационно-психологической безопасности молодежи России.

Перспективы исследования. Представлен диапазон методологий, который дает возможность обеспечить информационно-психологическую безопасность молодежи в условиях когнитивной войны Запада против России.

Ключевые слова: человек, информация, когнитивные методологии исследования, трансдисциплинарная методология, сознание человека, немарковская парадигма, гибридная война, информационно-психологические операции

Results of the study. The research is based on a transdisciplinary methodology that enables the extraction of invariants within new psychological maps. This approach makes it possible to discern, behind innovative educational practices and youth development projects operating under new dynamic-topological factors (the Internet, digitalization of everyday life), the cultural traditions of Russian civilization. These traditions combine motivation to serve to the Motherland with the universal character of our contemporary era. The research also relies on: the philosophical concept of catastrophes, examined through the paradigm of non-Markovian processes, which reveals intergenerational continuity within Russia's state-civilization; the law of measure from dialectical-materialist philosophy; probability concepts based on mathematical measure theory, together enabling a new interpretation of human consciousness and psyche; the concept of personality development as the formation of future world images, which ensures internal dialogue and interaction with others, forming the foundation of information-psychological security for Russian youth.

Prospects of the study. The presented range of methodologies provides the capability to ensure information-psychological security of youth in conditions of the West's cognitive warfare against Russia.

Keywords: human being, information, cognitive research methodologies, transdisciplinary methodology, human consciousness, non-Markovian paradigm, hybrid warfare, information-psychological operations

Введение

Современные геополитические изменения активизировали гибридную войну Запада против России на всех уровнях, что особо актуализировало проблему безопасности молодежи. Значительные сдвиги на международной арене – ослабление финансовой мощи США, рост экономического влияния Китая и усиление военного потенциала России – обострили борьбу сверхдержав за доминирование в Евразии. Это соперничество носит принципиально иной характер по сравнению с традиционным противостоянием Запада и Востока XX – начала XXI веков.

Как отмечает американский историк Хэл Брэндс в монографии «The Eurasian Century: Hot Wars, Cold Wars and the Making of the Modern World» (Brands, 2025), Евразия представляет собой стратегический центр мировой политики: «Основная часть населения планеты, промышленная мощь и военный потенциал сосредоточены на этом суперконтиненте... Именно поэтому мир был взбудоражен борьбой за него» (Brands, 2025. Р. 5). Евразийский ландшафт исторически динамичен: если ранее центром силы была Западная Европа, то после Второй мировой войны экономический центр тяжести сместился на Восток. Однако Евразия остается ключевой ареной геополитического соперничества, где сосредоточены мощнейшие государства мира и разворачиваются определяющие конфликты современности.

Как отмечает Х. Брэндс, события февраля 2022 года стали «историческим переломным моментом», ознаменовав наступление «второго евразийского века» (Brands, 2025. Р. 154). Это свидетельствует, что пост-холодная война развивается вопреки ожиданиям западного сообщества во главе с США, чье демократическое доминирование постепенно ослабевает. Победа западного блока в холодной войне создала беспрецедентный дисбаланс сил, сравнимый лишь с Pax Romana. Однако завершение противостояния изменило мировую архитектуру: США, стремящиеся сохранить гегемонию, сталкиваются с переходом от однополярного к многополярному мироустройству. Этот процесс сопровождается третьей гибридной мировой войной, потенциально способной перерасти в открытый вооруженный конфликт. В данном случае следует дифференцировать гибридную войну на следующие иерархические уровни:

1) информационно-психологические операции (ИпсО), осуществляющиеся на тактическом/оперативном уровне, где применяются целенаправленная дезинформация, манипуляция фактами, создание ложных нарративов, использование ботов и троллей в соцсетях, психологические приемы воздействия и пр., чтобы изменить измеримое поведение целевой аудитории в краткосрочной или среднесрочной перспективе;

2) когнитивная война, которая носит стратегический характер, когда целевой функционал состоит в кардинальном изменении процесса мышления и восприятия реальности, снижении критического анализа происходящих со-

бытий у широких слоев населения и элит в долгосрочной перспективе путем подрыва доверия к институтам, фактам, собственной идентичности и ценностям, что достигается при помощи долгосрочного применения ИпсО, эксплуатации когнитивных искажений, культивирования постправды;

3) ментальная война ведется на цивилизационном и культурно-идеологическом уровне с целью переформатирования фундаментальных культурных, ценностных, исторических и идентификационных основ целого общества, народа или цивилизации, что требует ведения всеобъемлющей, длительной когнитивной войны, нацеленной на ядро культуры (переписывание истории, атака на язык и пр.) (Claverie, Cluzel, 2022; Marjanović, Smiljanic, 2025).

Проблема обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи и защиты ее от негативного когнитивного воздействия критически важна для сохранения суверенитета России. Как отмечает психолог Е. Джура (Джура, 2023), современная информационная среда превратилась в поле «войны за мнения, убеждения и авторитеты». В подтверждение он ссылается на документ НАТО «Когнитивная война: Будущее когнитивного доминирования» (2021), где генерал-майор Ф. Монтоккио характеризует когнитивную войну как высшую форму манипуляции сознанием, позволяющую влиять на поведение индивидов и групп для получения стратегических преимуществ. Ключевые аспекты такого типа войны: поле битвы – человеческое сознание (концепция, разработанная американским полковником Александером в конце XX века); цель – трансформация менталитета для провоцирования деструктивных действий против российской государственности; уникальность – одновременное воздействие на индивидов и массовые группы; гибридный характер – взаимодействие естественного и искусственного интеллектов в формировании общественного сознания. Как подчеркивает Джура, эта «битва за умы» охватывает все сферы общества, включая безопасность и оборону, что требует комплексных мер противодействия (Джура, 2023).

В связи с этим целью нашей статьи является разработка теоретико-методологических оснований обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи в контексте когнитивной войны. Исследование направлено на анализ механизмов защиты сознания от деструктивного воздействия западного искусства, основанного на неолиберальных и трансгуманистических концепциях; определение возможностей использования современных медиатехнологий, трансмедийных нарративов и сетевых коммуникаций в обеспечении информационно-психологической безопасности; разработку подходов к социализации молодежи с опорой на гуманистические принципы российской цивилизационной педагогики.

Методология

Существенным в адекватном решении проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи России в условиях когни-

тивной войны со стороны Запада является такой закон материалистической диалектики, как закон меры, с которым опосредовано связана более конкретная математическая теория меры, чье использование в социально-гуманитарных исследованиях позволяет оценить уровень безопасности информационно-психологической безопасности молодежи России. Весьма значимую роль играет трансдисциплинарная методология исследований влияния информационно-психологических операций и когнитивных практик на сознание молодежи России. Она дает возможность выделить в разнообразии применяемых Западом средств воздействия на сознание молодых людей инвариант (Поликарпова, 2011). Так, выдающийся отечественный нейрофизиолог Н. Бехтерева на следующем примере объясняла действенность трансдисциплинарного подхода: согласно ее концепции мозг человека функционирует в соответствии с жесткой подпрограммой (она необходима для существования человека) и мягкой программой (она позволяет человеку адаптироваться к изменяющемуся окружению), причем их соотношение равно примерно две трети к одной трети (это соотношение наблюдается в самых разных сферах жизни общества). В плане нашей тематики трансдисциплинарная методология оказывает помощь в раскрытии механизмов соотношения новейших технологий информационно-сетевого социума и традиционных ценностей цивилизации России (Асмолов, 2025).

Другим теоретико-методологическим основанием исследования проблемы информационно-психологической безопасности молодежи России является использование парадигмы немарковских процессов. Первоначально эта парадигма была разработана для физических процессов – именно об этом идет речь в монографии А. Н. Морозова и А. В. Скрипкина «Немарковские физические процессы», в которой подробно проанализированы физические процессы с долговременной памятью (броуновское движение, диффузии и теплопроводность и пр.) (Морозов, Скрипкин, 2018). Однако затем парадигма немарковских процессов стала применяться и в исследовании социально-гуманитарных дисциплин, потому что социальные системы тоже обладают памятью. Бесспорно то, что социально-историческая память играет немалую роль в жизнедеятельности различных социумов и цивилизаций, в формировании психологических установок, ментальных построений и ценностных ориентаций общественных систем и индивидов. Примерами являются концепции постгуманизма, постправды, неолиберализма, постмодернизма и др., которые по своей сути характеризуются когнитивными искажениями.

Весьма существенным теоретико-методологическим основанием выступает теория катастроф, разработанная в космологии, математике, социологии, психологии и современной философии. Отечественный физик М. П. Хван в книге «Неистовая Вселенная: От Большого взрыва до ускоренного расширения, от кварков до суперструн» показывает, что Вселенная на своем фунда-

ментальном уровне материи содержит в себе врожденную нестабильность всего неисчерпаемого мира (Хван, 2014). Именно катастрофа представляет собой одну из могущественных категорий вместе с хаосом, турбулентностью, бифуркацией, коллапсом, сингулярностью и пр. в мировоззрении. В рамках нашего исследования существенной является разработанная выдающимся французским математиком-топологом Р. Томом теория катастроф, в которой поскольку бесконечный мир представляет собой вихревое движение, постольку и деятельность человека, и его сознание носят катастрофический характер (Том, 2002. Гл. 13). С теорией катастроф Р. Тома перекликается и подход к социальному миру современного французского философа Жан-Пьера Дюпюи, согласно которому именно человеческое видение глобальных катастроф является определяющим фактором современного состояния социумов и индивидов (Дюпюи, 2019). На наш взгляд, катастрофический характер социоприродного мира следует принимать во внимание как методологическое основание аналитического рассмотрения информационно-психологической безопасности молодежи России в контексте когнитивной войны.

Наконец, весьма существенным теоретико-методологическим основанием является искусство как особый вид коммуникации, занимающее важное место в современном обществе высоких технологий и насчитывающее свыше 300 направлений и более 10 000 представителей, благодаря чему само общество превращается в шедевр искусства (В. В. Бранский). Особое значение приобретают цифровые формы искусства (интернет-арт, фиджитал-искусство), интерактивные практики, вовлекающие зрителя в соавторство (Демпси, 2017; Ерохин, 2011). Ключевое значение имеет двойственная роль современного искусства: западные арт-практики активно применяются как инструмент информационно-психологического воздействия и трансформации ценностных ориентиров российской молодежи, отечественное искусство обладает потенциалом для формирования защитных механизмов сознания и укрепления информационно-психологической безопасности молодого поколения.

Основные результаты

В условиях цифровизации и глобального соперничества между Западом и незападными странами (глобальным Севером и Югом) особую значимость приобретают методы «мягкой» и «умной» силы, а также информационно-психологические операции, составляющие основу когнитивной войны. Как отмечает Джура (Джура 2023. С. 5), эти методы включают целенаправленную дезинформацию и дестабилизацию, направленные на размывание ценностных ориентиров и манипуляцию общественным сознанием.

Особую опасность представляет попытка навязать российской молодежи либеральную идеологию финансового капитализма с его антигуманным принципом «деньги – все, человек – ничто». Конечная цель таких манипуляций – дестабилизация российского государства с последующим доступом

к его природным ресурсам. Одним из ключевых инструментов этого воздействия является феномен «постправды», где знание используется исключительно как инструмент борьбы за власть. Британский социолог С. Фуллер в работе «Постправда: Знание как борьба за власть» (Фуллер, 2021) прослеживает генезис концепции постистины в западной мысли – от Платона до Вильфредо Парето. Последний, анализируя циркуляцию элит («львов» и «лис»), показал, как конкуренция за власть порождает стратегии дискредитации через ложные нарративы. Фуллер демонстрирует, что постправда замещает реальность симулякрами, подрывая доверие к институтам знания; опирается на эмоциональные манипуляции, а не факты; технологически усиливается цифровыми медиа, распространяющими фейки, теории заговоров и дезинформацию (Фуллер, 2021). Как отмечается в исследовании «Фейки: траектория лжи» (Фейки... 2023), эти практики стали инструментом «цветных революций», требующих системы контрдиффамационных мер, упреждающего противодействия и защиты сознания молодежи от деструктивного воздействия.

Обеспечение информационной безопасности российского общества в целом и молодежи в частности требует критического осмысления философского трансгуманизма как продукта либеральной идеологии. Это течение, возникшее в условиях антропологического кризиса Запада, подменяет традиционное понятие человека концепцией «постчеловека». В противовес этой тенденции российская социально-гуманитарная мысль (Шкуренко и др., 2021) предлагает критический анализ трансгуманистических концепций, альтернативные модели развития, основанные на традиционных ценностях российской цивилизации, сохранение гуманистической парадигмы в условиях технологических изменений.

На наш взгляд, экспертному сообществу России необходимо выявлять значимость гуманистической сути человека на основе достижений психологии и философии (а также других дисциплин современного знания). В этом плане представляет немалый интерес книга выдающегося российского психолога А. Асмолова «Психология достоинства: Искусство быть человеком», где автор исследует ключевые экзистенциальные вопросы: как сохранить человечность в мире конформизма и утилитарности? Почему социальное разнообразие критически важно для устойчивого развития? Как трансформировать конфликты в сотрудничество? Почему утрата смысла страшнее смерти? Как раскрыть личный потенциал и помогать в этом другим? (Асмолов, 2025). А. Асмолов утверждает, что человечество в перспективе перейдет от доминирующей сегодня культуры обезличивания и унификации к культуре достоинства, чьими смысловыми координатами являются ценность жизни и неповторимость каждого и право личности на независимый выбор своей судьбы. Отметим, что ключом размышлений А. Асмолова является диалог между разными индивидами, трансформирующийся во внутренний диалог человека,

диалог как столкновение различных логик мышления, что позволяет противопоставить принципу унификации принцип разнообразия. Для реализации данного принципа в процессе социализации молодежи следует опираться не на единую психологическую парадигму, а на множественность психологических подходов, каждый из которых представляет собой самостоятельную концептуальную конструкцию (концепция новых карт психологии).

Именно принцип необходимого разнообразия позволяет адекватно решить проблему преемственности поколений, когда старшее поколение придерживается представлений о традиционных ценностях, а молодое поколение действует в мире социальных сетей, клипового мышления, цифровых технологий, искусственного интеллекта, интернета, наращивая свой социальный капитал в информационно-сетевом социуме. На основе этой проблемы преемственности поколений А. Асмолов выставляет свой гамбургский счет, когда подчеркивает, что за инновациями нынешнего общества просматривается традиция исторической России (Асмолов, 2025. С. 204). Он подчеркивает, что за делами и проектами новаторских школ, «силиконовых долин», бизнес-инкубаторов, в которых формируется инновационное поведение молодого поколения, просматривается, например, проект Царскосельского лицея. Согласно А. Асмолову, Царскосельский лицей представлял собой своеобразный культурный инкубатор, в котором мотивация служения Отечеству сочеталась с мотивацией любви к свободе и чувством исторического времени (Асмолов, 2025. С. 204).

Безусловно, обеспечение информационно-психологической безопасности молодежи России связано с переходом от культуры полезности к культуре достоинства (очевидно, что и весь Незападный мир примет этот переход в будущем). А. Асмолов утверждает, что психология достоинства представляет собой искусство быть человеком. В ней исходным пунктом выступает понимание преобразующей силы искусства как сотворения человеческого в человеке, о чем писали в своих трудах Л. Выготский, А. Леонтьев и А. Лурия. Следует не забывать тот факт, что информационное пространство выполняет стратегические функции при помощи художественных коммуникаций, а также иногда серьезных новостных коммуникаций. В современной когнитивной войне манипулируют информационным пространством путем его «искривления», что дает возможность внедрять чужую модель мира в общественное сознание со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями (Поликарпов, Поликарпова, 2020. С. 243). Вполне логично, что искусство выступает одним из самых мощных, действенных инструментов переориентации сознания молодежи России на ценности современного Запада (Поликарпов, Поликарпова, 2021. С. 97). В данном случае применяется весь диапазон произведений искусства – от продукции голливудской фабрики грез до многопользовательских компьютерных игр, – на что по заказу Пентагона и ЦРУ

тратятся огромные финансовые средства (Поликарпов, Поликарпова, 2021. С. 98). Власти России обращают внимание на значимость произведений искусства в когнитивной войне Запада со стороны России. В молодежном журнале «Разведчик» подчеркивается, что «роль искусства состоит в том, чтобы давать человеку красоту: мира, природы, самого человека, его души», что в условиях, когда культура становится одной из основных сфер развязанной против России когнитивной войны, все чаще поднимается вопрос о культурном суверенитете¹. Тезис, выдвинутый директором Службы Внешней разведки С. Нарышкиным – «Разведка – это сама жизнь»², получает особое звучание в контексте информационно-культурного противоборства. Произведения искусства в этой перспективе могут рассматриваться как важнейший ресурс «мягкой силы», поскольку они кодируют базовые культурные смыслы, транслируют ценностные установки, формируют эстетические и мировоззренческие предпочтения молодежи. В произведениях искусства психические образы приобретают конкретность, поскольку человек мыслит образами, что оказывает мощное воздействие на эмоциональную сферу молодежи. Именно поэтому современные психологи и психотерапевты уделяют особое внимание молодым людям, подвергшимся влиянию западных произведений искусства, содержащих «программные закладки» в виде чуждых ценностей и ментальных установок. В результате подобного воздействия молодежь рискует трансформироваться в деструктивный элемент общества (Поликарпов, Поликарпова, 2020. С. 253). Поскольку западные медиапродукты с их деструктивными образами способны наносить молодежи арт-травмы, формируя искаженное восприятие реальности, перед арт-терапевтами встает особая задача. Им приходится не просто работать с последствиями таких психоэмоциональных повреждений, а активно приобщать пострадавших молодых пациентов к созидательной практике. Через арт-терапию, вовлекающую их в процесс сотворчества, пациенты постепенно трансформируются из пассивных потребителей деструктивных образов в активных создателей собственных произведений изобразительного искусства (Рубин, 2017). Очевидно, что российскую молодежь необходимо активно вовлекать в создание произведений фиджитал-искусства, основанных на традиционных ценностях. Их освоение позволяет молодым людям ориентироваться в будущем, опираясь на инварианты всей истории культуры и искусства, а также на культурный код России. Данный код, описываемый парадигмой немарковских процессов, составляет фундамент информационно-психологической безопасности молодежи

¹ Ильин В., Мичурина А. Искусство разведки. Никас Сафронов // Разведчик. – 2024. – № 1. Март. – С. 92–97. – URL: http://svr.gov.ru/upload/iblock/8dc/Razvedchik_6_New.pdf (дата обращения: 27.06.2025).

² Нарышкин С. Разведка – это сама жизнь // Разведчик. – 2024. – № 4. Декабрь. – С. 2–9. – URL: <http://svr.gov.ru/upload/iblock/3d7/10122024r.pdf> (дата обращения: 27.06.2025).

жи в условиях современной когнитивной войны. Своеобразие культурного кода России состоит в том, что он включает в себя: власть над пространством, в том числе и над космическим (сущность кода); патернализм государства; феномен «воли», связанный с понятиями «справедливость» и «совесть»; войну как постоянное состояние России; выносливость и выживаемость в любых условиях; коллективизм и готовность к жертвенности; героический патриотизм; необыкновенную изобретательность и смекалку; крайность во всех областях жизни (Поликарпов и др., 2022. С. 173–182). Культурный код России, эволюционируя параллельно развитию страны, интегрирует в себя элементы как западных, так и восточных культурных парадигм, одновременно включая новые ценности и реалии современной российской действительности. Данную динамику необходимо учитывать при разработке стратегий информационно-психологической безопасности в условиях когнитивного противоборства. Также здесь следует учитывать современные медиатехнологии, трансмедийные нарративы и навыки, гуманизируя их в соответствии с ценностями цивилизации России (Архангельский, Новикова, 2023). Это дает возможность эффективно обеспечивать информационно-психологическую безопасность молодежи России в условиях когнитивной войны, потому что можно вести борьбу с Западной информационной машиной посредством собственных «альтернативных фактов» и культурных кодов.

Заслуживает внимания применение теории катастроф для обеспечения информационно-психологической безопасности молодежи России в контексте когнитивной войны. Поскольку деятельность человека и его сознание по своей природе носят катастрофический характер, это привело к возникновению на Западе культурного мутанта, обладающего способностью иначе чувствовать, иначе воспринимать мир и других людей, что формирует у них новые формы поведения. В результате происходит замещение нормального поведения ненормальным, патологическим. «Сегодня такой культурный мутант и адекватная ему культура широко представлены на Западе, и именно их глобалистские элиты Запады пытаются распространить по всему миру» (Поликарпов и др., 2022. С. 219). Такое состояние культуры и человека на Западе обусловлены воплощением формулы XXI столетия «все возможно», что влечет за собой новые формы деструктивной деятельности. Как отмечают В. И. Немчина и С. А. Чурилов, агрессивная цифровая среда создает «парадокс прогресса»: технологические возможности сопровождаются ценностным регрессом. Это проявляется в нормализации кибербуллинга, распространении дезинформации и манипулятивных практик, особенно среди молодежи до 24 лет. Исследователи подчеркивают, что подобные явления требуют системных мер защиты, включая развитие медиаграмотности и критического мышления, так как традиционные механизмы фильтрации контента демонстрируют ограниченную эффективность (Немчина, Чурилов, 2025).

В таком контексте информационно-психологическая безопасность может быть обеспечена использованием психотехнологий, созданных основателем Института компьютерных психотехнологий РАЕН И. В. Смирновым. Эти психотехнологии позволяют осуществлять компьютерный психосоматический анализ и психокоррекцию на неосознаваемом уровне (Смирнов и др., 1995). Использование этих психотехнологий своевременно именно сейчас, когда на Западе разработаны цифровые технологии, которые способны образно говоря «залезть под кожу» человека, что дает возможность управлять поведением этого человека со всеми вытекающими негативными социальными и культурными последствиями.

Для комплексной оценки эффективности защиты молодежи от когнитивных угроз предлагается применить вероятностный подход, основанный на математической теории меры. Как отмечает П. Халмош (Халмош, 2003), классическая теория вероятностей, работающая с конечными множествами событий, в современных условиях требует расширения до сигма-алгебр, замкнутых относительно счетных операций. Это позволяет переосмыслить такое ключевое понятие, как «случайная величина», которое трактуется как измеримая функция на пространстве с мерой (Халмош, 2003. С. 160), при этом вероятностные оценки дополняются количественным анализом булевых алгебр. Появляется возможность: создать методологический аппарат для многомерных измерений психологической устойчивости, определения пределов воздействия информационных операций, анализа сложных нелинейных зависимостей в когнитивных процессах; разработать критерии оценки пороговых значений информационного воздействия, эффективности защитных механизмов, устойчивости сознания к манипуляциям. Данный подход, сочетающий философский закон меры, математическую теорию вероятностей и современные алгебраические методы, позволяет перейти от качественных оценок к точным количественным измерениям в области информационно-психологической безопасности.

Перспективы исследования

Полагаем, что для дальнейших исследований в области решения фундаментальной проблемы информационно-психологической безопасности следует применять системы искусственного интеллекта, способные нейтрализовать влияние цифровых технологий, которые дают возможность «залезть под кожу» человека.

Заключение

Представлен комплекс методологических подходов, выполняющих эвристическую функцию в решении задач обеспечения информационно-психологической безопасности российской молодежи в условиях когнитивного противоборства с западными странами, что имеет ключевое значение для сохранения российской государственности как уникальной цивилизации.

Список источников

Архангельский А. Н. Педагогика трансмедийного творчества: школьный литературный канон в контексте цифровизации культуры / А. Н. Архангельский, А. А. Новикова. – Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-88373-789-2.

Асмолов А. Психология достоинства: Искусство быть человеком / А. Асмолов. – Москва: Альпина Паблишер, 2025. – 398 с. – ISBN 978-5-0063-0157-3.

Демпси Э. Стили, школы, направления. Путеводитель по современному искусству / Э. Демпси. – Москва: Издательство «Искусство-XXI век», 2017. – 312 с. – ISBN 978-5-98051-178-4.

Джура Е. Когнитивная война. Аспекты информационно-психологического противодействия / Е. Джура. – Донецк, 2023. – 57 с. – EDN GKMNUW.

Дюпюи Жан-Пьер. Малая метафизика цунами / Ж.-П. Дюпюи. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбиха, 2019. – 168 с. – ISBN 978-5-89059-370-2.

Ерохин С. В. Цифровое компьютерное искусство. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 188 с. – ISBN 978-5-91419-454-0.

Морозов А. Н. Немарковские физические процессы / А. Н. Морозов, А. В. Скрипкин. – Москва: Физматлит, 2018. – 285 с. – ISBN 978-5-9221-1790-6.

Немчина В. И. Инструменты защиты молодежи от негативного воздействия агрессивной цифровой среды / В. И. Немчина, С. А. Чурилов // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 163–172. – DOI <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.2.13>. – EDN IPGBWV.

Поликарпов В. С. Стратегическое информационное противоборство Запада и России в мировой среде мультимедиа / В. С. Поликарпов, А. В. Палеев, Е. В. Поликарпова, В. Е. Шибанов. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – 261 с. – ISBN 978-5-9275-4271-0. – EDN PUSJWV.

References

Arkhangelsky A. N., Novikova A. A. Pedagogy of transmedia creativity: school literary canon in the context of culture digitalization. *Moskva: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya" = Moscow: Kanon+ Regional public organization of disabled people "Rehabilitation"*. 2023; 240 p. ISBN 978-5-88373-789-2. (In Russ.)

Asmolov A. Psychology of dignity: The art of being human. *Moskva: Alpina Pablisher = Moscow: Alpina Publisher*. 2025; 398 p. ISBN 978-5-0063-0157-3. (In Russ.)

Dempsey E. Styles, schools, movements: Guide to contemporary art. *Moskva: Izdatelstvo "Iskusstvo-XXI vek" = Moscow: Art-21st Century Publishing House*. 2017; 312 p. ISBN 978-5-98051-178-4. (In Russ.)

Dzhura E. Cognitive war: Aspects of information-psychological confrontation. *Donetsk*. 2023; 57 p. (In Russ.)

Dupuis J.-P. Small metaphysics of tsunami. *Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbikha = Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House*. 2019; 168 p. ISBN 978-5-89059-370-2. (In Russ.)

Erokhin S. V. Digital computer art. *Sankt-Peterburg: Aleteyya = Saint Petersburg: Aletheia*. 2011; 188 p. ISBN 978-5-91419-454-0. (In Russ.)

Morozov A. N., Skripkin A. V. Non-Markovian physical processes. *Moskva: Fizmatlit = Moscow: Fizmatlit*. 2018; 285 p. ISBN 978-5-9221-1790-6. (In Russ.)

Nemchina V. I., Churilov S. A. Tools for protecting youth from the negative impact of aggressive digital environment. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2025; 14 (2): 163-172. DOI 10.18522/2227-8656.2025.2.13. (In Russ.)

Polykarpov V. S., Paleyev A. V., Polykarpova E. V., Shibano V. E. Strategic information confrontation between the West and Russia in the global multimedia environment. *Rostov-na-Donu, Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta = Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University Press*. 2022; 261 p. ISBN 978-5-9275-4271-0. (In Russ.)

Поликарпов В. С. Философия разведки / В. С. Поликарпов, Е. В. Поликарпова. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 365 с. – ISBN 978-5-9275-3512-5. – EDN LSILND.

Поликарпов В. С. Философия финансовой разведки / В. С. Поликарпов, Е. В. Поликарпова. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 175 с. – ISBN 978-5-9275-3922-2. – EDN BFUJPW.

Поликарпова Е. В. Современные ИКТ и «психокосмос» человека / Е. В. Поликарпова. – Таганрог: Технологический институт Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге, 2011. – 217 с. – ISBN 978-5-8327-0327-5. – EDN XUNYQP.

Рубин А. Дж. Искусство арт-терапия / А. Дж. Рубин. – Москва: Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 2017. – 300 с. – ISBN 978-5-88230-097-4.

Смирнов И., Безносюк Е., Журавлев А. Психотехнологии: Компьютерный психо-семантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. – Москва: Прогресс-Культура, 1995. – 416 с. – ISBN 5-01-004582-6.

Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез / Р. Том. – Москва: Логос, 2002. – 278 с. – ISBN 5-8163-0032-6.

Фейки: траектория лжи. Информационный фронт специальной военной операции / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Б. А. Рожин и др. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2023. – 272 с. – ISBN 978-5-9912-1012-6.

Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / С. Фуллер. – Москва: Изд-во дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с. – ISBN 978-5-7598-2190-8.

Халмош П. Теория меры / П. Халмош. – Москва: Изд-во «Факториал Пресс», 2003. – 256 с. – ISBN 5-88688-065-8.

Хван М. П. Неистовая Вселенная: От Большого взрыва до ускоренного рас-

Polykarpov V. S., Polykarpova E. V. Philosophy of intelligence. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta = Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press. 2020; 365 p. ISBN 978-5-9275-3512-5. (In Russ.)

Polikarpov V. S., Polikarpova E. V. Philosophy of financial intelligence. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta = Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press. 2021; 175 p. ISBN 978-5-9275-3922-2. (In Russ.)

Polikarpova E. V. Modern ICT and human “psycho-cosmos”. Taganrog: Tekhnologicheskii institut Yuzhnogo federalnogo universiteta = Taganrog: Technological Institute of Southern Federal University. 2011; 217 p. ISBN 978-5-8327-0327-5. (In Russ.)

Rubin A. J. Art of art therapy. Moskva: Izdatelstvo “Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy” = Moscow: Institute of General Humanitarian Studies Publishing House. 2017; 300 p. ISBN 978-5-88230-097-4. (In Russ.)

Smirnov I., Beznosyuk E., Zhuravlev A. Psychotechnologies: Computer psychosemantic analysis and psychocorrection at the unconscious level. Moskva: Progress – Kultura = Moscow: Progress – Culture. 1995; 416 p. ISBN 5-01-004582-6. (In Russ.)

Thom R. Structural stability and morphogenesis. Moskva: Logos = Moscow: Logos. 2002; 278 p. ISBN 5-8163-0032-6. (In Russ.)

Fakes: trajectory of lies. Information front of the special military operation. Ed. by A. V. Manoylo, A. I. Petrenko, B. A. Rozhin et al. Moskva: Goryachaya liniya – Telekom = Moscow: Hotline – Telecom. 2023; 272 p. ISBN 978-5-9912-1012-6. (In Russ.)

Fuller S. Post-truth: Knowledge as a power struggle. Moskva: Izd-vo dom Vysshey shkoly ekonomiki = Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2021; 368 p. ISBN 978-5-7598-2190-8. (In Russ.)

Halmos P. Measure theory. Moskva: Izdatelstvo “Faktorial Press” = Moscow: Factorial Press. 2003; 256 p. ISBN 5-88688-065-8. (In Russ.)

ширения, от кварков до суперструн / М. П. Хван. – Москва, 2014. – 408 с. – ISBN 978-5-97-109071-7.

Шкурёнок И. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация / И. Шкурёнок, В. Аверьянов и др. – Москва: Книжный мир, 2021. – 320 с. – ISBN 978-5-6046229-8-8.

Brands H. The Eurasian Century: Hot Wars, Cold Wars and the Making of the Modern World / H. Brands. – Norton Company, 2025. – ISBN 978-1324036944.

Claverie Bernard, Cluzel François. “Cognitive Warfare”: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare. 2022.

Marjanović A. Cognitive warfare – the human mind as the new battlefield. Defence and Security Conference 2025 / A. Marjanovic, D. Smiljanic // Zagreb, Croatia. Proceedings of the Defence and Security Conference. – 2025. – № 1 (1). – P. 84–114.

Khvan M. P. Furious Universe: From the Big Bang to accelerated expansion, from quarks to superstrings. Moscow. 2014; 408 p. ISBN 978-5-97-109071-7. (In Russ.)

Shkurenko I., Averyanov V. et al. Transhumanism: Digital leviathan and golem-civilization. Moskva: Knizhnyy mir = Moscow: Book World. 2021; 320 p. ISBN 978-5-6046229-8-8. (In Russ.)

Brands H. The Eurasian Century: Hot Wars, Cold Wars and the Making of the Modern World. Norton Company. 2025; ISBN 978-1324036944.

Claverie Bernard, Cluzel François. “Cognitive Warfare”: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare. 2022.

Marjanović Arijana, Smiljanic Drazen. Cognitive warfare – the human mind as the new battlefield. Defence and Security Conference 2025. Zagreb, Croatia. Proceedings of the Defence and Security Conference. 2025; 1 (1): 84-114.

Для цитирования: Царенко Л. С. Информационно-психологическая безопасность молодежи в условиях когнитивной войны: методологические подходы // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 154–167.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.11

EDN HZJHWD

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.06.2025

Одобрена после рецензирования –
16.09.2025

Принята после публикации – 19.09.2025

Сведения об авторе

Царенко Людмила Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент,
начальник учебной части – заместитель
начальника кафедры специальных
информационных технологий
Южного федерального университета
SPIN-код: 9850-5566
AuthorID: 514109
lcarenko@sfsedu.ru

Information about author

Lyudmila S. Tsarenko

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Head of the
Academic Department – Deputy Head
of the Department of Special
Information Technologies,
Southern Federal University
lcarenko@sfsedu.ru

УДК 316.455
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.12
EDN CRMSUS

Научная статья

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: ПО ДАННЫМ ОПРОСОВ 2021–2025 гг.

INTERETHNIC AND INTERFAITH RELATIONS IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: BASED ON THE RESULTS OF SURVEYS IN 2021-2025

А. З. Адиев*

ORCID: 0000-0003-4459-7462

А. М. Мусаева**

ORCID: 0000-0002-0098-0876

Aslanbek Z. Adiev*

Ayshat M. Musaeva**

* *Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва,
Россия*

** *Региональный центр этнополитических
исследований Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН,
Махачкала, Россия*

* *N. N. Miklouho-Maklay Institute of
Ethnology and Anthropology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

** *Regional Center for Ethnopolitical Studies
of the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia*

Цель исследования: выявить современное состояние и основные тенденции развития межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан на основе данных социологических опросов, проведенных в 2021–2025 годах.

Objective of the study is to identify the current state and main trends in the development of interethnic and interfaith relations in the Republic of Dagestan based on sociological surveys conducted in 2021-2025.

Методологическая база исследования. На основе умеренно-конструктивистского подхода к теоретическому осмыслению региональных межэтнических и межконфессиональных отношений проведен вторичный анализ результатов социологических (массовых) опросов. Качественные материалы для анализа ситуации получены с помощью мониторинга регионального информационного поля.

Methodological basis of the study. A secondary analysis of the results of sociological (mass) surveys is carried out based on a moderate constructivist approach to the theoretical understanding of regional interethnic and interfaith relations. Qualitative materials for the analysis of the situation are obtained by the monitoring of regional information field.

© Адиев А. З., 2025

© Мусаева А. М., 2025

Результаты исследования. Выявлено, что в массовом сознании жителей республики доминирует позитивная оценка состояния межэтнических отношений в регионе. Большинство респондентов считают, что отношения между людьми разных этнических в Дагестане с каждым годом только улучшаются. Хотя в республике имеются нерешенные и застарелые проблемы в сфере межэтнических отношений, общность исторической судьбы и опыт мирного сосуществования позволяют решать все конфликты мирным путем. Сфера межконфессиональных отношений в Дагестане, по данным опроса, в целом выглядит благоприятной, она характеризуется сочетанием институциональной стабильности, активного межконфессионального диалога и сохранением ряда вызовов, которым подвергаются религиозные общины трех основных конфессий республики. Противоречия в мусульманской среде смягчаются системной работой властей и конструктивной позицией большинства религиозных лидеров и авторитетов. Созданная в Дагестане в последние годы система мониторинга напряженности в муниципалитетах позволяет оперативно предупреждать обострение локальных и бытовых конфликтов и не допускать их эскалации. В управлении региональной этнополитикой Дагестан демонстрирует сбалансированный подход, сочетающий административное регулирование, разностороннее научное изучение и общественный диалог.

Перспективы исследования. Для поддержания стабильности в сложносоставном дагестанском обществе необходим постоянный мониторинг ситуации на местах и повышенное внимание к молодежной среде.

Ключевые слова: Дагестан, межэтнические и межконфессиональные отношения, религиозная ситуация, конфликты, массовое сознание, толерантность, этнополитика

Results of the study. Positive assessment of the state of interethnic relations in the region dominates in the mass consciousness of the republic's residents. Most respondents believe that relations between people of different ethnicities are only improving every year in Dagestan. Although there are unresolved and long-standing problems in the field of interethnic relations in the republic, the common historical destiny and the experience of peaceful coexistence make it possible to resolve all conflicts peacefully. According to the survey, the sphere of interfaith relations in Dagestan generally appears favorable. It is characterized by a combination of institutional stability, active interfaith dialogue, and the persistence of challenges which the religious communities of republic's three main faiths are facing. Contradictions in the Muslim environment are mitigated by the systematic work of the authorities and the constructive position of the majority of religious leaders and authorities. The system of monitoring tensions in municipalities created in Dagestan in recent years makes it possible to prevent the aggravation of local and domestic conflicts and to prevent their escalation promptly. Dagestan demonstrates a balanced approach that combines administrative regulation, comprehensive scientific research, and public dialogue in managing regional ethno-policy.

Prospects of the study. To maintain stability in the complex Dagestan society, it is necessary to monitor the situation on the ground constantly and pay increased attention to the youth environment.

Keywords: Dagestan, interethnic and interfaith relations, religious situation, conflicts, mass consciousness, tolerance, ethno-politics

Введение

Республика Дагестан (РД), являясь одним из самых полиэтнических субъектов России, в последние годы подвергается массированному деструктивному информационно-идеологическому воздействию извне, направленному на подрыв конституционного строя и стабильности. Экстремисты, скрывающиеся за рубежом (в том числе и выходцы из Дагестана), внимательно отслеживают республиканское информационное поле, пытаются использовать малейший повод, чтобы спровоцировать молодежь на протестные акции и беспорядки через социальные сети, мессенджеры и другие интернет-ресурсы. Наглядно прослеживаются их попытки фальсифицировать региональную историю (продвигая нарративы об «оккупации и колонизации Россией мусульманских территорий на Северном Кавказе»), принижать прогрессивные результаты развития Дагестана в составе России и пытаться подорвать легитимность государственных институтов. Проявления деструктивной информационной активности сегодня заметны и в религиозной сфере, где экстремистами предпринимаются попытки дискредитировать традиционные религиозные институты, расколоть дагестанцев по конфессиональному признаку и противопоставить их друг другу. В этих условиях возрастает необходимость мониторинга состояния и динамики развития межэтнических и межконфессиональных отношений в Дагестане с получением эмпирических данных для анализа реальных тенденций и выявления назревающих проблем. Цель работы: выявить основные тенденции развития и особенности состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в Дагестане на основе данных социологических опросов, проведенных в 2021–2025 годах. Задачи исследования: охарактеризовать восприятие населением динамики изменений в межэтнических и межконфессиональных отношениях; выявить общий уровень толерантности в обществе; проследить динамику изменения основных показателей за анализируемый период (оценки в массовом сознании дагестанцев межэтнических и межконфессиональных отношений в населенных пунктах их проживания; оценки вероятности открытых конфликтов в указанных сферах; установки к совместному проживанию и взаимодействию с людьми других этничностей и вероисповеданий) (Шахбанова, 2023. С. 265). Объект исследования: население РД. Предмет исследования: состояние и динамика межэтнических отношений в РД, отраженные в данных социологических опросов в 2021–2025 годах. Основной метод: вторичный анализ данных ежегодных социологических опросов, проведенных в РД коллективом Регионального центра этнополитических исследований ДФИЦ РАН с 2021 по 2025 год; N = 35001. Качественные материалы для анализа ситуации получены с помощью мониторинга информационного поля РД. Научная новизна: актуализация данных, характеризующих восприятие населением РД состоя-

¹ Материалы опросов, проведенных РЦЭИ ДФИЦ РАН, имеются в распоряжении авторов.

ния межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе, а также выявление новых тенденций и проблем. Под этническими группами (общностями) в настоящей работе, вслед за авторами учебника по этнополитологии (Тишков, Шабает, 2019. С. 412), понимаются группы (общности) людей, обладающих мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладающих как бы общей исторической памятью, они могут связывать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности. Соответственно, межэтнические отношения – это форма группового взаимодействия людей разных этничностей, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между «мы» и «они» (Управление... 2020. С. 49).

Результаты исследования

По данным Росстата, на начало 2025 года в Дагестане проживает 3 259 890 человек, что на 27,5 тыс. больше прошлогодних данных. Республика в целом демонстрирует устойчивый естественный прирост населения, сохраняя в структуре населения большую долю сельских жителей (около 54 %). Более 90 % населения исповедуют ислам (в основном суннитского толка, но есть и шииты – этнические азербайджанцы), 5 % – христианство, менее 1 % – иудаизм (горские евреи). Ислам играет значимую роль в общественной жизни региона. Население принадлежит к трем языковым семьям (восточнокавказская, тюркская и индоевропейская), а русский язык служит основным средством межэтнического общения наряду с родными языками народов Дагестана. Среди факторов, оказывающих стабилизирующее воздействие на характер межэтнических отношений в Дагестане, следует отметить многовековой опыт мирного сосуществования различных сообществ. Тем не менее Дагестан с его этническим и религиозным многообразием воспринимается врагами государства как «ахиллесова пята» России, поразив которую можно нанести ущерб единству российской нации. Теоретическое обоснование таких ожиданий дает финский специалист в области этнической конфликтологии Т. Ванханен, который считает, что чем глубже этническое разделение в обществе, тем большего числа этнических конфликтов следует ожидать (Ванханен, 2014. С. 245).

Основным долгосрочным конфликтообразующим фактором в сфере межэтнических отношений в Дагестане остается историческая травма, связанная с депортацией чеченского населения в 1944 году и ликвидацией в том же году Ауховского района – района их компактного проживания. Территория муниципалитета была перекроена: села Акташ-Аух и Юрт-Аух (современные Ленинаул и Калининаул) были присоединены к соседнему Казбековскому району и заселены аварцами, а на оставшейся территории образован Новолакский район, куда принудительно переселили лакцев из Кулинского и Лакского районов Дагестана. В 1991 году представители лакского населения

Новолакского района согласились передать район чеченцам и вновь переселиться. Но чеченская общественность требует восстановления Ауховского района в границах 1944 года, то есть вместе с селами, переданными Казбековскому району. На это категорически не соглашается аварское население этих двух сел, желая остаться в составе Казбековского района, населенного преимущественно аварцами. Таким образом спорность ситуации вокруг восстановления Ауховского района продолжает негативно сказываться на состоянии межэтнических отношений в Казбековском и Новолакском районах республики. Межэтническая напряженность в этих территориях республики может также усилиться в связи с миграцией, поскольку Новолакский район – единственный сельский район в Дагестане, где официальная статистика на протяжении ряда лет фиксирует положительное сальдо миграции. Миграция, даже в обычном контексте, создает новые ситуации этнического контакта, в которых местное население и пришлые жители оказываются в состоянии конкуренции за ресурсы (Социальные факторы... 2017. С. 38), не говоря уже об условиях затяжного территориального спора, где она может стать серьезным триггером для обострения конфликта. В целом ситуация вокруг восстановления Ауховского района остается «замороженной», поскольку взаимоприемлемого компромиссного решения пока не просматривается.

Состояние межэтнических отношений тесно связано со многими другими показателями, характеризующими общество, включая демографию и миграцию. Внутри республики наблюдается дисбаланс между муниципалитетами по миграционному притоку и оттоку населения. Если в центральных и западных (горных) районах Дагестана сохраняются традиционно высокая рождаемость и более низкая миграционная убыль, то в южных районах, и в самом северном – Ногайском районе, уже наблюдается снижение численности постоянного населения из-за высокой миграционной убыли за пределы республики (Абдулманапов, 2025. С. 181). А поскольку все сельские муниципальные районы республики являются малой родиной для той или иной этнической группы, все эти изменения отражаются и на соотношении численности этнических групп в структуре населения Дагестана.

По данным Всероссийской переписи населения 2021 года наиболее крупные этнические группы Дагестана: аварцы (30,5 %), даргинцы (16,6 %), кумыки (15,8 %) и лезгины (13,2 %) в совокупности составляют $\frac{3}{4}$ (76,1 %) населения республики. За межпереписной период (2010–2021 гг.) численный рост в этнической структуре населения РД демонстрируют аварцы, агулы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасараны, чеченцы и цахуры, а сокращение численности зафиксировано среди азербайджанцев, ногайцев, русских, рутулов и татов (Этнополитическая ситуация... 2024. С. 206). В разрезе конкретных муниципальных территорий РД конфликтогенен не сам процесс увеличения численности одних и уменьшения численности других этниче-

ских групп, а скорость этого процесса: чем она выше, тем он конфликтнее. И наиболее быстрый процесс изменения этнического состава населения сегодня происходит в северных районах республики (Бабаюртовский, Кизлярский, Кизилюртовский, Кумторкалинский, Новолакский, Тарумовский, Хасавюртовский), где локализована еще одна сложная проблема, затрагивающая сферу межэтнических отношений – проблема поселений, «стихийно» образованных на землях отгонного животноводства Дагестана. Как пишет социолог М. М. Шахбанова, выделяющая территориальные споры в качестве одной из основных причин межэтнической напряженности в современном Дагестане, они (территориальные споры) чаще всего проявляются во взаимоотношениях дагестанских этнических групп (Шахбанова, 2023. С. 267).

Для выработки научно обоснованных управленческих решений в области региональной этнополитики, нацеленной на гармонизацию межэтнических отношений, укрепление гражданского единства, сохранение этнокультурного и языкового многообразия в российском обществе, важно опираться на результаты репрезентативных социологических опросов, измеряющих состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в массовом сознании населения.

В методологическом отношении важным социологическим индикатором динамики изменений межэтнических отношений в обществе является оценка самими жителями региона характера этих изменений (Дробижева, 2018). В связи с этим респондентам задавался вопрос: «Если говорить в целом об отношениях между людьми разных национальностей в Дагестане, то за последний год они улучшились, не изменились или ухудшились?» (см. табл. 1).

Таблица 1

Представления жителей республики о состоянии межэтнических отношений в Дагестане, 2021–2025 гг. (в % по столбцу)¹

Оценки	Доля ответивших				
	2021	2022	2023	2024	2025
Заметно улучшились	25	25	27	29	28
Скорее улучшились	31	32	35	36	34
Не изменились	27	25	22	19	22
Скорее ухудшились	6	6	5	4	4
Заметно ухудшились	2	3	3	2	4
Затруднились ответить	9	9	8	10	8

¹ Источник: Отчеты социологических исследований ДФИЦ РАН за 2021–2025 годы о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан.

По данным опросов за последние пять лет видно, что наибольшая доля участников исследования (31–36 %) считает, что межэтнические отношения в Дагестане за последний год «скорее улучшились». С учетом доли респондентов, ответивших «заметно улучшились» (25–29 %), положительную динамику изменений в сфере межэтнических отношений ежегодно отмечают в среднем 60 % опрошенных. В то же время ежегодно определенная доля опрошенных (6–9 %) считает, что межэтнические отношения в Дагестане ухудшаются. Их число сопоставимо с числом респондентов, считающих, что в регионе в течение ближайшего года возможен открытый конфликт, способный перерасти в межэтническое противостояние (см. табл. 2). Доля таких респондентов при сравнительном анализе результатов опросов за последние пять лет с каждым годом снижается. Если по данным опроса 2021 года доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос: «Возможен ли в Дагестане в течение ближайшего года открытый конфликт, способный принять форму межнационального противостояния?», составляла 12 %, то в 2025 году она была уже в четыре раза меньше.

Таблица 2

Представления жителей республики о возможности межэтнических конфликтов в Дагестане, 2021–2025 гг. (в % по столбцу)¹

Оценки	Доля ответивших				
	2021	2022	2023	2024	2025
Нет, не будет	38	45	43	48	55
Маловероятно	34	30	37	33	29
Весьма вероятно	12	8	6	4	3
Затруднились ответить	16	17	14	15	13

Также видно, что с каждым годом растет доля участников исследования, уверенных в том, что в Дагестане не будет межэтнического конфликта. За пять лет доля таких респондентов увеличилась на 17 процентных пунктов и составила в 2025 году 55 % от общей выборки исследования. Результаты исследования показывают, что абсолютное большинство опрошенных считают невозможным и/или маловероятным возникновение в Дагестане в течение ближайшего года открытого конфликта, который мог бы принять форму межэтнического противостояния. Эти данные коррелируют с результатами исследования, проведенного в республике частной компанией «АС-Холдинг» (2023 г., N = 3000), в котором отмечен высокий уровень этнической толерантности жителей республики и удовлетворенность большинства респондентов межэтническими отношениями (Соколова, Ханова, 2024. С. 162). В республике за последние годы налажена система отслеживания напряженности в

¹ Источник: Отчеты социологических исследований ДФИЦ РАН за 2021–2025 годы о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан.

муниципалитетах, которая позволяет оперативно предупреждать эскалацию напряженности в локальных и бытовых конфликтах, не позволяя им масштабироваться. Так, изначально бытовой конфликт между жителями двух соседних разноэтничных сел (Батыр-Мурза и Шумли-Олик) Ногайского района в августе 2023 года едва не перерос в массовые столкновения и погромы. Только благодаря оперативным действиям местного ОМВД во взаимодействии с администрацией района, имамами сельских мечетей, а также представителями Министерства по национальной политике и делам религий РД конфликт удалось локализовать и урегулировать в течение суток (Этнополитическая ситуация... 2024. С. 208).

На основании анализа информационного поля республики, включая обзор последних событий и статистических данных, религиозную ситуацию в Дагестане можно охарактеризовать как стабильную с элементами латентной напряженности. Все государственные структуры и органы безопасности работают в штатном режиме, без предпосылок для усиления мер контроля. Вместе с тем религиозная ситуация в Дагестане остается чувствительной из-за недавних атак боевиков (2024 год) на православные храмы и синагогу в Дербенте и Махачкале, а также сотрудников полиции. Атаки террористов последних лет указывают на сохраняющееся влияние экстремистских групп, использующих религиозные различия для провокаций. Православные, иудеи и другие группы исторически присутствуют в республике, но их общины немногочисленны. Нападения террористов на храмы и синагогу подчеркнули их уязвимость. Официальные структуры активно взаимодействуют с муфтиятом Дагестана для профилактики радикализации, однако эффективность этой работы периодически подвергается испытаниям. Тем не менее власти демонстрируют способность оперативно реагировать на прямые угрозы и информационные атаки. Таким образом, несмотря на видимое спокойствие, сохраняется потенциал напряженности из-за памяти о терактах 2024 года и геополитической значимости Дагестана как приграничного и многосоставного региона в условиях усиления внешнего деструктивного информационно-пропагандистского давления и провокаций с целью дестабилизации обстановки. Общая оценка респондентами динамики развития межконфессиональных отношений в республике выявлялась вопросом: «Если говорить в целом об отношениях между людьми различных вероисповеданий или религиозных течений в Дагестане, то за последний год они улучшились, не изменились или ухудшились?»¹. В исследовании, проведенном в 2025 году совокупная доля респондентов, считающих, что взаимоотношения между адептами разных конфессиональных групп в регионе за последний год не изменились, составила 28 % из общей массы опрошенных, что на 7 процентных пунктов меньше аналогичного показателя за прошлый год.

¹ Отчеты социологических исследований ДФИЦ РАН за 2021–2025 годы о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан.

Общая доля респондентов, ответивших, что межконфессиональные отношения в республике ухудшились, составила 12 %. Это на 3 процентных пункта больше результатов прошлогоднего опроса.

Таблица 3

Представления жителей республики о состоянии межконфессиональных отношений в Дагестане, 2021–2025 гг. (в % по столбцу)¹

Оценки	Доля ответивших				
	2021	2022	2023	2024	2025
Заметно улучшились	21	19	21	20	20
Скорее улучшились	30	26	28	27	33
Не изменились	30	30	32	35	28
Скорее ухудшились	6	7	5	6	7
Заметно ухудшились	1	4	3	3	5
Затруднились ответить	12	14	11	9	7

Наконец, общая доля участников исследования, ответивших, что межконфессиональные взаимодействия в Дагестане улучшились, составила 53 %, что на 6 процентных пунктов выше данных опроса 2024 года. В целом, сравнение данных исследования за последние пять лет показывает относительную стабильность в оценках и восприятии динамики межконфессиональных отношений жителями республики. При доминировании позитивно-нейтральных суждений среди большинства участников опроса сохраняется определенная доля респондентов (7–12 %), которые ежегодно отмечают ухудшение религиозной ситуации в Дагестане. Лишь 5 % участников опроса 2025 года допустили возможность в Дагестане открытого конфликта в форме межконфессионального противостояния (вариант ответа: «весьма вероятно»), тогда как подавляющее большинство опрошенных посчитали такое развитие событий в республике маловероятным (34 %) и невозможным (46 %) (табл. 4).

Таблица 4

Представления жителей республики о возможности межконфессиональных конфликтов в Дагестане, 2021–2025 гг. (в % по столбцу)²

Оценки	Доля ответивших				
	2021	2022	2023	2024	2025
Нет, не будет	34	34	43	47	46
Маловероятно	43	39	39	41	34
Весьма вероятно	3	5	4	3	5
Затруднились ответить	20	22	14	9	15

¹ Источник: Отчеты социологических исследований ДФИЦ РАН за 2021–2025 годы о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан.

² Источник: Отчеты социологических исследований ДФИЦ РАН за 2021–2025 годы о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан.

Таким образом, 80 % опрошенных жителей республики считают, что в Дагестане в ближайший год невозможен или маловероятен открытый конфликт, который может перерасти в межконфессиональное противостояние, что на 8 процентных пунктов меньше прошлогодних данных. Аналогичный показатель в опросе 2024 года составил 88 %.

Важным показателем состояния (благополучия или конфликтности) межэтнических отношений в обществе является уровень толерантности к представителям иной этнической и религиозной культуры и традиций. В этой связи одной из задач социологического исследования было определение доли жителей республики, положительно относящихся к проживанию иностранцев в дагестанском обществе. Участникам опроса был задан вопрос: «Вы лично испытываете неприязнь по отношению к иностранным гражданам?» (см. табл. 5).

Таблица 5

Отношение дагестанцев к иностранцам, 2021–2025 гг. (в % по столбцу)¹

Оценки	Доля ответивших				
	2021	2022	2023	2024	2025
Нет неприязни	91	86	89	88	90
Есть неприязнь	4	4	3	5	4
Затруднились ответить	5	10	8	7	6

Согласно результатам исследования 2025 года, отсутствие враждебности к иностранным гражданам характерно для 90 % опрошенных. Данная ситуация в дагестанском обществе, как видно из таблицы результатов опросов за последние пять лет, остается стабильной. Сегодня в Дагестане активно трудятся мигранты из Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана, Киргизии) и Азербайджана в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг. Они восполняют дефицит рабочих мест, особенно в низкооплачиваемых сегментах, куда местные жители неохотно идут работать. Работодатели предпочитают их из-за готовности работать без социальных гарантий. Благодаря общему советскому прошлому, русскому языку и религиозной общности трудовые мигранты из постсоветских стран воспринимаются в дагестанском обществе как близкие в культурном отношении люди. Сходство менталитета и традиций способствует терпимости и интеграции. При этом мигранты из стран Средней Азии и Азербайджана зачастую работают в Дагестане нелегально или без оформления трудовых договоров, что приводит к случаям нарушения их прав со стороны работодателей, а языковой барьер и правовая безграмотность усугубляют ситуацию. В целом, опрос показывает, что культура

¹ *Источник:* Отчеты социологических исследований ДФИЦ РАН за 2021–2025 годы о состоянии межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Дагестан.

межэтнического общения в Дагестане характеризуется высоким уровнем толерантности основной массы дагестанского общества к иностранцам, представителям других национальностей и культур. Лишь незначительная часть дагестанцев негативно оценивает приток иностранных мигрантов, считая, что те «отнимают» рабочие места у местной молодежи. Однако исследователи подчеркивают, что мигранты в основном занимают те ниши, которые жители республики избегают из-за низкой заработной платы или непрестижности работы.

Уровень межэтнической толерантности в дагестанском обществе измерялся в 2025 году еще по показателю согласия/несогласия респондентов на проживание представителей других народов (этнических групп) в населенном пункте их проживания. Подавляющее большинство опрошенных (82 %) ответили утвердительно на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы в Вашем населенном пункте проживали представители других национальностей?». Из них 32 % выбрали формулировку анкеты: «Да, потому что это способствует знакомству с национальной культурой других народов». Отрицательное отношение к проживанию в поселке с представителями других национальностей выразили 18 % респондентов, среди которых наиболее распространенным отрицательным ответом стал вариант: «Нет, это способствует возникновению территориальных споров между национальностями», на который указали 8 % участников опроса. В целом, как показал опрос, дагестанцы демонстрируют высокую и устойчивую комплементарность в вопросе принятия соседа другой этничности, что, безусловно, способствует поддержанию добрососедских межэтнических отношений в регионе.

Выводы

Итак, исследования последних лет фиксируют доминирование в массовом сознании жителей Республики Дагестан позитивной оценки состояния межэтнических отношений в регионе. Мнение о том, что отношения между людьми разных национальностей в дагестанском обществе улучшаются, характерно для значительного большинства опрошенных. В 2025 году совокупно 87 % респондентов оценили динамику развития межэтнических отношений в Дагестане как положительную и нейтральную. Соответственно, значительная часть опрошенных – 84 % – считают невозможным возникновение в Дагестане в ближайшее время конфликта, который мог бы принять форму межэтнического противостояния. Хотя в республике имеются нерешенные и застарелые проблемы (доставшиеся в наследство от СССР) в сфере межэтнических отношений, общность исторической судьбы в составе России и многовековой опыт мирного сосуществования позволяют решать все конфликты мирным путем. Созданная в последние годы система мониторинга напряженности в муниципалитетах позволяет оперативно предупреждать обострение локальных и бытовых конфликтов и не допускать их эска-

ляции. В управлении региональной этнополитикой Дагестан демонстрирует сбалансированный подход, сочетающий административное регулирование, разностороннее научное изучение и общественный диалог. Несмотря на ряд сохраняющихся проблем и рисков (исторические травмы, территориальные споры, конкуренция за земельные ресурсы и властные позиции), системная работа институтов, акцент на профилактике и раннем предупреждении возникающих конфликтов формируют устойчивую основу межэтнического согласия в дагестанском обществе. Сфера межконфессиональных отношений в Дагестане, по данным опроса, в целом выглядит благоприятной, поскольку положительную динамику в развитии межконфессиональных отношений в Дагестане за последний год отметили 53 % респондентов от общей выборки. 81 % опрошенных считают, что отношения между представителями разных религиозных групп в дагестанском обществе в последнее время не ухудшились. Значительная доля участников исследования – 80 % – считает, что конфликт, который может перерасти в межконфессиональное противостояние, в Дагестане в ближайшем будущем маловероятен (или невозможен). В целом религиозная ситуация в Дагестане характеризуется сочетанием институциональной стабильности, активного межконфессионального диалога и сохранением ряда вызовов, которым подвергаются религиозные общины трех основных конфессий республики. Противоречия в мусульманской среде смягчаются системной работой властей и конструктивной позицией большинства религиозных лидеров и авторитетов. Однако для поддержания стабильности необходим постоянный мониторинг ситуации на местах и повышенное внимание к молодежной среде.

Список источников

Абдулманапов П. Г. Институциональные предпосылки демографического поведения в Республике Дагестан / П. Г. Абдулманапов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 1 (171). – С. 179–186. – DOI 10.26726/rppe2025v1ipodb. – EDN LMUQMZ.

Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме / Т. Ванханен; пер. с англ. Д. О. Румянцева; вступ. статья В. Б. Авдеева. – Москва: Кучково поле, 2014. – 288 с. – ISBN 978-5-9950-0428-8.

Дробизжева Л. М. Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике /

References

Abdulmanapov P. G. Institutional prerequisites of demographic behavior in the Republic of Dagestan. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of economic transformation*. 2025; 1 (171): 179-186. DOI 10.26726/rppe2025v1ipodb. (In Russ.)

Vanhanen T. Ethnic Conflicts: Their Biological Roots in Ethnic Favoritism. Translated from English by D. O. Rumyantsev; Introduction by V. B. Avdeev. *Moskva: Kuchkovo pole = Moscow: Kuchkovo pole*. 2014; 288 p. ISBN 978-5-9950-0428-8. (In Russ.)

Drobizheva L. M. Interethnic relations in the Russian space in the 2000s: the main trends in the methodology of study and social practice *Rossiya reformiruyushhayasya = Reforming Russia*. 2018; 16: 120-144. DOI 10.19181/ezheg.2018.6. (In Russ.)

Л. М. Дробижина // Россия реформирующаяся. – 2018. – № 16. – С. 120–144. – DOI 10.19181/ezheg.2018.6. – EDN XUONCP.

Соколова Л. Ю. Факторы межэтнической напряженности и конфликтов на территории России / Л. Ю. Соколова, Е. В. Ханова // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 149–164. – DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-1. – EDN TQDYNE.

Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / [М. Ф. Черных и др.]; отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черных. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. – 336 с. – ISBN 978-5-89697-291-4.

Тишков В. А. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. – Москва: Издательство Московского университета, 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-19-011367-9.

Управление межэтническими и конфессиональными отношениями: теория и практика: учебное пособие продолжает серию учебно-методических материалов для подготовки кадров муниципального и регионального управления, издаваемых Институтом управления и регионального развития РАНХиГС. Общее руководство серией осуществляет профессор РАНХиГС Э. Маркварт / Э. Маркварт, И. В. Стародубровская, Э. А. Паин [и др.]. – Москва: Проспект, 2020. – 318 с. – ISBN 978-5-98597-460-7. – EDN UVJNAF.

Шахбанова М. М. Межнациональные отношения в современном дагестанском обществе: оценка и перспективы / М. М. Шахбанова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 1. – С. 264–270. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270. – EDN TCBJMU.

Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред.: В. А. Тишков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2024. – 456 с. – ISBN 978-5-91076-281-1.

Sokolova L. Yu., Khanova E. V. Factors of interethnic tension and conflicts in Russia. *Nauchny'j rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and management.* 2024; 10(1): 149-164. DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-1. (In Russ.)

Social Factors of Interethnic Tension in Russia: A Monograph. M. F. Chernykh et al. Ed. by Yu. B. Epikhina and M. F. Chernykh. *Moskva: FNISC RAN = Moscow: Federal Research Center for the Humanities of the Russian Academy of Sciences.* 2017; 336 p. ISBN 978-5-89697-291-4. (In Russ.)

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitology: The Political Functions of Ethnicity. Textbook for Higher Education Institutions. 3rd edition, revised and expanded. *Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta = Moscow: Moscow University Press.* 2019; 416 p. ISBN 978-5-19-011367-9. (In Russ.)

Managing Interethnic and Confessional Relations: Theory and Practice: This textbook continues the series of educational and methodological materials for training municipal and regional management personnel published by the Institute of Management and Regional Development of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. The general management of the series is carried out by RANHiGS Professor E. Markwart. E. Markwart, I. V. Starodubrovskaya, E. A. Pain et al. *Moskva: Prospekt = Moscow: Prospekt Publishing House.* 2020; 318 p. ISBN 978-5-98597-460-7. (In Russ.)

Shakhbanova M. M. Interethnic Relations in Modern Dagestani Society: Assessment and Prospects. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski = State and Municipal Administration. Scientific Notes.* 2023; 1: 264-270. DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-1-264-270. (In Russ.)

The Ethnopolitical Situation in the Russian Federation in 2023. Annual Report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention. Ed.: V. A. Tishkov, A. V. Chernykh. *Perm': Izd-vo "Mamatov" = Perm: Mamatov Publishing House.* 2024; 456 p. ISBN 978-5-91076-281-1. (In Russ.)

Для цитирования: Адиев А. З., Мусаева А. М. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Дагестан: по данным опросов 2021–2025 гг. // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 168–181.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.12

EDN CRMSUS

История статьи:

Поступила в редакцию – 25.07.2025

Одобрена после рецензирования –
16.09.2025

Принята к публикации – 19.09.2025

Сведения об авторах

Адиев Асланбек Залимханович

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Института
этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
SPIN-код: 7617-2483
AuthorID: 524594
khalid_84@mail.ru

Мусаева Айшат Магомедкамиловна

Научный сотрудник Регионального центра
этнополитических исследований
Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН
SPIN-код: 8284-3980
AuthorID: 753170
aishat-musaeva@mail.ru

Information about authors

Aslanbek Z. Adiev

Candidate of Political Science,
Senior Researcher,
N. N. Miklouho-Maklay Institute
of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
WoS. Research ID: AAI-6466-2021
Scopus AuthorID: 57200652077
khalid_84@mail.ru

Ayshat M. Musaeva

Researcher, Regional Center
for Ethnopolitical Studies,
Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
aishat-musaeva@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**ПОБЕДИЛИ ВМЕСТЕ:
СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941–1945 гг.¹**

**WE HAVE WON TOGETHER:
SOVIET WOMEN
IN THE GREAT PATRIOTIC
WAR OF 1941-1945²**

М. Ю. Милованова*
ORCID: 0000-0002-5453-5954

Marina Yu. Milovanova*

* Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Россия

* Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia

Цель исследования – репрезентация советских женщин как масштабной гендерной общности в качестве основного социального ресурса, деятельного актора Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Objective of the study is the representation of Soviet women as a large-scale gender community and the main social resource, an active actor of the Great Patriotic War of 1941-1945.

Методологическая база исследования. Историко-социологический анализ огромного массива официальной иконографии памяти о войне, военной историографии, мемуаров, конкурсных материалов сохранения памяти о войне, применение междисциплинарных подходов (гендерный анализ, социальный конструктивизм) для раскрытия проблемы трансформации гендерных ролей в условиях военного времени.

Methodological basis of the study is the following: historical and sociological analysis of a huge array of official iconography on the memory about the war, military historiography, memoirs, and competitive materials aimed at preserving the memory about the war, the use of interdisciplinary approaches (gender analysis, social constructivism) to explore the transformation of gender roles in wartime.

Результаты исследования. Выявлены противоречия между нуждами мобилизации женщин в «мужскую» сферу (ПВО, авиация, партизанское движение, профессиональный и тяжелый физический труд) и регулирования рождаемости, социальной поддержки материнства. Исследование по-

Results of the study. Contradictions between the need to mobilize women in the «male» sphere (air defense, aviation, guerrilla movement, professional and hard physical labor) from the one side and birth control, social support for motherhood from the other have been identified. The study shows how the war has deformed

¹ Публикация подготовлена в рамках Проекта РНФ № 23-18-00093.

² The publication was prepared within the framework of the RSF Project No. 23-18-00093.

казывает, как война деформировала гендерные отношения, усиливая дискриминацию и насилие, но одновременно формируя новые формы социальной адаптации и солидарности. Результаты подчеркивают роль женщин не только как «агентов победы», но и как носителей травматического опыта, их стратегии выживания на оккупированных территориях. Статья вносит вклад в дискуссию о цивилизационной специфике советского гендерного контракта, балансирующего между эмансипацией и демографическим восстановлением, в дальнейшую объективную репрезентацию исторической памяти и современные гендерные исследования о женщинах на войне и экстремальной повседневности.

Перспективы исследования связаны с применением историко-социологической реконструкции деформированных гендерных ролей в послевоенный период восстановления народного хозяйства, поиска решений со стороны государства и общества по выходу из демографического кризиса. Актуальны исследования оцифрованных архивов, создание баз данных о женщинах – участницах войны (Digital humanities), дальнейший комплексный подход на основе объективного анализа, снятия «табу» с травматических тем.

Ключевые слова: женщины, общественный договор, гендерный контракт, гендерные роли, трансформация, война, история

gender relations, increasing discrimination and violence, but at the same time forming new forms of social adaptation and solidarity. The results highlight the role of women not only as “agents of victory”, but also as individuals with the traumatic experiences and survival strategies at the occupied territories. The article contributes to the discussion about the civilizational specifics of the Soviet gender contract, which balanced between emancipation and demographic recovery, to further objective representation of historical memory and modern gender studies about women in war and extreme everyday life.

Prospects of the study relate to the application of historical and sociological reconstruction of deformed gender roles in the post-war period of economic recovery, the search for solutions to overcome the demographic crisis by the means of the state and society. The research of digitized archives, the creation of databases on women who participated in the war (Digital humanities), and the further integrated approach based on objective analysis and the removal of “taboos” from the traumatic topics are relevant.

Keywords: women, social contract, gender contract, gender roles, transformation, war, history

Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. разделила восприятие истории страны на «до» и «после», стала испытанием для всего советского народа, но масштабы вовлечения женщин в СССР в военное противостояние мирового характера стали беспрецедентными. Исполнение гендерных ролей трансформировалось и видоизменялось по законам военного времени, происходило стирание граней между «мужской» и «женской» работой, когда «Все для фронта, все для Победы!». По данным Минобороны РФ со ссылкой на Госплан СССР на оккупированной захватчиками территории оказалось около

88 млн человек, часть из которых было призвано в вооруженные силы или было эвакуировано на восток страны. Таким образом, под властью оккупантов оставалось не менее 73 млн чел., или 37 % от всего населения – 196,7 млн чел. на 22 июня 1941 года¹. По разным источникам от 600 тыс. до одного миллиона женщин фактически наравне с мужчинами воевали на фронтах и в партизанских отрядах.

Важно при ответе на вопрос, «как и почему советская страна и советский народ выдержал такие суровые испытания, каким образом единство и согласие государства и народа продемонстрировало себя в своем высочайшем качестве и явилось тем фактором, который привел к победе в этой смертельной схватке с врагом» (Тощенко, 2025. С. 327), сделать его более исчерпывающим. В связи с этим целью данного исследования является репрезентация советских женщин как масштабной гендерной общности в качестве основного социального ресурса, деятельного актора Великой Отечественной войны. Ставится задача освещения самоотверженного патриотического отклика и героического участия женщин в боевых действиях на фронте, в партизанском движении сопротивления, в создании крепкого трудового тыла, но не только. В гендерном измерении общественного договора диалектически отражаются организация и самоорганизация женщин, их повседневный жизненный мир, поведенческие аспекты адаптации, лояльности, девиантного поведения женщин в условиях войны с ее усиленной гендерной дискриминацией и насилием. Мировой военный конфликт трансформирует общество как социальную систему, поэтому действия советского государства, балансирующего между мобилизацией женского контингента для нужд военного времени и возможностями восполнения женщинами воспроизводства населения, становятся одним из вопросов исследования. В общественном договоре для его состоятельности нужно «договариваться не только о настоящем, но и прошлом и будущем» (Диманс, Левичева, 2018. С. 225), следовательно, память о войне требует объективности. Память о войне, став «символической составляющей консенсуса советского общества и власти» (Сак, 2024а, б), героизация непосредственных участников, официальная иконография, фактология не исключают и не позволяют табуировать горькую правду трагической жизни военного времени, исключать травматические темы.

Методы (теоретические основы) и эмпирическая база

Для историко-социологического анализа в контексте общественного договора важен комплексный подход изучения участия женщин в ВОВ. Советская историография оперирует официальной статистикой, делая акцент на коллективный подвиг, всегда подчеркивалась роль партии в организации военной службы и мобилизации женщин, их героизм и военные заслу-

¹ Официальный сайт Министерства обороны РФ. – URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10335986%40cmsArticle (дата обращения: 09.03.2025).

ги (Великая Победа... 2020, Великая Отечественная война... 1999; Великая Отечественная война... 1985; Мурманцева, 1974; Ситникова, 2024; и др.). На современном этапе стали более востребованы исследования фронтовой повседневности советских женщин-военнослужащих (Жукова, 2006; Янцен, 2024), женские практики социальной адаптации к условиям оккупации (Сак, 2024а). Гендер выступает ключевой аналитической категорией в контексте войны и конфликта. Методология изучения трансформации гендерных ролей на войне включает в себя различные междисциплинарные подходы, такие как историко-антропологический и гендерный анализ, социальный конструктивизм. Фактор войны исследуется в качестве трансформации и деформации гендерных ролей (Аринов, 2021; Cockburn 2010), внимание уделяется «двойным стандартам» как героизации, так и стигматизации женщин-фронтовичек (Завершинская, 2016; Johnson, Newcomb, 1992). Примером интеграции гендерной истории и военной истории, устной истории и военной психологии служит работа, ярой русофобки, С. А. Алексиевич «У войны не женское лицо», сочетающая в себе социологический и публицистический подходы, поскольку основана на массиве воспоминаний женщин-участниц войны. Работа была написана в середине 1980-х, но достойное признание получила лишь в 2015 году (Нобелевская премия по литературе) (Алексиевич, 1985). Одним из самых значимых исследований является работа Ю. Н. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах», которая основана «на общесоюзном материале, содержащем много фактических сведений, новые, рассекреченные приказы народного комиссара обороны СССР, изданные в течение Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Милованова, 2013. С. 103). В работе «Женщины Великой Отечественной войны» не только показано, кто подлежал мобилизации в Красную Армию, как она проходила, в какие рода войск направлялись женщины, но женские судьбы, введены новые данные о содержании писем женщин из фашистской Германии, о женщинах в немецком плену и др. (Петрова, 2024).

Таким образом, прослеживается эволюция исследовательского интереса: 1940–1980-е гг. – накопление богатой советской историографии с акцентом на героизм женщин в рамках идеологии «единства фронта и тыла»; 1990–2000-е гг., когда происходит рассекречивание архивов, появляются исследования о повседневности и теневых сторонах войны; 2010-е по настоящее время – гендерный анализ, запрос на комплексный подход и междисциплинарные исследования для осмысления того, как гендерные аспекты влияют на войну и как военный полномасштабный конфликт трансформирует и деформирует гендерные роли, конструирует гендер в межличностных взаимоотношениях (индивидуальный опыт, интимность, пост память) в условиях войны. Новый фокус на то, как, с одной стороны, советское государство мобилизовало женский социальный ресурс, а с другой стороны проводила системные меры возврата

к традиционалистскому порядку с его дихотомией «двойной нагрузки» советского гендерного контракта.

Основные положения и результаты

Женщины на фронте: экзамен на гражданскую и нравственную зрелость

Феминизация непосредственных участников крупных военных конфликтов в массовом порядке началась уже в ходе Первой мировой войны (Поршнева, 2022). Это связано, во-первых, с публично звучащим голосом образованных женщин, а во-вторых, трансформацией гендерных ролей, вплоть до социального включения в традиционно мужскую сферу военной службы и защиты отечества. Ключевым достижением XX века стала возможность женщин служить в вооруженных силах России, позволившая им осваивать «мужские» профессии, участвовать в боевых действиях наравне с мужчинами. Исследователи пишут о женщинах-добровольцах разных возрастов и статусов – гимназистках, слушательницах высших женских курсов, вдовах, чьи мужья находились в действующей армии, которые стремились попасть на фронт, маскируясь под мужскими одеждой и именами. Даже после разоблачения многим женщинам разрешали остаться на фронте, учитывая высокую эффективность в разведке, действия на передовой. Женщины добивались заслуженных наград и званий (Романишина, 2024. С. 127). «Война стала экзаменом женской гражданственности и испытанием нравственных сил женщины», – сообщает нам журнал «Женская жизнь» за 1915 год¹. Мировой характер войны и ее человеческие жертвы способствовали росту женского социального самосознания. В 1918 году была создана Международная федерация женщин – выпускниц университетов (IFUW), убежденных в том, что только «развивая дружбу и взаимопонимание, образованные женщины смогут предотвратить катастрофы, подобные Первой мировой войне»².

В годы ВОВ СССР значительно превосходил остальные воюющие страны по масштабам женской мобилизации, хотя сходные процессы характерны были для США (Segal, 2006), Великобритании (Noukes, 2006), Германии (Kaplan, 2011). Важно подчеркнуть, что в СССР социальное равенство между женщинами и мужчинами трактовалось как реальное не только в связи с равными правами в труде, но и в ратном деле. В апреле 1918 г. был принят декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству, определяющий возможности женской массовой мобилизации и равноправность полов, когда «гражданки обучаются, по их согласию, на общих основаниях»³. Была заложена совершенно новая гендерная композиция: нормальность и созна-

¹ Анский Ив. Новые ценности // Женская жизнь. – 1915. – № 4. – С. 1–2.

² Официальный сайт Международная организация женщин-выпускниц (Graduate Women International, GWI). – URL: <https://graduatewomen.org/who-we-are/our-story/gwi-history> (дата обращения: 19.01.2025).

³ Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 2. – С. 151–153.

тельный выбор женщинами службы к воинской службе. В 1920-е годы Академию Генерального штаба РККА закончили семь женщин: А. П. Богат (Бочкова), М. О. Булле (комиссар полка), А. З. Виноградова, Л. А. Савостьянова, М. Д. Флерова (Сахновская) (военкомом отдельного батальона), А. Н. Урванцева-Левицкая, М. М. Янковская) (Иванова, 2002. С. 216). До Великой Отечественной войны «военные вузы закончили более 250 женщин, в том числе 36 женщин – Военную инженерную академию имени В. В. Куйбышева, свыше 150 женщин – Военную академию химической защиты (Иванова, 2002. С. 139–140). В довоенный период многие женщины заканчивали военные училища и летные школы, становясь ролевыми моделями и наставницами. Среди них первая женщина – летчик Зинаида Кокорина, женщина-штурман – Надежда Сумарокова. Мировой рекорд по затяжным прыжкам с парашютом установила Нина Камнева, пять мировых рекордов – Полина Осипенко, совершившая беспосадочный перелет на Дальний Восток вместе с Мариной Расковой и Валентиной Гризодубовой. «Матильда Харчевникова и Наталья Котина закончили Академию механизации и моторизации РККА, работали преподавателями тактики в Ульяновском танковом училище и инженером-испытателем на оборонном заводе» (Иванова, 2002. С. 135–136.). В. Н. Романишина пишет «об уникальной системе подготовки женских кадров по различным воинским специальностям» кадров (Романишина, 2024. С. 127). На особом счету были жены офицеров, которые проходили начальную военную подготовку, обучались вождению автомобиля, уходу за больными и ранеными, становились наставницами по передаче этих навыков другим женщинам. «К 1941 году около четверти миллиона женщин готовы были участвовать в боях» (Энгель, 2023. С. 303).

Очевидность войны отражалась на материальной и психологической подготовке государства и народа, избежать ее не удалось, и дата ее начала 22 июня 1941 года называется вероломной и внезапной. С началом войны «мобилизация женского контингента была объективной необходимостью, поскольку в связи с созданием многомиллионных армий, развитием техники, вооружений, большими потерями на фронте, остро возникла проблема дефицита людских ресурсов» (Иванова, 2002). Мобилизация женщин началась 23 июня 1941 года при активном участии местных партийных и комсомольских организаций, и соответственно первоочередному призыву подлежали те, кто состоял в партии и комсомоле. Женщин, прошедших медицинскую комиссию, в возрасте от 19 до 30 лет направляли в воинские части и учреждения, от 30 до 45 лет в тыловые службы. От призыва освобождались семейные и беременные женщины, работавшие в оборонной промышленности, на железнодорожном и водном транспорте, в системе внутренних дел и государственной безопасности. За первую неделю войны заявления об отправке на фронт поступили от 20 тысяч москвичек, и спустя три месяца зачисления в ряды

защитников Родины добились 8360 женщин и девушек столицы. На военную службу было призвано «490 235 женщин, а пик призыва женщин в армию пришелся на 1942 год» (Барсукова, 2012. С. 11). При этом активный отклик был и в национальных республиках СССР (Женщины и женское движение, 2015). Стоит отметить, что среди бежавших на фронт были не только мальчики, но и девочки – «дети полков». Подтверждением служит история о «живой легенде, дочери полка – Зинаиде Константиновне Ивановой (1927–2015 гг.)»¹.

На основе анализа документов и исторической литературы можно выделить два этапа мобилизации:

1 этап – 1941–1942 гг., когда приоритет отдавался медикам и связистам. Так, 19 августа 1941 года 10 тысяч девушек-комсомолок были направлены на курсы радиоспециалистов; 2 этап – 1942–1944 гг., когда массовому призыву подлежали девушки и женщины в ПВО, авиацию, военно-морской флот.

Постановление ГКО от 25 марта 1942 года мобилизовало 100 тысяч девушек в части ПВО, к 1944 году на флоте служили 25 тысяч девушек. Около 180 тысяч женщин служили в ПВО, что позволило высвободить до 300 тыс. мужчин для отправки на фронт. Только в Сталинградской битве действовали три зенитные батареи с женскими расчетами. Благодаря их ратному труду была остановлена 16-танковая дивизия вермахта 23 августа 1942 года. По мнению маршала В. И. Чуйкова, *«боеспособность женских расчетов и батарей была ничуть не ниже боеспособности тех зенитных подразделений, расчеты которых были укомплектованы преимущественно мужчинами»* (Чуйков, 1959).

В историю войны золотыми буквами записаны героические подвиги боевых женских частей: 586-й истребительный, 587-й и 588-й бомбардировочные авиационные полки, отдельная женская добровольческая стрелковая бригада, 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк. Бомбардировочный полк под командованием Марины Расковой получил название «Ночные ведьмы», ими было совершено 24 тысячи вылетов, в результате которых уничтожены были сотни объектов противника. С 1943 по 1945 г. Центральная женская школа снайперов подготовила около 2 тысяч специалистов (Жукова, 2006).

Женщины сыграли особую роль в медицинской военной службе, составив половину из 700 тысяч медиков. 41 % врачей на фронте составляли женщины; женщинами были 43 % всех полевых хирургов, 43 % фельдшеров и 100 % медсестер (Erickson, 1993). Примерами героизма служит подвиг Зинаиды Тусноловой, вынесшей с поля боя 123 бойца, Екатерины Деминой, санинструктора морской пехоты, лично участвовавшей в десантах и получившей трижды ранения, а звание Героя СССР Екатерина получила лишь в 1990 году. Женщина-медик в годы войны запечатлена в многочисленных произведениях искусства, включая кино: «сестра милосердия, ухаживающая за ране-

¹ Протокол заседания Конкурсной комиссии Международного конкурса «История Великой Победы в истории семьи». Архив автора.

ными; самоотверженный боец, который оказывает первую помощь раненым, выносит их с поля боя, спасает, закрывая собой от пуль и снарядов» (Нечаева, 2022). В этой связи приведем слова социолога и кинокритика Д. Б. Дондурей: «Советская власть была дальновидна. Она понимала: формирование человека – это не только очевидная пропаганда, но и программирование человека при помощи культуры»¹. Благодаря этой технологии «программирования человека» современные поколения знают о советских женщинах с честью выполнивших свой патриотический долг, «за подвиги в годы войны свыше 150 тысяч женщин были награждены боевыми орденами и медалями, более 200 – стали кавалерами орденов Славы 2-й и 3-й степени, а четыре – полными кавалерами ордена Славы, 89 советских женщин, принимавших участие в Великой Отечественной войне, были удостоены звания Героя Советского Союза, семеро стали Героями России» (Иванова, 2002. С. 172). На фронте сражалось до одного миллиона женщин, 80 тысяч из них были офицерами (Женщины Великой Отечественной... 2018).

Подвиг и самоотверженность удивительно сочетались с проявлениями «нормальности» жизни. Сохранились тысячи воспоминаний о том, как в нечеловеческих условиях женщины смотрелись в зеркальце, причесывались гребешком и плакали, когда им отрезали косы, мечтали о туфельках, перешивали «по фигуре» мужскую военную одежду. В современных исследованиях поднимается тема сексуализации военных преступлений, причем со стороны воевавших с обеих сторон (Энгель, 2023. С. 320). Изучение повседневных практик, эмоций, телесности в русле экзистенциальной антропологии является одним из перспективных направлений исследований. Стереотип о женщине «боевой подруге», ППЖ (походно-полевой жене) имел место (Завершинская, 2016; Сенявская и др., 2017), и фактически предлагалось замолчать реальное фронтовое предложение М. И. Калинина «самим не говорить, пусть о вас говорят» (Энгель, 2023. С. 322). Интересным источником о гендерных различиях и представлениях о советской женщине становятся воспоминания солдат армии вермахта, оказавшихся в окружении под Сталинградом, где «сражаются все, у кого есть голова и руки, – и мужчины, и женщины» (Цит. по: Белова, 2015. С. 30). Моральные качества советских женщин восхищали офицеров вермахта: «Для многих из них слово “любовь” значит абсолютную душевную преданность, на мимолетные отношения или приключение соглашаются немногие. Они демонстрируют, во всяком случае, что касается женской чести, совершенно неожиданно благородство», «немцам нужно брать с них пример» (Цит. по: Белова, 2015. С. 32).

¹ Шигарева Ю. Даниил Дондурей: «Основные потребители кино в России – девочки 12–17 лет» // Аргументы и факты. 07.02.2014. – URL: <https://aif.ru/culture/person/1097101> (дата обращения: 19.01.2025).

Женщины на трудовом фронте

Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. мобилизации подлежали женщины в возрасте от 16 до 45 лет¹. «Освобождение получали матери, имевшие детей до восьмилетнего возраста. Однако позже на работу в строительство и производство были привлечены и женщины с детьми в возрасте от 4 лет, а также те, кто мог оставить своих детей у родственников. Мера действовала с 1942 г. по 1946 г. Уже к октябрю 1941 г. женщины составляли 45 % всей рабочей силы страны» (Великая Отечественная война... 1985. С. 270). Динамика мобилизации женщин на «трудовой фронт» выразительна, к октябрю 1941 года на производство пришло свыше 500 тыс. домохозяек (Хасбулатова, 2005. С. 211). К октябрю 1942 года 52 % рабочей силы в военной промышленности и 81 % рабочей силы в легкой промышленности составляли женщины, тогда как в довоенное время 60 % (Энгель, 2023. С. 305). За 1941–1945 гг. 56 % от общего числа работающих составляли женщины, их число в составе рабочих и служащих за этот период увеличилось на 15 млн чел (Великая Отечественная война... 1985. С. 270). Женщины успешно осваивали сугубо мужские специальности, где требовались профессиональные знания, сила, выносливость. «Советские женщины, так же как их знаменитая американская союзница Роза-клепальщица, делали оружие и боеприпасы для фронта. Они спускались в шахты и орудовали отбойными молотками в забое; они управляли подъемными кранами; они обеспечивали работу железной дороги – даже ремонтировали составы, работали кочегарами и водили локомотивы. Женщины сопровождали промышленные предприятия, эвакуированные на восток, где для них не приготовили жилья. Они жили в землянках или заброшенных бараках, часто работая под открытым небом по 12–14 часов за смену; трехчасовая сверхурочная работа была обязательной» (Энгель, 2023. С. 305). Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков в 1965–1985 гг., работавший в начале Великой Отечественной войны на бакинских нефтепромыслах, так характеризует женщин военной поры «в стеганых фуфайках, с грубыми обветренными руками, стоят, ссутулившись от усталости, у станков или замерзшей скважины... И все равно красота их не увяла, только огрубела, только взгляд стал тверже» (Цит. по: Доброхлеб, 2020. С. 265).

Законы военного времени были одинаково суровы, как к мужчинам, так и женщинам. Самовольное отлучение с оборонного предприятия каралось

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР во изменение Указа от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 09.03.2025).

лишением свободы на срок от 5 до 8 лет¹, но имело привлекательность из-за более весомого размера продовольственного обеспечения, так необходимого для прокорма женщиной себя и детей в условиях карточной системы, введенной в 1941 году. Результатом агитационно-пропагандистской мобилизации «Женщины, на тракторы и комбайны» (Некрасов, 1941), «Женщины, на трудовой фронт!» (Шур, 1941) и жизненной необходимости стало то, что женщины «кормили» страну, составив 70 % рабочей силы в сельском хозяйстве, а к 1945 году почти 92 %, «с 1940 по 1944 год доля трактористок возросла с 4 до 81 %» (Энгель, 2023. С. 305–306). После демобилизации занятые женщинами (вынужденно) позиции и рабочие места возвращались вернувшимся мужчинам. Уцелевшие мужчины обретали особую ценность, их стало значимо меньше, многие вернулись искалеченными инвалидами, с психологическими травмами. Принять, простить, продолжать жить – такова была деконструкция трансформации гендерных ролей, своего рода «сделка» перехода от деформации к реформации в мирное, но не менее тяжелое послевоенное время.

После войны маршал и четырежды Герой Советского Союза Г. К. Жуков написал в своих воспоминаниях: *«Своей преданностью Родине и постоянной готовностью отдать за нее жизнь советские женщины изумили все прогрессивное человечество. Думаю, не ошибусь, высказав мнение, – наши женщины своим героическим ратным и трудовым подвигом в войне с фашистской Германией заслужили памятник, равный памятнику Неизвестному солдату, воздвигнутому в Москве у Кремлевской стены»* (Жуков, 1990. С. 52).

Женщины на оккупированной территории

В связи с оккупацией городов и сел по данным Минобороны РФ не менее 25 млн чел. остались без крова, их дома были разрушены или сожжены дотла. По данным Центрального штаба партизанского движения в составах партизанских отрядов воевало от 10 до 25 % женщин. Исследователи женских практик социальной адаптации к условиям оккупации выделяют три основные стратегии: сопротивление оккупантам как норма для актора государства, лояльность как норма со стороны актора оккупационной власти, стабилизация своего положения как норма со стороны актора оккупированного сообщества (Кринко и др., 2023). Кроме этого, К. В. Сак проследила эволюцию образов участниц партизанского движения в советском пространстве памяти и пришла к выводу о том, что в настоящий момент «героический канон пережил годы развала СССР и продолжает доминировать в современном российском публичном пространстве, вернув на пьедестал символ женского Сопротивления и женской жертвы – образ Зои Космодемьянской» (Сак, 2024б. С. 347).

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. № 7/160 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 09.03.2025).

В переломное для общества время, как справедливо отмечает О. Г. Овчарова, иницилируя социальное действие, становясь социальным агентам, происходит «исполнение женщинами публичных ролей (на фронте) и практики сочетания женщинами частных и публичных ролей (в тылу) не столько демонстрируют возможность перехода ими границ гендерных норм, сколько подтверждают конструирование последних на основе разделения деятельности и полученного в результате ее социального опыта» (Овчарова, 2013. С. 93–97).

Организация и самоорганизация женщин в годы ВОВ

Созданное еще в 1927 году Общество содействия обороне авиации и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ СССР) позволило более чем двум миллионам работниц и крестьянок пройти обучение, ставилась задача «расширения сети отделений подготовки женщин до округа и района включительно» (Иванова, 2002. С. 133). Практики данной организации «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Ворошиловский стрелок», «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» (ПВХО) были привлекательны и доступны как мужчинам, так и женщинам. 7 сентября 1941 г. на Первом Всесоюзном антифашистском митинге, проходившем в Москве, был создан Антифашистский комитет советских женщин (АКСЖ), который возглавила Валентина Гризодубова¹. Второй Антифашистский женский митинг был проведен 10 мая 1942 года, на котором выступили известные в стране женщины: академик Л. С. Штерн, скульптор В. И. Мухина, поэтесса В. М. Инбер, мать Зои Космодемьянской – Л. Т. Космодемьянская и др. Было инициировано обращение «К женщинам всего мира» (Женщины всего мира... 1941). На следующем Всесоюзном митинге в апреле 1943 года выступали уже матери и жены фронтовиков, заявлявшие о готовности «с честью выполнять все возложенные на их хрупкие плечи задачи». Советские женщины, став социальным ресурсом в тылу и на фронте, в идеологическом плане выступали движущей силой борьбы за мир, демократию и социальный прогресс. Главными задачами АКСЖ стало установление тесных деловых контактов с женскими организациями зарубежных стран для их активизации на борьбу с фашизмом. За 1941–1945 гг. было направлено свыше 50 тыс. писем, проведено 200 фотовыставок, трансляция радиопередач велась на США, Англию, Германию, Румынию, Иран и др. страны. Журнал «Советская женщина» издавался на 12 языках мира тиражом 2,5 млн в год, распространялся в 140 странах мира².

¹ Гризодубова Валентина Степановна (1909–1993) – советская летчица, полковник (1943), участница одного из рекордных перелетов, участница Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза, Герой Социалистического труда. Во время войны лично формировала и командовала 101-м мужским авиационным полком дальнего действия. Полк осуществлял бомбардировку вражеских объектов, доставлял боеприпасы на передовую и поддерживал связь с партизанами. После войны долгое время работала в НИИ-17.

² По материалам музея Союза женщин России. – URL: <https://wuor.ru/news/muzej-soyuza-zhenshchin-rossii-92587> (дата обращения: 10.12.2024).

Цена Победы

Исследование социальных основ общественного договора, его проверка на прочность, а также невосполнимая цена человеческих жертв во имя Великой Победы, которую заплатил советский народ, требуют освещения социодемографических процессов и констатируют ухудшение и без того деформированной половой структуры населения: «СССР потерял мужчин на 14–15 млн больше, чем женщин, а прямые потери мужского населения превысили женские в 3,5 раза» (Рыбаковский, 2010. С. 119). По данным Б. Ц. Урланиса, число мужчин 1906 года рождения, погибших во время Великой Отечественной войны, примерно 500 тысяч, погибших женщин того же года рождения – 130 тысяч человек, т. е. в 4 раза меньше (Урланис, 1968. С. 206–207). Почти каждая пятая замужняя женщина стала вдовой; многие из девушек так и не смогли вступить в брак (Великая Отечественная война, 1999. С. 289).

Вызовы военного времени заставляли государство балансировать между необходимостью опираться на женщин, как социальный ресурс войны, и потребностью восполнения населения. Медицинская помощь женщине-матери, как и всем у населения, оказывается бесплатно. Уже в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года была увеличена помощь беременным женщинам, многодетным матерям, усиливалась охрана материнства и детства, вводилось почетное звание «Мать-героиня», учреждены орден «Материнская слава» и «Медаль материнства». Планировалось, что матери, воспитывающие двух детей, при рождении третьего ребенка будут получать единовременное пособие. Те, у кого уже было трое детей, будут получать не только единовременную выплату, но ежемесячное пособие. В связи с войной, которая привела к значительному дисбалансу в соотношении полов и увеличению числа женщин, рожающих детей вне официального брака, одиноким матерям предоставлялось ежемесячное пособие, а также право определять своих детей в Дома ребенка. После войны эта норма жизни продолжала действовать. Кроме того, отменялась обязанность мужчин выплачивать алименты в случаях незарегистрированного брака. Также предполагалось частичное перераспределение средств текущего потребления в пользу многодетных семей за счет введения налога на холостяков, на бездетных и малолетних (Болдырев, 1974. С. 14). В рассекреченном Докладе ЦСУ СССР «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года говорится: *«Считаем необходимым обратить внимание на большое значение мероприятий, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в части отмены алиментов и увеличения государственной помощи многодетным и одиноким матерям. За период с 1945 по 1958 году матерей, не имеющих мужей, родилось свыше 10 млн. детей, или 16 % от общего числа родившихся за эти годы (эти данные в сообщении. Для печати не приводятся).* Если бы не бы ли проведены соответ-

ствующие мероприятия, то рождаемость за послевоенные годы, особенно в первые годы после войны, была бы ниже, чем она фактически оказалась».

Женщине 1920-х годов рождения «приходилось рассматривать любое предложение руки и сердца» (Энгель, 2023. С. 325).

Заключение

Год защитника Отечества¹ и 80-й юбилей Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов² актуализировали тему многогранной роли и участия советских женщин в глобальном военно-идеологическом противостоянии социальных систем социализма СССР и немецкого фашизма. Война подтвердила «жизнеспособность и устойчивость советского общественного строя»³, но обнажила противоречия прочности советского гендерного контракта. Репрезентация советских женщин как масштабной гендерной общности в качестве основного социального ресурса, деятельного актора Великой Отечественной войны показывает трансформацию гендерных ролей в условиях социальных изменений военного времени, нивелирование «женской» и «мужской» работы. Фундамент общественного договора военного периода был основательным, и трудно отрицать мощную мобилизационную и агитационно-пропагандистскую силу действий советского государства и созданные в довоенный период новые возможности занятости и получения образования советскими женщинами, их полномасштабную готовность в годы войны к дальнейшему социальному включению и выполнению несвойственных для них функций в ратном деле, в партизанском движении сопротивления, крепком трудовом тыле. Фактическое социальное равенство полов обернулось в реальной жизни возросшей многократно нагрузкой на женщину. Противоречия общественного договора выражались в балансировании между необходимостью мобилизации женщин для победы над врагом и потребностью восстановления демографии и восполнения населения.

Анализ поведенческих стратегий женщин выявил сознательный выбор женщин, их героизм, солидарность и самоотверженность, проявления которых были на фронте, тылу, оккупации; адаптацию вплоть до принятия дискриминации и насилия, вынужденное приспособленчество в условиях экстремальных реалий. Война обозначила совершенно иное состояние гендера, став фактором перереформатирования гендерных отношений, комплексность

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589> (дата обращения: 08.03.2025).

² Указ о подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/71868> (дата обращения 08.03.2025).

³ Из речи И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года. Полностью опубликована в книге Н. Старикова «Сталин. После войны. Часть 1. 1945–1948 гг.». – URL: <https://nstarikov.ru/rech-stalina-ob-itogah-vojny-i-razvitii-jekonomiki-sssr-116422> (дата обращения: 08.03.2025).

изучения темы возможна на основе объективного анализа, снятия «табу» с травматических тем. Перспективным направлением исследований становится оцифровка архивов, создание баз данных о женщинах – участницах войны (Digital humanities).

Испытания и тяготы войны, выдержанные советским народом, имеют дорогую цену невосполнимых потерь, советские женщины достойно, вместе с мужчинами наравне, победили вместе.

Список источников

Алексиевич С. А. У войны не женское лицо / С. А. Алексиевич. – WebKniga, 1985. – 347 с. – ISBN 978-5-9691-0882-0.

Аринов А. Г. Участие женщин в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны в советской военной периодической печати / А. Г. Аринов // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 4. – С. 136–148. – DOI 10.21064/WinRS.2021.4.10. – EDN VOPZVH.

Барсукова Н. В. Женщины в вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Н. В. Барсукова // Омский научный вестник. – 2012. – № 5 (112). – С. 11–13. – EDN PNFDQR.

Белова А. В. Образ «русской женщины» в письмах солдат вермахта / А. В. Белова // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы Восьмой международной научной конференции, Старый Оскол, 08–11 октября 2015 года. Том 1. – Старый Оскол: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2015. – С. 29–33. – EDN UHCWTJ.

Болдырев В. А. Итоги переписи населения СССР / В. А. Болдырев. – Москва: Статистика, 1974. – 83 с.

Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; гл. ред. М. М. Козлов. – Москва: Сов. энцикл., 1985. – 832 с.

Великая Отечественная война, 1941–1945: Воен.-ист. очерки: В 4 кн. / М-во обороны РФ. Ин-т воен. истории и др. – Москва: Наука, 1998. Кн. 4: Народ и война / ред-

References

Alexievich S. A. The Unwomanly Face of War. *WebKniga*. 1985; 347 p. ISBN 978-5-9691-0882-0. (In Russ.)

Arinov A. G. Participation of Women in Combat Operations on the Fronts of the Great Patriotic War in the Soviet Military Periodicals. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* = *Woman in Russian Society*. 2021; 4: 136-148. DOI 10.21064/WinRS.2021.4.10. (In Russ.)

Barsukova N. V. Women in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. *Omskiy nauchnyy vestnik* = *Omsk Scientific Bulletin*. 2012; 5 (112): 11-13. (In Russ.)

Belova A. V. The Image of the “Russian Woman” in the Letters of Wehrmacht Soldiers. *Zhenshchiny i zhenskoye dvizheniye za mir bez voyn i voyennykh konfliktov (K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne): Materialy Vos'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Staryy Oskol, 08–11 oktyabrya 2015 goda. Tom 1. – Staryy Oskol: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN = Women and the Women's Movement for a World Without Wars and Military Conflicts (On the 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): Proceedings of the Eighth International Scientific Conference, Stary Oskol, October 8-11, 2015. Volume 1. Stary Oskol: N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences*. 2015; 29-33. (In Russ.)

Boldyrev V. A. Results of the Population Census of the USSR. *Moskva: Statistika* = *Moscow: Statistics*. 1974; 83 p. (In Russ.)

The Great Patriotic War, 1941-1945: Encyclopedia. Institute of Military History of

кол.: В. А. Пронько (гл. ред.) и др. – 1999. – 367 с. – ISBN 5-02-009912-0.

Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты: [монография] / С. В. Рязанцев, В. Н. Иванов [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев, В. Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – Москва: Изд-во Экон-Информ, 2020. – 450 с. – DOI 10.38085/978-5-907-233-70-6-2020-1-452.

Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики / С. Л. Диманс, В. Ф. Левичева. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Ключ-С», 2018. – 304 с.

Доброхлеб В. Г. Победа в Великой Отечественной войне: гендерный аспект / В. Г. Доброхлеб // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Экон-Информ”», 2020. – С. 291–299. – EDN TDXDOZ.

Женщины Великой Отечественной войны / [отв. сост. Н. К. Петрова]. – Москва: Издательство «Вече», 2018. – 695 с. – ISBN 978-5-4484-0093-3.

Женщины всего мира – на борьбу против фашизма! – Ярославль: Ярославск. обл. изд-во, 1941. – 30 с.

Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8–11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. – Москва: Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. – Т. 1. – 230 с.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – 10-е изд. – Москва: Издательство АПН, 1990. – Т. 2.

Жукова Ю. К. Девушка со снайперской винтовкой: воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки, 1944–1945 / Ю. Жукова. – Москва: Центрполиграф, 2006 (Курск: ИПП Курск). – 222 с. – ISBN 5-9524-2509-7.

Завершинская Н. А. Тематизация памяти о «женщине на войне» в современных декон-

the USSR Ministry of Defense; Ed. in Chief M. M. Kozlov. *Moskva: Sovetskaya entsiklopediya* = *Moscow: Soviet Encyclopedia*. 1985; 832 p. (In Russ.)

The Great Patriotic War, 1941-1945: Military-historical essays: In 4 books / Ministry of Defense of the Russian Federation. Institute of Military History, etc. *Moskva: Nauka* = *Moscow: Science*. 1998. Book 4: *The People and the War* / Editorial Board: V. A. Pronko (editor-in-chief) and others. 1999; 367 p. ISBN 5-02-009912-0. (In Russ.)

The Great Victory of the Soviet People: Socio-political and Demographic Aspects. S. V. Ryazantsev, V. N. Ivanov [et al.]; Ed. S. V. Ryazantsev, V. N. Ivanov; ISPI FNISC RAS. *Moskva: Izdatelstvo “Ekon-Inform”* = *Moscow: “Ekon-Inform” Publishing House*. 2020; 450 p. DOI: 10.38085/978-5-907-233-70-6-2020-1-452. (In Russ.)

Diemans S. L., Levicheva V. F. People and Norms: Institutions VS Informal Practices. *Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu Izdatel'stvo “Klyuch-S”* = *Moscow: Limited Liability Company Izdatelstvo Klyuch-S*. 2018; 304 p. (In Russ.)

Dobrokhleb V. G. Victory in the Great Patriotic War: the gender aspect. *Velikaya Pobeda sovetskogo naroda: sotsial'no-politicheskiye i demograficheskiye aspekty*. *Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu “Izdatelstvo “Ekon-Inform”* = *The Great Victory of the Soviet people: socio-political and demographic aspects*. *Moscow: Limited Liability Company “Ekon-Inform” Publishing House*. 2020: 291-299. (In Russ.)

Women of the Great Patriotic War. [responsible compiler N. K. Petrova]. *Moskva: Izdatelstvo “Veche”* = *Moscow: Veche Publishing House*. 2018; 695 p. ISBN 978-5-4484-0093-3. (In Russ.)

Women of the whole world - to the fight against fascism! *Yaroslavl: Yaroslavskoe oblastnoe izdatelstvo* = *Yaroslavl: Yaroslavl regional publishing house*. 1941; 30 p. (In Russ.)

Women and the Women's Movement for a World Without Wars and Military Conflicts (On the 70th Anniversary of Victory in the

струкциях событий Второй мировой войны / Н. А. Завершинская // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 82–98. – EDN YGTHCV.

Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах / Ю. Н. Иванова. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 272 с. – ISBN 5-8243-0297-9.

Кринко Е. Ф. «Дома терпимости» в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации в 1942–1943 гг. / Е. Ф. Кринко, К. В. Сак // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 2 (79). – С. 106–115. – DOI 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-106-115. – EDN WFQVLR.

Милованова М. Ю. Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности / М. Ю. Милованова // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 3 (68). – С. 98–106. – EDN RENOMJ.

Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне / В. С. Мурманцева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Мысль, 1974. – 293 с.

Некрасов В. И. Женщины, на тракторы и комбайны! / В. И. Некрасов. – Москва: Московский рабочий, 1941. – 18 с.

Нечаева Е. О. Образ медицинской сестры в советском и постсоветском кинематографе / Е. О. Нечаева // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2022. – № 3. – С. 104–111. – DOI 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111. – EDN PLMBEQ.

Овчарова О. Г. Проектная деятельность женских общественных организаций: социально-политический функционал / О. Г. Овчарова // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 3 (68). – С. 93–97. – EDN RENOLZ.

Поршнева О. С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография / О. С. Поршнева // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 21–31. – DOI 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31. – EDN HALPIV.

Great Patriotic War): Proceedings of the Eighth International Scientific Conference of the Russian Academy of Historical and Cultural Studies and the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, October 8–11, 2015, Stary Oskol. Moskva; Staryy Oskol: Institut etnologii i antropologii Rossiyskoy akademii nauk, Starooskol'skiy tekhnologicheskii institut "MISiS" = Moscow; Stary Oskol: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Starooskolsky Institute of Technology "MISiS". 2015; 1; 230 p. (In Russ.)

Zhukov G. K. Memories and Reflections. 10th ed. Moskva: Izdatel'stvo AP = Moscow: APN Publishing House. 1990; 2. (In Russ.)

Zhukova Yu. K. A Girl with a Sniper Rifle: Memories of a Graduate of the Central Women's School of Sniper Training, 1944–1945. Moskva: Tsentrpoligraf = Moscow: Tsentrpoligraf. 2006; 222 p. ISBN 5-9524-2509-7. (In Russ.)

Zavershinskaya N. A. Thematization of the memory of "women at war" in modern deconstructions of the events of World War II. Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye = Man. Community. Management. 2016; 17 (2): 82–98. (In Russ.)

Ivanova Yu. N. The bravest of the beautiful. Women of Russia in wars. Moskva: ROSSPEN = Moscow: ROSSPEN. 2002; 272 p. ISBN 5-8243-0297-9. (In Russ.)

Krinko E. F., Sak K. V. "Houses of Tolerance" in the Rostov and Stalinist Regions during the German Occupation in 1942–1943. Ural'skiy istoricheskiy vestnik = Ural Historical Bulletin. 2023; 2(79): 106–115. DOI 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-106-115. (In Russ.)

Milovanova M. Yu. Civil initiatives of women's public associations: the main resources for achieving results. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian society. 2013; 3 (68): 98–106. (In Russ.)

Murmantseva V. S. Soviet women in the Great Patriotic War. 2nd ed., revised. and add. Moskva: Mysl = Moscow: Thought. 1974; 293 p. (In Russ.)

Nekrasov V. I. Women, to the tractors and combines! Moskva: Moskovskiy rabochiy = Moscow: Moscow worker. 1941; 18 p. (In Russ.)

Романишина В. Н. Женщины в социальных изменениях революционного и военного времени / В. Н. Романишина // Гендерные ресурсы социальных изменений. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. – С. 102–128. – EDN BBMRDU.

Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / Л. Л. Рыбаковский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Экон-Информ, 2010. – 139 с. – ISBN 978-5-9506-0520-8.

Сак К. В. Женская повседневность симферопольского подполья (по материалам Комиссии И.И. Минца) / К. В. Сак // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2024 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024а. – С. 371–380.

Сак К. В. Хрупкая девчонка и сказочный богатырь: образы участниц Сопротивления в советском пространстве памяти о Великой Отечественной Войне / К. В. Сак // Диалог со временем. – 2024б. – № 89. – С. 334–350. – EDN UGESXJ.

Сенявская Е. С. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии / Е. С. Сенявская, А. С. Сенявский, Л. В. Жукова. – Москва: Институт российской истории РАН; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 421 с. – ISBN 978-5-8055-0318-5.

Ситникова Е. Л. Женский вопрос в официальном дискурсе советского государства в период Великой Отечественной войны (на материалах газет «правда» и «Известия», 1941–1945 гг.) / Е. Л. Ситникова, Н. В. Чернышева, Е. А. Шинкаренко // Женщина в российском обществе. – 2024. – № 2. – С. 108–117. – DOI 10.21064/WinRS.2024.2.8. – EDN XCFHNE.

Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации : [монография] /

Nechaeva E. O. The image of a nurse in Soviet and post-Soviet cinema. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedeniye. = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism.* 2022; 3: 104-111. DOI 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111. (In Russ.)

Ovcharova O. G. Project Activities of Women's Public Organizations: Socio-Political Functionality. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian Society.* 2013; 3 (68): 93-97. (In Russ.)

Porshneva O. S. The Gender Factor of Political Mobilization in Russia during the First World War: Methodology and Historiography. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya = RSUH Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations.* 2022; 2: 21-31. DOI 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31. (In Russ.)

Romanishina V. N. Women in Social Change during Revolutionary and Wartime. Gender Resources of Social Change. *Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet = Moscow: Russian State University for the Humanities.* 2024: 102-128. (In Russ.)

Rybakovsky L. L. Human Losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War. 2nd ed., corrected and enlarged. *Moskva: Ekon-Inform = Moscow: Ekon-Inform.* 2010; 139 p. ISBN 978-5-9506-0520-8. (In Russ.)

Sak K. V. Everyday life of women in the Simferopol underground (based on the materials of the I. I. Mintz Commission). [ed. by Academician G. G. Matishov] *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly: materialy V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (g. Rostov-na-Donu, 30–31 maya 2024 g.) / Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of the South of Russia: events, participants, symbols: materials of the V All-Russian scientific conference with international participation (Rostov-on-Don,*

Ж. Т. Тощенко; ФНИСЦ РАН; РГГУ. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2025. – 844 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024.

Урланис Б. Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк) / Б. Ц. Урланис. – Москва: Мысль, 1968. – 269 с.

Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии / О. А. Хасбулатова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – 371 с. – ISBN 5-7807-0464-3.

Чуйков В. И. Начало пути / Маршал Советского Союза В. И. Чуйков. – Москва: Воениздат, 1959. – 360 с.

Шур Я. И. Женщины, на трудовой фронт! / Я. И. Шур. – Москва: Моск. рабочий, 1941. – 16 с.

Энгель Б. Женщины в России. 1700–2000 / Б. Энгель. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. – 422 с. – ISBN 978-5-907532-56-4.

Янцен И. Д. Женская фронтовая повседневность в годы Великой Отечественной войны как историографическая проблема / И. Д. Янцен // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 31–36. – DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-2-31-36. – EDN XCUIIP.

Cockburn K. Gender Relations as a Cause of Militarization and War / K. Cockburn // International Feminist Journal of Politics. – 2010. – No. 12. – P. 139–157. <https://doi.org/10.1080/14616741003665169>.

Erickson J. Soviet Women at War / J. Erickson // World War II and the Soviet People: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate 1990 / ed. Garrard J., Garrard C. – New York: St. Martin's Press, 1993. – P. 50–76.

Noakes L. Women in the British Army: War and the Weaker Sex / L. Noakes // 1907–1948. 2006.

Sak K. Women's Daily Life in the Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda / K. Sak // Quaestio Rossica. – 2024. – Vol. 12. – No 2. – P. 601–616. – DOI 10.15826/qr.2024.2.898.

Segal M. W. Gender and the Military / M. W. Segal // Handbook of the Sociology

May 30-31, 2024). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2024; 371-380. (In Russ.)

Sak K. V. Fragile girl and fairy-tale hero: images of female Resistance participants in the Soviet space of memory of the Great Patriotic War. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*. 2024; 89: 334-350. (In Russ.)

Senyavskaya E. S., Senyavsky A. S., Zhukova L. V. Man and Everyday Life at the Front in the Wars of Russia in the Twentieth Century: Essays on Military Anthropology. *Moskva: Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk; Sankt-Peterburg: Tsentrum gumanitarnykh initsiativ = Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives*. 2017; 421 p. ISBN 978-5-8055-0318-5. (In Russ.)

Sitnikova E. L., Chernysheva N. V., Shinkarenko E. A. The Women's Issue in the Official Discourse of the Soviet State during the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Pravda and Izvestia Newspapers, 1941-1945). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2024; 2: 108-117. DOI 10.21064/WinRS.2024.2.8. (In Russ.)

Toshchenko Zh. T. The Fate of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons of Implementation: Monograph. FNISSC RAS; RSUH. *Moskva: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskii tsentr Rossiyskoy akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences*. 2025; 844 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024. (In Russ.)

Uralnis B. Ts. History of One Generation (Socio-Demographic Essay). *Moskva: Mysl = Moscow: Thought*. 1968; 269 p. (In Russ.)

Khasbulatova O. A. Russian gender policy in the twentieth century: myths and realities. *Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet = Ivanovo: Ivanovo State University*. 2005; 371 p. ISBN 5-7807-0464-3. (In Russ.)

Chuikov V. I. The beginning of the path. *Moskva: Voenizdat = Moscow: Voenizdat*. 1959; 360 p. (In Russ.)

of Gender 563–581 (Springer US, 2006). doi:10.1007/0-387-36218-5_25.

Johnson M. Gender, War, and Peace / M. Johnson, M. Newcomb // *Journal of Humanistic Psychology*. – 1992. – No. 32. – P. 108–137. <https://doi.org/10.1177/0022167892324007>.

Kaplan J. Managing gender identity in Nazi Germany / J. Kaplan // *History Workshop Journal*. – 2011. – No. 72. – P. 171–180. <https://doi.org/10.1093/HWJ/DBR021>.

Shur Ya. I. Women, to the labor front! Moskva: *Moskovsky Rabochiy* = Moscow: *Moscow Worker*. 1941; 16 p. (In Russ.)

Engel B. Women in Russia. 1700–2000. Sankt-Peterburg: *Academic Studies Press, Bibliorossika* = St. Petersburg: *Academic Studies Press, Bibliorossika*. 2023; 422 p. ISBN 978-5-907532-56-4. (In Russ.)

Yantsen I. D. Women's Everyday Life at the Front During the Great Patriotic War as a Historiographic Problem. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* = *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2024; 30(2): 31-36. DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-2-31-36. (In Russ.)

Cockburn K. Gender Relations as a Cause of Militarization and War. *International Feminist Journal of Politics*. 2010; 12: 139-157. <https://doi.org/10.1080/14616741003665169>.

Erickson J. Soviet Women at War. World War II and the Soviet People: Selected Papers front the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate 1990 / ed. Garrard J., Garrard C. New York: *St. Martin's Press*. 1993: 50-76.

Noakes L. Women in the British Army: War and the Weaker Sex. 1907–1948. 2006.

Sak K. Women's Daily Life in the Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda. *Quaestio Rossica*. 2024; 12; 2: 601–616. DOI 10.15826/qr.2024.2.898

Segal M. W. Gender and the Military. Handbook of the Sociology of Gender 563–581 (Springer US, 2006). doi:10.1007/0-387-36218-5_25.

Johnson M., Newcomb M. Gender, War, and Peace. *Journal of Humanistic Psychology*. 1992; 32: 108–137. <https://doi.org/10.1177/0022167892324007>.

Kaplan J. Managing gender identity in Nazi Germany. *History Workshop Journal*. 2011; 72: 171-180. <https://doi.org/10.1093/HWJ/DBR021>.

Для цитирования: Милованова М. Ю. Побе-
дили вместе: советские женщины в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг. // Гума-
нитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5
(75). – С. 182–201.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.13

EDN DJHPZY

История статьи:

Поступила в редакцию – 15.05.2025

Одобрена после рецензирования –
04.07.2025

Принята к публикации – 05.09.2025

Сведения об авторе

Милованова Марина Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры политической социологии
и социальных технологий Российского
государственного гуманитарного
университета (РГГУ)

SPIN-код: 2379-8503

AuthorID: 383579

m_milovanova@mail.ru

Information about author

Marina Yu. Milovanova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Political Sociology and Social
Technologies, Russian State University
for the Humanities

WoS. ResearcherID: AEO-4299-2022

Scopus AuthorID: 57215696690

m_milovanova@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ КНР

MECHANISMS FOR ADAPTATION OF RUSSIAN STUDENTS IN CHINESE UNIVERSITIES

О. С. Мосиенко*

ORCID: 0000-0001-9043-1135

К. Е. Боталова*

Olga S. Mosienko*

Kristina E. Botalova*

** Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия*

** Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования заключается в выявлении ключевых механизмов адаптации российских студентов к образовательной и социокультурной среде университетов КНР, а также определении факторов, способствующих или препятствующих их успешной интеграции.

Objective of the study is to identify the key mechanisms of adaptation of Russian students to the educational and socio-cultural environment of Chinese universities, as well as to identify factors contributing to or hindering their successful integration.

Методологическая база исследования.

Адаптация иностранных студентов в принимающей стране является предметом исследований как зарубежных, так и российских социологов, социальных психологов, педагогов (Арефьев, 2009; Гурова, 2017; Козырева, 2004; Малахаева, 2017; Осянин, 2006, 2012; Пономарев, 2007; Харченко, 2018; Altbach, 2013; Brooks, Waters, 2011; Cemalcilar, Falbo, 2008; Russia and China University's students... 2021; Wagenaar, Tinto, 1988; Winkelman, 1994; и др.). Использование системного подхода в рамках исследования механизмов адаптации российских студентов в университетах КНР позволяет концептуализировать процесс адаптации как комплексное многоаспектное явление, интегрирующее следующие вза-

Methodological basis of the study. The adaptation of foreign students in a neighboring country is the subject of research by both foreign and Russian sociologists, social psychologists, and educators (Arefiev, 2009; Gurova, 2017; Kozyreva, 2004; Malakhaeva, 2017; Osyanin, 2006, 2012; Ponomarev, 2007; Kharchenko, 2018; Altbach, 2013; Brooks, Waters, 2011; Cemalcilar, Falbo, 2008; Russia and China University's students... 2021; Wagenaar, Tinto, 1988; Winkelman, 1994; etc.). Using a systematic approach in the framework of studying the mechanisms of adaptation of Russian students at universities in China allows us to conceptualize the adaptation process as a complex multidimensional phenomenon that integrates the following interrelated mechanisms: academic, socio-

имосвязанные механизмы: академические, социокультурные, социально-психологические, бытовые. Эмпирическая база исследования представлена социологическим исследованием, которое было проведено в 2024–2025 гг. методами полустандартизированного интервью (N = 20 студентов из России) и онлайн-анкетирования (N = 61 студент из России).

Результаты исследования. Социологическое исследование выявило, что адаптация российских студентов в китайских университетах представляет собой многоэтапный процесс, включающий академические, социокультурные, бытовые и социально-психологические механизмы, зависящие от индивидуальных особенностей, культурной дистанции и двустороннего взаимодействия с принимающей средой. Академическая адаптация требует высокой мотивации и самообучения при поддержке преподавателей, хотя гипотеза о вовлеченности в научную деятельность не подтвердилась. Социокультурная адаптация связана с преодолением языкового барьера и установлением социальных связей, при этом уровень языка не оказался ключевым фактором. Бытовая адаптация проходит успешно благодаря удовлетворительным условиям проживания, а социально-психологическая – через когнитивную переоценку трудностей и эмоциональную поддержку. Успешность адаптации определяется активным использованием личных стратегий и внешних ресурсов.

Перспективы исследования. Данное исследование механизмов адаптации российских студентов в университетах КНР открывает ряд перспектив для дальнейших научных и практических разработок: 1. Расширение выборки и сравнительный анализ (исследование может быть продолжено с привлечением большего числа респондентов из различных регионов России и Китая, что повысит репрезентативность результатов;

cultural, socio-psychological, and domestic. The empirical basis of the study is represented by a sociological study conducted in 2024–2025 using semi-standardized interviews (N = 20 students from Russia) and online questionnaires (N = 61 students from Russia).

Results of the study. The sociological study reveals that the adaptation of Russian students at Chinese universities is a multi-stage process that includes academic, socio-cultural, domestic, and socio-psychological mechanisms that depend on individual characteristics, cultural distance, and two-way interaction with the host environment. Academic adaptation requires high motivation and self-study with the support of teachers, although the hypothesis of involvement in scientific activities has not been confirmed. Socio-cultural adaptation is associated with overcoming the language barrier and establishing social ties, while the level of language did not turn out to be a key factor. Household adaptation is successful due to satisfactory living conditions, and socio-psychological adaptation is successful through cognitive reassessment of difficulties and emotional support. The success of adaptation is determined by the active use of personal strategies and external resources.

Prospects of the study. This study of the mechanisms of adaptation of Russian students at universities in China opens up a number of prospects for further scientific and practical developments.: 1. Sample expansion and comparative analysis (the study can be continued with the involvement of more respondents from different regions of Russia and China, which will increase the representativeness of the results; a comparative analysis of the adaptation

возможен сравнительный анализ адаптации студентов из других стран (СНГ, Европы, Африки) для выявления универсальных и специфических факторов адаптации в китайских вузах. 2. Углубленное изучение отдельных аспектов адаптации (анализ влияния цифровых технологий и социальных сетей на процесс адаптации; исследование роли тьюторских программ и межкультурных студенческих сообществ в снижении академического и эмоционального стресса). 3. Разработка методик и практических рекомендаций (создание специализированных тренингов и курсов для российских студентов, направленных на преодоление языковых и культурных барьеров; формирование рекомендаций для администраций университетов КНР по оптимизации поддержки иностранных учащихся). 4. Долгосрочные эффекты адаптации (изучение влияния успешной/неуспешной адаптации на дальнейшую профессиональную и академическую карьеру выпускников; анализ роли китайско-российских образовательных программ в укреплении двусторонних отношений). 5. Междисциплинарные исследования (интеграция психологических, социологических и педагогических подходов для комплексного понимания адаптационных процессов; исследование влияния государственной политики на академическую мобильность и адаптацию студентов).

Ключевые слова: адаптация, механизмы адаптации, академическая адаптация, социально-психологическая адаптация, социокультурная адаптация, бытовая адаптация, российские студенты, Китайская Народная Республика (КНР)

of students from other countries (CIS, Europe, Africa) is possible to identify universal and specific factors of adaptation in Chinese universities. 2. In-depth study of individual aspects of adaptation (analysis of the impact of digital technologies and social networks on the adaptation process; study of the role of tutor programs and intercultural student communities in reducing academic and emotional stress). 3. Development of methods and practical recommendations (creation of specialized trainings and courses for Russian students aimed at overcoming language and cultural barriers; formation of recommendations for university administrations of the People's Republic of China on optimizing support for foreign students). 4. Long-term effects of adaptation (study of the impact of successful/unsuccessful adaptation on the further professional and academic careers of graduates; analysis of the role of Chinese-Russian educational programs in strengthening bilateral relations). 5. Interdisciplinary research (integration of psychological, sociological and pedagogical approaches for a comprehensive understanding of adaptation processes; study of the impact of government policy on academic mobility and adaptation of students).

Keywords: adaptation, adaptation mechanisms, academic adaptation, socio-psychological adaptation, socio-cultural adaptation, household adaptation, Russian students, People's Republic of China (PRC)

Введение

Российская Федерация не первый год поддерживает с Китайской Народной Республикой (далее КНР) партнерские связи. Это обуславливается не только обоюдной политико-экономической поддержкой, но и гуманитарным сотрудничеством, которое ставится государствами в приоритет развития. Множество проектов направлено на развитие межстранового социально-культурного диалога.

Главным толчком в развитии партнерства стал «Протокол переговоров о межгосударственных китайско-российских отношениях и решения вопроса о преимуществах в отношениях между Китаем и Россией»¹ (в декабре 1991 года). Затем, в период с 1992 по 1999 год сотрудничество в области гуманитарного образования преобладало в северо-восточных приграничных районах. Такой рост числа взаимодействий привел к созданию в 2007 году Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в гуманитарной сфере, которая в свою очередь составила обновленный и более расширенный «План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере с 2012 по 2020 год»². Данный проект содержит в себе множество направлений, таких как сотрудничество в области образования (совместная подготовка специалистов по программам высшего и послевузовского профессионального образования; укрепление прямых связей между вузами, особенно в приграничных регионах; расширение молодежного обмена в области образования; совершенствование методики изучения и преподавания русского и китайского языков как иностранных; формирование общего банка ресурсов гуманитарного сотрудничества и обеспечение его информационной поддержки; развитие постоянного регионального сотрудничества образовательных учреждений), сотрудничество в области культуры (мероприятия и обмен в области культуры; сотрудничество между культурными учреждениями и индустрией культуры; региональное сотрудничество; создание и функционирование культурных центров; молодежный обмен в области культуры), а также сотрудничество в области здравоохранения, спорта, СМИ, кинематографии, архивного дела, молодежного сотрудничества.

Международная экономическая инициатива «Пояс и путь», объединяющая Китай и Европу, позволяет участвующим странам развивать проекты в логистике, торговле и транспорте. Экономическая поддержка и развитие отношений способствует благоприятному протеканию проектов в других областях, к примеру, таких как образование и культура. Нахождение партнеров и спонсоров играет важную роль в осуществлении гуманитарных проектов³.

В 2018 году в совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики было сказано, что Россия и Китай намерены углублять

¹ Перечень действующих российско-китайских межгосударственных и межправительственных договоров // МИД РФ. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1741569> (дата обращения: 06.07.2025).

² Меморандум о реализации плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере. Российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014828#6500IL> (дата обращения: 05.07.2025).

³ Башкиров С. Что такое инициатива «Пояс и путь», зачем она Китаю и полезна ли России // РБК Тренды. 29.08.2022. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6308bea09a7947ff4889b9b6> (дата обращения: 08.07.2025).

сотрудничество в различных сферах, включая торговлю, инвестиции, финансы, энергетику, образование, культуру и туризм¹.

Говоря о последних актуальных проектах, стоит упомянуть Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.01.2024 № 3-рп: «В 2024–2025 годах провести Годы культуры России-Китая для развития российско-китайских отношений и расширения связей в области культуры»², а также часть 14-го пятилетнего плана Китая (2021–2025) о продвижении интернационализации образования³.

По данным Министерства образования и науки, «к 2020 году России и Китаю удалось достичь суммарного показателя двустороннего образовательного обмена обучающимися в 100 тысяч человек. В 2012 году общее количество российских студентов в Китае составляло около 15 тысяч человек, китайских студентов в России – более 25 тысяч человек. К концу 2019 года количество российских студентов в Китае увеличилось на 36 % и составило более 20 тысяч человек. Количество китайских студентов в России увеличилось почти в два раза и выросло до 48 тысяч человек. Также более 35 тысяч человек прошли обучение в летних и зимних школах, приняли участие в краткосрочных образовательных программах»⁴.

На официальном сайте Коммунистической партии Китая от 26 ноября 2020 года было опубликовано объявление, в котором говорилось, что ежегодный двусторонний образовательный обмен с зарубежными странами насчитывает более 104 000 человек, и было создано 12 университетских альянсов, включающих строительство 636 школ, совместных лабораторий и исследовательских центров⁵.

С 2023 года российско-китайское образовательное сотрудничество постепенно преодолевает последствия пандемии COVID-19 и демонстрирует хорошую тенденцию к быстрому восстановлению. После снятия Китаем ко-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 8 июня 2018 года. // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 05.07.2025).

² Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.01.2024 г. № 3-рп «О проведении Годов культуры России – Китая» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50216> (дата обращения: 07.07.2025).

³ Issue Brief – China's 14th Five-Year Plan. July 23, 2021 // United Nations Development Program. – URL: <https://www.undp.org/china/publications/issue-brief-chinas-14th-five-year-plan> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴ Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 25.11.2020. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/26080> (дата обращения: 05.07.2025).

⁵ 郝萍、任一林. 中俄人文合作委员会第二十一次会议召开 // 人民日报. 2020年11月26日 04版. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/1126/c64094-31944975.html> (дата обращения: 10.07.2025)

видных ограничений студенты снова смогли поступить и вернуться в свои университеты. Таким образом на декабрь 2023 года, по заявлению вице-президента Дмитрия Чернышенко, «у нас порядка 12 тысяч наших ребят обучаются в Китае, эта цифра растет, и китайских студентов около 27 тысяч обучаются в нашей стране»¹.

Обозначенные политико-экономические предпосылки обуславливают необходимость научного анализа ключевых элементов образовательной системы, в частности, российских студентов, получающих высшее образование в КНР. Данная категория обучающихся представляет собой значимый ресурс для формирования будущих высококвалифицированных специалистов, обладающих уникальным компетентностным профилем, сочетающим профессиональные знания и межкультурный опыт. Такой потенциал способствует усилению международных связей и развитию глобального сотрудничества в различных областях.

Обучение в китайских университетах предполагает не только освоение академических дисциплин, но и глубокое погружение в социокультурные и экономические реалии Китая. Однако интеграция в новую образовательную среду сопряжена с рядом трудностей, включая языковые барьеры, различия в образовательных парадигмах и педагогических подходах, а также необходимостью аккультурации в условиях иной нормативно-ценностной системы. Дополнительные сложности возникают на бытовом уровне, что в совокупности затрудняет процесс адаптации.

Эффективная адаптация возможна при условии взаимодействия внутренних (личностных) и внешних (институциональных) адаптационных механизмов, способствующих выработке стратегий преодоления когнитивных, коммуникативных и социокультурных трудностей. Учитывая комплексность данного процесса, исследование современных механизмов адаптации российских студентов в КНР приобретает особую значимость как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Методология и методы

Адаптация иностранных студентов была предметом исследований как зарубежных, так и отечественных социологов, социальных психологов, педагогов. Работы В. Тинто (Wagenaar, Tinto, 1988) затрагивают вопросы социальной интеграции и адаптации иностранных студентов, исследуя, как академические и социальные факторы влияют на их опыт адаптации в новых образовательных системах. Ф. Альбах (Altbach, 2013), один из ведущих социологов, специализирующихся на международном высшем образовании в своей работе, рассуждает о важности влияния глобализации и роли ино-

¹ В Китае учатся около 12 тысяч российских студентов, сообщил Чернышенко // РИА Новости. – 28.12.2023. – URL: <https://ria.ru/20231228/kitay-1918637307.html> (дата обращения: 09.07.2025).

странных студентов в сфере образования, анализируя их опыт адаптации и социальную интеграцию в разных культурных контекстах. Профессор школы эволюции человека и социальных изменений университета штата Аризона М. Дж. Винкельман (Winkelman, 1994) анализирует феномен культурного шока, механизмы его преодоления и адаптацию иностранных студентов. Т. Фальбо и З. Джемальджиляр (Cemalcilar, Falbo, 2008) провели лонгитюдное исследование иностранных студентов, посещающих Техасский университет, с целью изучения влияния межкультурного перехода на их психологическое благополучие, социальную и академическую адаптацию. Р. Брукс и Й. Уотерс (Brooks, Waters, 2011) воспользовались методом глубинного интервью и разбора кейсов для анализа опыта студентов-мигрантов из стран Азии, Европы и Северной Америки.

Проблематика, рассматриваемая в данном исследовании, находится в поле научного интереса ряда российских ученых. В частности, комплекс вопросов, связанных с адаптацией студентов из России в Китае, исследовался А. Л. Арефьевым – заместителем директора Центра социологических исследований Минобрнауки РФ. Его работы представляют значительный вклад в изучение данной темы (Арефьев, 2009). Результаты его опроса детально описали процесс адаптации российской студенческой молодежи в Китае в период 2008–2009 годов. Б. В. Харченко занимался вопросом мотивации и адаптации российских студентов на примере Пекинского университета и выявил феномен незначительной учебной нагрузки, слабый контроль и низкие требования к студентам-иностранцам (Харченко, 2018).

Проблема адаптации российских студентов в образовательной среде Китая получила детальное освещение в исследованиях В. О. Пономарева и А. Е. Зубарева, которые комплексно проанализировали ключевые аспекты данного процесса. Ими были выявлены такие сложности адаптации, как языковой барьер, психологический дискомфорт и бытовое неустройство (Пономарев, 2007). В своей работе А. В. Гурова дает характеристику трем уровням адаптации: физиологической, психологической и социальной (Гурова, 2017). С. К. Малахаева, М. Ю. Уварова, Е. А. Кедярова выявили следующие ценностные ориентации российских студентов, обучающихся в китайских вузах: достижение, самостоятельность, конформность, доброта, безопасность, благополучие (Малахаева и др., 2017). Ценности российских и китайских студентов сравнили Г. В. Астратова, В. В. Климчук: «Если российские студенты руководствуются эгоцентризмом и материализмом, то китайские студенты полицентричны, социальны и направлены на внутрисемейное взаимодействие» (Russia and China University's students... 2021).

Активная разработка указанной проблематики привела к формированию множества концептуальных подходов к определению феномена адаптации. В работе А. Н. Осянина (Осянин, 2006) была предложена систематизация

существующих дефиниций, основанная на двух критериальных основаниях: содержательном и процессуальном. Содержательный подход объединяет трактовки адаптации как достижения системы равновесия, процесса интериоризации ценностей, механизма согласования взаимных социальных ожиданий. При этом следует отметить, что заимствованные из социальной психологии категории «приспособление» и «удовлетворение потребностей» сохраняют свою эвристическую ценность преимущественно в контексте анализа процессов усвоения нормативных образцов социального взаимодействия.

Процессуальный подход интерпретирует адаптацию как комплекс реактивных механизмов, обеспечивающих сохранение системной стабильности в условиях изменяющейся среды. Однако методологическая сложность данного подхода заключается в трудности операционализации многофакторных детерминант адаптационного процесса.

Использование системного подхода в рамках настоящего исследования позволяет концептуализировать процесс адаптации как комплексное многоаспектное явление, интегрирующее следующие взаимосвязанные компоненты: академический, социокультурный, социально-психологический и бытовой. Системный анализ указанных элементов и их взаимодействия обеспечивает целостное понимание механизмов адаптации студентов в новой образовательной среде, а также способствует выявлению ключевых детерминант, обуславливающих эффективность данного процесса.

В результате проведенного анализа литературных источников предлагается интерпретация адаптации иностранных студентов как двустороннего активного процесса взаимодействия между иностранным студентом и новой социокультурной и академической средой, сопровождающегося взаимной трансформацией. В рамках данного процесса учебный мигрант усваивает новые культурные нормы, образовательные стандарты и повседневные поведенческие паттерны при сохранении исходной культурной идентичности, тогда как принимающая среда подвергается частичной модификации под влиянием иностранных студентов посредством интернационализации образовательных программ и внедрения специализированных адаптационных механизмов.

Систематизация процесса адаптации позволяет выделить следующие его формы:

1. Академическая адаптация – процесс интеграции в новую образовательную систему, включающий усвоение академических требований, формирование устойчивой учебной мотивации, инкорпорацию в университетское социокультурное пространство и развитие релевантных личностных компетенций, направленный на обеспечение успешной образовательной деятельности.

2. Социально-психологическая адаптация – это динамичный процесс и результат взаимодействия индивида с социальной средой, предполагающий усвоение социальных норм, приспособление к установленным регулятивным

стандартам, гармонизацию внутренних целей и ценностей, реализацию потенциала личности и поддержание эмоционального благополучия.

3. Социокультурная адаптация – многогранный процесс активного включения индивида в инокультурную среду, включающий преодоление коммуникативных и когнитивных барьеров, социальную активность в университетском сообществе, а также усвоение культурных паттернов, ценностных систем и мировоззренческих конструкторов.

4. Бытовая адаптация – процесс приспособления к повседневным условиям принимающего общества, подразумевающий освоение локальных традиций и практик питания, режима дня, транспортной инфраструктуры, системы здравоохранения и иных аспектов повседневности, обеспечивающих функциональную адаптированность в новой среде.

Данная классификация отражает комплексный характер адаптационных механизмов, детерминированных как индивидуально-личностными, так и институциональными факторами.

Несмотря на существование множества теоретических подходов к исследованию адаптации, проблема структурирования ее механизмов остается предметом научной дискуссии. Значительный вклад в разработку данной проблематики вносит исследование П. М. Козыревой (Козырева, 2004). Автор определяет механизмы адаптации как совокупность внутренне присущих адаптации взаимосвязанных, взаимообусловленных состояний и процессов, и прежде всего социализации, посредством которой осуществляется усвоение норм и ценностей общества и данной социальной среды, и проявлений активности субъектов, направленной на изменение своего положения и преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. Данное определение легло в основу нашего исследования, и в его рамках мы предлагаем интерпретацию механизмов адаптации российских студентов в КНР как совокупность взаимосвязанных, взаимообусловленных социальных, культурных, психологических и академических состояний и процессов, в которых студент проявляет активность, направленную на изменение своего положения и преобразования среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности, и при которой осуществляется усвоение норм и ценностей китайского общества и данной социальной среды. При этом процесс адаптации не сводится к одностороннему приспособлению, а включает взаимную трансформацию как самих студентов, так и принимающего окружения. Таким образом, понятие «механизмы адаптации» подразумевает не пассивное приспособление, а активный процесс выстраивания стратегий для гармонизации отношений с новой средой с использованием возможностей, которые она предоставляет.

Можно выделить два вектора в процессе формирования механизмов адаптации иностранных студентов: внутренний и внешний. Внутренние ме-

ханизмы подразумевают деятельность студента, направленную на развитие и совершенствование себя, и включают изменение убеждений и поведения, развитие новых навыков и стратегий преодоления трудностей, самореализацию, развитие потенциала и индивидуальную рефлексию, и поиск смысла в образовании. Внешние – использование ресурсов извне, т. е. университета, общества и включают в себя поддержку со стороны университета (кураторы, языковые курсы, тьюторы), участие в студенческих сообществах и землячествах, использование социальных сетей для поддержания связей и построение коммуникации с местными студентами и жителями.

Так, в 2024–2025 гг. авторами было проведено разведывательное социологическое исследование, в ходе которого методом полустандартизированного интервью было опрошено 20 студентов из России (10 женщин и 10 мужчин, 40 % – студенты программ бакалавриата, 60 % – студенты языковых курсов), обучающихся в университетах городов Аньшань, Шэньян и Чанша. Серия интервью была проведена в смешанном формате (онлайн и офлайн) с 31 мая по 25 июня 2024 года.

Вторым этапом исследования стало анкетирование, которое проводилось на онлайн-платформе Yandex.Forms с 25 апреля 2025 по 23 мая 2025 года. В опросе приняли участие 61 респондент (женщин – 40, мужчин – 21, 44,3 % – студенты программ бакалавриата, 44,35 % – студенты учебных модулей и языковых курсов, 11,4 % – студенты программ магистратуры).

Результаты исследования

В результате анализа практик адаптации российских студентов в университетах КНР на первом этапе исследования было установлено, что основным затруднением является языковой барьер. Данный вывод закономерен, поскольку язык выступает фундаментальным элементом социальной структуры, играя ключевую роль в формировании коммуникативных практик и культурных норм. Уровень языковой компетенции представляет собой критически важный фактор успешной социокультурной адаптации иностранных обучающихся. Языковой барьер является детерминирующим фактором возникновения широкого спектра трудностей, с которыми сталкиваются российские студенты. Современные технологические решения существенно упрощают процесс преодоления данного барьера. Как показали результаты проведенных интервью, эффективная адаптация обусловлена не только интенсивным изучением языка, но и установлением социальных контактов с китайскими студентами и местными жителями, что способствует интеграции в принимающее сообщество.

Отдельного внимания заслуживает специфика образовательного процесса в КНР, характеризующаяся доминированием лекционных форматов при относительно низкой доле интерактивных и практико-ориентированных занятий. Данная особенность актуализирует необходимость развития у студен-

тов навыков автономного обучения и саморазвития. Использование интернет-ресурсов, программ для изучения языка и других образовательных технологий стало ключевым фактором в успешном освоении учебного материала.

Следующий вывод свидетельствует о значимости вовлеченности в студенческую активность для успешной социокультурной адаптации. Как показало исследование, обучающиеся, регулярно взаимодействующие с китайскими сверстниками и принимающие участие в университетских мероприятиях, демонстрируют более высокую скорость формирования социальных связей и интеграции в локальные сообщества. При этом важным позитивным фактором адаптации выступает доброжелательность и содействие со стороны принимающего общества.

Преодоление культурного шока возможно не только за счет интенсивной коммуникации с носителями культуры, но и посредством автономного изучения культурных особенностей.

Также подтверждается гипотеза о том, что различия в методике преподавания в китайской образовательной системе обуславливают необходимость дополнительных когнитивных усилий со стороны российских студентов. Информанты отмечают, что для успешного освоения учебного материала им приходится прибегать к стратегиям самостоятельного обучения, а также использовать цифровые инструменты языковой поддержки.

Таким образом, материалы интервью подтверждают влияние социальной активности, культурной осведомленности и образовательных стратегий на процесс адаптации российских студентов в Китае. Проведенный анализ интервью позволил выявить ключевые механизмы адаптации российских студентов в китайских вузах. С целью проверки репрезентативности полученных данных и установления их статистической значимости исследовательская методология была дополнена анкетированием как инструментом количественного исследования.

Первый раздел анкеты был посвящен исследованию аспектов академической адаптации студентов. Участие в научно-исследовательской деятельности представляет собой значимый компонент учебного процесса в высших учебных заведениях и может рассматриваться как один из ключевых показателей успешности адаптации российских студентов в китайских университетах. Результаты исследования свидетельствуют о низкой степени вовлеченности респондентов в научную деятельность как механизм академической адаптации и профессионального развития. Согласно полученным данным, лишь 9,8 % опрошенных регулярно презентуют результаты своих исследований на научных мероприятиях. Доля студентов, периодически участвующих в подобной активности, составила 32,8 %, в то время как большинство респондентов (57,4 %) демонстрируют минимальную вовлеченность либо полное отсутствие участия в научных мероприятиях.

Анализ данных, касающихся публикационной активности студентов, выявил еще более низкий уровень вовлеченности по сравнению с их участием в научных мероприятиях. Согласно результатам исследования, лишь 8,2 % респондентов систематически занимаются написанием и публикацией научных работ. Значительная часть опрошенных (24,6 %) демонстрирует эпизодическую публикационную активность, ограничиваясь выполнением обязательных учебных заданий. При этом подавляющее большинство студентов (67,2 %) либо крайне редко пишут научные статьи, либо полностью избегают данной формы академической деятельности.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что письменные формы научной коммуникации (статьи, тезисы, доклады) используются студентами в еще меньшей степени, чем устные выступления, что может свидетельствовать о наличии дополнительных барьеров в процессе академической адаптации, связанных с навыками научного письма или мотивационными факторами.

В рамках исследования степени использования ресурсов, предоставляемых университетом, респондентам было предложено оценить частоту обращения к каждому из них по 5-балльной шкале, где 1 соответствует максимальной частоте использования («очень часто»), а 5 – полному отсутствию использования («никогда»).

Методом ранжирования по убыванию уровня востребованности были получены следующие данные:

1. Ярмарка вакансий продемонстрировала наибольшую популярность: 68,9 % респондентов отметили активное использование (положительные оценки), 6,6 % – нейтральное отношение и 24,6 % – низкую вовлеченность (отрицательные оценки).

2. Учебные центры и лаборатории заняли вторую позицию: 50,8 % положительных оценок, 14,8 % нейтральных и 34,5 % отрицательных.

3. Библиотеки оказались на третьем месте: 44,3 % студентов указали на их регулярное использование, 23 % проявили нейтральное отношение, а 32,8 % сообщили об отсутствии активного взаимодействия.

4. Онлайн-ресурсы университета получили 34,5 % положительных оценок, 16,4 % нейтральных и 49,2 % отрицательных, что соответствует четвертой позиции в рейтинге.

5. Спортивные площадки и комплексы оказались наименее востребованными: лишь 29,5 % респондентов отметили их использование, 6 % выразили нейтральную позицию, а 63,9 % указали на отсутствие активности в данном направлении.

Результаты исследования позволяют констатировать значимую дифференциацию в степени использования университетских ресурсов. Наибольшая вовлеченность наблюдается в отношении ярмарок вакансий и учебных

центров, что коррелирует с приоритетностью образовательных и карьерных траекторий среди студентов. В то же время спортивная инфраструктура демонстрирует минимальные показатели вовлеченности, что контрастирует с распространенным представлением о спорте как факторе межстуденческой коммуникации. Это может указывать на слабую интеграцию данного ресурса в практики социального взаимодействия российских студентов.

Было выявлено, что механизм «Клубы и секции по интересам» задействован лишь у 44,3 % респондентов, при этом наблюдается гендерная диспропорция с преобладанием женской аудитории (66,7 %). Среди пользователей данного ресурса распределение по частоте посещения практически равномерное: 51,9 % посещают клубы нерегулярно против 48,1 % постоянных участников. Особый интерес представляет языковая компетенция участников: подавляющее большинство (81,5 %) демонстрируют уровень владения языком от среднего и выше, тогда как 18,5 % обладают элементарным уровнем. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что выражена гендерная асимметрия участия и что уровень языковой подготовки выступает значимым фактором, детерминирующим включенность в коммуникативные практики.

Проведенный анализ коммуникативных практик студентов с преподавательским составом выявил следующие закономерности:

1. Основной вектор взаимодействия носит академический характер – 58,5 % респондентов систематически обращаются к преподавателям за учебной помощью, что соответствует ожидаемой роли педагогов в образовательном процессе.

2. Значительная доля опрошенных (25,6 %) устанавливает с преподавателями контакт внеучебного характера, что свидетельствует о расширении традиционных педагогических функций и включении элементов тьюторской поддержки в профессиональную деятельность преподавателей.

3. Миноритарная группа респондентов (15,9 %) демонстрирует отсутствие потребности в коммуникации с преподавателями, что может быть интерпретировано как: показатель автономности обучающихся; следствие недостаточно сформированных навыков академического общения; индикатор определенных барьеров в преподавательско-студенческом взаимодействии.

Полученные данные убедительно подтверждают значимую роль преподавательского состава в формировании благоприятной адаптационной среды для иностранных студентов. Преподаватели выступают не только как трансляторы академических знаний, но и как важные агенты социальной поддержки, способствующие успешной интеграции иностранных учащихся в университетское сообщество.

Распределение частоты контактов российских студентов с китайскими одногруппниками (коммуникативные модели в межнациональных учебных группах формируются независимо от языкового фактора) демонстрирует:

- высокую интенсивность взаимодействия у 40,6 % респондентов (из них 12,5 % – постоянное сотрудничество (регулярное совместное выполнение заданий) и 28,1 % – систематическое участие в групповых работах);
- умеренную частоту контактов у 25,0 % (эпизодическое взаимодействие при решении учебных задач);
- ограниченное взаимодействие у 34,4 % (из них 28,1 % – ситуативные контакты по необходимости и 6,3 % – полное отсутствие совместной учебной деятельности).

Исследование выявило, что 51,1 % респондентов являются получателями стипендии. Среди них 66,7 % оценивают свое финансовое положение как «полностью стабильное» (достаток средств на все необходимые расходы), 33,3 % – как «в основном стабильное» (периодическая необходимость в экономии или займах). Корреляционный анализ демонстрирует, что уровень тревожности обратно пропорционален степени финансовой стабильности (табл. 1). Наличие стипендии косвенно влияет на академическую успешность, минимизируя отвлекающие факторы, связанные с экономическими трудностями.

Таблица 1

Соотношение ответов респондентов на вопросы «Как Вы оцениваете свою текущую финансовую стабильность?» и «Как часто Вы беспокоитесь о своем финансовом положении?», %¹

<i>Варианты ответа</i>	<i>Практически не беспокоюсь, чувствую себя уверенно</i>	<i>Иногда беспокоюсь, но стараюсь контролировать ситуацию</i>	<i>Часто или постоянно беспокоюсь, чувствую себя очень тревожно</i>
Полностью стабилен, хватает денег на все необходимое	50,8	13,1	0
В основном стабилен, но иногда приходится экономить или занимать деньги	1,6	24,6	6,6
Нестабилен, постоянно испытываю финансовые трудности, не хватает средств	0	11,5	1,6

Результаты исследования использования платежных инструментов (Alipay, WePay) российскими студентами демонстрируют следующую картину:

¹ Источник: составлено авторами.

– 82 % опрошенных активно используют одновременно две платежные системы (Alipay и WePay). Данная практика свидетельствует о высокой степени адаптации к цифровым финансовым сервисам и оптимизации потребительского поведения.

– 14,8 % респондентов применяют платежные системы эпизодически. Это может указывать на частичную адаптацию к финансовым технологиям.

– группа с низкой адаптацией – 3,3 % демонстрируют минимальное использование платежных систем. Данный показатель отражает наличие барьеров в освоении цифровых инструментов и/или потенциальные сложности финансовой социализации.

Стоит отметить, что в Китае процесс покупки упрощен до простого наведения камеры смартфона на QR-код. По этой причине банковская карта необходима для осуществления обмена валюты. Это объясняет, почему респонденты используют карту не постоянно (49,2 %) и регулярно (27,9 %). Еще 23 % не используют или не оформляют карту, поскольку нашли альтернативный вариант обмена китайской валюты. В ходе наблюдения было выявлено, что студенты на доверительных отношениях обменивают деньги у китайских студентов, обучающихся в России, что позволяет им открыть банковский счет и производить взаимовыгодный обмен.

В рамках анкетного опроса был задан вопрос: «Опишите Ваш круг друзей», предлагающий множественный выбор вариантов ответов. Большинство российских студентов (66,2 %) предпочитают общение с русскоговорящими сверстниками в период проживания в Китае. Данный факт свидетельствует о недостаточной степени интеграции в языковую среду принимающей страны. Возник вопрос о возможной корреляции между составом социального круга и уровнем владения китайским языком. Анализ полученных данных выявил следующую закономерность: студенты с начальным уровнем языковой подготовки (HSK 0–1) указали на исключительно русскоговорящее окружение; у респондентов со средним (HSK 2–3) и продвинутым (HSK 4–5) уровнями владения языком в социальных связях присутствуют как китайские студенты, так и иностранцы. Таким образом, наблюдается зависимость между уровнем языковой компетенции и степенью включенности в межкультурную коммуникацию.

Согласно полученным данным, 67,2 % респондентов поддерживают социальные связи с китайскими сверстниками, из них 23,9 % общаются регулярно, а 45,7 % – эпизодически, 30,4 % – практически или вовсе не общаются с китайскими студентами. Для проверки гипотезы о влиянии языковой компетенции на частоту межкультурного взаимодействия был проведен корреляционный анализ, который не выявил статистически значимой зависимости между уровнем владения китайским языком (HSK) и интенсивностью общения с носителями языка.

Результаты ответов на вопрос «Как Вы проводите свободное время в компании китайских друзей?» показали, что 67,5 % опрошенных выражают позитивное отношение к совместному времяпрепровождению, демонстрируя высокую вовлеченность и мотивацию к подобным социальным практикам. Вместе с тем 23,4 % респондентов испытывают дискомфорт и участвуют в таких взаимодействиях нерегулярно, а 19,1 % практически избегают коммуникации, что свидетельствует о низком уровне межкультурной адаптации. Нами была выявлена прямая корреляция между желанием проводить время в китайской среде и фактической частотой внеучебного общения. Уровень межкультурной адаптации напрямую влияет на интенсивность социальных связей с принимающим сообществом.

70,5 % респондентов поддерживают социальные контакты с местными жителями. Особый интерес представляет анализ группы, не вовлеченной в подобные взаимодействия (29,5 %). Примечательно, что в данной подгруппе преобладают респонденты с достаточным уровнем языковой компетенции: начальный уровень (HSK 1–2) – 16,7 %, средний уровень (HSK 3–4) – 66,6 %, продвинутый уровень (HSK 5–6) – 16,7%. Такое распределение позволяет исключить языковой барьер как основной фактор ограничения коммуникации. Корреляционный анализ с ответами на вопрос о культурной адаптации выявил следующие закономерности: 0 % респондентов указали на выраженный дискомфорт в межкультурном взаимодействии; 55,6 % отметили эпизодические трудности в понимании культурных норм. Полученные результаты позволяют предположить, что отсутствие коммуникации с местными жителями у значительной части респондентов представляет собой осознанный выбор, а не следствие языковых или адаптационных трудностей.

В рамках исследования была проанализирована взаимосвязь между частотой межкультурной коммуникации и участием в локальных культурных мероприятиях. Результаты демонстрируют выраженную корреляцию: респонденты, поддерживающие регулярные контакты с местным населением, проявляют значительно более высокую вовлеченность в университетские и городские праздничные мероприятия. Данная закономерность подтверждает гипотезу о том, что активное участие в культурных практиках выполняет двойную функцию: служит эффективным механизмом социальной интеграции и создает естественную среду для межкультурной коммуникации.

Дальнейший анализ выявил положительную взаимозависимость между степенью интереса к китайской национальной культуре, частотой посещения культурных мероприятий и интенсивностью языковой практики.

В ходе исследования был проведен анализ адаптации студентов в бытовой сфере, включая эмоциональное благополучие, физическое здоровье и удовлетворенность условиями проживания. Результаты демонстрируют следующую картину:

1. Академическая удовлетворенность:

– 60,7 % респондентов выразили условную удовлетворенность учебным процессом («В основном удовлетворен, но есть аспекты для улучшения»).

– 34,4 % отметили полную удовлетворенность.

– Лишь 4,9 % оказались неудовлетворенными.

2. Психологическое состояние:

– Уровень выраженного стресса минимален (13,1 %).

– Более половины опрошенных (54,1 %) отмечают эпизодический стресс, не нарушающий общего благополучия

3. Физическое здоровье и экологический фактор:

– 39,3 % не отметили изменений в состоянии здоровья.

– 36,1 % констатировали улучшение здоровья.

– 24,6 % указали на ухудшение (учащение заболеваний).

4. Бытовая адаптация:

– Питание: 60,7 % условно удовлетворены местной кухней, 24,6 % полностью удовлетворены, 14,8 % не удовлетворены.

– Жилищные условия: 54,1 % отмечают приемлемые условия с незначительными недостатками, 41 % полностью удовлетворены, лишь 4,9 % не удовлетворены.

– Безопасность: 98,4 % респондентов чувствуют себя в полной безопасности в кампусе. Исключительно высокие показатели безопасности создают благоприятные условия для успешной социально-культурной адаптации.

Заключение

В ходе настоящего исследования с помощью качественных и количественных методов сбора данных были систематизированы механизмы академической, социально-психологической, социокультурной, бытовой адаптации российских студентов, обучающихся в университетах КНР.

Каждый тип механизмов носит индивидуально-личностную окраску, имеет этапный характер (от первоначального шока до полной интеграции), зависит от культурной дистанции между странами и, конечно же, предполагает двусторонний процесс (изменение как студента, так и принимающей среды). Результатом работы этих механизмов является достижение студентом успешности в академической успеваемости, психологического комфорта, социальной интегрированности и культурной компетентности.

Академическая адаптация требует вовлеченности студентов и вузов. Ключевым фактором является самообучение, компенсирующее пробелы, что требует высокой мотивации. Поддержка преподавателей и кураторов облегчает процесс. Анкетирование показало, что студенты часто обращаются за помощью, но редко участвуют в научной деятельности, что опровергает гипотезу об их вовлеченности в науку для адаптации. Коммуникация между российскими и китайскими студентами находится на среднем уровне. Под-

тверждена гипотеза об использовании ярмарок вакансий для карьерного планирования.

Социокультурная адаптация требует преодоления языкового барьера через практику и общение с носителями. Социальные связи (с соотечественниками и местными) способствуют интеграции. Хотя 67,2 % опрошенных имеют китайских друзей, активность общения средняя. Гипотеза о ключевой роли языкового уровня не подтвердилась.

Бытовая адаптация включает привыкание к кухне, климату и жилищным условиям. Кампусы оцениваются удовлетворительно, климат не критичен. Социальные связи ускоряют адаптацию.

Социально-психологическая адаптация зависит от когнитивной переоценки трудностей. Самодисциплина и поддержка близких снижают стресс. Большинство студентов удовлетворены своим эмоциональным состоянием.

Таким образом, успешная адаптация российских студентов к новой среде обучения и проживания в Китае представляет собой сложный и многоаспектный процесс, требующий активного и самостоятельного использования разнообразных механизмов и стратегий, а также поддержки и предоставления ресурсов извне.

Список источников

Арефьев А. Л. Российские студенты в китайских вузах / А. Л. Арефьев // Высшее образование в России. – 2009. – № 5. – С. 118–126. – EDN KHMSYX.

Гурова А. В. Проблема адаптации российских студентов в Китае / А. В. Гурова // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции, Москва, 06–07 апреля 2017 года / Российский университет дружбы народов. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 194–198. – EDN YNYRAB.

Козырева П. М. Процессы социальной адаптации россиян в трансформирующемся обществе: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук – Москва, 2004. – 380 с. – EDN NNETXH.

Малахаева С. К. Исследование ценностных ориентаций российских студентов,

References

Arefyev A. L. Russian Students in Chinese Universities. *Vysseye obrazovaniye v Rossii* = *Higher Education in Russia*. 2009; 5: 118-126. (In Russ.)

Gurova A. V. The Problem of Adaptation of Russian Students in China. *Aktual'nyye problemy psikhologii i pedagogiki v sovremennom mire: sbornik trudov uchastnikov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 06-07 aprelya 2017 goda. Rossiyskiy universitet druzhby narodov. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov (RUDN) = Actual Problems of Psychology and Pedagogy in the Modern World: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 6-7, 2017. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)*. 2017: 194-198. (In Russ.)

Kozyreva P. M. Processes of social adaptation of Russians in a transforming society: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. *Moskva = Moscow*. 2004; 380 p. (In Russ.)

обучающихся в Китае / С. К. Малахаева, М. Ю. Уварова, Е. А. Кедярова // *Baikal Research Journal*. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 8. – DOI 10.17150/2411-6262.2017.8(4).8. – EDN UYDNIW.

Осянин А. Н. Анализ содержания процессов адаптации и социализации личности (теоретический аспект) / А. Н. Осянин // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. – 2006. – № 1 (5). – С. 335–341. – EDN IWQUZN.

Осянин А. Н. Анализ теоретических подходов к изучению адаптации студенческой молодежи / А. Н. Осянин // *Вестник Российского университета кооперации*. – 2012. – № 3 (9). – С. 133–137. – EDN PXZLIR.

Пономарев В. О. Проблемы социокультурной адаптации российских студентов на образовательном пространстве Китая / В. О. Пономарев, А. Е. Зубарев // *Ученые заметки ТОГУ*. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 31–34. – EDN ZQNSFH.

Харченко Б. В. Проблемы адаптации российских студентов в китайских университетах / Б. В. Харченко // *Молодой ученый*. – 2018. – № 24 (210). – С. 266–269. – EDN XQYZFR.

Altbach P. G. The International Imperative in Higher Education / P. G. Altbach. – SensePublishers Rotterdam, 2013. – 198 p. – DOI 10.1007/978-94-6209-338-6.

Brooks R. Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education / R. Brooks, J. Waters. – Springer, 2011. – 196 p.

Cemalcilar Z. A Longitudinal Study of the Adaptation of International Students in the United States / Z. Cemalcilar, T. Falbo // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2008. – № 39. – С. 799. – DOI 10.1177/0022022108323787

Russia and China University's students values in the context of mass open online courses / G. V. Astratova, V. V. Klimuk, N. V. Sandalova, M. R. Chashchin // *Вестник евразийской науки*. – 2021. – Vol. 13. – No. 2. – EDN KLIASB.

Malakhayeva S. K., Uvarova M. Yu., Kedyarova E. A. Study of value orientations of Russian students studying in China. *Baikal Research Journal*. 2017; 8 (4): 8. DOI 10.17150/2411-6262.2017.8(4).8. (In Russ.)

Osyenin A. N. Analysis of the content of the processes of adaptation and socialization of the individual (theoretical aspect). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* = *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2006; 1 (5): 335-341. (In Russ.)

Osyenin A. N. Analysis of Theoretical Approaches to the Study of Adaptation of Student Youth. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii* = *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2012; 3 (9): 133-137. (In Russ.)

Ponomarev V. O., Zubarev A. E. Problems of Sociocultural Adaptation of Russian Students in the Educational Space of China. *Uchenyye zametki TOGU* = *Scientific Notes of PNU*. 2017; 8(2): 31-34. (In Russ.)

Kharchenko B. V. Problems of Adaptation of Russian Students in Chinese Universities. *Molodoy uchenyy* = *Young Scientist*. 2018; 24 (210): 266-269. (In Russ.)

Altbach P. G. The International Imperative in Higher Education. *SensePublishers Rotterdam*. 2013; 198. DOI 10.1007/978-94-6209-338-6.

Brooks R., Waters J. Student Mobilities, Migration and the Internationalization of Higher Education. *Springer*. 2011; 196.

Cemalcilar Z., Falbo T. A Longitudinal Study of the Adaptation of International Students in the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2008; 39. DOI 10.1177/0022022108323787.

Russia and China University's students values in the context of mass open online courses. G. V. Astratova, V. V. Klimuk, N. V. Sandalova, M. R. Chashchin. *Vestnik yevraziyskoy nauki* = *Bulletin of Eurasian Science*. 2021; 13 (2).

Wagenaar T. C., Tinto V. Leaving College: Rethinking the Causes and Cures of Student Attrition. *Contemporary Sociology*. 1988; 17 (3): 414.

Wagenaar T. C. Leaving College: Rethinking the Causes and Cures of Student Attrition / T. C. Wagenaar, V. Tinto // Contemporary Sociology. – 1988. – № 17(3). – С. 414.

Winkelman M. Cultural Shock and Adaptation / M. Winkelman // Journal of Counseling & Development. – 1994. – № 73. – С. 121–126. – DOI 10.1002/J.1556-6676.1994.TB01723.X.

Winkelman M. Cultural Shock and Adaptation. *Journal of Counseling & Development*. 1994; 73: 121-126. DOI 10.1002/J.1556-6676.1994.TB01723.X.

Для цитирования: Мосиенко О. С., Боталова К. Е. Механизмы адаптации российских студентов в университетах КНР // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 202–221.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.14
EDN AIOSVS

История статьи:
Поступила в редакцию – 14.07.2025
Одобрена после рецензирования – 27.08.2025
Принята к публикации – 29.08.2025

Сведения об авторах

Мосиенко Ольга Сергеевна

Кандидат социологических наук, доцент
кафедры теоретической социологии
и методологии региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
SPIN-код: 1248-6169
AuthorID: 711700
mosienko.olga@mail.ru

Боталова Кристина Евгеньевна

Студент Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета
botalova.k.e@gmail.com

Information about authors

Olga S. Mosienko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Theoretical Sociology
and Methodology of Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
WoS. Research ID: GLN-3425-2022
mosienko.olga@mail.ru

Kristina E. Botalova

Student, Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University
botalova.k.e@gmail.com

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

**СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС
ПОЖИЛЫХ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
ДИСКУРСИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ
В РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-СМИ
(2018–2024)**

**SOCIAL STATUS
OF THE ELDERLY IN
THE CONTEXT OF DIGITAL
TRANSFORMATION:
DISCURSIVE
CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN
ONLINE MEDIA (2018–2024)**

М. И. Равчик*

Mikhail I. Ravchik*

** Санкт-Петербургский государственный
университет,
Санкт-Петербург, Россия*

** Saint-Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Цель исследования – выявить, каким образом медиатексты формируют, легитимируют и стратифицируют социальные роли и статусы пожилых людей, опосредуя их включенность в цифровую среду. Исследование акцентирует внимание на институционализированных механизмах символического распределения статусов в платформенном обществе.

Objective of the study is to identify how media texts construct, legitimize, and stratify the social roles and statuses of elderly subjects, mediating their inclusion in the digital environment. The research focuses on institutionalized mechanisms of symbolic status distribution in a platform-based society.

Методологическая база исследования сочетает рефлексивную тематическую аналитику и элементы критического дискурс-анализа, позволяя зафиксировать устойчивые тематические паттерны и проанализировать функционирование ключевых дискурсов: патерналистского, активизирующего, технократического и цифровизирующего повседневность. Эмпирическая база сформирована на основе корпуса из 36 текстов публикаций, отобранных случайным образом из 120 текстов российских онлайн-СМИ.

Methodological basis of the study combines reflexive thematic analysis and elements of critical discourse analysis, enabling the identification of stable thematic patterns and the examination of key discursive formations: paternalistic, activation-oriented, technocratic, and everyday-bureaucratic. The empirical base consists of a corpus of 36 articles selected from 120 texts published in Russian online media, with adherence to the principle of discursive saturation.

Результаты исследования показывают, что медиадискурс не только описывает цифровые практики пожилых людей, но и выстра-

Results of the study show that media discourse not only describes the digital practices of older adults but also constructs a hierarchy of status

ивает иерархию их статусных позиций. Формируются конкурирующие ролевые модели: от «объекта заботы» до «цифрового наставника» и «медиапроизводителя». Возраст перестает быть биографической константой, а становится переменной, определяемой цифровой компетентностью. Лексика, фреймы и сюжетные конфигурации закрепляют амбивалентное представление о пожилых людях как одновременно уязвимых и ресурсных акторах, легитимируя и ограничивая субъектность пожилых акторов.

Перспективы исследования включают расширение визуального анализа, углубление институционального контекста и сравнительное изучение платформенных и жанровых различий в артикуляции возрастной нормативности. Выводы подчеркивают значимость медиадискурса как институционального посредника в производстве возрастной стратификации.

Ключевые слова: пожилые люди, цифровая трансформация, медиадискурс, социальный статус, цифровая агентность

positions. Competing role models emerge, ranging from the “object of care” to the “digital mentor” and “media producer.” Age ceases to be a biographical constant and becomes a variable defined by digital competence. Lexical choices, narrative frames, and thematic configurations reinforce an ambivalent model of old age—both as vulnerability and as a resource—simultaneously legitimizing and limiting the agency of elderly actors.

Prospects of the study include expanding visual analysis, deepening the institutional context, and conducting comparative studies of regional, platform-specific, and genre-based variations in the articulation of age-related normativity. The findings highlight the significance of media discourse as an institutional mediator in the production of age-based stratification.

Keywords: elderly people, digital transformation, media discourse, social status, digital agency

Введение и теоретические предпосылки исследования

Современные социальные процессы все в большей степени организуются в логике платформенной медиатизации: государственные институты, рыночные практики и повседневная жизнь структурируются через цифровые интерфейсы, алгоритмы и данные (Castells, 1996). В российском контексте цифровая трансформация институционализируется как сквозной механизм модернизации, трансформирующий ролевые ожидания и статусные позиции (Селезнева, 2022). Социальная значимость статусов все чаще соотносится с доступом к цифровым ресурсам и способностью их осваивать, что отражается в перераспределении доступа к институциональным ресурсам – от системы социального обслуживания до электронного гражданства.

В этом контексте не менее значимым является дополнительный уровень воздействия цифрового пространства. Исследования Аналитического центра НАФИ показывают, что при общем росте индекса цифровой грамотности до 71 п. п. в 2023 году именно старшее поколение демонстрирует наиболее нерегулярные цифровые практики и чаще испытывает дефицит навыков безопас-

ного поведения в сети¹, при том что мотивация к освоению технологий у них выше, чем у более молодых, исходя прежде всего из стремления к чувству уверенности и социальной включенности².

Несоответствие между мотивацией и ресурсами делает цифровой статус пожилых людей нестабильным и подвижным, колеблющимся от образа, зависящего от образа обучаемого, способного осваивать цифровые практики. Определяющей становится не столько хронологическая возрастная граница, сколько пластичность социальной роли в условиях цифровой модернизации.

В условиях медиатизированного общества, где алгоритмическое ранжирование замещает институциональные фильтры, медиасреда становится основным пространством кодификации нормативных представлений о социальных ролях и статусах (Коломиец, 2020). Именно в ней закрепляются модели допустимого поведения и нормативные представления о социальной роли пожилых людей: через тексты, образы и фреймы устанавливается, что считать «активным долголетием», а что – социальной зависимостью. Онлайн-платформы все чаще выполняют функцию символического арбитра, особенно в гибридной модели потребления информации³.

Для пожилых людей это означает, что их социальная видимость определяется не реальным участием в общественной жизни, а тем, как образ пожилых людей текстуально конструируется в медиадискурсе. Обзоры Ipsos⁴ и НАФИ⁵ фиксируют нарастание дихотомии между двумя доминантными медиафреймами: одушевленной метафорой «серебряных волонтеров», подчеркивающей ресурсность старших поколений, и патерналистской риторикой «уязвимой группы», требующей опеки государства и семьи. Эти образы не просто описывают реальность, но дисциплинируют ее, нормируя границы допустимого участия.

¹ Аналитический центр НАФИ. Индекс цифровой грамотности – 2023: результаты ежегодного измерения уровня цифровой грамотности россиян. – Москва, 15 февраля 2024. – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovnem-tsifrovoy-gramotnosti> (дата обращения: 03.06.2025).

² Аналитический центр НАФИ. Что мотивирует россиян повышать цифровую грамотность? – Москва, 22 мая 2025 г. – URL: <https://nafi.ru/analytics/chto-motiviruet-rossiyan-povyshat-tsifrovuyu-gramotnost> (дата обращения: 03.06.2025).

³ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Тренды медиапотребления: аналитический обзор. – Москва, 6 окт. 2022 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022> (дата обращения: 03.06.2025).

⁴ Образ старшего поколения в России и в мире: доклад / Мила Новиченкова; IX Грушинская конференция «Социология образа жизни – смена парадигмы?», Research Week 2019. Москва: Ipsos, 20 марта 2019 г. – URL: <https://www.ipsos-comcon.ru/ru-ru/doklad-obraz-starshego-pokoleniya-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения: 03.06.2025).

⁵ Аналитический центр НАФИ. 57 % пенсионеров говорят, что ведут активный образ жизни. Москва, 5 апр. 2023 г. – URL: <https://nafi.ru/analytics/57-pensionerov-govoryat-chto-vedut-aktivnyy-obraz-zhizni> (дата обращения: 03.06.2025).

Дискурс-аналитическая реконструкция текстов онлайн-СМИ за 2018–2024 гг. выявляет стабильные семиотические маркеры возрастной стратификации: эвфемизмы («старшее поколение»), пассивные синтаксические конструкции и оценочные эпитеты задают статусную дистанцию. В фрейме активного долголетия доминирует риторика компетентности («обучают», «делятся опытом»), легитимирующая включенность через капитализацию возраста. В то же время патерналистский регистр сохраняется в описаниях государственной политики и нормативных документов, в то время как гражданские инициативы репрезентируют пожилых как акторов (Новикова, Брагина, 2024).

Актуальность анализа медийной репрезентации пожилых определяется их включенностью в механизмы символического воспроизводства социальной иерархии. Медиа обладают властью закреплять статусные позиции, нормируя границы возрастной легитимности. Исследования показывают, что регулярное взаимодействие с патерналистскими или уничижительными образами старости коррелирует с усилением самостигматизации и снижением субъективного благополучия пожилых респондентов (Wangler, Jansky, 2023).

В российском контексте цифровизации формируется устойчивая связь между пожилыми людьми и технологической несостоятельностью, институционализирующая возрастную дискриминацию. Городские медиаплатформы репрезентируют пожилых как неспособных адаптироваться к инфраструктуре «умного города», тем самым исключая их из гражданской субъектности и процессов цифрового созидания, что воспроизводит структурное неравенство (Карапетян и др., 2021). В условиях культурной доминанты молодости, закреплённой рекламными и политическими нарративами, медиа конструируют стратификационную триаду: когнитивная несостоятельность, эмоциональная жалость и нормативная исключённость («забота вместо участия»), выступая в качестве инструмента символического неравенства (Соколова, 2024). Эти репрезентативные практики не исчезают в цифровой среде, а получают новые формы воспроизводства в платформенных новостях как главном канале артикуляции возрастных различий. При этом исследовательский фокус зачастую ограничивается изучением цифровых компетенций пожилых и их восприятия стереотипов, тогда как сами механизмы медийного производства и нормирования этих образов остаются слабо изученными, особенно в российском контексте (Рябов, 2024; Mannheim, Köttl, 2024)¹. Игнорирование дискурсивных механизмов, через которые конструируется возрастная принадлежность, создает методологический дефицит в исследованиях цифровой стратификации. В ответ на этот вызов в рамках настоящего исследова-

¹ United Nations Economic Commission for Europe. Ageing in the Digital Era: Policy Brief on Ageing No. 26. Geneva: UNECE, 2021. 28 p. – URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-07/PB26-ECE-WG.1-38.pdf> (дата обращения: 03.06.2025).

ния сформулирован ключевой вопрос: каким образом в медиадискурсе российских онлайн-СМИ 2018–2024 годов репрезентируются социальная роль и статус пожилых людей в контексте цифровой трансформации как фонового социокультурного процесса?

Задача состоит в том, чтобы выявить, какие семантические поля, нарративные схемы и прагматические рамки используются для легитимации или маргинализации старшего поколения, и тем самым показать, как медиатексты перераспределяют статусные позиции, встраивая возраст в логику цифрового медиатизированного порядка.

Методология исследования

Исследование использует качественную стратегию, сочетая рефлексивную тематическую аналитику с элементами критического дискурс-анализа. Теоретическая рамка основана на подходе Н. Фэрклоу, в котором дискурс рассматривается как форма социальной практики, воспроизводящей властные отношения и институциональные различия (Fairclough, 1992). Это понимание опирается на традицию анализа дискурса как механизма власти и знания, формирующего субъекта и регулирующего границы социально допустимого (Фуко, 2004; 1999). Дискурс выступает не просто репрезентативной формой, но техникой институционализации и нормализации.

Материалы анализа собраны автоматизированным парсингом открытых источников российских онлайн-СМИ за 2018–2024 гг. Поисковый запрос, объединявший лексемы, обозначающие пожилых людей («пенсионеры», «пожилые», «старшее поколение», «бабушки», «дедушки») и индикаторы цифровой тематики («смартфон», «Госуслуги», «онлайн», «приложение», «цифровая карта» и др.), сформировал первичный массив из 120 публикаций (по 20 текстов на каждый год). Из этого массива затем случайным образом отобраны по шесть публикаций на каждый год, сформировав итоговый корпус из 36 текстов.

Эмпирический материал анализировался по предварительно разработанной схеме тематического кодирования с набором индикаторов (описательных кодов), структурированных по четырем аналитическим блокам (табл. 1).

Таблица 1

Аналитические блоки исследования и их интерпретация¹

Аналитический блок	Описание / примерные коды
1. Социальная роль пожилого	«ученик», «бенефициар», «обуза», «мудрый советчик», «объект заботы», «активный гражданин»
2. Тип цифрового взаимодействия	«обучение онлайн», «телемедицина», «Госуслуги», «соцсети», «мессенджеры», «платформы ЖКХ»

¹ Источник: Авторская разработка.

Окончание таблицы 1

<i>Аналитический блок</i>	<i>Описание / примерные коды</i>
3. Оценочные маркеры	«молодцы», «не успевают», «не умеют», «важно научить», «теряются», «самостоятельны», «нуждаются в помощи»
4. Тип дискурса	«патерналистский», «активизирующий», «технократический», «цифровизирующий повседневность»

Ограничения методологии

В условиях жанровой и тематической неоднородности новостного контента возможен неполный охват репрезентативных фреймов, особенно в маргинальных сюжетах, что снижает обобщаемость результатов. Проведенный анализ сосредоточен на текстовой составляющей медиадискурса, в то время как визуальные и мультимедийные компоненты онлайн-СМИ остаются вне рассмотрения. С учетом роста визуальной нормативности в цифровой среде это направление представляется перспективным для дальнейших исследований. Немаловажно также отметить, что работа не стремится к статистической репрезентативности, а ориентирована на аналитическую реконструкцию дискурсивных механизмов символического позиционирования пожилых людей в медиaprостранстве. Исследуемый корпус рассматривается как эвристическая основа для выявления устойчивых моделей смыслового кодирования.

Результаты исследования

Дискурсивные логики репрезентации пожилых людей

Анализ дискурсивных паттернов российских онлайн-СМИ (2018–2024) показал, что пожилые люди репрезентируются на пересечении двух институциональных логик – патерналистской и активизирующей, каждая из которых конструирует собственную модель нормативной субъектности. Эти логики формируют конкурирующие роли: от «объекта заботы» до «цифрового наставника», от «учащегося пользователя» до «гражданина платформенного общества». В результате статус пожилых утрачивает биографическую заданность и определяется через степень участия в цифровых процессах.

В 2018–2019 годах доминирует образ пожилого как получателя цифровых благ в логике институционального сопровождения. Через сюжеты об обучении, соцкартах и онлайн-сервисах он описывается как зависимый участник, вовлекаемый извне и адаптируемый к новым форматам, но не обладающий инициативой. Пандемийный период (2020–2021) трансформирует эту репрезентацию: наряду с темой дистанционной помощи появляется фигура пожилого как субъекта цифрового взаимодействия. Программы вроде «Московского долголетия», онлайн-клубы и дистанционное волонтерство способствуют институционализации образа активного пользователя, используя

щего цифровые инструменты для автономии, коммуникации и саморазвития. С 2022 года акценты смещаются к репрезентации пожилого как экономически легитимного субъекта цифровой среды. В медиадискурсе появляются образы наставников в ИТ, участников цифровых чемпионатов, блогеров и работников платформенной экономики. Эти фигуры формируют статус цифрового гражданина, чья социальная легитимность основывается не на возрасте или трудовых заслугах, а на способности к навигации в алгоритмической инфраструктуре – соответствии постиндустриальным нормам. Пожилой включается в логику платформенного распределения ресурсов и становится символически полноправным участником цифровой публичности.

Тем не менее сохраняется амбивалентность: наряду с образом компетентного пользователя присутствует фигура уязвимого и подверженного рискам, мошенничеству, техническим ошибкам. Эта двойственность не устраняет социальные иерархии, а переконфигурирует их: статус распределяется по шкале цифровой компетентности, замещающей возрастные различия.

Ниже представлена таблица (табл. 2), иллюстрирующая динамику доминирующих социальных ролей пожилых людей в онлайн-СМИ за исследуемый период.

Таблица 2

Динамика доминирующих социальных ролей пожилых людей в онлайн-СМИ (2018–2024 гг.)¹

Год	Преобладающие социальные роли	Примеры
2018	Объект заботы, Пользователь	Цифровые соцкарты для льгот, компьютерные чемпионаты, обучение компьютерной грамотности.
2019	Объект заботы, Пользователь	Софинансирование ПФР курсов компьютерной грамотности, обучение цифровой грамотности, цифровые кураторы.
2020	Пользователь, Активный субъект в онлайн, Объект заботы	Онлайн-занятия «Московского долголетия», электронные больничные, волонтерская помощь в онлайн-платежах.
2021	Активный субъект в онлайн пространстве, Пользователь, Объект заботы	Массовая запись на компьютерные курсы, онлайн-досуг и обучение, обязательная вакцинация для очных занятий.
2022	Активный субъект, Наставник, Цифровой гражданин, Объект заботы	Освоение платформенной занятости, инклюзивные компьютерные чемпионаты, подтверждение права на пенсию через Госуслуги, уязвимость к мошенничеству.

¹ Источник: Авторская разработка.

Окончание таблицы 2

Год	Преобладающие социальные роли	Примеры
2023	Активный субъект, Наставник, Цифровой гражданин	Компьютерные чемпионаты с фокусом на финансовой грамотности, онлайн-запись в «Московское долголетие», школа блогеров, получение городских услуг онлайн.
2024	Активный субъект, Наставник, Цифровой гражданин, Объект заботы	Подтверждение статуса по QR-коду, мастер-классы в ОК, смартфон как основа безопасности, предупреждение о мошенничестве, обучение мессенджерам.

Эволюция цифровых практик и их статусное кодирование

В 2018–2019 годах цифровые практики пожилых репрезентировались в утилитарном ключе. Акцент делался на освоении базовых инструментов: электронной почты, «Госуслуг», онлайн-оплаты и других сервисов, необходимых для доступа к государственным и медицинским институтам. Закреплялся образ «цифрового новичка», чья субъектность ограничена базовыми задачами. В 2020–2021 годах, на фоне пандемии, спектр практик расширяется: появляются сюжеты об использовании видеосвязи, онлайн-покупок, цифровых культурных программ и дистанционных клубов. В отдельных кейсах фиксируется медиаторчество – от видеомонтажа до ведения тематических страниц. Это формирует новую роль – сетевого коммуникатора, для которого технологии становятся средством социальной включенности и публичной самопрезентации. С 2022 года цифровые практики усложняются, а ролевые модели становятся более разнообразными. Наряду с базовыми навыками и коммуникацией в фокус попадают практики, связанные с экономической активностью, медийным производством и городской мобильностью. Это свидетельствует о включении старшего поколения в поля, ранее ориентированные на более молодые и компетентные в цифровом отношении группы.

Формируемые из практик образы расширяют представления о допустимых социальных ролях пожилых людей и одновременно задают внутреннюю стратификацию. Формируется шкала престижности: базовое использование сервисов маркируется как минимально достаточное, а продвинутые формы участия (создание контента, конкурсы, платформенная активность) – как статусно значимые. Цифровая компетентность становится стратификационным критерием, определяющим не только включенность, но и уровень символического ресурса (Григорьева, Биккулов, 2013). В этом контексте медиатексты не просто фиксируют расширение практик, но участвуют в перераспределении статусных границ. Возраст переопределяется как переменная, зависящая от цифровой агентности и способности конвертировать ее в социальную и символическую видимость.

Ниже представлена таблица (табл. 3), отражающая распределение типов цифровых практик в медиадискурсе за исследуемый период.

Таблица 3

Распределение типов цифровых практик в медиадискурсе (2018–2024 гг.)¹

Год	Основные типы цифровых практик	Ключевые примеры / Индикаторы
2018	Базовая компьютерная грамотность, Доступ к госуслугам, Онлайн-общение/Досуг	Компьютерные чемпионаты, электронные справки, презентации, общение и досуг в интернете, трудовая деятельность с ЦТ.
2019	Базовая компьютерная грамотность, Доступ к госуслугам, Цифровая безопасность	Обучение цифровой грамотности, регистрация на Госуслугах, использование онлайн-банков, покупки, безопасность в цифровой среде.
2020	Онлайн-общение/Досуг, Доступ к госуслугам, Онлайн-покупки, Дистанционное обучение	Занятия «Московского долголетия» онлайн, группы в WhatsApp, Zoom, Skype, заказ лекарств/продуктов, оплата ЖКХ, электронные больничные.
2021	Онлайн-общение/Досуг, Доступ к госуслугам, Онлайн-покупки, Дистанционное обучение	Массовая запись на курсы, Skype, соцсети, онлайн-платежи, видеомонтаж, работа с файлами, онлайн-экскурсии.
2022	Финансовая грамотность, Платформенная занятость, Использование смартфона, Цифровая безопасность	Финансовая грамотность в цифровой среде, освоение цифровых платформ для дохода, использование смартфона.
2023	Блогинг, Городские онлайн-услуги, Мессенджеры, Финансовая грамотность	Школа блогеров, запись в «Московское долголетие» онлайн, получение городских услуг онлайн, работа с мессенджерами, цифровой рубль.
2024	Использование смартфона как основы безопасности, Городские онлайн-услуги, Онлайн-досуг/Хобби, Цифровая безопасность	Смартфон как инструмент безопасности, mos.ru, мастер-классы в ОК, чтение новостей, банковские приложения, Госуслуги, навигация, мессенджеры.

Лексика, эвфемизмы и семиотическая стратификация

Лексика медиадискурса 2018–2024 гг. функционирует как инструмент символической стратификации, систематически переопределяя статус пожилых людей через введение новых номинаций: «серебряный возраст», «поколение 55+», «кибер-пенсионер» (динамика использования определенной лексики иллюстрирована в таблице 4). Эти эвфемистические обозначения вытесняют прямые наименования вроде «пожилые» или «пенсионеры», фор-

¹ Источник: Авторская разработка.

мируя дистанцированную, но нормативно нагруженную позицию говорящего. Лингвистическая замена не нейтральна, она вписывает пожилых людей в дискурс признания лишь при условии соответствия нормативной модели активного долголетия, где статусная легитимность обеспечивается подтвержденной цифровой компетентностью.

Таблица 4

Динамика ключевых оценочных лексических маркеров и их контекст в описании пожилых людей (2018–2024 гг.)¹

Год	Ключевые лексические единицы/фразы	Общая коннотация	Типичный контекст употребления
2018	Пенсионеры, старшее поколение, поколение 55+, полные сил	Нейтральная/ Позитивная	Обучение компьютерной грамотности, участие в чемпионатах, активный досуг, получение льгот.
2019	Пенсионеры, старшее поколение, энергичная дама, цифровой куратор	Нейтральная/ Позитивная	Обучение цифровой грамотности, освоение гаджетов, получение госуслуг, роль наставника.
2020	Пенсионеры, старшее поколение, активные пользователи, уязвимые для вируса	Нейтральная/ Амбивалентная	Онлайн-занятия, электронные больничные, помощь волонтеров, необходимость самоизоляции.
2021	Пенсионеры, серебряный возраст, студенты-пенсионеры	Нейтральная/ Позитивная	Массовая запись на курсы, онлайн-общение, дистанционное обучение, соблюдение самоизоляции, активное долголетие.
2022	Поколение X, кибер-пенсия, наименее подвержены интернет-атакам	Позитивная/ Нейтральная	Освоение цифровых платформ для дохода, участие в чемпионатах, финансовая грамотность, устойчивость к мошенничеству.
2023	Старшее поколение, цифровой пенсионер, активные пользователи, блогеры	Позитивная	Компьютерные чемпионаты, онлайн-запись на программы, получение пенсии в новом формате, ведение блогов, освоение мессенджеров.
2024	Пожилые люди, старшее поколение, бабушки и дедушки, пользователи, основа безопасности	Позитивная/ Нейтральная	Подтверждение статуса по QR-коду, мастер-классы, мобильный телефон как основа безопасности, обучение технологиям.

¹ Источник: Авторская разработка.

Семиотическая трансформация, основанная на эвфемистической лексике, формирует не только обтекаемый образ старшего поколения, но и внутреннюю стратификацию внутри самой возрастной группы. Эпитеты, связывающие пожилых людей с технологической компетентностью (такие как «продвинутый», «цифровой активный», «опытный пользователь»), задают бинарные оппозиции – активный и пассивный, обучаемый и необучаемый, включенный и вытесненный. Через эти оппозиции символически распределяется гражданская субъектность. Одни пожилые включаются в логику «умного города», другие позиционируются как нуждающиеся в адаптации и сопровождении.

Даже позитивная риторика функционирует как механизм технологической дискриминации. Похвала за цифровую активность не устраняет иерархии, а закрепляет их, формируя нормативное ожидание постоянной компенсации возрастного дефицита. Compliments, такие как «удивительно для их возраста», лишь подчеркивают идею отклонения от нормы, а не ее преодоления.

Современные исследования демонстрируют, что цифровая грамотность, таким образом, может трансформироваться из практического навыка в символический капитал, используемый как критерий социального признания и стратификационного различия (Borodkina, Sibirev, 2021). Это переопределяет статус пожилых в логике не биологического состояния, а соответствия культурно-технологическому нормативу, встроенному в медиадискурс и институциональные практики городской и социальной инфраструктуры.

Конфигурация дискурсов и институциональные рамки включенности

Анализ доминирующих медиадискурсов в 2018–2024 гг. позволяет выделить четыре устойчивых регистра, через которые артикулируется статус пожилых в условиях цифровой трансформации. Эти дискурсы не существуют изолированно, а взаимодействуют, формируя конкурирующие модели нормативного старения и институциональной включенности.

Патерналистский дискурс задает рамку институциональной заботы, в которой пожилые репрезентируются как получатели услуг и объекты регулирования. Государственные структуры (ПФР, Минтруд, ЦБ) выступают посредниками между возрастной группой и цифровыми сервисами – от соцкарт до онлайн-безопасности. В этой логике сохраняется иерархия ответственности, где пожилой зависит от государственных решений и цифровой инфраструктуры.

Активизирующий дискурс предлагает иную модель – пожилой становится субъектом ресурса и общественного вклада. Медиа подчеркивают участие в цифровых чемпионатах, проектах вроде «Московского долголетия», волонтерстве, блогинге и наставничестве. Возраст здесь воспринимается не как дефицит, а как потенциал, признание достигается через продуктивность и адаптацию.

Технократический дискурс конструирует цифровую среду как норму. Цифровой рубль, платформенная занятость и автоматизация социальных взаимодействий формируют представление о цифровом участии как обязательном. Пожилой рассматривается через призму способности встроиться в алгоритмизованные процессы, а неучастие интерпретируется как социальное выпадение.

Дискурс цифровизации повседневности фокусируется на рутинных практиках: «Госуслуги», МФЦ, банковские приложения. Он отражает микроуровень цифровой адаптации, где пожилые сталкиваются не с абстрактными нормами, а с конкретными барьерами, возникающими между технологическим идеалом и институциональной реальностью.

Дискурсивные акценты медиаполя демонстрируют временную динамику. До 2020 года доминировали патерналистский и цифровизирующий повседневность дискурсы, закреплявшие образ пожилого как подопечного и получателя услуг. В 2020–2021 гг., в условиях пандемии, усиливается активизирующий дискурс: пожилые репрезентируются как самостоятельные участники цифрового взаимодействия. Параллельно технократический дискурс начинает восприниматься как фоновая норма, встраивая цифровую среду в повседневную инфраструктуру без необходимости ее легитимации.

В результате формируются многослойные ролевые конфигурации. Один и тот же субъект может одновременно позиционироваться как зависимый, активный и адаптирующийся пользователь. Такое полифоническое сосуществование ролей выполняет институциональную функцию: демонстрация цифровой инклюзии сочетается с сохранением образа заботы, что позволяет медиа выступать символическим посредником между риторикой прогресса и социальными обязательствами государства.

Таким образом, медиадискурс не просто расширяет спектр возрастных ролей, но и закрепляет новую модель стратификации, основанную на степени цифровой включенности. Агентность в цифровой среде становится осью различения внутри возрастной группы – от базовых пользовательских практик до наставничества, блогинга и платформенной занятости. Это различие имеет не только символическое, но и институциональное значение, влияя на распределение внимания, ресурсов и возможностей представительства в публичном пространстве.

Заключение

Анализ медиарепрезентаций пожилых людей в российских онлайн-СМИ за 2018–2024 гг. показывает, что цифровая трансформация влияет не только на формы социального взаимодействия, но и на механизмы статусного позиционирования старшего поколения. Медиадискурс становится посредником между институциональными рамками (государственная политика, цифровая инфраструктура, семейные практики) и символическим порядком, в котором

принадлежность к пожилой возрастной группе утрачивает статус биографической категории и переопределяется через цифровую агентность.

На пересечении патерналистского и активизирующего дискурсов формируются новые возрастные роли – от «объекта заботы» до «цифрового наставника». Каждая из них отражает определенную степень включенности и легитимности в медиатизированном обществе. Лексика и нарративы закрепляют бинарное деление внутри возрастной группы – между теми, кто освоил цифровую среду, и теми, кто нуждается в адаптации. Эти различия приобретают институциональный вес, формируя барьеры доступа к признанию, ресурсам и публичному представительству.

Таким образом, цифровое участие становится новым стратификационным ресурсом, дополняющим или замещающим традиционные возрастные иерархии. Пожилые вовлекаются в процесс вторичной социализации, где статус определяется соответствием технологическим нормам. Это поднимает необходимость дальнейшего теоретического и эмпирического анализа цифровых переменных в исследованиях социальной структуры и возрастной стратификации, особенно в условиях институциональных сдвигов, обусловленных логикой платформенного управления.

Список источников

References

Григорьева И. А. Пожилые в мире ИКТ. Социальное включение, занятость или новая форма потребления? / И. А. Григорьева, А. С. Биккулов // Интернет и современное общество: сборник научных статей: Труды XVI Всероссийской объединенной конференции, Санкт-Петербург, 09–11 октября 2013 года / Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, 2013. – С. 123–128. – EDN SHGUXP.

Карапетыан Р. В. Техноэйджизм и техноповедение пожилых горожан: результаты российских и белорусских исследований / Р. В. Карапетыан, Е. В. Лебедева, Л. Г. Титаренко // Успехи геронтологии. – 2021. – Т. 34, № 2. – С. 311–318. – DOI 10.34922/AE.2021.34.2.019. – EDN BZEAQP.

Коломиец В. П. Медиатизация медиа / В. П. Коломиец. – Москва: Изд-во Москов-

Grigorieva I. A., Bikkulov A. S. Elderly in the World of ICT. Social Inclusion, Employment, or a New Form of Consumption? *Internet i sovremennoye obshchestvo: sbornik nauchnykh statey: Trudy XVI Vserossiyskoy ob'yedinennoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 09-11 oktyabrya 2013 goda. Sankt-Peterburgskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki* = *Internet and Modern Society: Collection of Scientific Articles: Proceedings of the XVI All-Russian Joint Conference, St. Petersburg, October 9-11, 2013. St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics. St. Petersburg: St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics. 2013: 123-128. (In Russ.)*

Karapetyan R. V., Lebedeva E. V., Titarenko L. G. Technoageism and Technobehavior of Elderly Urban Residents: Results of Russian

ского университета, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-19-011552-9

Новикова В. П. Концепт эйджизм в инклюзивном медийном дискурсе (на материале английского языка) / В. П. Новикова, О. А. Брагина // Политическая лингвистика. – 2024. – № 1(103). – С. 76–84. – EDN AFXUHF.

Рябов О. В. Возрастной дискурс в современной политике Российской идентичности / О. В. Рябов // PolitBook. – 2024. – № 3. – С. 39–59. – DOI 10.24412/2227-1538-2024-3-39-59. – EDN FLQKNT.

Селезнева А. Г. Структурно-институциональные особенности цифрового общества: теоретический аспект / А. Г. Селезнева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 2. – С. 246–248. – DOI 10.37882/2223-2974.2022.02.07. – EDN JANQTT.

Соколова И. В. Механизмы формирования социальной стигматизации в отношении пожилых людей / И. В. Соколова // Человеческий капитал. – 2024. – № 2 (182). – С. 126–135. – DOI 10.25629/HC.2024.02.12. – EDN KRJQAN.

Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с. – ISBN 5-93762-034-8.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с. – ISBN 5-93321-010-2.

Borodkina O. The Digital Capital of Social Services Consumers: Factors of Influence and the Need for Investment / O. Borodkina, V. Sibirev // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – Vol. 19, No. 1. – P. 129–142. – DOI 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142. – EDN HGKLOO.

Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and

and Belarusian Studies. *Uspekhi gerontologii* = *Advances in Gerontology*. 2021; 34 (2): 311–318. DOI 10.34922/AE.2021.34.2.019. (In Russ.)

Kolomiets V. P. Mediatization of Media. *Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta* = *Moscow: Moscow University Press*. 2020; 256 p. ISBN: 978-5-19-011552-9 (In Russ.)

Novikova V. P., Bragina O. A. The Concept of Ageism in Inclusive Media Discourse (Based on the English Language). *Politicheskaya lingvistika* = *Political Linguistics*. 2024; 1 (103): 76–84. (In Russ.)

Ryabov O. V. Age Discourse in the Contemporary Politics of Russian Identity. *PolitBook*. 2024; 3: 39–59. DOI 10.24412/2227-1538-2024-3-39-59. (In Russ.)

Selezneva A. G. Structural and institutional features of the digital society: theoretical aspect. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* = *Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law*. 2022; 2: 246–248. DOI 10.37882/2223-2974.2022.02.07. (In Russ.)

Sokolova I. V. Mechanisms of formation of social stigmatization towards older people. *Chelovecheskiy kapital* = *Human capital*. 2024; 2 (182): 126–135. DOI 10.25629/HC.2024.02.12. (In Russ.)

Foucault M. The Archaeology of Knowledge. Translated from French by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; Introduction by A. S. Kolesnikov. *Sankt-Peterburg: ITS «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga* = *St. Petersburg: Humanitarian Academy Information Center; University Book*. 2004; 416 p. ISBN 5-93762-034-8. (In Russ.)

Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Translated from French by V. Naumov, edited by I. Borisova. *Moskva: Ad Marginem* = *Moscow: Ad Marginem*. 1999; 480 p. ISBN 5-93321-010-2. (In Russ.)

Borodkina O., Sibirev V. The Digital Capital of Social Services Consumers: Factors of Influence and the Need for Investment. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* = *Journal of*

Culture / M. Castells. – Vol. 1. Cambridge (MA): Blackwell Publishers, 1996. – 556 p. (Information Age Series).

Fairclough N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 272 p.

Mannheim I. Ageism and (Successful) Digital Engagement: a proposed theoretical model / I. Mannheim, H. Köttl // *The Gerontologist*. – 2024. – Vol. 64. – № 9. – 17 p.

Wangler J. Media portrayal of old age and its effects on attitudes in older people: findings from a series of studies / J. Wangler, M. Jansky // *Humanities and Social Sciences Communications*. – 2023. – Vol. 10. – Art. 165. – 9 p.

Social Policy Studies. 2021; 19 (1): 129-142. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142. (In Russ.)

Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. Cambridge (MA): Blackwell Publishers. 1996; 556 p. (Information Age Series).

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press. 1992; 272 p.

Mannheim I., Köttl H. Ageism and (Successful) Digital Engagement: a proposed theoretical model. *The Gerontologist*. 2024; 64 (9): 17.

Wangler J., Jansky M. Media portrayal of old age and its effects on attitudes in older people: findings from a series of studies. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023; 10. Art. 165. 9 p.

Для цитирования: Равчик М. И. Социальный статус пожилых в условиях цифровой трансформации: дискурсивные конструкции в российских онлайн-СМИ (2018–2024) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 222–236.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.15
EDN AJCSAR

История статьи:
Поступила в редакцию – 10.06.2025
Одобрена после рецензирования – 19.08.2025
Принята к публикации – 22.08.2025

Сведения об авторе

Равчик Михаил Игоревич
Аспирант факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета
SPIN-код: 8471-9464
AuthorID: 1198065
mravchik1@gmail.com

Information about author

Mikhail I. Ravchik
Postgraduate Student,
Faculty of Sociology,
St. Petersburg State University
WoS. Research ID: LGY-7356-2024
Scopus AuthorID: 58682871900
mravchik1@gmail.com

УДК 009 + 316.3.05 + 929
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.16
EDN ANLBNE

Обзорная статья

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА ВАЛЕРИЯ ДЗИДЗОЕВА (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS BY VALERIY DZIDZOYEV (THE 75TH ANNIVERSARY)

В. Х. Акаев*

ORCID: 0006-0003-3817-2484

А. Н. Дьяченко,****

ORCID: 0009-0009-0166-3811

Vakhit Kh. Akayev*

Angela N. Dyachenko,****

* Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия
** Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета
*** Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

* Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia
** Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
*** South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Прошлое народов Кавказа, политические процессы, происходящие в этом регионе, всегда вызывали и сегодня вызывает интерес путешественников, лингвистов, историков, кавказоведов, осмысливавших данный регион. Одним из ярких исследователей, исследующих историю народов Кавказа, их историко-политические взаимоотношения, региональные этнополитические процессы является современный отечественный историк, политолог, юрист Валерий Дударович Дзидзоев. Его творческое наследие значительно, и оно отличает-

Abstract. The past of the peoples of the Caucasus and political processes taking place in this region have always aroused and still arouse the interest of travelers, linguists, historians and specialists in Caucasian studies who have researched this region. Valery Dударovich Dzidzoev, a modern Russian historian, political scientist, and lawyer, is one of the prominent researchers studying the history of the peoples of the Caucasus, their historical and political relationships and regional ethnopolitical processes. His creative legacy is significant, and it is characterized by the originality of his reasoning and proposed

© Акаев В. Х., 2025

© Дьяченко А. Н., 2025

ся оригинальностью рассуждений и предлагаемых решений. Научные труды В. Д. Дзидзоева основаны на новых документах, выявленных в архивах страны, их авторская интерпретация способствует адекватному осмыслению событий прошлого, рассматриваемых во взаимосвязи с современными этнополитическими процессами на Кавказе, России. Осмысление их позволяет расширить историческое самосознание читателя, рационализирует понимание современных межнациональных отношений, основ обострения, способствуют стабилизации кризисных ситуаций.

Ключевые слова: В. Д. Дзидзоев, Кавказ, история народов Кавказа, Россия, историческое исследование, научная школа, этнополитические процессы

solutions. Scientific works by V. D. Dzidzoev are based on new documents identified in the country's archives, their author's interpretation contributes to an adequate understanding of the events of the past, considered in its conjunction with modern ethno-political processes in the Caucasus and Russia. Understanding them makes it possible to expand the reader's historical self-awareness, to rationalizes the understanding of modern interethnic relations, the basics of aggravation, and contribute to the stabilization of crisis situations.

Keywords: V. D. Dzidzoev, Caucasus, history of the peoples of the Caucasus, Russia, historical research, scientific school, ethno-political processes

Валерий Дударович Дзидзоев – видный отечественный историк, кавказовед, доктор наук. 29 марта 2025 года ему исполнилось 75 лет со дня его рождения. Свой Юбилей ученый ознаменовал многочисленными научными трудами, многие из которых издаются в нашей стране и за рубежом. Он автор более 500 научных работ, среди которых имеется 30 монографий, посвященных истории, этнополитическим проблемам Кавказа, региональным межнациональным отношениям, раскрывающих различные аспекты депортации коренных народов многонационального региона в период Великой Отечественной войны.

Поступив в докторантуру Ленинградского государственного университета 1992 году, за год до ее окончания В. Д. Дзидзоев защищает докторскую диссертацию на тему «Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Кавказе». В ходе защиты докторской диссертации председатель Диссертационного совета, академик Виктор Владимирович Привалов отмечал профессионализм, целенаправленность и исключительную работоспособность Валерия Дударовича. Он подчеркнул, что соискатель ученой степени «является первым докторантом, который выходит на процедуру защиты диссертации на год раньше положенного времени». Этот значительный научный результат стал возможен в силу того, что В.Д. Дзидзоев кропотливо работал в архивах Северной столицы страны, установил творческие контакты с известными отечественными учеными, такими как академик РАН В. В. Привалов, академик РАО М. М. Дятлова, профессор В. Н. Козлов, профессор В. В. Худолей и др.

В.Д. Дзидзоев совершенствовал свою теоретико-методологическую подготовку в исследовании по отечественной истории, обучаясь у известных отечественных ученых. Осуществленные им исследования, опубликованные монографии, научные статьи отличаются фундаментальностью, выраженной научной новизной, социально-политической значимостью. Его монография «Национальные отношения на Кавказе» выдержала три издания (1995, 1998 и 2000), а тираж составил 15 тыс. экземпляров.

В СОГУ он избирается заведующим кафедрой политологии и деканом исторического факультета. До 2014 г. здесь он состоял членом Ученого совета вуза, а с 1994 по 2017 г. являлся членом Диссертационного совета по истории, с 2002 г. по настоящее время он является членом Ученого совета Владикавказского научного центра РАН.

В. Д. Дзидзоев – единственный ученый на Юге Российской Федерации, обладающий тремя аттестатами профессора по специальностям: «Отечественная история», «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии», «Теория и история права и государства». И это является осязаемым результатом широкой научно-педагогической деятельности авторитетного ученого-кавказоведа, проявившего недюжинные способности в научно-методическом изучении исторических, этнополитических, правовых проблем народов Кавказа, путей преодоления межнациональных конфликтов. Важно отметить и тот факт, что в ходе многих лет напряженной и плодотворной деятельности В. Д. Дзидзоев создал свою научную школу, подготовил 50 кандидатов и докторов наук из Осетии, Северного Кавказа, а также других регионов Российской Федерации.

Научные труды В. Д. Дзидзоева широко востребованы среди студентов, ученых, профессионалов, практиков. Целый ряд из них издавались на азербайджанском, грузинском, польском и немецком языках. Примерно в двухстах его научных работах раскрываются сложные, противоречивые, конфликтные проблемы народов Кавказа, анализируются их исторические, политические и культурные взаимоотношения. Он неоднократно принимал участие на различных международных симпозиумах, проходивших в Польше, Германии, Финляндии и в некоторых других государствах.

Научная школа историков-кавказоведов и этнополитических конфликтологов (Ведущие научные школы... 2021. С. 30–31), созданная В. Д. Дзидзоевым, стала надежной опорой не только для тех, кто вышел на защиту под его непосредственным руководством или консультированием, но и некоторых других исследователей. Несколько лет назад защитила докторскую диссертацию по социологии Н. А. Шаожева (Стеблей) из КБНИИ, научная деятельность которой сформировалась под воздействием научной школы В. Д. Дзидзоева, в 2001 году она защитила диссертацию по отечественной истории под его руководством. Научную школу В. Д. Дзидзоева прошли так-

же Наталья Нартокова (г. Нальчик), Магомедзапир Абдуллаев (г. Махачкала), Коста Дзугаев (г. Цхинвал), Руслан Куцетеров (г. Ставрополь) и другие, хотя по различным причинам он не значится научным руководителем или научным консультантом. К ним следует добавить еще 10–12 ученых, которые также фактически прошли его школу.

Оригинальной и научно-содержательной является книга «Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг.», вышедшая в 1997 г. и посвященная анализу террора на Северном Кавказе в период Гражданской войны. На второе ее издание откликнулись 11 ученых (Дзидзоев, 2000. С. 248). Так, один из самых крупных ученых России, признанный специалист по истории казачества, доктор исторических наук, профессор РГУ А. И. Козлов выступил с рецензией, в которой отметил неисследованность террора не только на Северном Кавказе, но и в масштабах страны, а саму эту работу он назвал первым исследованием (Козлов, 2000).

Очевидным показателем востребованности научного исследования ученого-кавказоведа является то, что по этой книге на исторических факультетах КБГУ, СОГУ, ДГУ, КЧГУ, в Абхазском и Юго-Осетинском государственных университетах читаются спецкурсы для студентов.

Одной из ключевых научных работ В. Д. Дзидзоева является основательное исследование «Кавказ конца XX в.: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование)», выдержавшее два издания (в 2000 и 2004 гг.). На первое издание откликнулись рецензиями 14 ученых страны, среди которых были не только представители Северного Кавказа, но также специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Что касается второго издания монографии В. Д. Дзидзоева, то она вышла в 2004 году большим тиражом, что характеризовало ее научную актуальность и общественную ценность. В журнале «Научная мысль Кавказа» (Ростов-на-Дону) в 2005 году был организован круглый стол с приглашением 13 ведущих ученых страны для обсуждения этой монографии. В нем принимали участие доктор исторических наук, профессор В. В. Трепавлов, Н. М. Емельянова (г. Москва); М. Ю. Барбашин, В. В. Черноус, Н. С. Авдулов (г. Ростов-на-Дону); А. О. Омаров (г. Махачкала); Т. И. Булыгина, Н. П. Медведев, И. Н. Кравченко, Р. М. Куцетеров (г. Ставрополь); В. А. Кузнецов, Л. И. Чибиров, В. Т. Бетанов (г. Владикавказ) и другие. Авторы высказали ценные суждения не только по монографии, но и по проблеме национальной политики и национально-государственного строительства, осуществляемого на Кавказе.

Н. С. Авдулов, профессор, директор НИИ Кавказа СКНЦ ВШ отмечал: что он «многие свои работы посвятил объективному и глубокому анализу проблем в сфере межнациональных отношений, национально-государственного строительства» (Обсуждение книги В. Д. Дзидзоева... 2005. С. 60). Профессор из Ростова-на-Дону отметил, что плодотворность и активность уче-

ного из Владикавказа его приятно удивляют, выделив особо две его солидные монографии «Национальная политика: уроки опыта» и «Национальные отношения на Кавказе», которые по три раза большими тиражами переиздавались во Владикавказе.

Руководитель группы алано-памирских исследований Института востоковедения РАН Н. М. Емельянова подчеркнула: «Автор анализирует не только грузино-осетинские отношения, но и проводит углубленное исследование отношений двух этих народов с Россией на протяжении последних трех столетий. Здесь сочетается анализ современной политической ситуации на Кавказе с глубоким знанием истории региона. Именно в истории автор находит причины и предпосылки современных межнациональных конфликтов. Уникальные архивные материалы, поднимаемые автором, рисуют страшную картину исхода с родных земель целых народов адыго-абхазской группы после Кавказской войны во второй половине XIX в.» (Обсуждение книги В. Д. Дзидзоева... 2005. С. 61–62). По ее мнению, автору удалось подготовить и издать по-настоящему уникальное исследование, отличающееся своей фундаментальностью.

Руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН В. В. Трепавлов, высоко оценивший труд коллеги из Владикавказа, констатировал: «В. Д. Дзидзоев проанализировал, как отражаются этнополитические процессы на Кавказе в современной историографии, а также на страницах печати. Достаточно солиден обзор источников. В полемике с историками Грузии, которые, по мнению автора, неверно отражают историю Южной Осетии, Абхазии, а также российско-грузинские отношения в XVIII–XX вв., приводятся интересные грузинские документы, позволяющие оспаривать их подходы; большую помощь в этом оказывают также сведения грузинских историков XVIII–XIX вв., которые приводятся в монографии. Они подкрепляются сведениями русских источников того же периода» (Обсуждение книги В. Д. Дзидзоева... 2005, С. 64).

Профессор Ставропольского государственного университета Т. А. Булыгина отмечала: «В условиях социальной и политической нестабильности, многократно усиленной эскалацией противостояния этносов и противоречий между государственными субъектами, обращение к сюжетам Кавказа вызывает неизменный интерес не только у специалистов, но и у широкого круга читателей. Надо заметить, что при знакомстве с монографией В. Д. Дзидзоева эти надежды оказываются небеспочвенными: автор – не только высококвалифицированный специалист-гуманитарий, но и глубоко заинтересованный в процветании и стабильности России и ее граждан» (Обсуждение книги В. Д. Дзидзоева... 2005. С. 65). С ее точки зрения, в решении межэтнических конфликтов В. Д. Дзидзоев предлагает собственное видение путей их предотвращения (Там же. С. 66).

Отечественный ученый-историк, профессор В. А. Кузнецов, подчеркивая значительные научные достижения В. Д. Дзидзоева, отмечал, что он «уже около 30 лет плодотворно разрабатывает проблему национальной политики и межнациональных отношений в Российской Федерации и в бывшем СССР... Второе издание, обсуждаемое сегодня... – вполне логичный, своевременный и оправданный шаг как издателей, так и самого автора. Хочу сразу подчеркнуть повышенный интерес ученых, аспирантов и студентов к научным рудам В. Д. Дзидзоева. Хорошо помню, с каким интересом расходились его предыдущие неоднократно переизданные книги» (Обсуждение книги В. Д. Дзидзоева... 2005. С. 63).

По рекомендации редакции научного журнала «Научная мысль Кавказа» В. Д. Дзидзоев дважды выступал в качестве эксперта на заседаниях Государственной Думы РФ (в 2002 и 2005 гг.). Оба раза его доклады о ситуации на Кавказе привлекали серьезное внимание политиков, ученых, ибо в них приводились интересные и заслуживающие большого внимания факты из сложной, противоречивой истории русско-грузинских и осетино-грузинских отношений.

Монографический труд «Кавказ конца XX в.: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование)» В. Д. Дзидзоева получил высокую научную оценку в анализе проф. М. М. Дятловой, признавшей в осуществленном исследовании социальную востребованность. Отмечая необходимость изучения межнациональных конфликтов и войн, их преодоления, она подчеркивала необходимость объективной оценки кавказских событий учеными, политологами. Критически оценив исследования ученых-историков, часто фальсифицирующих национальную политику и практику в нашей стране (Дятлова, 2001. С. 242), она приветствовала выход в свет качественной фундаментальной монографии ученого из Владикавказа, отличающейся точностью, объективностью изложения.

Историки, политологи, юристы, анализировавшие исследования проф. В. Д. Дзидзоева, отмечали высокий профессионализм, объективность, научность, отражения событий прошлого и настоящего на Кавказе. Надо отметить, что со своими положительными рецензиями на его работы откликнулись примерно 200 авторитетных ученых Российской Федерации. И этот факт – ключевой показатель, определяющий высокий профессионализм, основательную научную состоятельность отечественного ученого В. Д. Дзидзоева и его научной школы.

Подводя итог анализу научной деятельности отечественного кавказоведа В. Д. Дзидзоева, высоко оценивая его профессионализм, оригинальные научные достижения, их современную востребованность в научном сообществе страны, мы от души поздравляем его со славным Юбилеем и желаем долгих лет жизни и новых научных свершений.

Список источников

Ведущие научные школы. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2020. – Т. 14. – 161 с. – ISBN 978-5-91327-620-9.

Дзидзоев В. Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 годах / В. Д. Дзидзоев; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Владикавказ: Алания, 2000. – 175 с. – ISBN 5-87862-080-4.

Дятлова М. М. Кавказ конца XX в.: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование / М. М. Дятлова // КЛИО. Журнал для ученых. – Санкт-Петербург, 2001. – № 2. – С. 242.

Козлов А. И. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. / А. И. Козлов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. Гуманитарные науки. – 2000. – № 2. – С. 246–248.

Обсуждение книги В. Д. Дзидзоева «Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политическое исследование)». Изд. 2-е. Владикавказ, 2004. 359 с. // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 3. – С. 60–70. – EDN JPJIUD.

Для цитирования: Акаев В. Х., Дьяченко А. Н. Историко-политические исследования народов Кавказа Валерия Дзидзоева (к 75-летию со дня рождения) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 237–244.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.16

EDN ANLBNE

References

Leading Scientific Schools. *Moskva: Izdatel'skiy dom Akademii Yestestvoznaniya = Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences.* 2020; 14; 161 p. ISBN 978-5-91327-620-9. (In Russ.)

Dzidzoev V. D. White and Red Terror in the North Caucasus in 1917-1918. Ministry of General and Professional Education of the Russian Federation and others. 2nd ed., corrected and enlarged. *Vladikavkaz: Alaniya.* 2000; 175 p. ISBN 5-87862-080-4 (In Russ.)

Dyatlova M. M. The Caucasus of the Late 20th Century: Trends in Ethnopolitical Development (Historical and Political Research). *KLIO. Zhurnal dlya uchenykh. Sankt-Peterburg = KLIO. Journal for Scientists. St. Petersburg.* 2001; 2: 242. (In Russ.)

Kozlov A. I. White and Red Terror in the North Caucasus in 1917-1918. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova. Gumanitarnyye nauki = Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University. Humanities.* 2000; 2: 246-248. (In Russ.)

Discussion of the book by V. D. Dzidzoev “The Caucasus of the Late 20th Century: Trends in Ethnopolitical Development (Historical and Political Research)”. 2nd ed. *Vladikavkaz, 2004. 359 p. Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus.* 2005; 3: 60-70. (In Russ.)

История статьи:

Поступила в редакцию – 21.07.2025

Одобрена после рецензирования –
03.09.2025

Принята к публикации – 05.09.2025

Сведения об авторах

Акаев Вахит Хумидович

Доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
Комплексного научно-исследовательского
института им. Х. И. Ибрагимова
Российской академии наук
SPIN-код: 9304-6111
AuthorID: 256028
akaiev@mail.ru

Дьяченко Анжела Николаевна

Кандидат философских наук, старший
научный сотрудник Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета;
Ведущий научный сотрудник Южно-
Российского филиала Федерального
научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук
SPIN-код: 9213-4704
AuthorID: 316461
angelz2004@yandex.ru

Information about authors

Vakhit Kh. Akayev

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Chief Scientific Employee,
Kh. Ibragimov Complex Institute of
the Russian Academy of Sciences
Scopus AuthorID: 56530714600
akaiev@mail.ru

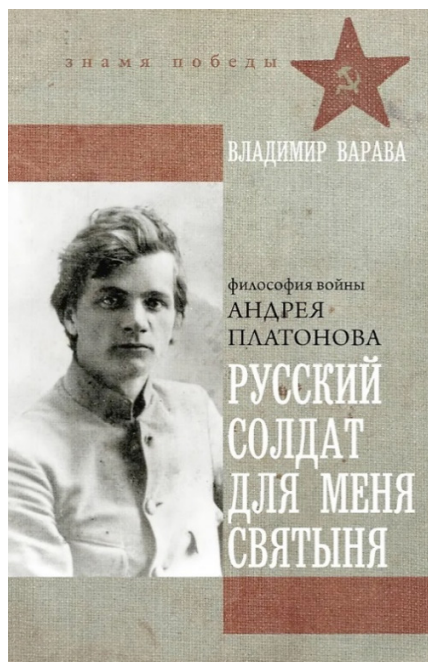
Angela N. Dyachenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Researcher, Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University;
Leading Researcher, South Russian Branch
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences
Scopus AuthorID: 57218401174
angelz2004@yandex.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.17
EDN AVPPPG

С. А. Резвушкина

**«СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»
И ЕГО ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЙНЫ:
заметки на полях книги Владимира
Варавы «*«Русский солдат для меня
святыня»*. Философия войны
Андрея Платонова»
(М.: Издательство «АСТ»;
Редакция «КПД», 2025. 384 с.)¹**

Что мы знаем об Андрее Платонове? Наверное, мы знаем достаточно – его творчество в том или ином виде исследовано, а биография написана. Мы знаем его неповторимый стиль письма, мы знаем щемящие образы его «сокровенных людей» и пугающие глубины «котлована» его прозы. Но правдиво ли это знание, полно ли оно? Пожалуй, что нет – мы знаем, если позволите так выразиться, пол-Платонова, ту «удобную» определенной части общества его половинку, которая используется для того, чтобы втиснуть писателя в прокрустово ложе антисоветского дискурса и использовать его для демонизации советского прошлого и, шире, нашей единой российской цивилизационной идентичности во всей ее трагической развернутости в истории. Но, позвольте, пол-Платонова – это не целый Платонов во всей сложности этой поистине

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

The article was prepared within the framework of the implementation of a state assignment (scientific project “Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects”, topic number: FSZG-2025-0004).

исторической фигуры! И вот первая причина обратиться к книге Владимира Варавы ««Русский солдат для меня святыня». Философия войны Андрея Платонова» – это восполнить утраченную часть и увидеть Платонова в полноте истины. Увидеть то, что «неудобно» антироссийским группам, – его военную прозу, полную подлинного патриотизма и любви к Родине.

Вторая причина для обращения к этой работе – контекст сегодняшнего дня. Специальная военная операция заставляет русского человека обратиться к самому себе, совершить акт цивилизационной самоидентификации и через нее выйти к вопросам о русских духовных и нравственных ценностях и смыслах. Что есть подвиг? Что есть жертва? Что есть милосердие? А в общем смысле – что есть русский патриот, которого дни тяжелых испытаний его Родины перековывают в русского солдата? И военная проза Платонова – это, если угодно, компендиум ответов на вечные вопросы. Сам Платонов писал об этом: *«Я думаю над тем, как еще лучше, во всенародном и всесолдатском измерении превратить нашу общую мысль, нашу философию, владеющую исторической истиной, превратить в простое, доступное всем, страстное, святое чувство, подобно молитве, чтобы оно укрепляло сердце воина и подымало на врага его руку. Это великое, нужное нам оружие, которым мы еще не овладели, как следует им владеть, чтобы скорее сдвинуть противника с нашей земли»* (Платонов, 2010. С. 227).

Третья причина для обращения – наши солдаты, которые сейчас сражаются на фронтах и усилиями которых создается наша победа. Для них чрезвычайно важна и актуальна сейчас не только тактика и стратегия, но и философия войны. Действующий офицер Донецкого общевойскового командного училища и философ Андрей Коробов-Латынцев пишет, что «для того, чтобы внутренне быть готовым к войне, надо понимать ее сущность, ее нравственное и историческое значение» (Коробов-Латынцев, 2024. С. 5). При этом, как совершенно справедливо отмечает Владимир Варавя, *«сегодняшний русский солдат, сражающийся все с тем же всемирно-историческим злом фашизма в новом неолиберальном обличье, – это достойный наследник тех воинов, о которых говорит Платонов, которые сражались на полях Великой Отечественной войны»* (Варавя, 2025. С. 25). Там самым военная проза Платонова может стать духовной опорой для современных воинов, позволить им ощутить свою преемственность героям Великой Отечественной войны и, одновременно, увидеть и осмыслить вневременность того зла, которому они противостоят и той истины, которую они защищают. Платонов выступает в качестве автора прикладной метафизики русского подвига, показывая, как духовные смыслы преломляются в пространстве реальных боевых действий. Поэтому в трех сюжетах мы постараемся составить у читателя представление об этой безусловно своевременной книге и познакомить его с тем Платоновым, которого заново открывает для нас Владимир Варавя.

Сюжет 1. Платонов как философ

Характерной чертой авторской оптики Варава по отношению к Андрею Платонову является его утверждение о философичности писателя. Укореняя его произведения в трудах Достоевского, Веневитинова, Федорова, Бердяева, Варава как бы продляет линию русской литературоцентричной философии, берущей исток в древнерусской книжности. Литературоцентричность русской философии – важный момент, поскольку признание такой формы суверенного русского философствования разбивает миф о ее «невегласии» и «вторичности» по отношению к философствованию европейскому. Русские, считает Варава, философствуют самобытно, через неразрывно-нераздельную слиянность категорий «литературного» и «философского» (Нилогов, 2016). Платонов здесь – полноправный участник русской литературно-философской плеяды мыслителей, отчасти замыкающей ее. Его философичность очевидна и неоспорима. Исследователь поэтики Платонова С. Г. Семенова писала, что философия писателя живет *«в самой фразе, в определениях и сравнениях, в речах его персонажей, часто на первый взгляд полубредовых, в героях, сюжете и композиции, в упорно навязчивых мотивах. Причем именно эти мотивы концентрируют в себе философские заботы автора, его заветные убеждения, во многом созидают особую, поражающую всех, смутно разгадываемую атмосферу его творений»* (Семенова, 2020. С. 22). Вглядываясь в творческий мир этого самобытнейшего автора, мы увидим его заинтересованность онтологией («Котлован» – это осмысление бытия-вне-времени, после крушения старого и до рождения нового, рефлексия состояния онтологической незавершенности мира), философией техники («Епифанские шлюзы» и «Ювенильное море» показывают нам технику как нечто, что спасительно для человека, но при отчуждении от души и природы может стать губительным), социальной и политической философией («Сокровенный человек» описывает собранность в условиях политической неустроенности, поиск новых форм социальности), но более всего – философской антропологией и этикой.

Да, проблема человека звучит в прозе Платонова с самого начала его творческой деятельности, но война с новой силой обратила его к проблеме человека и к проблеме человека на войне, поскольку *«поставила вопрос о смысле жизни самым радикальным и жестким способом»* (Варава, 2025. С. 58). Можно сказать, что такая постановка вопроса – вернейшая примета времени, поскольку время войны – время смысла жизни и, одновременно с этим – смысла смерти. В. Франкл писал об этом так: *«Перед лицом же смерти – как абсолютного и неизбежного конца, ожидающего нас в будущем, и как предела наших возможностей – мы обязаны максимально использовать отведенное нам время жизни, мы не имеем права упускать ни единой из возможностей, сумма которых в результате делает нашу жизнь действительно полной смысла»* (Франкл, 1990. С. 192). Война ставит человека перед смер-

тью, причем не только перед своей, но и перед смертью своих товарищей, перед смертью врагов, перед смертью людей – близких и далеких. И Платонов, проживая «опыт соборной смерти», видит, как его проживают советские солдаты и как трансформируется их прежде обыденное, мирное восприятие смерти. В этом смысле Платонов предстает перед нами как этический философ-экзистенциалист.

Сюжет 2. Платонов как этик и философский антрополог

Андрей Платонов – фигура глубоко мифологизированная, а его биографии в своих отдельных сюжетах иногда напоминают былины или сказки о героях. Можно найти рассказы о том, что Платонов, оказываясь в состоянии тяжелой болезни, пренебрегал лечением, а отправлялся на фронт – так важно для него было успеть увековечить подвиг и славу русского солдата (Андрей Платонов... 2013). И эти его поступки не были «удалью молодецкой» или «лихачеством», нет. Просто Платонов считал своим нравственным долгом успеть отразить как можно больше из жизни русского солдата, осветить его путь и даже, как он писал в одном из посланий к жене, написать ему реквием. И Варава в своей монографии доказывает, что мифологичность восприятия Платонова – не небрежность или идеологизация, но наиболее точная передача Платонова через его аффектированную нравственность, через то, что создает о нем нравственный миф (Варава, 2025. С. 10). Тем самым он задает не социально-политическую, не историософскую, но этическую оптику исследования Платонова. Платонов для Варавы – величайший этик и непревзойденный деонтолог, рождение которого продиктовано задачами эпохи: *«литература военного времени призвана служить фронту, способствовать победе. Задача писателя военного времени меняет свой ценностный знак – от эстетики к этике, от эстетического взглядывания и любования действительностью, до глубоко трагического переживания, которое открыла война во всей полноте»* (Варава, 2025. С. 31).

При этом война для Платонова как для философа экзистенциального толка представляет собой развернутую во времени «пограничную ситуацию», где человек находится в континуальном переживании коллективной смерти. Франкл, который тоже имел опыт континуального проживания коллективной смерти, писал: *«Человеку важно умереть своей смертью – “своей” в том смысле, который придавал этому высказыванию Рильке. Своей – значит, осмысленной, хотя и по-разному: ведь смысл смерти, точно так же, как и смысл жизни, у каждого свой, глубоко личный»* (Франкл, 1990. С. 152). И Варава через Платонова блестяще показывает нам, что русский солдат осмысляет смерть как в высшей степени нравственный поступок – готовность в бою умереть во имя своей Родины и во имя своего народа. Тем самым его смерть побеждается через духовный выбор – не устрашиться прекратить личную индивидуальную жизнь ради того, чтобы жил Другой, чтобы продолжалась

жизнь коллективная. Это и отличает русский экзистенциализм Платонова от западного – герои Сартра и Камю на такой нравственный жест не способны.

Монография приглашает нас осмыслить этическую антропологию Платонова, развертывающуюся на фоне войны. Главное в ней – еще довоенный образ-концепт «сокровенного человека», который можно описать как человека в состоянии онтологической заброшенности, чье экзистенциальное сиротство преодолевается не индивидуалистическим бунтом, а добровольным жертвенным служением коллективному целому, где этический выбор становится актом метафизического укоренения. Причем «сокровенность» у Платонова динамична – в довоенных произведениях она проявлялась как экзистенциальное сиротство и поиск смысла на фоне социальных преобразований, то на войне она приобретает дополнительное значение формы сопротивления тотальной дегуманизации, способом сохранения человеческого в условиях институционализированного насилия. Это сближает концепт «сокровенного человека» с концептом «*homo sacer*» Дж. Агамбена, поскольку оба они представляют собой фигуры, выведенные за пределы обычного правового и социального порядка в пространство исключительного существования, где жизнь сводится к базовым проявлениям (Агамбен, 2011). Однако если у Агамбена исключение является результатом реализации диспозитива насилия власти, создающей зону беззакония, то у Платонова эта исключенность возникает в результате резкого социального слома (ранний советский период и впоследствии война) и реализуется через добровольный экзистенциальный выбор, продиктованный коллективной этикой и направленный на служение высшей правде и народу. Таким образом, «сокровенный человек» не является пассивной жертвой системы, но активным субъектом, чье нахождение на периферии социальных структур позволяет ему обрести подлинную метафизическую укорененность в соборном бытии и этике жертвенного служения. Различие между «сокровенными людьми» Платонова и «*homo sacer*» Агамбена проходит буквально по линии фронта – фронтовая реальность у Платонова предстает как пространство тотального онтологического исключения. Это зона, где человек, как было указано ранее, систематически сталкивается с возможностью собственной смерти и смертью другого. И, как показал Варава, именно соборное проживание смерти и ее рефлексия через коллективный этос становится краеугольным камнем этического экзистенциализма Платонова. Это его «долгий смысл жизни», готовность умереть за то, чтобы жили другие, и за то, чтобы не было войны.

Сюжет 3. Платонов как «русский советский»

Война – это ситуация, в которой человеку особенно остро необходим Бог как высший нравственный образец и, если угодно, высший нравственный арбитр. Более того, *«нравственность – Бог Платонова, это вообще русский Бог – центральное понятие и ценность жизни, отличающая нашу традицию*

от всех остальных» (Варава, 2025. С. 41). И здесь интересно то, что в своей монографии Варава часто использует риторику, относящуюся к семантическим ядрам христианства. В контексте описания настоящего пламенного коммуниста Платонова это, на первый взгляд, выглядит несколько освежающе. Однако как человек, имеющий удовольствие лично быть знакомым с автором монографии, могу засвидетельствовать – это не небрежность отношения к истории, не попытка окрасить Платонова в лично-религиозные предпочтения и сделать его «третьим субъектом» в собственном разговоре с Богом. Но это выражение того экзистенциального факта, который наиболее афористично выразил певец русской экзистенции Егор Летов: *«Не бывает атеистов в окопах под огнем»*. Платонов с его особым, обостренно-онтологическим восприятием мира придавал категориям добра, любви, милосердия, жертвы, соборности и страдания глубоко метафизическое, почти что религиозное измерение, несмотря на его официальную советскую атеистичность. Его духовные взгляды могут быть описаны как причудливый, но странно-гармоничный синтез революционной утопии, народного космизма и глубинной, укорененной в русской культуре православной этики. Помещая Платонова в пространство семантических кодов христианства, Варава эксплицирует его глубинную религиозность и обнажает для читателя высшие, духовные смыслы войны.

Само семантическое пространство религиозности (латинское «re-ligare» как «заново связывать») здесь выполняет двойную функцию – с одной стороны, оно эксплицирует внутренние духовные взгляды Платонова, с другой – способствует его континуальности в русской интеллектуальной традиции, которая черпает свой исток в православной антропологии дореволюционного периода. Именно в этом ключе следует рассматривать и его сложное отношение к советской власти, которое было не критическим, а скорее онтологическим и мистическим. Варава, опровергая муссируемый постсоветскими «интеллектуалами» образ «антисоветчика», показывает, что Платонов в сути своей не критик советского, но его глубинный выразитель и певец.

Этот подход проясняет парадоксальное, на первый взгляд, отношение писателя к власти – оно подлинно христианское, библейское. Своим смиренным принятием даже самых резких и несправедливых отзывов Сталина и горячим подвижничеством на ниве военной и писательской деятельности он вольно или невольно воплощает слова апостола Павла: *«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»*¹. Можно сказать, что для Платонова советская власть была не политическим институтом, а фатумом истории, который необходимо принять и через страдание преобразить, что глубоко укоренено в русской культурной парадигме. Об этом душевном смирении свидетельству-

¹ Послание к Римлянам 13 стих 1. Библия онлайн. – URL: <https://bible.by/verse/52/13/1> (дата обращения: 30.08.2025).

ет его пронзительная заметка от 1941 года: *«Я живу, можно сказать, плохо. Жив – и ладно. Больше я ничего и не имею, только живу»* (Платонов, 2006. С. 215). Варава обращает наше внимание на смиренномудрие Платонова в этих словах и его смиренность *«самым сильным смирением подлинно русского человека»* (Варава, 2025. С. 15). Такая удивительная смиренность – воплощение сложной духовной аскезы, стоическое принятие своей судьбы как части некоего высшего, коллективного бытия фундирует Платонова в почве русской культуры не только советского, но и русского дореволюционного периода. И эта русская почва объясняет то, что хочется назвать «нутряной религиозностью» Платонова – в его языке органически существует лексика, укорененная в православном пласте. Но она всегда вплетена в ткань повествования о советском человеке – его подвигах, горестях, душевности, духовности и даже – вопреки внешнему атеизму – святости.

За счет религиозной семантики в Платонове происходит встреча русского и советского, которые иногда мыслились как противопоставленные категории, и их сплавка в формулу самого Платонова «русский советский». Тем самым Варава показывает нам, что при полном и подлинном прочтении Платонова можно осуществить в его прозе дизъюнктивный синтез, *«невероятный и немыслимый для одномерного либерального восприятия, которое не может перенести, что он советский, русский, патриотичный»* (Варава, 2025. С. 17). Можно сказать, что ценность монографии, одна из ее великолепнейших «интеллектуальных жемчужин» заключается в последовательном и полном изъятии фигуры Платонова из либерализованного дискурса и возвращении его наследия в контекст русской патриотической литературы и философии. Это исследование совершает акт «исправления имен», восстанавливая органическую связь Платонова с русской духовной традицией.

Заключение

Монография Владимира Варавы ««Русский солдат для меня святыня». Философия войны Андрея Платонова» представляет собой не просто историко-философское или литературоведческое исследование, но масштабный акт восстановления культурно-исторической памяти и возвращения ключевой фигуры русской литературы в контекст непрерывной цивилизационной традиции России. Платонов является фигурой, обнимающей собой жизнь русского офицера, рефлексивность русского философа и искренность русского военного корреспондента. *«Платонов в полной мере осуществил идею творчества “внутри войны”. Он находился в действующей армии с мая 43-го года. Бок о бок с частями Центрального, Западного, Украинского, Белорусского фронтов. Платонов – свидетель форсирования Днепра, освобождения Украины и Белоруссии, Курской битвы. Такой огромный опыт участия в войне делает его рассказы и очерки в “Красной звезде” очень ценным и значимым свидетельством о реальном состоянии боевых действий на фронтах.*

Это и есть та правда о войне, которую в дальнейшем либеральные анти-русские силы пытались исказить, замолчать, дискредитировать. И в этом смысле военное творчество – это мощный голос истины, голос правды о Великой Отечественной войне» (Варава, 2025. С. 7). Сегодня мы видим, как та же борьба за правду продолжается в информационном пространстве вокруг СВО. В этом смысле работа Варава выполняет не только академическую, но и важнейшую гражданскую функцию – она возвращает нам Платонова как мощный голос истины, голос правды не только о Великой Отечественной, но и обо всех войнах России, которые суть битвы за сохранение своей цивилизационной идентичности.

Монография, рассмотренная в данной рецензии, открывает нам Платонова как ключевого автора русской цивилизационной традиции, чье творчество оказывается необходимо именно сегодня – в момент нового исторического испытания. Опыт проживания войны и ее философская рефлексия делают Платонова не только историческим документом, но и экзистенциальным руководством для современного русского человека, стоящего перед лицом аналогичных духовных и исторических вызовов. Его военная проза становится мостом между поколениями защитников России. Варава убедительно и последовательно доказывает: Платонов – не «криптодиссидент» или один из множества рядовых писателей, но философичный, патриотичный и живой голос русской экзистенции, говорящий с нами здесь и сейчас.

Список источников

Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – Москва: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.

Андрей Платонов. Личное дело. 1899–1926 / сост. О. Ю. Алейников, М. В. Бычков; под общ. ред. Н. В. Корниенко. – Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. – 304 с. – ISBN 978-5-9904663-1-9.

Варава В. «“Русский солдат для меня святыня”. Философия войны Андрея Платонова» / В. Варава. – Москва: Издательство «АСТ»; Редакция «КПД», 2025. – 384 с. – ISBN/ ISSN 978-5-17-173244-8.

Коробов-Латынцев А. Ю. Русская философия войны / А. Ю. Коробов-Латынцев // Русская философия войны. Карманная хрестоматия для бойца / сост. А. Ю. Коробов-Латынцев. – Москва, 2024. – 88 с. – ISBN 978-5-6045413-8-8.

References

Agamben G. Homo sacer. Sovereign Power and Naked Life. *Moskva: Izdatel'stvo «Yevropa» = Moscow: Izdatelstvo Evropa*. 2011; 256 p. ISBN 978-5-9739-0202-5. (In Russ.)

Andrei Platonov. Personal File. 1899–1926. Comp. O. Yu. Aleinikov, M. V. Bychkov. General editor N. V. Kornienko. *Voronezh: Direktsiya Mezhdunarodnogo Platonovskogo festivalya = Voronezh: Directorate of the International Platonov Festival*. 2013; 304 p. ISBN 978-5-9904663-1-9. (In Russ.)

Varava V. ““The Russian Soldier is Sacred to Me”: Andrei Platonov’s Philosophy of War”. *Moskva: Izdatel'stvo «AST»; Redaktsiya «KPD» = Moscow: Izdatelstvo AST; Editorial Board KPD*. 2025; 384 p. ISBN/ ISSN 978-5-17-173244-8. (In Russ.)

Korobov-Latyntsev A. Yu. Russian philosophy of war. *Russkaya filosofiya voyny. Karmannaya khrestomatiya dlya boytsa = Russian philosophy of war. A pocket book for a fighter*. Comp. A. Yu.

Нилогов А. С. Русская литература versus русская философия (беседа А. С. Нилогова и В. В. Варавы) / А. С. Нилогов, В. В. Варавы // *Litera*. – 2016. – № 2. – С. 1–10. – DOI 10.7256/2409-8698.2016.2.18943. – EDN WAZEUN.

Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публикация М. А. Платоновой. – 2-е изд. – Москва: ИМЛИ РАН, 2006. – 421 с. – ISBN 5-9208-0002-X.

Платонов А. П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / А. П. Платонов. – Москва: Время, 2010. – 543 с. – ISBN 978-5-9691-0478-5.

Семенова С. Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова / С. Г. Семенова. – Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2020. – 624 с. – ISBN 978-5-9208-0606-2. – DOI 10.22455/978-5-9208-0606-2. – EDN AEXWAU.

Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – Москва: Прогресс, 1990. 368с. – ISBN 5-01-001606-0.

Korobov-Latyntsev. Moscow. 2024; 88 p. ISBN 978-5-6045413-8-8. (In Russ.)

Nilogov A. S., Varava V. V. Russian literature versus Russian philosophy (conversation between A. S. Nilogov and V. V. Varava). *Litera*. 2016; 2: 1-10. DOI 10.7256/2409-8698.2016.2.18943. (In Russ.)

Platonov A. P. Notebooks. Materials for a Biography. Trans. Published by M. A. Platonova. 2nd ed. *Moskva: IMLI RAN = Moscow: IMLI RAS*. 2006; 421 p. ISBN 5-9208-0002-X. (In Russ.)

Platonov A. P. There is No Death! Stories and Journalism from 1941-1945. *Moskva: Vremya = Moscow: Time*. 2010; 543 p. ISBN 978-5-9691-0478-5. (In Russ.)

Semenova S. G. The Foolishness of the Sermon: The Metaphysics and Poetics of Andrei Platonov. *Moskva: Institut mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk = Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences*. 2020; 624 p. ISBN 978-5-9208-0606-2. DOI 10.22455/978-5-9208-0606-2. (In Russ.)

Frankl V. Man's Search for Meaning: A Collection: Trans. from English and German. General editors L. Ya. Gozman, D. A. Leontiev; introduced by D. A. Leontiev. *Moskva: Progress = Moscow: Progress*. 1990; 368 p. ISBN 5-01-001606-0. (In Russ.)

Для цитирования: Резвушкина С. А. «Сокровенный человек» и его идентичность в пространстве войны: заметки на полях книги Владимира Варавы «“Русский солдат для меня святыня”». *Философия войны Андрея Платонова* (М.: Издательство «АСТ»; Редакция «КПД», 2025. 384 с.) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 245–253.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.17

EDN AVPPPG

История статьи:

Поступила в редакцию – 28.08.2025

Принята к публикации – 26.09.2025

Резвушкина Софья Александровна

Научный сотрудник Центра фундаментальных и прикладных научных исследований Департамента научной деятельности
Российского государственного гуманитарного университета,
аналитик Учебно-научного центра «Высшая политическая школа
имени Ивана Ильина» Российского государственного
гуманитарного университета

Ж. Т. Тощенко

СУДЬБЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
ДОГОВОРА В РОССИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И УРОКИ
РЕАЛИЗАЦИИ

Г. С. Широкалова

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР:
К ИНТЕГРАЦИИ ЧЕРЕЗ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ**

*Рецензия-размышление о книге
Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного
договора в России: эволюция идей
и уроки реализации»
(М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.)*

Объем монографии Ж. Т. Тощенко (844 страницы) ставит авторов отзывать перед выбором: дать обобщенную характеристику книге в целом, или выбрать наиболее актуальные с позиции рецензента разделы и, сосредоточившись на более детальном анализе отдельных эпизодов, поразмышлять вместе с автором... Но, даже предпочтя второй вариант, начнем с презентации всего научного труда.

Подчеркнем логичность структурирования содержания разделов: каждая глава включает в себя параграфы, в которых исследуются взаимоотношения с теми социальными группами, которые были наиболее социально активны и представительны в конкретный период, а, следовательно, стали либо субъектами общественного договора, либо акторами его разрушения. В заключительных параграфах глав четко формулируются просчеты и ошибки на пути реализации целей построения нового общества.

Ценность данной работы и в ее полемичности. Немногие современные авторы рискуют дискутировать в научных трудах с оппонентами, стоящими на противоположных политических позициях. Монография Ж. Т. Тощенко оценивается нами как научно фундированный учебник для желающих/умеющих выстраивать причинно-следственные связи с целью понимания объективности исторических процессов противоречивой отечественной истории XX века.

Подчеркнем методологическую особенность монографии: комплексность использования исторической/фактологической, статистической, юридической информации, обеспечивающей объективность анализа плюс включенное наблюдение за процессами конца XX – начала XXI вв. Обращаем на это особое внимание, поскольку значительная часть социологических публикаций фиксирует общественное мнение о фактах, не обосновывая причины его формирования и вероятные последствия.

А теперь перейдем к обоснованию выбора нами одного из трех разделов монографии – «Раздел 2. Этапы реализации общественного договора в России/СССР». Ни в коем случае мы не ставим под сомнение важность других: «1. Основы общественного договора: опыт историко-философского и социологического анализа» и «3. Участие социальных общностей и групп в функционировании общественного договора: достижения и просчеты».

Поясним свою позицию. События на Украине актуализировали идеологические споры о первых десятилетиях СССР в России и за рубежом. Тотальная критика советского времени объединила антагонистов – либералов, РПЦ/РПЦЗ и монархистов. Бесцензурная печать зарубежных изданий, открытие отечественных архивов и наконец, Специальная военная операция сформировали поле битвы смыслов/смыслообразов вокруг XX века для научных изданий, интернет-сообществ, «наблюдателей/«ждунов», долю и роль которых трудно преувеличить: их индифферентизм/пассивное присоединение к той или иной «партии» нередко задавало вектор истории.

Обращение к прошлому всегда помогало понять настоящее, если анализировались причины трагических событий и побед, в основе которых геополитическое положение России. Камуфляж агрессии в форме «горячей, холодной или проксиной» может быть любым, но борьба за жизненное пространство альфа и омега во все времена, в том числе и сегодня. Анализ событий столетней давности, сделанный Ж. Т. Тощенко, помогает понять как и почему выстояла Россия, на основе чего удалось объединить и мобилизовать народ на строительство принципиально нового общества.

Столетие назад Российской империи, входившей в Атланту, противостоял блок Центральных государств Европы во главе с Австро-Венгрией и Германией; после революции 1917 г. началась иностранная интервенция войск стран Четверного союза, а также стран Антанты, трагически повлиявшая на события гражданской войны. Исторические аналогии всегда условны, но они помогают выявить закономерности, проявляющиеся в сегодняшнем противостоянии России и объединенного Запада. Анализ Ж. Т. Тощенко тех событий не только иллюстрирует гибкость внешней и внутренней политики большевиков, обеспечивших мобилизацию народов для спасения России/СССР, но и подталкивает к поиску решений проблем дня сегодняшнего.

Внешняя канва такова: и тогда, и сейчас Россия оказалась недостаточно подготовленной к войне/СВО. И тогда и сейчас нужны ускоренная индустриализация и развитие сельхозпроизводства. И тогда, и сейчас экономическое состояние зависит от позиции иностранного капитала. И тогда, и сейчас частный капитал наживается на поставках техники, продовольствия. И тогда и сейчас действует иностранная агентура. И тогда, и сейчас значительна эмиграция из России «правлящего сословия». И тогда, и сейчас немало внутренних коллаборационистов и «ждунов». И тогда и сейчас стоят задачи преодоления посттравматического синдрома. И тогда и сейчас нужен поиск диалога с пограничными государствами...

Нередко исторические параллели используются для доказательства того, что Россия, даже оставшись одна, без союзников, в самых сложных условиях побеждала. Но есть решающее отличие, и его доказательно аргументирует Ж. Т. Тощенко: «В период гражданской войны образ нового человека сначала выступал в виде преданного идеалам происходящей революции человека-воина, борца против эксплуатации, против буржуазии и защитников царизма. Образцом, особенно для молодежи, стал человек, с оружием в руках отстаивающий гуманистические, по сути, социалистические идеи и ценности, и готовый добиваться их реализации» (Тощенко, 2025. С. 185). На этом идеале основывался общественный договор большинства населения с новой властью. Современные социальные сети «глобального сообщества» предлагают идеал противоположного свойства, основанного на современном «европейничаньи», индивидуализме и отчуждении, и тоже готовы сражаться за него до победы.

Ностальгия по советскому времени, фиксируемая в социологических/политологических исследованиях, обнажает проблему поиска направлений модернизации общественного договора, в том числе через изучение прошлых практик, проведение параллели между послереволюционной ситуацией в стране и современной Россией. Ищущие основы для трансформации Российской Федерации в соответствии с запросом разных социальных групп на более справедливое социальное устройство, нередко уповают на возвращение в «мирную жизнь» участников Специальной военной операции, возрождающей понятия товарищества и ответственности за семью, страну. Есть ли для этого основания? В определенной степени, да: послереволюционная Россия была полна острых социальных противоречий между классами, сословиями, этносами и внутри них, основывавшихся на «многообразности» желаемого будущего, и вернувшиеся с фронтов солдаты, войдя в органы власти, определяли формы общественного договора на основах равенства и справедливости, как его понимало большинство. Это сформировало единство большинства народа к началу Великой Отечественной войны.

В главе «Возникновение нового общественного договора в 1917 г.» Ж. Т. Тощенко приводит таблицы «Предложения политических партий о ре-

шении основных проблем, в урегулировании которых был в первую очередь заинтересован народ», объясняющие массовость поддержки большевиков (Тощенко, 2025. С. 112–119). Сложность выбора партий/движений известна со школьной скамьи из «Тихого Дона». В стране практически нет вертикали власти, а крестьяне, составлявшие около 80 % населения, записываются то в Белую, то в Красную армию не из-за пламенных речей таких ораторов, как Л. Троцкий, а потому что через собственный опыт приходят к выводу с кем можно достичь главных/витальных для себя целей. Многое в психологии этих людей проясняет кинохроника тех лет: фильм Д. Вертова «История Гражданской войны»¹ хорошо передает напряженную атмосферу жертвенности тех лет.

После окончания гражданской войны потребовался иной образ/образец человека: «как строить социализм и определять его политическое лицо. Не было единства, что (и это нашло отражение в существовании различных политических ориентаций и фракций) и в самой партии большевиков» (Тощенко, 2025. С. 228). Дискутируя с оппонентами на тему о выполнении большевиками обещаний «Земля – крестьянам. Фабрики – рабочим», Тощенко подчеркивает, что главное программное требование было «Власть – Советам». Власть была передана Советам, что отразилось даже в стилистике тех лет. Слово «советский» широко используется по отношению к людям, событиям, указывая на акторов принимаемых решений (Тощенко, 2025. С. 127). Конечно, сложность/противоречивость социальной структуры власти определяла состав Советов на разных уровнях, степень/уровень реализуемости ими программы преобразований страны.

Дискуссии шли в производственных коллективах и партийных ячейках, в местных Советах и в ЦК РКП(б), на конференциях, съездах, женсоветах, в комсомольских, профсоюзных организациях... (Тощенко, 2025. С. 229–237). Следуя логике автора, подчеркивая силу его аргументации, в ряде случаев дополним ее. Многофакторность новой жизни в обществе, в котором еще вчера соседи смотрели друг на друга через «прицел винтовки», порождала утопизм целей, амбициозность предложений, разочарование реалиями. Жесткость решений в этих условиях была неизбежна. Среди них переход к НЭП, чистка партийных рядов, ускорение индустриализации и коллективизации... Соотношение издержек и положительных результатов укрепляло общественный договор.

К аргументам Ж. Т. Тощенко добавим: высота/эффективность «вертикали власти» и в дореволюционное время, а тем более в первое послереволюционное десятилетие, ограничивалась безбрежностью России, техническими возможностями и характеристиками местных кадров. Они, как правило, были

¹ История гражданской войны (фильм, 1922) смотреть онлайн бесплатно в хорошем HD качестве. – URL: <https://premier.one/show/istoriya-grazhdanskoj-vojny> (дата обращения: 15.07.2025).

«одной крови» с теми, кто их выбирал. Исключение из правил вводила земская реформа 1864 г., предполагающая, напомним, имущественный ценз для избираемых крестьян. Но даже им было сложно установить «контакт» в земской управе: взаимоотношения между «белой и черной костью» наглядно иллюстрируют гравюра «Земское собрание в провинции» К. Трутовского (1865), картина Г. Мясоедова «Земство обедает» (1872 г.). Мы специально отсылаем к эмоциональным свидетельствам современников: понятийный язык ученых утрачивает нюансы состояний/переживаний участников событий тех лет.

Ценность Земской реформы в том, что она зародила мысль: «сход» через делегатов может управлять не только деревней, но и уездом, губернией, страной. «Два мира» встретились в Государственной Думе: фотографии депутатов тех лет в Таврическом дворце подтверждают: у каждого сословия свои цели, что и обусловило роспуски Николаем II Думы.

Иная ситуация возникла после революций 1917 г. Не дожидаясь Учредительного собрания, крестьяне в деревнях решали в зависимости от количества земли как ее делить: по едокам или работникам, учитывать ли вновь приехавших, а в полках – брать ли на свой кошт священников или обойтись без них... Не все были довольны вердиктами «сходов/советов» разного уровня. От имени ущемленного меньшинства тоже писалась отечественная история через восстания, агентурную работу в России/СССР и за рубежом, саботаж, а затем отражалась в научных трудах ученых, мемуарах военных, романах писателей, в дневниках и письмах...

В стране не было условий для немедленной реализации всех программных документов, в том числе, из-за вековых корешков социал-дарвинизма (явление, как известно, появляется раньше, чем получает название), которые в принципе отрицали равноправие привилегированных сословий с большинством населения. Желание отмены частной (!) собственности на землю и распределения ее между работниками было «генетическим кодом» крестьянства, но таким же «кодом» было сохранение помещичьих, удельных, монастырских земель и привилегий у других сословий.

Доказывая объективность исторических событий начала XX века, Ж. Т. Тощенко справедливо отмечает, что многие авторы, пишущие о них, игнорируют процессы общественного сознания (Тощенко, 2025. С. 133). Автор показывает разницу запросов даже в рамках одной социальной группы и, следовательно, их противоречивость и нередко ситуативность. Доказательность в подборе аргументов свидетельствует о сложностях модернизации культурных координат повседневности.

Например, анализируя позицию РПЦ, Ж. Т. Тощенко обращает внимание на высказывание будущего патриарха Алексия I (1877–1970) в годы Октябрьской революции. Он «в своих суждениях отразил отношение религиозных деятелей к событиям этого времени – ему претила политическая активность

народа: “чувствуется власть толпы... банда солдат, евреев... чернь господствует”, “какие-то Марфы-коровницы фигурируют”, “шайки хулиганов грабят”, свершилось “вторжение варваров” ... “бывший семинарист, тупой, с хулиганскими наклонностями”, “препротивный гонц-солдат... с наглой физиономией” и “какая-то баба”, что “разливает чай, – словом, нечто ужасное”. И вывод: “До чего хам русский человек”» (Тощенко, 2025. С. 136–137).

В 1917 г. С. В. Симанский (будущий Алексей I) мировоззренчески сформировавшийся сорокалетний человек; родился в семье камергера из старинного псковского дворянского рода, обучался в привилегированных учебных заведениях, успешен в карьере, боролся с обновленчеством, о котором речь пойдет ниже. Не просто людям такого статуса давалось изменение/маскировка (?) отношения к «черни». В данном случае патриотическая позиция во время Великой Отечественной войны сказалась на его карьере.

Впрочем, у РПЦ сложно складывались отношения и с Временным правительством. К месту сошлемся на С. Е. Кургиняна: «Возникает вопрос и о святости той монархии, по отношению к которой церковь совершила неслыханное предательство, упав ниц перед Временным правительством. Тут ведь одно из двух – либо монархия была недостойна длить свое существование, и тогда церковь, предав ее, поступила правильно. Либо монархия была «сущностно позитивной». Тогда церковь, проклиная ныне антимонархичность большевиков, совершила в 1917 году такой грех, который... Белинский сказал по сходному поводу в письме к Гоголю: «...не осмелюсь продолжать далее»¹.

Члены Священного Синода, «присягнув» ему 9 марта после отречения Николая II и Великого князя Михаила, не ожидали столь стремительной отмены государственного финансирования церкви, привилегий, влияния на систему образования и т. д.² Противников этих изменений среди большинства населения не было: утрата доверия к церковным иерархам-никонианам началась намного раньше. В конце XIX века раскол в РПЦ оформился как обновленческое движение, выступавшее за «республиканскую форму государственного устройства», синодальную форму церковного управления, «независимость церкви от светской власти», выборность клира, передачу «земли крестьянам, фабрик рабочим», модернизацию церковного устройства, право на брак «черному духовенству», сокращение времени богослужений, «перевод литургии на русский язык»... Радикальная программа обновленцев не была поддержана большинством верующих (Зуев, 2006. С. 713–714).

Одно дело скептицизм по отношению к священству, другое – изменение повседневной практики обращения к богу. Кризис в РПЦ, сопровождавшийся

¹ Кургинян С. Е. Крутой поворот // ИА Красная Весна. – URL: https://rossaprimavera.ru/article/e1704bd7?utm_source=widget (дата обращения: 15.07.2025).

² Федоров В. А. Временное правительство и его вероисповедная политика. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/155432.html> (дата обращения: 15.07.2025).

массовым переходом приходов из одной «юрисдикции» в другую и обратно, усилил отторжение от нее, как социального института, что проявилось в закрытии храмов, переоборудовании их под светские учреждения, в судьбах священников и т. д. Логичен вопрос: почему эти решения светской власти не вызвали религиозных восстаний/самосожжений и т. д., как это было после реформы патриарха Никона? Реформа Никона совпала во времени с принятием Соборного уложения и ряда связанных с ним законодательных актов, затронувших интересы всех сословий: ужесточение крепостного права, ограничение места жительства посадских людей, введение законодательной защиты прав иноземных оптовых продавцов в кредитных отношениях с русскими людьми, отмена местничества... Необходимые для развития государства светские реформы ущемляли права большинства и дали «земные» основания для анафемы и Никона, и государя всем сословиям. В послереволюционное время на фоне снижения религиозности населения появление возможностей удовлетворения жизненных потребностей было значимее ущемления религиозных. И в XVII, и в XX вв. «бытие» большинства определяло сознание... Кстати, часть старообрядцев поддержала свержение Николая II и, крепко держаась за старые обряды, стала сотрудничать с новой властью.

Потребность в духовном утешении свыше возрастает в годы лихолетья: процесс утраты авторитета церковью переориентировал верующих на «семью как малую церковь», поскольку ею закреплялись основные координаты бытия. Позиция обновленцев в большей степени соответствовала светской политике ВКП(б), но в очередной раз приоритет власть отдала позиции большинства. История не знает сослагательного наклонения, но, вероятно, поддержи народ обновленцев, отношения светской власти и православной церкви складывались бы более гармонично.

Запрещение современной Конституцией РФ государственной идеологии стало удобным оправданием отказа от честного/явного предложения стране образа будущего, но не от латентного его формирования властью. В частности, провозглашение православия культурным достоянием России, что объясняется выполнением РПЦ на протяжении тысячелетия роли государственного пропагандиста, дало ей карт-бланш на выполнение с политического заказа в этот раз на критику советского времени с позиции образа современной церкви-мученицы, как аналога мученичества первых христиан при императоре Нероне. Это явно видно в передачах ТВ «Спас», радио Нижегородской митрополии «Образ» и др. Напомним выступление Г. А. Зюганова в Госдуме в 2025 г.: «Все должны помнить, что Президент сказал ... о великом советском народе, о великом советском подвиге. Нам надо научиться это выговаривать. Пора соединить воедино нашу великую историю, выдающийся советский опыт и сегодняшнюю политику! ... Но порой на телеканале “Спас” можно увидеть таких антисоветчиков, каких

и во времена Ельцина не было. А ведь это вопрос единства, без которого никто не добивается никаких побед»¹.

Подробно анализируя процесс реализации программных положений большевиков, Ж. Т. Тощенко делает вывод, что он «протекал неоднозначно, противоречиво, нередко с большими издержками, но ... понимание советской властью процессов, происходящих в глубинных пластах сознания народа, позволило использовать объективные и субъективные условия для формирования общественного договора между народом и пришедшей к власти новой политической силой» (Тощенко, 2025. С. 131).

Эпиграфом для главы «Первое испытание. Военно-политическая основа общественного договора» Ж. Т. Тощенко выбрал цитату из букваря 1919 г. для взрослых: «Рабы не мы. Мы не рабы». В букваре в пятидесятых годах тоже были эти слова, разделенные на слоги. Сегодня в первом классе на первом уроке детям рассказывают о правах ребенка. Разница установок очевидна: «мы не рабы» ориентирует на коллективизм, в современной России приоритет отдан индивидуализму.

Уже отмечалась большая информационная база монографии. У каждой главы около шестидесяти источников, среди которых публикации и «за белых», и «за красных». Автор сам работал в Центральном архиве Октябрьской революции (ныне Государственный архив), что позволило ему подтвердить, что документы, письма, резолюции «отражали невообразимый kaleidoscope различных мнений, суждений, предложений. ... Иначе говоря, в этот период был бурный поток самодеятельности, отражающий как вполне разумные идеи, так и всевозможные импровизации, и даже откровенную отсебятину, и произвольные мечтания. Но именно этот представленный простор для творчества даже при решении “мелких” проблем побудил людей склониться в поддержку новой власти со всеми вытекающими отсюда особенностями применительно к реальным их заботам и тревогам. Все это, в конечном счете, привело к тому, что большевики таким отношением к творчеству народа склонили большинство людей к поддержке советской власти» (Тощенко, 2025. С. 153–154). В активном деятельном и корреспондентском сотрудничестве с властью и утверждалась установка – «рабы не мы».

Ценность монографии и в том, что она возвращает в научный оборот малоизвестные исторические факты. Например, широко дискутируется информация о «философском пароходе» 1922 года. Но в 1919 г. в Россию было выслано из США «249 человек на пароходе “Buford”, названном “советским ковчегом”. И таких акций было несколько, в результате которых из США были депортированы более 500 человек, в том числе и иностранные граждане, и более 20 тыс. были арестованы как сторонники социалистиче-

¹ Зюганов Г. А. Разгромить фашистский интернационал! – URL: <https://sovross.ru/2025/01/29/razgromit-fashistskij-internacional> (дата обращения: 15.07.2025).

ских идей, активисты коммунистических, социалистических и профсоюзных организаций» (Тощенко, 2025. С. 254). Впрочем, ссылка/высылка во время военных действий стара как мир. Например, из Латвии в 1914 г. были высланы местные немцы, о настроениях которых говорит то, что на вокзале в Риге цветами встречали военнопленных германцев (Курлов, 1992. С. 207). Взять с собой им разрешалось не более 30 фунтов багажа на каждого.

Отношение автора к эмиграции интеллигенции отрицательное. Он считает ее «просчетом по отношению к тем творческим силам, которые имели свое особое мнение по отношению к официальной политике и хотели, чтобы с ними и их мнением считались, но не на поле вооруженной борьбы, а в ходе дискуссий, обсуждений, нахождения взаимоприемлемых точек зрения» (Тощенко, 2025. С. 255). Но возможна и иная оценка. Однажды на семинаре студентка сказала так: «Вместо того, чтобы страну строить, они сбежали, где было им лучше». А в-третьих ... Уехать в силу финансовых и др. причин могли не все, а о позиции иных оставшихся свидетельствуют публикации 1990-х годов, ставившие цель показать, как широко было сопротивление советской власти. Прочитируем письмо 1921 г. М. А. Горького В. И. Ленину: «С некоторого времени я убеждаюсь, что у нас, на Советской Руси, хитроумно и ловко действует некая черная, но невидимая жульническая рука. Ее работа чувствуется всюду, где начинает удачно развиваться какое-либо серьезное, хотя бы и маленькое дело. Действия этой руки я вот уже два года с лишком – наблюдаю на работе Экспертной комиссии. ... Честный писатель, не способный на хулу и клевету по адресу Совправительства, А. А. Блок умирает от цинги и астмы, его необходимо выпустить в Финляндию, в санаторию. Его – не выпускают, но, в то же время, выпустили за границу трех литераторов, которые будут хулить и клеветать. Я знаю, что Соввласть от этого не пострадает, я желал бы, чтоб за границу выпустили всех, кто туда стремится, но – я не понимаю такой странной политики: она кажется мне подозрительной, нарочитой.

...Госиздат упорно отвергает представляемые мною рукописи лучших наших ученых, а сам издает переводы старинных, уже потерявших научное значение книг. ...Госиздат не взял к изданию книжку Златогорова “Что такое холера”, не взял “Наставления санитарам и дезинфекторам” и ряд нужнейших учебников. Несмотря на то, что 26-го апреля комиссия ЦК РКП утвердила договор Гржебина с Госиздатом, обязав последний установить в недельный срок список книг, тираж и цены – Госиздат тянул это дело несколько месяцев, а теперь отказался исполнить постановление Пленума ЦК. Самое постановление не выдано мне и – потеряно Госиздатом, потеряно ЦК. Все это – странно, согласитесь. ... Таких свидетельств – десятки» (Власть... 1999). Так может хорошо, что некоторые уехали?

Показательна переключка с днем сегодняшним: явный и тайный коллаборационизм, саботаж указов и постановлений, эфемерность призывов сле-

дования традиционной культуре при отсутствии нравственной цензуры в СМИ... Надо ли продолжать список?

Как известно, в научной работе побеждает объективность фактов. Только они обеспечивают убедительность позиции автора. А фактами монография богата, что дает основания согласиться с выводом Ж. Т. Тощенко: «...несмотря на ошибки, просчеты и пороки политики, большинство населения постепенно во все большей мере включилось в реализацию общественного договора, который на данном этапе стал соединять рабочих, общинное крестьянство, все социальные группы и общности вокруг идеи «социальной солидарности как незыблемой основы социалистического мировоззрения» (Тощенко, 2025. С. 260–261).

Ж. Т. Тощенко справедливо указывает на роль кино в создании образа будущего. На наш взгляд, очень показателен «Светлый путь» Г. Александрова, который подсказывал стратегию жизни каждому: в прошлом малограмотная деревенская девушка будет депутатом и Верховного Совета, если она учится, передовик производства, рационализатор, общественник. Киногерои советских фильмов становились образцом для подражания, задавали координаты успеха и уважения.

Коренное переосмысление своей позиции – удел не многих: ни в чем человек так не талантлив, как в искусстве самооправдания. Но и для убежденных «левых» и «правых» данная монография даст много поводов задуматься о глубине собственной аргументации, о путях/способах поддержания общественного договора в Российской Федерации между социальными группами с разными идеалами после окончания СВО. Уроки прошлого – это не самоуспокоение на тему «были времена и потрагичнее», а нить Ариадны для поиска оптимальных решений.

Пожелаем монографии широкой аудитории.

Список источников

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. Москва: МФД, 1999. – 872 с. – (Россия. XX век. Документы) – ISBN 5-85646-040-5.

Зуев Ю. П. Обновленчество в русском православии / Ю. П. Зуев // Религиоведение: энцикл. слов. / [сост. и общ. ред.: Забияко А. П., Красников А. Н., Элбакян Е. С.]; под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – Москва: Акад. Проект, 2006. – 1254 с. – ISBN 5-8291-0756-2 (В пер.)

References

Power and the Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – A-UCP(b), VChK – JSPA – PCoIA on Cultural Policy. 1917–1953, Ed. by Academician A. N. Yakovlev; compiled by A. Artizov, O. Naumov. *Moskva: MFD = Moscow: IFoD*. 1999; 872 p. Russia. 20th century. Documents. ISBN 5-85646-040-5. (In Russ.)

Zuev Yu. P. Renovationism in Russian Orthodoxy. Religious Studies: Encyclical Words. Compiled and general editors: Zabyako A. P., Krasnikov A. N., Elbakyan E. S. edited by A. P. Zabyako, A. N. Krasnikov, E. S. Elbakyan. *Moskva: Akad. Proyekt = Moscow: Acad.*

Курлов П. Г. Гибель Императорской России / П. Г. Курлов. – Москва: Современник / По изданию: Курлов П. Г. Гибель Императорской России. – Берлин, 1923. – 360 с.

Project. 2006; 1254 p. ISBN 5-8291-0756-2. (In Russ.)

Kurlov P. G. The Fall of Imperial Russia. Moskva: Sovremennik = Moscow: Contemporary. According to the publication: Kurlov P. G. The Fall of Imperial Russia: Berlin. 1923; 360 p. (In Russ.)

Для цитирования: Широкалова Г. С. Общественный договор: к интеграции через дифференциацию. *Рецензия-размышление о монографии Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации»* (М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.) // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 254–264.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.18
EDN BLNAAY

История статьи:

Поступила в редакцию – 23.07.2025

Принята к публикации – 05.09.2025

Широкалова Галина Сергеевна
Доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. К публикации принимаются работы, ранее нигде не опубликованные.

Рекомендуемый объем статьи – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами, или 18–20 страниц машинописного текста).

Текст статьи должен быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники.

Языки публикаций: русский, английский.

Информация на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью)
Научная степень, звание, должность
E-mail:
Тел.
Аффилиация
Название организации
Город
Страна
Аннотация (объем от 200 до 300 слов)
Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе
Ключевые слова
Ключевые слова разделяются точкой с запятой
Основные положения
Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка

Информация на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке
Научная степень, звание, должность
E-mail:
Тел.

Аффилиация на английском языке <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация на английском языке (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Статья должна быть написана в соответствии с международным форматом **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

Введение (Introduction)	Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования
Методы (теоретические основы) (Materials and Methods (Theoretical basis))	Как изучалась проблема?
Результаты (Results)	Каковы основные результаты? Результаты исследования, без интерпретаций
Обсуждение (Discussion)	Что означают полученные результаты? Интерпретация результатов исследования и других связанных с ним материалов. Значение наблюдаемого мнения для цели исследования
Заключение (Conclusion)	Обобщите результат и его значение, последствия и практическое применение исследования, рекомендации

Благодарности (Acknowledgments)	Не обязательно
Список использованных источников (References)	На русском и английском языках

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. Р. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках – после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А. Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г. И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>.

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. 224 с.

Оформление русскоязычной литературы в REFERENCES

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом [http:// www.translitteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/](http://www.translitteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/) для перевода русскоязычного текста на латиницу:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- перевод названия работы;
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES

КНИГИ

Автор (год издания). *Заглавие*. Место издания: Издательство.

Marshak, A. L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (год издания). *Заглавие*. *Название журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G. I. (2005). Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие (год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (год издания). *Заглавие*. (Doctoral Dissertation, университет, город).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (год издания). *Заглавие*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство.

Belyaeva, L.A. (2005). Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (год издания). *Заглавие* // Название конференции: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia // Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Свободная цена
Фотоматериалы из открытых источников

Сдано в набор 28.10.2025. Подписано в печать 30.10.2025
Дата выхода в свет 30.10.2025
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 21,94
Формат 70×100 ¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 10190

Издатель ООО «ОМЕГА-ПРЕСС»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького,
д. 102, офис 1, ком. 7. тел. 8 (863) 219-97-25

Отпечатано в Отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1,
тел. (863) 243-41-66